

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

4' 2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSE.RU/ESLI

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО
НЕДОТЁПА

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
ДЖОН МОРРИССИ

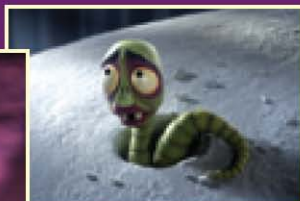
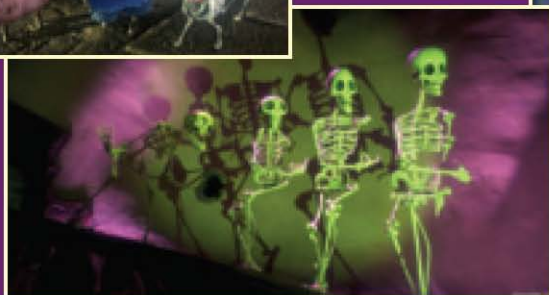
МАРИЯ ГАЛИНА:
ОКЛИКИ ЧЕРЕЗ
ГРАНИЦУ

Отчет о проделанной работе

новый фильм Тима Бартона

Сотворение чудовища

Франкенштейны
на экране

О многом понемногу

кинорецензии

Читайте раздел ВИДЕОДРОМ

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ШЕКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

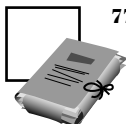
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат»,
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36,
E-mail:marketing@chpk.ru

Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

77 **Сергей ЛУКЬЯНЕНКО** **НЕДОТЁПА**

Если вас внезапно лишили будущего герцогского трона, не спешите отчаиваться: может, вас ждет что-нибудь поприличнее.

3 **Джон MORРИСС** **СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА**

Опытному волшебнику не впервой вершить чудеса. Однако именно это дело оставило в его душе чувство глубокого удовлетворения.

23 **Святослав ЛОГИНОВ** **ГИБЕЛЬ ЗАМКА РЭНДОЛ**

Пиромания на службе черной магии.

59 **Генри Лайон ОЛДИ** **ТУРНИР В БЛЕЗУА**

...состоялся между старым колдуном и его молодым да ранним учеником. Все предусмотрел пронырливый юноша, не учел лишь одного...

185 **Мадлен РОБИНС** **ПОДАРОК**

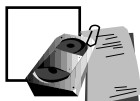
Приходите, дядя-гномик, нашу детку показать.

211 **Николай ПОЛУНИН** **ДОМОВИНА** **С ПРИВИДЕНИЯМИ**

Деревне Василёво далеко до славы Нью-Васюков. Пока...

223 **Алексей КАЛУГИН** **«ЛИТЕРНЫЙ»**

Даже на объекте повышенной секретности не чураются исконно русского бартера.

167 Дмитрий БАЙКАЛОВ
РЕЗЮМЕ

У великих и резюме великое.

174 Василий МИДЯНИН
ДУША МОНСТРА

Как выясняется, она — потемки.

169 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Ударим по вампирам всей мощью кинематографа!

253 Мария ГАЛИНА
ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА КИБОРГА

Фэнтези и НФ готовы к объятиям.

265 Виталий КАПЛАН
СУВОРОВЕЦ В ХОГВАРТС
ПРИНЕС ПУЛЕМЕТ...

«Бей магов, спасай Россию!» — призывает автор одной подростковой книги.

270 ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ

На этот раз нашим экспертам пришлось высказать свои соображения по очень щекотливому вопросу.

287 Евгений ХАРИТОНОВ
СЛОМАННАЯ ТАБАКЕРКА

Через полтора века городок князя Одоевского опустел.

257 РЕЦЕНЗИИ

В сущности, рецензенты — те же лощманы...

298 КУРСОР

Филипа Дика украли! Артур Кларк как футуролог. Научная награда Джорджу Лукасу. НФ-журнал на вкус и на слух.

273 «БАНК ИДЕЙ»

Читателей ждут варианты ответов, решение автора — и грустное сообщение жюри конкурса.

295 Александр ГРОМОВ
ПОДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА

Популярный фантаст весьма доволен результатами очередного интернет-голосования.

300 ПЕРСОНАЛИИ

Большинство авторов номера — давние знакомые наших читателей.

Д Ж О Н М О Р Р И С С И

СРЕДИ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ЯСНОГО НЕБА

Наступила и миновала полночь. Принцесса дремала над книгой заклинаний. Спот что-то делал в подвале, оттуда время от времени слышался приглушенный стук, лязг и звяканье. Кедригерн боролся с усталостью, досматривая последние страницы захватывающей кровопролитной хроники. Вокруг дома и внутри — за исключением каких-то хозяйственных занятий Спота и шелеста переворачиваемых страниц вперемежку со сдавленными зевками Кедригерна — было тихо.

Внезапно в дверь трижды постучали, и Кедригерн сразу очнулся. Стук был не властным, но мягким, почти тайным. Кедригерн подождал минуту, прислушиваясь. Стук повторился, не громче, чем раньше, но на этот раз дважды: три быстрых удара, перерыв, потом еще три.

Большая голова Спота появилась в дверном проеме на уровне коленей Кедригерна.

— Что там? — тихо спросил он.

— Молодчина, Спот, — сказал волшебник, поднимаясь. — Пойду открою. Будь поблизости. На всякий случай.

— Да, — прошептал тролль-домовой.

Не было слышно ни тяжелых шагов, ни хлопанья крыльев, скорее всего, стучался простой смертный. Но не слышалось и стука копыт, — а какой простой смертный полезет на гору Безмолвного Грома в глухую полночь? Вор или убийца не стал бы стучать; заблудившийся путник колотил бы в дверь со всей мочи и вдобавок кричал от ужаса; друг стучался бы уверенной рукой. Кедригерн, оставив уютное местечко у камина и тихонько двигаясь к двери, раздумывал над этой загадкой, но не мог решить ее. Единственное, что можно было сделать, — это открыть дверь и установить личность посетителя. Он произнес короткое заклинание, чтобы обезопасить себя, дом и все, что в нем находилось. Этого да еще внушительной силы домового, по его мнению, должно было хватить для защиты.

Показав Споту удобное место, где можно затаиться, Кедригерн отодвинул задвижку и распахнул дверь. Он никого не увидел. Самым властным голосом он приказал:

— Кто стучал? Отвечай, или я закрою дверь.

— Магистр Кедригерн? — прозвучал тихий голос совсем рядом.

— Да, я Кедригерн. Кто говорит?

— Посланник от Тарпаши, короля долины Дурных Предчувствий. Я пришел по неотложному делу, — ответил голос.

— Где ты? — спросил Кедригерн. Ночь была облачной. Он не различал ничего, кроме неясной линии верхушек деревьев, черных на фоне темного неба.

— Здесь, — прошептал посланник.

— Ты невидим?

— Я в маске и плаще. Копыта моей лошади обернуты войлоком. У меня самое срочное и самое тайное поручение.

Кедригерн поднес к глазам медальон и посмотрел сквозь Прорезь Истинного Видения. Он увидел очертания человеческой фигуры, гибкой, но крепкой, с головы до ног одетой в черное. Кедригерн вздохнул с облегчением. Во всем этом не было никакой магии, просто типичное королевское высокомерие. С королями всегда так: из-за занозы в королевском мизинце все на много миль вокруг должны бросить свои дела и оплакивать пораненный палец Его Величества. Кедригерн жестом пригласил пришельца войти.

Фигура не пошевелилась.

— Вы действительно волшебник? Я буду разговаривать только с волшебником Кедригерном.

— Я сказал тебе, кто я. Что мне сделать, чтобы ты поверил? Может, обратиться в жабу?

— Нет-нет, не надо! Я вам верю. Это просто потому... Ну, вы не похожи на волшебника, — сказал посланник.

Кедригерн вздохнул. Он слышал это от всех, включая Принцессу, и уже смирился, но нельзя сказать, чтобы это ему нравилось. У него не было длинной белой бороды, он одевался в обычную домотканую тунику и брюки, в удобные, разношенные сапоги и совершенно не выглядел на свои сто семьдесят лет. Он не казался молодым, разве что когда смеялся, но и не выглядел старым, если не погружался глубоко в воспоминания. Он был похож на купца, ученого, слугу знатного человека, возможно, на ювелира или резчика, наносящего тонкую гравировку на слоновий бивень. Он был похож на кого угодно, но не на волшебника, и его это устраивало, поскольку упрощало жизнь.

— Я волшебник Кедригерн, — сказал он медленно и отчетливо. — Поверь мне на слово или уходи от моей двери.

— Я верю вам, магистр Кедригерн! Действительно верю!

Кедригерн, недовольно бормоча что-то себе под нос, вошел в дом и махнул Споту рукой в знак того, что его вмешательство не требуется. Троль вернулся в подвал заканчивать свои труды.

— Ну же, входи, — сказал волшебник.

Оказавшись в доме, посланник снял плащ и широкополую шляпу. Он был в маске, закрывавшей лицо, но оставлявшей открытой его золотисто-рыжую бороду. Говорил он мягким тоном, с интонациями образованного человека.

— Я буду краток, магистр Кедригерн: король тяжело болен. Помочь ему может только волшебник.

— Что это было? Проклятие? Чары? Он открыл что-то, что нельзя было открывать? Рассердил ведьму? Обидел фею?

— Подробности неясны, но даже то небольшое, что я знаю, я не должен говорить.

— В таком случае, откуда ты знаешь, что король Тарпаш нуждается в помощи волшебника, а не доктора?

— Королевский доктор был приглашен немедленно. Он осмотрел Его Величество и заявил, что только волшебник или алхимик могут...

— Алхимик? — вскричал Кедригерн. — Что он пытался сделать с беднягой? Ни один алхимик не в состоянии помочь и больной крысе!

— Мы в отчаянии, магистр Кедригерн.

— Очевидно, так, если вы готовы были пригласить алхимика. У Тарпаши всегда была голова на плечах. Он бы никогда...

Сдавленное всхлипывание посланника заставило Кедригерна замолчать. Когда гость успокоился, то сказал тихо, но настойчиво:

— Королю надо помочь немедленно. Если он не выздоровеет, то свадьба не состоится!

— Какая свадьба? Тарпаш счастливо женат, и женат уже тридцать лет.

— Свадьба его сына. Принц Миддри должен жениться на Белсири-не из Пестрой Долины, самой милой, прекрасной, самой восхитительной женщине на свете. Ее волосы, словно золото, глаза, как два фиолетовых омута, губы, как бутон розы, ее фигура божественна. Ароматнейшие цветы распускаются там, где ее изящная ножка коснулась земли — о счастливая земля! — а от ее голоса воздух становится благоуханным, — воспевал девушку посланник. Он прервался, чтобы перевести дух, и совсем уж собрался продолжать свои восхваления, но Кедригерн поднял руку, чтобы остановить его.

— Все в порядке, принц Миддри. Вы можете снять маску и рассказать мне все, — сказал он.

Посланник на мгновение застыл, как громом пораженный, затем снял маску, открыв красивое бледное лицо с тенью под глазами.

— Как вы узнали? Меня нельзя было разглядеть под маской!

Кедригерн загадочно улыбнулся.

— Я волшебник, сын мой. Я знаю все.

— Тогда вы должны помочь моему отцу! До свадьбы осталось всего девять дней!

— Идите к огню, принц Миддри. Садитесь, вытяните ноги и расскажите мне все.

Принцессу разбудили голоса. Она поприветствовала гостя и стала внимательно слушать его рассказ, который, к сожалению, оказался коротким. Король долины Дурных Предчувствий утратил разум. Никто не знал, ни как, ни почему, ни где или когда случилась эта трагедия, и никто не имел ни малейшего понятия о том, как это можно излечить. Приближающаяся свадьба заметно ухудшала положение. Было совершенно неприемлемо — к тому же в политическом отношении это означало бы полный крах, — если бы отец жениха просил поиграть с ним в ладушки или стаскивал ботинки и начинал перебирать пальцы ног посреди торжественной церемонии; и даже если отложить свадьбу или совсем отказаться от нее, неминуем дипломатический кризис и расторжение помолвки.

Несмотря на всю нелюбовь к путешествиям, Кедригерн привык выполнять свои обязанности, а кроме того, с королевской семьей его связывало давнее знакомство. Принцесса была рада возможности посетить королевский двор, хотя сейчас там царило полное смятение.

Это путешествие, если и не особо приятное, было, по крайней мере, недолгим и обошлось без всяких неожиданностей. Они покинули гору Безмолвного Грома при первом свете утра, невыспавшиеся, неразговорчивые, и доехали меньше чем за четыре дня.

Пыльные и усталые, они были сразу же доставлены к королеве Яльде. В юности ее называли Яльда с Голосом Горлинки и в традиционных формах восхваляли ее красоту; но от ее юности теперь остались лишь отдаленные воспоминания. Яльда изменилась. Теперь это была статная хмурая женщина с волосами цвета пепла и челюстью шелкунчика.

Ее манеры были под стать внешности. Даже не взглянув на своего измученного путешествием сына, она встретила Кедригерна резким вопросом.

— Кто эта женщина? — спросила она голосом, при звуке которого вспоминалась скорее ворона, нежели горлинка.

Крылья Принцессы прикрывал плащ. И хотя она устала не меньше остальных, но была потрясаяще красива, возможно, даже слишком, для того чтобы счесть ее волшебницей или женой волшебника. Черные волосы отливали блеском, голубые глаза горели, а услышав вопрос Яльды, она крепче стиснула белые зубы.

— Это моя жена. Женщина королевской крови и к тому же искусная волшебница. Мы работаем вместе, — ответил Кедригерн.

— Я нуждаюсь лишь в ваших услугах, — произнесла королева.

Низко поклонившись, Кедригерн сказал:

— Мы работаем вместе, Ваше Величество, или не работаем вообще. Королева Яльда посмотрела на них обоих и бросила быстрый сердитый взгляд на сына.

— Ваши речи весьма дерзки, волшебник, — заметила она.

— Таковы мои условия, Ваше Величество.

Королева подумала, заметно нахмурилась, затем сказала:

— До свадьбы осталось всего пять дней. Сумеете ли вы помочь Тарпашу? Будьте откровенны, волшебник.

— Я должен увидеть Его Величество, прежде чем дам ответ.

— Считается, что вы великий волшебник — можете ли вы наложить заклятие, или снять заклятие, или сделать что-то в этом роде? Что-то быстроедействующее?

— Я и вправду великий волшебник, Ваше Величество. И именно потому ничего не делаю в спешке. Великий волшебник никогда не снимает заклятия или чары, пока не узнает, с какими заклятиями или чарами имеет дело. Могу я увидеть короля? — терпеливо повторил Кедригерн.

— Его Величество спит, и я не хочу, чтобы его беспокоили. Он очень резво играл сегодня и пропустил дневной сон, — сказала королева.

— Тогда, возможно, вы расскажете мне? Я должен точно знать, что произошло.

Королева Яльда тайком оглядела зал, затем поманила Кедригерна поближе. Понизив голос, она сказала:

— Мы не знаем. Его Величество был вполне здоров за завтраком. К полудню он лишился разума.

— Где Его Величество провел утро? — задал вопрос Кедригерн.

— Король был в казначействе.

— Считал деньги?

— Разумеется, нет. Для этого есть люди у казначея. Король отправился в казначейство отдохнуть.

— Его кто-нибудь сопровождал?

— Король никогда никого не берет с собой. Он любит уединение. Он побыл какое-то время в казначействе, затем пошел посидеть под своим любимым деревом. Стоял чудесный солнечный день. На небе ни облачка.

— Понимаю, — пробормотал Кедригерн, задумчиво потирая подбородок. На самом деле он не понимал ничего. Непроницаемая пелена усталости окутала его мозг. Желудок был пуст, как пропасть, кости болели, он готов был рухнуть от усталости, но держался изо всех сил,

чтобы не ударить в грязь лицом. — Где находились вы и принц? — спросил он.

— Я была в маленькой гостиной, когда мне доложили о трагедии. Я только закончила второй завтрак, — ответила королева.

— Хлеб и мед, полагаю, — доверительно заметил Кедригерн.

— Смородинный пирог со сладким вином, — недовольно поправила его Яльда. — Хлеб с медом — неподходящая еда для людей королевской крови. Это слишком простонародно.

Принцесса, которая иногда любила съесть кусок хлеба с медом, бросила на нее мрачный взгляд, но ничего не сказала; ей было слишком скучно спорить о чем-либо, не касавшемся вопросов жизни и смерти. Она только зевнула.

— А где были вы, принц Миддри?

— Я провел утро со своими портными. Было прекрасное утро. Отличное утро для верховой езды. Но они настояли на примерке, — ответил принц.

— А как вы узнали о случившемся?

— Мать отправила посыльного прямо ко мне.

— Да, конечно, — сказал волшебник, кивая. Он обернулся к королеве. — Можете ли вы пересказать мне точно слова посыльного?

— Нет. Он что-то бормотал. Когда я наконец заставила его прийти в себя, он сказал, что король сидит под дубом около казначейства и ест гусеницу... Когда я приблизилась к королю, он натянул ботинок себе на голову и попытался надеть перчатку на ногу. Я ужасно встревожилась.

Миддри, широко и звучно зевнув, сказал:

— Мама, человек не должен так утомляться. Давай отложим разговор до утра.

— Но я вовсе не устала. Дорога каждая минута.

— Зато устал я. У меня было долгое и трудное путешествие. Я не вылезал из седла с рассвета.

— Подумай о королевстве, мой мальчик! Подумай о свадьбе. Подумай о своем отце. Соберись, — сурово ответила Яльда.

— Ваше Величество, мы все устали. Расколдовывать лучше всего, когда ты отдохнул и твой ум обострен. Усталость может быть опасна для колдовства, — сказал Кедригерн. Зевок подтвердил его слова.

— А промедление может быть опасно для королевства, волшебник, — уколола его королева Яльда.

— У нас остается еще пять дней, Ваше Величество.

— Если вы станете дожидаться утра, у нас останется только четыре дня.

— Поверьте мне, Ваше Величество... — настаивал Кедригерн. После откровенного зевка, который тут же был повторен Принцессой и принцем Миддри, волшебник продолжал: — Первым делом с утра я переговорю с королевским врачом. А затем осмотрю Его Величество — если он не будет спать.

Яльда окинула сердитым взглядом всех троих. Наконец она пробурчала:

— Хорошо. Вы свободны. Завтра я разбуду вас с первым криком петуха, волшебник, — вас и вашу искусную спутницу.

Принцесса не произнесла ни слова, пока они не остались одни в отведенной им комнате, куда она вошла широкими шагами, сжав губы и сужив глаза. Когда дверь закрылась, она обернулась к Кедригерну.

— Эта королева сама заслуживает проклятия, и я готова произнести его! Никогда в жизни мне не доводилось видеть такую сварливую, грубую бабу! Если она думает, что я пальцем пошевелю, чтобы помочь...

— Дорогая, Яльда сбита с толку. Мы видели ее не с лучшей стороны, — начал Кедригерн самым умиротворяющим тоном. Он раскрыл объятия, пытаясь утешить Принцессу, но она взлетела на каминную доску и встала там, скрестив руки на груди и глядя вокруг холодным взглядом.

— Лучшая сторона? Ха! — сказала она, презрительно качая головой.

— Подумай, в каком она напряжении. Ее муж потерял разум, счастье сына в опасности, ее королевство...

— Так ли уж она заботится о счастье Миддри. Ты видел, как она с ним обходится?

— Да, но...

— Неудивительно, что он боится, как бы свадьбу не отменили. Он ждет не дождется, чтобы удрать из этого дома и от этой ужасной женщины!

— Я уверен, Миддри действительно любит Белсирину. Он при любой возможности восторженно говорит о ней.

— Разговоры. Всего лишь разговоры. Он просто хочет уехать отсюда. И, по правде говоря, его трудно винить, — заключила Принцесса. Она слетела с каминной доски и встала у раскрытого окна.

— Тогда мы должны сделать все возможное, чтобы помочь королю Тарпашу. Помочь ему — значит, помочь Миддри.

Принцесса летала взад и вперед перед окном, то и дело взмахивая крыльями, — она всегда так делала, когда глубоко задумывалась. Неожиданно она остановилась и сказала:

— А как с бедной девочкой? Оказать помощь Миддри — это прекрасно. Но Белсирине придется иметь дело с этой зубастой рыбой. Да и будущий ее муж не такой уж подарок.

— Вероятно, эта молодая леди знает, во что ввязывается, дорогая. Возможно, она влюблена. Возможно, она выходит замуж ради своего королевства. Не думаю, что нам следует вмешиваться в частные дела.

Принцесса не была в этом убеждена, но и она, и Кедригерн слишком устали, чтобы спорить дальше. Слуга принес им поднос с хлебом, сыром и фруктами, и они поели с большим аппетитом, потом улеглись в постель и мгновенно уснули.

Громкий стук в дверь разбудил их с первыми лучами солнца. Где-то неподалеку прокукарекал петух.

— Да. Да! Мы встаем! Встаем! — крикнул Кедригерн. — Перестаньте стучать!

— Королевский врач у себя в комнате, — объявил голос за дверью. — Я должен отвести вас к нему.

Невыспавшиеся, с припухшими глазами, Кедригерн и Принцесса поспешно оделись и поднялись следом за слугой по широким лестницам, прошли по длинным коридорам и по мрачному переходу, потом взобрались по узкой винтовой лестнице и наконец оказались в башне. В дверях комнаты, зевая, стоял дородный лысый человек с густой бородой, начавшей седеть.

— Волшебник Кедригерн, — объявил слуга.

Принцесса затрепетала крыльями, взлетела, повисла в воздухе на уровне взгляда слуги и резко сказала:

— Объявляйте о нас правильно, молодой человек. Волшебники Кедригерн и Принцесса, запомните это как следует.

— Вы умеете летать! — прошептал слуга хриплым от волнения голосом.

— И не только, — ответила Принцесса, спускаясь и становясь рядом с Кедригерном. — Ну, давайте, объявляйте.

— Волшебники Кедригерн и Принцесса, — сказал слуга. Выполнив свою миссию, он поспешно удалился.

— Прекрасно. Значит, вы волшебники. Вы не против, если я взгляну на крылья? — спросил врач.

— Я здесь не для того, чтобы меня осматривали, — с достоинством ответила Принцесса.

— Я только взгляну. Я хочу рассмотреть, как они прикреплены.

— Они не прикреплены, они мои.

— Послушайте, что касается короля... — начал Кедригерн.

— Боюсь, здесь я ничем не могу вам помочь, — ответил врач, не сводя глаз с Принцессы. — Вы говорите, ваши? Они растут у вас прямо из спины?

— Мы должны узнать, что случилось с королем Тарпашем! — раздраженно воскликнул Кедригерн.

— Не сердитесь на меня. Я не собираюсь строить из себя дурака.

— Каким образом вы будете строить из себя дурака, рассказав нам, что вы обнаружили?

— Я не обнаружил ничего. Во всяком случае, ничего по моей части. Вы волшебники — вот и помогите ему.

— Если вы ничего не обнаружили, почему сказали королеве, что нужно послать за волшебником? — продолжал допытываться Кедригерн.

— Потому что все это волшебство. Если вы скажете им, что случилось, они поверят вам, но если я... Впрочем, неважно. Просто избавьте меня от этого.

Принцесса слегка затрепетала крыльями, что тотчас привлекло внимание врача, и сказала:

— Если к королю не вернется разум, править будет королева Яльда. Разве это не прекрасно?

Лицо врача омрачилось. Он в волнении облизнул губы, но не произнес ни слова.

— Из нее выйдет прекрасный правитель. С сильной волей. Решительный, — продолжала Принцесса, улыбаясь.

Поняв намек, в разговор вступил Кедригерн:

— Она не допустит никакой бессмыслицы, можно быть уверенным. Она заставит людей придерживаться правил. Полетят головы.

— Обещайте никому не говорить о том, что я вам сообщу, — выпалил врач.

— Дорогой мой! Разумеется, мы обещаем, — горячо заверил его Кедригерн.

Понизив голос и быстро оглядевшись вокруг, врач сказал:

— Молния. Короля ударило молнией.

— Молнией? — недоверчиво переспросила Принцесса.

— Но ведь стоял ясный день. Все так говорят! — возразил Кедригерн.

— День был великолепный. Самый лучший за весь год. Да, я это знаю. Я сидел у окна, глядя поверх того самого дуба, около двух часов. Я не слышал никакого грома. И не видел молнии.

— Но вы сказали, что Его Величество был поражен молнией.

— Несомненно. Мне известны симптомы.

— Значит, вы подозреваете, что это магия.

— Разумеется. А вы?

— Похоже, что так.

— Я всегда беспокоюсь из-за молний. Кроме всего прочего, они приходят с небес. Они вне моей сферы деятельности. А когда молния ударяет среди ясного неба... что ж, я не хочу иметь с этим ничего общего, — сказал врач. Ему явно было тяжело даже говорить об этом.

— Понятно. Вы можете добавить что-нибудь еще?

Врач покачал головой и беспомощно развел руками.

— Короля ударило молнией. Только его не могло ударить молнией. Молний не было. Что еще я могу сказать?

— Ничего, разумеется. Спасибо за помощь, — ответил Кедригерн.

— Я хочу, чтобы король выздоровел. Мы все любим Его Величество. Но если бы я попробовал сказать им... — врач пожал плечами. И, посветлев лицом, спросил: — Могу я теперь посмотреть на крылья?

Принцесса тотчас же взмыла вверх и сказала:

— Мы поговорим об этом, когда к королю вернется разум.

Без сопровождения, не зная, куда идти, Кедригерн и Принцесса добрались до кухни, где уговорили повара приготовить им завтрак. Затем они осмотрели дуб, под которым Тарпаш потерял рассудок. Принцесса взлетела на ветви и тщательно их осмотрела, в то время как Кедригерн изучал ствол внизу. Они не нашли ни следа удара молнии.

— Этот врач что-то задумал, — мрачно произнес Кедригерн.

— Он безопасен, — ответила Принцесса, улыбкой отмечая подозрения.

— Не будь так уверена. У него в кабинете принадлежности алхимика. Я видел пробирную чашку, склянку и множество весов.

— Это еще не делает его алхимиком. Врачи тоже пользуются и весами, и пробирными чашками.

— У него на полке стоят труды алхимиков, — изрек Кедригерн с видом человека, приводящего решающий аргумент.

— У тебя тоже, — напомнила Принцесса.

— Но они мне нужны! Я должен знать, с кем мне предстоит соперничать.

— Возможно, он тоже.

Они уселись под деревом в глубокой тишине, задумавшись, и спустя какое-то время Принцесса произнесла:

— Я не верю Миддри. Что если на самом деле он не хочет жениться на Белсирине? Может быть, таким образом он пытается отменить свадьбу.

— Он показался мне весьма искренним.

— Мужчины часто кажутся искренними.

Они помолчали. Потом Принцесса хмуро заметила:

— Я только не могу себе представить, как это было. Я бы не поручилась за Яльду, и меня не удивит, если Миддри устроил какой-то заговор, но ни один из них не имеет отношения к магии.

— Не имеет. Я проверил их, — отозвался Кедригерн, беря свой медальон и показывая Прорезь Истинного Видения. — И врача тоже. Тем не менее он может оказаться алхимиком.

— Алхимики не занимаются магией. Поэтому они всего-навсего алхимики, — напомнила ему Принцесса.

Снова настала тишина. Затем Кедригерн вдруг шелкнул пальцами и коротко рассмеялся. Он вскочил на ноги и протянул руку Принцессе.

— Пойдем. Нам надо задать королеве несколько вопросов, — сказал он, заранее улыбаясь.

Принцесса легко вскочила.

— Значит, ты согласен со мной, что эта мегера с волосами, как пахла, виновата в болезни короля!

— Я думаю, дело здесь гораздо более тонкое, дорогая, но Яльда, возможно, сумеет помочь нам выяснить это.

Королева приняла их незамедлительно, но прежде чем они успели заговорить, повелительно подняла руку и тоном, не допускающим возражений, объявила:

— Его Величество играет в королевской песочнице, его нельзя беспокоить.

— Скажите, Его Величество одет в те же одежды, которые были на нем в тот роковой день?

— Разумеется, нет. Если вам необходимо знать, то он был одет в желтый пляжный костюм.

— Тогда мы можем вообще не беспокоить Его Величество. Нельзя ли нам осмотреть все, во что был одет король, когда его обнаружили?

Королева отдала приказ. Двое слуг поспешно вышли из зала. Яльда барабанила пальцами по подлокотнику кресла, в нетерпении хмурясь.

— У Его Величества были враги?

— Что за смешной вопрос! Разумеется, были. Ведь он же король!

— Не появлялся ли последнее время кто-либо из врагов Его Величества около замка?

— Нет. Все было спокойно. Очень спокойно. — Яльда глубоко, но-

стальгически вздохнула и печально покачала головой. — Мы все стали слишком стары, чтобы враждовать. В действительности, мы больше не враги. Мы — уцелевшие.

— Вы примирились со всеми вашими старинными недругами?

Она кивнула.

— Ничего официального. Никаких пактов, или договоров, или чего-то в этом духе. Мы потеряли интерес к старинной вражде, и только. В половине случаев мы не можем припомнить, из-за чего началась вражда. Мы рады сидеть в своих замках, где тепло и сухо. Оставьте битвы и славу юным, если их это волнует. — Она разочарованно взглянула на сына, сидевшего у окна и перебиравшего струны лютни. — Кого волнует, а кого нет, — заключила она.

— Значит, не было никаких визитов?

— Мы не можем тратить время, волшебник. Мы должны править своими королевствами. К тому же это слишком хлопотно. Но они все приглашены на свадьбу, и все прислали прелестные подарки. Три четверти из них не смогут прибыть, но подарки прислали все.

— Разве подарки присылают не в дом невесты?

— Не тогда, когда она выходит замуж за *моего* сына.

— Я полагаю, эти подарки находятся в казначействе, — сказал Кедригерн.

Яльда и Принцесса взглянули на него с внезапным любопытством. Прежде чем кто-либо из женщин успел вымолвить хоть слово, вернулись слуги с грудой королевского платья. Под руководством Кедригерна они разложили все по порядку на полу. Яльда и Миддри подошли к двум волшебникам.

— На короле было надето все это, когда его обнаружили под дулом?

— Да. Я хорошо помню, — сказала королева, а принц кивнул в знак согласия.

— Ничего не пропало? Никаких колец, амулетов, брошей, браслетов или других драгоценностей?

— Тарпаш не любил драгоценностей. Единственное, что он носил, это золотое кольцо, которое передавалось в его семье из поколения в поколение, — ответила королева.

— И его корона, мама, — добавил Миддри. — Отец любил носить корону. Он говорил, что в короне чувствует себя величественным.

Указав на одежду, Кедригерн сказал:

— Здесь нет ни кольца, ни короны.

— Кольцо у него на пальце. Он не снимал его со времен нашей свадьбы. Корона... — Яльда нахмурилась, пытаясь вспомнить.

Миддри осторожно вставил слово:

— Он был в ней за завтраком в то утро. Я уверен, что был.

— Да! Да, был, — сказала королева. — Это маленькая ажурная корона, которую он всегда носил в замке. Теперь я вспомнила.

— Но когда вы, Ваше Величество, увидели короля, у него на голове был башмак. Лежала ли корона поблизости?

— Нет. На самом деле... Не думаю, что с тех пор видела эту корону. Даже уверена, что не видела.

— Как я и предполагал... — пробормотал Кедригерн, кивая головой и поглаживая подбородок. — Ваше Величество, мы должны посетить казначейство.

— Вам будет это позволено, волшебник.

— Нам обоим, Ваше Величество.

Устрашающая челюсть Ялды выпятилась вперед. Ноздри раздулись. Помолчав немного, она изрекла:

— Хорошо. Вам обоим.

— Все, что нам требуется, это доступ в комнату, где сложены свадебные подарки. Наверное, существует их список с именами приславших?

— Его должен вести казначей, — сообщила королева. Она обернулась к слуге и приказала: — Призвать лорда казначея!

Отведя их в комнату подарков, освещенную ярко горевшими факелами, лорд казначей отпустил слуг и попросил разрешения удалиться. Каким-то образом по замку распространился слух, что несчастье, случившееся с королем, это результат магии, и все обитатели замка заметно опечалились. Кедригерн и Принцесса были предоставлены самим себе: именно эти условия для работы они предпочитали.

Кедригерн довольно долго рассматривал груды изысканно украшенных вещей, затем произнес:

— На это понадобится время.

— Почему бы нам не просмотреть их по списку? — предложила Принцесса.

— Не нужно, дорогая. Я точно знаю, что ищу: корону, венец или диадему с определенным драгоценным камнем в определенном месте.

— Вот корона! Смотри, вон там, справа, она висит на изумрудном бивне серебряного слона! — Принцесса в волнении указывала на статуэтку, стоявшую на сундуке позади них.

Кедригерн взял корону и осмотрел ее. Потом покачал головой:

— Не то. Наверное, это та корона, в которой Тарпаш пришел сюда. Он снял ее и примерил другую.

— Какую другую? Что за внезапный интерес к коронам? — спросила Принцесса.

— Ведь Тарпаш был без короны, когда его нашли. А это совсем на него не похоже. Я не виделся с Тарпашем около тридцати лет, но даже когда он был молодым королем, то слыл ярым сторонником ношения корон. У него были летняя и зимняя короны, короны для улицы и для помещений, короны для охоты, танцев, государственных дел, для охоты с ястребом, для верховой езды — для чего угодно, и все, что Тарпаш ни делал, он делал в предназначенной для этого дела короне. Даже его ночной колпак был вышит так, чтобы походить на корону.

— У королей свои чудачества, — заметила Принцесса.

— А его чудачество было хорошо известно. Каждый, кто затаил на Тарпаша злобу с давних времен, знает, что короны — его слабость. Король не мог пройти мимо короны, не примерив.

— Но, может быть, враг скорее прибегнул бы к отравленной короне?

Кедригерн покачал головой.

— Слишком очевидно. К тому же это легко проследить. И мгновенно разразилась бы война. Нет, мы имеем дело с утонченным интеллектом. Человек может потерять рассудок по многим причинам. Кто станет подозревать, что в этом виновата корона, присланная в качестве свадебного подарка? А если свадьбу придется отменить...

— То подарки вернут, и никто ни о чем не узнает! Блестящая идея! — воскликнула Принцесса.

— Спасибо, дорогая, — скромно отозвался Кедригерн.

— Я имею в виду заговор. Но это замечательно, что ты догадался.

— Мне тоже понравилось. Хотя пока мы не найдем короны, все это лишь пустой звук.

— Тогда давай искать. Я займусь правой половиной комнаты, а ты левой, — предложила Принцесса.

Кедригерн извлек из своей туники медальон.

— Эта вещь нам поможет, — сказал он, поднося медальон к глазу. Он осмотрел комнату, медленно обводя взглядом груды нарядов, кучу показной роскоши, отдельные прекрасные вещи, время от времени останавливаясь и опуская медальон, чтобы протереть глаза.

— Здесь множество помех, — объяснил он. — Некоторые из этих вещей когда-то были заколдованы, зачарованы или прокляты, и остаточная магия затуманивает мое восприятие.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила Принцесса.

Кедригерн продолжал свои неспешные поиски, и его взгляд упал на целую гору безделушек в углу комнаты.

— А, — сказал он мягко. — Да, дорогая. На самом верху этой горы, заброшенная туда Тарпашем в неистовстве, лежит золотая корона, которую венчает непрозрачный камень. Сумеешь добыть ее?

Принцесса взлетела с легким шелестом крыльев. Какое-то время она парила над грудой вещей, присматриваясь, затем подняла корону и помахала ею над головой, прежде чем отдать Кедригерну.

— Это и есть дьявольское приспособление? — спросила она.

— Да, — ответил волшебник, изучая молочно-белый камень сквозь Прорезь Истинного Видения. — Действительно, тонко. Дьявольски тонко.

— Но красиво. Какой замечательный опал.

— Заколдованный горный хрусталь, — поправил ее Кедригерн.

— Да нет же, конечно, это опал, — возразила она. — Взгляни, какой он расплывчатый, туманный, размытый внутри.

— Проницательное описание, дорогая. Ты видишь разум короля.

Процесс возвращения разума Его Величеству был прост, но не лишен некоторого риска. Кедригерн с трудом извлек туманный камень, перевернул его и вставил на прежнее место. Затем произнес над ним длинное и сложное заклинание. Совершив это, он отнес корону Тарпашу, тихонько встряхивая, чтобы привлечь внимание короля.

Монарх, которого только что подняли после дневного сна, поспешно одели и усадили на трон, был в капризном настроении. Но при виде короны он просиял изнутри. Король закричал: «Хочу! Хочу!» — и попытался схватить ее. С помощью Яльды, рядом с которой на всякий случай стоял Миддри, под наблюдением Кедригерна (было бы сущим несчастьем надеть ее задом наперед) король пристроил корону на голову.

Зал озарился внезапной вспышкой — словно невеста откуда взявшейся молнией. Тарпаш дернулся и моргнул. Он снял с себя корону и принялся изучать прозрачный камень в центре.

— Красивая, но неудобная, — сказал он. — А где моя обычная четверговая корона? — заметив Кедригерна, он воскликнул: — Кто вы? Ведь я знаком с вами? И кто эта красивая дама с крыльями? Как вы попали сюда? Я заколдован?

— Уже нет, Ваше Величество, — ответил Кедригерн.

— Но ведь я был заколдован, верно? Такое ощущение, что голова моя была в тисках, — заметил король, потирая виски.

— В некотором смысле так оно и было. Разум Вашего Величества был украден и втиснут в этот камень, украшающий корону, — объяснил Кедригерн.

— Правда? Как долго это длилось? А что со свадьбой моего сына? Миддри, лучезарно улыбаясь, сказал:

— До нее еще четыре дня, отец. Кедригерн поспешил сюда и уничтожил чары.

— Кедригерн! Да, конечно. Я сначала не узнал вас. Мы давно не виделись. А эта красивая дама?..

— Моя жена и тоже волшебница, Принцесса.

— Благодарю вас обоих. Благодарю вас от имени всех нас. Вы будете щедро вознаграждены, — молвил король, делая знак казначею. — Но будьте добры, расскажите мне, что случилось. Я помню, как пошел в казначейство, как рассматривал подарки, а потом... — король сделал жест, свидетельствующий о замешательстве.

— Вы увидели эту корону, дар Зильфрика Длинной Руки, — объяснил Кедригерн. — Она вам понравилась. Вы сняли свою корону, повесили ее на бивень статуэтки слона, которую прислал Айнари Вольный, и надели новую корону. Камень, находившийся под воздействием мощных и тяжелых чар, вытянул ваш разум в одну секунду. Вы выбежали из казначейства и рухнули около дуба, где вас вскоре и нашли. У вас были симптомы больного, которого ударило молнией. Но небо в тот день оставалось ясным. Все случившееся с вами казалось тайной.

Тарпаш милостиво улыбнулся Кедригерну и Принцессе.

— Но вы разрешили ее. И будете вознаграждены. А Зильфрик понесет наказание, как только я придумаю что-нибудь достаточно мучительное для него.

— Если я могу предложить... — начал Кедригерн.

— Пожалуйста.

— Пусть он попадет в собственную ловушку.

— Уж мы придумаем для него ловушку, — выпалила Яльда, и челюсть ее воинственно выдвинулась.

— Дайте нам совет, Кедригерн, и если он нам понравится, мы предоставим вам право воплотить его, — сказал Тарпаш.

— На это понадобится день, самое большее два, если я смогу привлечь к делу королевского ювелира.

— Он к вашим услугам, — воскликнул король, махнув рукой. — Расскажите нам свой план.

Кедригерн начал:

— Сперва мы должны уничтожить все следы волшебства в камне и короне.

— Корона тоже была заколдована! О, какая низость! — воскликнула королева.

— Это была очень тщательная работа. Ее выполнил некто Гаргам-фиус, необыкновенно злобный колдун, к услугам которого, как известно, прибегает Зильфрик. Видна его рука.

— Отомстите и колдуну тоже! — сказал король с мрачным видом.

— Я так и задумал, Ваше Величество. Когда все будет полностью расколдовано, я прикажу ювелиру вернуть камень в первоначальное положение. Затем корону нужно будет воззвратить Зильфрику, сопроводив письмом.

— Письмом? И это все? Я думал, вы собираетесь вздернуть мерзавца на виселицу! — сердито воскликнул Тарпаш.

— Я и собираюсь, Ваше Величество, но хочу сделать это тонко, — уверил его Кедригерн. — Ваше Величество сообщит в письме, что все ваше королевское семейство долгое время носило корону, и она оказала на всех вас благотворное воздействие как в умственном, так и физическом отношении: вы стали глубже разбираться в государственных делах, в экономических теориях, у вас окрепла память, стало острее зрение, улучшилось пищеварение. Вы начали испытывать бóльшую симпатию к своим собратьям-правителям, и это последнее побудило вас вернуть корону, которую вы считаете слишком драгоценной, чтобы владеть ею. Я предоставляю Вашему Величеству вообразить эффект, который произведет письмо на Зильфрика.

Тарпаш некоторое время раздумывал над предложением, затем громко рассмеялся и захлопал в ладоши.

— Превосходно! Гораздо лучше, чем карательный поход. Такие вещи всегда утомительны. И к тому же дороги.

— Нам хотелось бы, чтобы они страдали! — заскрежетала зубами Яльда. — Почему бы нам просто не пойти на мерзавцев войной и не повесить их?

— Потому что я не собираюсь начинать войну. Кроме того, Зильфрик будет настолько занят, подозревая своего колдуна и борясь с ним, что у него не окажется времени ни на что другое. Займитесь этим немедленно, Кедригерн. Но сначала, — сказал король, подзывая поближе казначея, державшего небольшой резной ларец слоновой кости, — ваше вознаграждение.

Открыв ларец, Тарпаш вытащил тонкое ожерелье из оправленных в золото рубинов, которым обвинил шею Принцессы. Кедригерну он протянул черную шкатулку, молвив при этом:

— Так как Нам известно, что вы не любите носить никаких украшений, Мы вознаградим вас самым простым способом.

Волшебник улыбнулся, услышав позвякивание монет и ощутив тяжесть золота.

— И Мы приглашаем вас быть почетными гостями на свадьбе Нашего сына, — закончил Тарпаш, сияя улыбкой.

— С глубокой благодарностью принимаем приглашение, Ваше Величество, — проворковала Принцесса, прежде чем Кедригерн успел придумать причину, по которой они вынуждены отклонить приглашение и незамедлительно вернуться домой, к горе Безмолвного Грома.

— Благодарим вас за честь, — и Кедригерн низко поклонился, тихо вздохнув.

Свадьба Белсирины и Миддри была великолепна. Превосходная кухня, изысканное гостеприимство, роскошный пир. Когда волшебники отправились домой после десятидневного пребывания в замке, даже Принцесса вынуждена была сознаться, что ее желание побыть в обществе удовлетворено. Кедригерн настолько жаждал спокойствия, тишины и одиночества, что произнес едва ли два слова за первые полдня путешествия. Только когда они остановились у ручья отдохнуть и немного перекусить, он слегка расслабился.

— Как чудесно наконец-то отправиться домой, — сказал волшебник, растянувшись на прохладной траве.

— Последние две недели были богаты событиями, — мечтательно произнесла Принцесса.

— Ужасно. Все эти люди, шум... ни минуты в одиночестве... постоянно что-то происходит, — он вздрогнул, вспомнив о свадьбе.

— Прекрасно, — вздохнула Принцесса.

— Видения ада, — пробормотал волшебник.

Полежав на траве в тишине, Кедригерн оперся на локти, посмотрел на небо и как бы безо всякой связи с предыдущим заметил:

— Лучше всего было то, что я разрешил задачу без магии.

Принцесса тут же села.

— А как же обратное заклинание камня?

— Ну, это уже вдобавок. самого важного я достиг путем размышлений, — сказал Кедригерн, со значением поглаживая лоб.

— Разве люди обращаются к волшебнику не за магией? Разве не за это они платят?

Кедригерн сердито ответил:

— Они платят мне за то, что я *знаю*, а не за то, что делаю. Я не артист, я волшебник.

— А волшебники занимаются магией, — заявила Принцесса, как будто это объясняло все.

— По необходимости, — уточнил Кедригерн.

Принцесса придвинулась ближе и похлопала его по руке. Он молчал, и она поцеловала его.

— Не расстраивайся. Это были очень впечатляющие размышления. Не думаю, что есть еще волшебник, который способен обходиться без магии.

Кедригерн смягчился, ему захотелось откликнуться на ее изящный жест. Взяв Принцессу за руку, он сказал:

— Ты обошлась истинно по-королевски с Яльдой. Я знаю, что она трудная женщина, но...

— Трудная? Я знавала троллей, у которых манеры были получше! Да еще ее голос... — Принцесса тряхнула головой и состроила гримасу.

— Тем больше тебе чести, что ты была хороша с ней.

— Я думала о Белсирине. Какая милая девушка. Мне не хотелось испортить ей свадьбу.

— Ты была щедра к Белсирине. Какой чудесный кулон ты ей подарила.

— Что ж, мы были почетными гостями. От нас и ожидали чего-то такого.

— Правда? Я не разбираюсь в таких материях.

— Я знаю, — сказала Принцесса кротко.

— Все это кажется настолько лишним. Эти безделушки и пустячки. Вроде ожерелья, которое подарил тебе Тарпаш. Конечно, это прекрасная вещь, тонкой работы, но когда ты будешь носить ее?

— Дорого то, что он об этом подумал. А пустякам, как ты выразился, можно найти практическое применение, — сказала Принцесса с лукавой, понимающей улыбкой.

Он взглянул на нее с сомнением.

— Какое?

— Неужели ты думаешь, что я подарила этой милой девочке просто побрякушку? Конечно, я заколдовала кулон.

— Но дорогая...

— Ничего такого, просто чтобы она могла быть стойкой в спорах. — Принцесса встала и легко и весело покружилась на траве. — Это как раз то, в чем Белсирина нуждается. И то, чего Яльда заслуживает.

Перевела с английского
Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА

С В Я Т О С Л А В Л О Г И Н О В

ГИБЕЛЬ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

ЗАМКА РЭНДОЛ

Нет ничего живее несвоевременной смерти. Петух с отрубленной головой носится по двору, хлопая крыльями, как при жизни не доводилось, и разве что вместо громогласного кукареканья рвутся из пересеченной шеи кровавые брызги. Выделявая невиданные коленца, пляшет удушенный в петле. И даже к умирающему от тяжкой, все соки вытянувшей болезни за день до кончины возвращается юношеская живость.

Среди орудий несвоевременной смерти живее всех — огонь. Огонь родился под центральной лестницей, чье дубовое великолепие скрывало каморку, полную самого дрянного барахла, сташенного нерадивыми слугами. Пыль, тряпки, рассохшаяся мебель, вытащенная из людской и не донесенная до свалки, ветошь, рухлядь, сор... все это занялось разом, словно маслом плеснули, запылало, заиграли языки пламени, лестницу заволокло дымом, отрезавшим обитателям замка путь к выходу.

— Пожар! Горим!.. — нет этого крика. Пусты залы, длинные переходы, комнаты челяди. Никто не пытается спастись, никто не пытается бороться с пожаром. Темные окна одно за другим освещаются одичалым, вырвавшимся на свободу огнем, и через минуту за недавно темными проемами уже не переходы и не парадные залы, а воющая стихия. И лишь в одном окне на третьем этаже умирающего дома мерцает тихий, прирученный огонек — ночник или лампадка. Но вот там замелькали всполошенные тени, и наконец ударил отчаянный крик погибающих. Кричали в два голоса: один чуть постарше, второй совсем детский, тонкий дискант. Кричали долго, обычно дым заставляет умолкнуть раньше. А потом свет ночника потерялся в грандиозной иллюминации, и слышались лишь хруст, треск рушащихся балок и снова хруст, с которым пирующая смерть пережевывала добычу.

Замок был охвачен огнем от основания до самой крыши, только одна башня, нелепо прислоненная к правому крылу здания, древняя, выстроенная в те времена, когда замок был еще не дворцовой усадьбой, а крепостью, мрачно возвышалась над рушащимися стенами. Огонь обходил ее стороной, да и чему было гореть среди голого камня? И когда с грохотом обвалились крыша и стены верхних этажей, башня осталась непоколебимой.

Человек, наблюдавший за бедствием с дальнего холма, отвел взгляд, прикрыл ладонью глаза, чтобы привыкли к окружающей тьме, немного спустился в сторону ложбины, где ожидал стреноженный конь, и начал разжигать свой, мирный огонь. Отобрал среди заранее набранного хвороста сучья потоньше, сложил их костром, повесил котелок с водой.

Потом, не доставая огнива, провел над ветками ладонью, и костер запылал разом, ярко и празднично. Человек, сидящий у костра, понимал толк в огне и, наблюдая за пожаром, видел, как бессмысленно его тушить и бесполезно пытаться спасти хоть кого-нибудь.

* * *

— У тебя есть право первой ночи?

— Согласно каноническому своду — есть, но в нашей стране такое не принято, и я не чувствую себя вправе пользоваться им.

— Так и не пользуйся, отдай его мне.

— Кто тебе мешает? Иди в деревню — деревенские девки покладисты, — уговаривай, подкупай, соблазняй... Но не называй при этом мое имя. Право первой ночи — дикий, варварский обычай, я рад, что он отошел в прошлое даже в тех странах, где прежде процветал.

— Как видишь, не вполне отошел.

— Мне очень жаль, если это так.

— Не думал я, что хозяин Рэндол-замка столь негостеприимен...

И без того мрачное лицо лорда потемнело еще больше.

— Я думаю, у тебя нет причин для недовольства. Ты просил в свое распоряжение башню — ты ее получил. Ты живешь в замке уже полгода, занимаешься чем хочешь и распоряжаешься как хозяин. Я ни разу не упрекнул тебя, хотя твоим требованиям нет конца. Но сейчас я говорю: «Нет!».

— Не упрекнул? А кто секунду назад ставил мне в вину, что я посмел ютиться в старой полуразваленной башне? Не беспокойся, я скоро уйду, и ты получишь свою драгоценную башню целой и невредимой. Но сначала ты прикажешь, чтобы невесту привели ко мне. В конце концов, я не желаю жить монахом.

— Я господин своим крестьянам, но не тиран. Такого приказа я не отдам. А что касается тебя, то я хлебосольный хозяин, а не слуга. И без того в округе говорят, что ты околдовал меня и скоро потребуешь себе в башню мою жену.

— А что... — лицо волшебника искривилось в усмешке. — Это неплохая мысль. Пожалуй, я откажусь от деревенской дурочки. Леди Рэндол, прелестная Беатрис, вполне заменит ее.

— Ты уйдешь не скоро, а прямо сейчас! — гневно перебил колдун лорд. — Забирай свое барахло и уходи! К вечеру тебя не должно быть в моем доме.

— Спасибо, добрый хозяин, — поклонился колдун, пряча усмешку. — Ты уже сегодня получишь свою башню вместе со всеми свои-

ми дарами. И не беспокойся, я больше не собираюсь сюда возвращаться.

К вечеру заезжий маг и впрямь покинул замок. Уезжал он налегке, так же, как и приехал, не взяв ничего из весьма дорогих вещей, что были ему поднесены добровольно и что он самым бессовестным образом вытребовал у лорда Рэндола.

— Я боюсь этого человека, — шепнула леди Рэндол мужу, когда незванный гость скрылся наконец за холмами. — Не к добру он приехал, не к добру и уезжает.

— Он уже уехал, — успокоил жену Рэндол. — И я надеюсь, что он и впрямь больше не вернется.

— Мне кажется, что он уехал не по-настоящему, что на самом деле он затаился в башне и смотрит оттуда.

— Я сегодня же проверю башню, а завтра с утра прикажу вынести все, что там найдется, и сжечь. Саму башню отремонтируем... или нет, лучше всего ее снести напрочь. Так будет спокойнее.

— Ты замечательно придумал. Только туда мы пойдем вместе. Я боюсь оставаться одна и боюсь отпускать тебя одного.

— Хорошо, пойдем вместе. В башне нет ничего страшного, я еще в детстве облазил ее всю, до последнего уголка. Это просто поветшавшее укрепление, которое давно потеряло всякий смысл. Его давно пора разрушить.

Казалось бы, после этих слов лорд с супругой должны направиться к обреченному строению, но они, не сговариваясь, вошли в дом и поднялись на третий этаж, где в левом крыле находилась детская. Люди, прожившие в согласии много лет, умеют понимать друг друга без слов.

Помещений во дворце было более чем достаточно — и парадных, и жилых; комнатушек челяди и покоев, пустующих в ожидании знатных гостей. Но оба сына лорда Рэндола жили в одной не слишком большой комнате. Когда-то чета Рэндолов решила, что будет хорошо, если братья станут жить вдвоем, и так действительно было хорошо.

Обычно перед сном дети спускались во взрослые комнаты и желали родителям покойной ночи, но случалось и наоборот, так что никто не удивился поступку господ. Дети, испросив разрешения поиграть еще немного, немедленно вернулись к выстроенной на полу крепости, которую они азартно штурмовали. Старшему сыну шел уже тринадцатый год, и ему пора было приобретать мужские привычки, но Рэндолы не спешили разъединять братьев. Когда мальчики вместе, один учится быть старшим, второй учится быть большим.

Полюбовавшись на играющих детей, лорд и леди также неспешно направились в столовую, где ждал поздний ужин. В округе было уже тихо, деревня ложится спать рано и встает засветло, одни лишь знатные господа ложатся за полночь и встают, когда на полях всюду кипит работа. Часы, стоящие в столовой, пробили одиннадцать, когда чета Рэндалов собралась осматривать брошенное колдуном помещение. Внутри башни было совсем темно, и Рэндол взял масляный фонарь, висевший на крюке возле парадного входа. Дубовая дверь башни была распахнута, за ней темнела узкая, круто загибающаяся лестница. Чтобы попасть в помещения первого этажа, нужно было по винтовой лестнице подняться наверх, а затем уже спуститься в обширный зал, в стенах которого слабо светлели узкие бойницы. Когда-то такое устройство затрудняло штурмующим возможность взять башню. Но последние двести лет оно затрудняло владельцам замка возможность хоть как-то использовать обветшалую твердыню. До недавнего времени башня стояла пустой, а полгода назад в ней обосновался явившийся неведомо откуда колдун, тот самый, что, проклиная хозяев за негостеприимство, убрался восвояси час назад.

Рэндол с женой поднялись на второй этаж. Зал встретил их пыльной, нежилой пустотой. Не было даже мебели, втащенной на веревках через специально прорубленное широкое окно. На третьем и четвертом этажах — те же пыль и запустение. Казалось, здесь вовек никто не жил. Лишь когда по трухлявой лесенке, где легче переломать ноги, чем просто спуститься, они проникли в цокольный этаж, перед ними открылось жилище чародея. Старая массивная мебель, разошедшаяся и неудобная, — маг специально просил такую, говоря, что не может работать среди комфорта; жесткая постель с колючими шерстяными одеялами, а из редкостей, вытребованных у хозяев, — скелет виверны в углу и коллекция палаческого инструмента. Все остальные дары исчезли бесследно.

— Как он это сюда затащил? — шепотом спросила леди Рэндол.

— Точно так же, как забрал с собой все остальное. Магам доступно многое, в том числе и алчность.

На круглом столе, придавленная камнем, лежала бумага. Лорд подошел, глянул на каллиграфически выписанные буквы.

— Что там? — спросила жена.

— Ерунда! — ответил Рэндол и, скомкав записку, бросил ее на пол.

— Как всегда наш гость злобствует.

Леди Рэндол подошла к одной из амбразур, приподнявшись на приступок, устроенный для лучников, выглянула наружу.

— Дым! — воскликнула она тревожно. — Вильгельм, в доме пожар!

Подбегать к бойнице и смотреть Рэндол не стал. Едва не сломав лестницу, он взлетел на второй этаж, в три оборота прокрутился во двор. В сгущающихся сумерках стлался тяжелый, жирный дым, выползавший из дверей. Разноголосый крик несся из здания. Слуг в замке было много, казалось, вопит самый дом. От конюшен бежали с ведрами, кто-то вышиб окно на втором этаже, но вся эта деятельность казалась ничтожной на фоне разрастающегося пожара.

Рэндол метнулся к дверям, но там его встретил такой плотный дым, что стало ясно — добежать к боковому крылу не удастся.

Окошечко швейцарской осветилось отблесками огня: пожар, доселе обозначавший себя лишь дымом, вырвался на волю.

В дверь не войти, до окон не достать; все-таки усадьба строилась не как деревенский дом, а как замок. Правильной осады ему не выдержать, но и так просто в дом не ворваться.

Минута потеряна, пока Рэндол выводил из конюшни первую попавшуюся лошадь, и уже с ее спины умудрился достать окно, вцепиться в раму и, изрезавшись осколками стекла, ввалиться в геральдический зал. Портреты предков с угрюмым спокойствием смотрели со стен. В истории рода Рэндолов случалось немало пожаров — не привыкать...

Задержав дыхание, он пробежал галерею, уже заполненную дымом. В боковом флигеле дыма было меньше, что вселяло надежду. К тому же Рэндол слышал крики детей и няньки. Значит, живы...

Огонь выметнулся навстречу, успев неведомыми путями пройти сквозь десяток стен. Рэндол не замедлил бега, лишь голову пригнул, сберегая глаза. Крик доносился отчетливо, словно не на третьем этаже кричали, а под самым ухом.

Разумеется, это не мог быть обычный пожар, от случайности или злонамеренного поджога. Тут явно не обошлось без волшбы недавнего гостя. Но об этом Рэндол не думал. Когда все решают секунды — не до размышлений. В детскую он ворвался, опередив пламя совсем ненамного. Няньки в комнате не было, а сыновья жались в углу, не у окна даже, а там, где стояли кровати, как будто набитый шерстью тюфяк (Рэндол не признавал перин) может защитить от огня.

Ударом локтя Рэндол вышиб раму — мелкие стекла с неслышным звоном посыпались вниз — выглянул во двор. Высоко... третий этаж, больше пятнадцати ярдов. Один он бы спрыгнул, но с детьми на руках...

Почувяв приток свежего воздуха, в галерее загудел огонь. Решаться нужно немедленно.

Рэндол сорвал с окна портьеру, быстро, словно не живого ребенка, а вещь вертел, завернул в нее младшего сына, придерживая левой рукой, вскинул на плечо, другой ухватил ладонь старшего из мальчиков.

— Бежим! Вдохни воздуха и постарайся не дышать!

Бледный Робин послушно кивнул. Он уже взял себя в руки и рядом с отцом не боялся даже огня.

Рэндол набрал в грудь чадного воздуха и рванулся в коридор, где вовсю хозяйничало пламя. Робин бежал, что есть мочи, понукать его не приходилось.

На малой лестнице, соединявшей этажи левого крыла, огня видно не было, зато снизу, словно из печной трубы, тянуло горячим дымом, летели искры и хлопья сажи. Робин, который, конечно, не мог не дышать так долго, закашлялся и упал, едва не вырвав ладонь из отцовской руки. Перси, закутанный в портьеру, давно уже заходился хрипящим кашлем. Рэндол приостановился на мгновение, подхватил потевшего сознание Робина, зажал его под мышкой и нелепой победкой припустил дальше. На нижнем этаже ввалился в первую попавшуюся дверь, захлопнул ее, затравленно огляделся. Это оказалась буфетная. Чудовищно нелепо на фоне общей гибели гляделись резные шкафы и буфеты, расставленное под стеклом фамильное серебро и драгоценный китайский фарфор.

Смертельно хотелось вдохнуть воздуха, но угар был и здесь, а вышибить окно не удавалось: окна буфетной были забраны стальными решетками.

Рэндол опустил детей на пол, с невнятным рычанием ухватил пуговую менажницу из литого серебра и обрушил ее на решетку. Второй удар! Третий!.. Решетка прогнулась, посыпалась известка. Рэндол ухватился за прутья, рванул, рискуя порвать связки на руках. Решетка вылетела из расшатанных гнезд. Одним ударом Рэндол вынес раму с мутными квадратиками старинного стекла, прижал к себе бесчувственных детей и прыгнул вниз.

Замок — это не крестьянский дом, куда можно влезть, просто перешагнув подоконник. Здесь легко убиться, прыгнув на брусчатую мостовую даже с первого этажа. Выложенная камнем земля больно ударила по ногам, но даже в эту минуту Рэндол не выпустил детей. Шипя от боли, он заковылял в сторону от гибнущего дома.

— Вильгельм!.. — леди Рэндол бежала к нему.

Рэндол опустил сыновей на землю. Голова Робина безвольно запрокинулась, лицо пугало густым синюшным цветом, глаза закатаны, лишь белки слепо глядят в небо.

— Врача! Пошлите в город за доктором!

Дрожащими руками Рэндол размотал тряпку, в которую был укутан Перси. И вновь — темно-синее лицо, слепые, закаченные глаза. Из рта в рот он пытался наполнить грудь ребенка воздухом, заставить его дышать. Потом, уступив место жене, повернулся к старшему сыну, тряс его, хлопал по щекам, растирал уши...

— Ну, где же доктор?! За доктором послали?

— Вильгельм, — тихо позвала леди Рэндол. — Они оба мертвые. Зачем им доктор?

Она сидела на мостовой, прижимая к себе младшего сына, словно собираясь кормить его грудью. Ни у Робина, ни у Перси не было кормилиц, противу всех обычаев, леди Рэндол сама выкармливала сыновей. И вот теперь она сидела, переводя удивленный взгляд с детей на мужа. Потом вдруг улыбнулась, жалко и беспомощно:

— Наши мальчики умерли. Как странно...

* * *

До чего быстро сгорают даже самые прекрасные дворцы и грозные крепости! Через каких-то три часа от замка Рэндол остались дымящиеся развалины. Провалилась крыша, рухнули перекрытия, местами обвалились даже внешние стены, хотя и не такие мощные, как у старых боевых замков, но все же вызывающие уважение. И лишь древняя башня вопреки всему продолжала торчать невредимой, хотя на самом деле там было чему гореть. Но все же пламя, облиставши стены и пожрав плети засохшего плюща, не тронуло ни деревянных перекрытий, ни прогнивших балок, ни мусора, скопившегося внутри. Как и обещал чародей, башня осталась в целости. Остальной замок превратился в почерневшую руину, которая еще несколько суток будет куриться, отравляя чадом окрестности.

Хотя слуг в замке Рэндол было немало, удивительным образом все они сумели спастись. Несомненно, тут не обошлось без чародейства — мстительный маг бил безжалостно точно, не дозволив лорду разбавить горе по умершим сыновьям огорчением при мысли о погибших слугах. Зато небольшое имущество, что удалось вытащить из здания, все равно погибло или было безнадежно испорчено летящими головнями. Разве что коней из сгоревшей конюшни сумели отогнать. Как бы то ни было, лорд был практически разорен, ибо земель Рэндолы имели немного, а крестьян род Рэндолов традиционно не притеснял. Впрочем, сейчас разорение волновало лорда меньше всего. Если бы он мог, уехал, чтобы никогда не возвращаться на старое пепелище. Отправился бы искать

злого волшебника Эхоу — хотя кто знает, своим ли именем представился приبلудный маг? Конечно, всякий знает, как опасно и бессмысленно мстить волшебникам, но что еще оставалось лорду Рэндолу?

Оставалась Беатрис, леди Рэндол, которую с большим трудом сумели увести от рушащихся стен.

Прикативший из города врач осмотрел тела погибших мальчиков, попытался успокаивать мать, а самому Рэндолу сказал, качая головой, что время все лечит, что никогда нельзя отчаиваться, а, напротив, следует надеяться, что разум, быть может, вернется к несчастной Беатрис, что лучше всего увезти ее отсюда, развлечь дальним путешествием, но если женщина откажется уезжать, то настаивать не нужно, что сам Рэндол и его супруга еще не стары и могут завести новых детей, что жизнь не кончена, что... что... что...

Уехал доктор, не взяв никакого гонорара, и этот необычный поступок больше всего убеждал, что жизнь кончена.

Ни о каком путешествии Рэндол не заговаривал, понимал, что Беатрис можно увезти отсюда, только связав по рукам и ногам. Даже в деревню, где для лорда приготовили помещение в лучшем из домов, она отказалась идти. Молча бродила мимо пожарища, улыбалась неживой улыбкой, повторяла, покачивая головой:

— Как странно!

Куда делась ночь и весь следующий за пожаром день, Рэндол припоминал с трудом. Лишь когда стемнело, он уговорил Беатрис зайти под крышу, в ту самую, трижды проклятую башню. Там, в колодце цокольного этажа, оставалось единственное их имущество: древняя мебель, предназначенная, кажется, не для жизни, а для умерщвления плоти, старая посуда, принесенная по просьбе волшебника из людской, ветхое, негодное к носке платье. Обустраиваясь в башне, чародей поначалу специально просил все самое худшее. Видно, уже тогда знал, чем закончится его проживание в замке, и тщательно готовил грядущую месть.

Рэндол спустился в башню первым, поставил на стол свечу, помог спуститься Беатрис. Потом наклонился и поднял скомканную записку. Он дословно помнил, что было написано там, но все же разгладил бумагу и перечитал: «Возвращаю тебе твою башню в целости и сохранности. Живи в ней».

Рэндол заскрипел зубами, хотел изорвать поганую писульку, но вдруг увидел, как внизу, где не было подписи, проступают новые слова. Теперь последнее предложение гласило: «Живи в ней вместе со своей безумной женой и дохлыми детьми». А следом — шикарный, на пол-листа росчерк.

Это было уже слишком для живого человека. Неведомо, что сделал бы Рэндол или что случилось бы с ним, но в этот самый миг Беатрис, бесцельно взошедшая на приступку для стрелков и глянувшая сквозь бойницу, тревожно воскликнула:

— Дым! Вильгельм, в доме пожар!

Разумеется, над развалинами было еще довольно дыма, так что помраченному сознанию Беатрис могло померещиться что угодно, но сила повторенных слов была так велика, что Рэндол, не раздумывая, метнулся на улицу. Снова под ногами скрипучая лестница на второй этаж, затем каменная винтовая — во двор.

Больно ударившись о косяк, Рэндол вырвался из башни и увидел, что его дом горит. Он был совершенно цел, словно два дня назад: все три этажа и четырехъярусная дряхлая башня, прислоненная к новому зданию. На третьем этаже левого крыла мирно светилось окно, а из дверей парадного входа валил жирный, удушливый дым.

Не было времени думать о причинах случившегося, с чего бы сгоревший дом вдруг восстал из развалин; единственное освещенное окно звало к себе, требуя не размышлений, а действий. Уже на бегу Рэндол вдохнул поглубже и рывком, потеряв половину пуговиц, распахнул плащ, чтобы можно было хоть немного прикрывать лицо от летящих искр.

Вчера он не рискнул забегать в парадные двери, но сейчас иного выхода не оставалось: переносной лестницы нет, уцелевшие лошади угнаны в деревню, а обегать здание кругом, к черному ходу — потерять несколько драгоценных минут.

Рэндол ринулся в самый ад.

Натянутый на голову плащ — плохая защиты от взбесившегося огня, раскаленный дым — слабо годен для дыхания, но каким-то чудом Рэндол оставался жив и продолжал бежать. Хотя почему — каким-то? Ясно, чья злая воля творит чудеса, храня его для горших мучений. Если Рэндол сейчас погибнет, месть чародея окончится, мертвому не могут мстить даже маги. И Рэндол бежал сквозь огонь, стараясь использовать хотя бы это бесчеловечное попушение.

Пламя жрало ковры и гобелены, змеилось на лезвиях оружия, развешенного по стенам, облизывало деревянные рукояти старинных секир. Лица предков корчили с горящих полотен отвратительные гримасы, осыпаясь черным прахом. Рэндол бежал. Даже отсюда он слышал крики на третьем этаже своего сгоревшего дома и бежал, чтобы исправить самую жестокую несправедливость, а если не удастся, то хотя бы погибнуть рядом с детьми.

Как и вчера он обогнал огонь не более чем на минуту. В галереях и парадных залах гудело, и Рэндол, зная, чем кончится пробежка с детьми сквозь огонь, распахнул окно и приказал Робину:

— Прыгай!

— Высоко! — отчаянно закричал мальчик.

— Прыгай, тебе говорят! Сгоришь!

Робин зажмурился и прыгнул за окно, отставив руки и слегка согнув ноги в коленях, как прыгал с деревянного табурета в гимнастическом зале. Рэндол подхватил Перси, прижал его одной рукой, второй ухватился за край оконной рамы и, оттолкнувшись ногами, описал дугу над бесконечным пустым пространством.

Есть люди, которые ничуть не боятся высоты. Они могут стоять на краю пропасти и, нагнувшись, плевать вниз. Наверное, если бы им гарантировали жизнь, они смогли бы спрыгнуть с высоты в две мили. Рэндол был не из таких. Высота манила его и пугала. Если кто-то перегибался через подоконник хотя бы на втором этаже, ноги у Рэндола слабели, а в животе противно тянуло. И сейчас, болтаясь на высоте, он не мог разжать пальцы. Лишь мысль, что рама откатнется обратно и он упадет прямиком на Робина, заставила его решиться.

Падение оказалось совсем не страшным, его Рэндол попросту не запомнил. Осталась лишь боль в отшибленных ногах. Рэндол даже не упал, вернее, упал, но уже потом, мягко, на бок, чтобы не придавить Перси.

Робин лежал на булыжной мостовой лицом вниз. Лужица крови медленно натекала из разбитой головы, скапливаясь в ложбинке между камнями.

А Перси? Он же не падал на камни! Даже в самый миг удара Рэндол не выпустил малыша...

Головка Перси была нелепо запрокинута, на губах и под носом выступила кровь. Как ни смягчай удар, он оказался слишком силен для пятилетнего мальчугана.

Рэндол положил Перси рядом с братом. Стоял, не замечая близкого огня, который вырывался уже изо всех окон. Подбежала леди Беатрис, опустилась на колени около детей.

— Как странно, Вильгельм! Неужели наши мальчики будут умирать каждый день?

* * *

Что такое магический конклав — знает всякий. Случается, в нищую деревню или к знатному сеньору приходит ничем с виду не примечатель-

ный человек и, глядя в глаза, говорит: «Я — маг», а затем обращается с просьбой, порой весьма причудливой. Просьбу эту лучше выполнить, ибо отказывать волшебнику небезопасно. И еще опаснее требовать от гостя подтверждения его способностей; оскорбленный чародей может такого наколдовать — вовек не забудешь. А чтобы мошенники всех сортов не пользовались чародейскими привилегиями, существует конклав. Солжешь, объявишь себя волшебником без должных оснований, а через день подойдут к тебе два неприметных человека и скажут: «Назвавшийся магом, яви свое искусство», а потом выжгут на лбу самозванца яркое клеймо, светящуюся букву «М». Одни полагают, что буква означает «Маг», другие — «Мошенник». Даже после смерти на сухом черепе горит этот знак, оповещая всякого, что перед ним лгун.

Люди въедливые могут напридумывать кучу желаний, ради исполнения которых самозванец согласится остаток жизни проходить клеймленным, но в реальной жизни из такого ничего путного не вышло. Чужое добро возвращалось владельцу, а все остальное... бывают просьбы, на которые можно отказать и чародею или, по меньшей мере, оттянуть их исполнение на день или два. А за это время лоб незваного гостя украсится горячей язвой.

Просто так кричать: «Я маг, колдун великий!» — можно совершенно безнаказанно, представляясь магом, надо непременно глядеть собеседнику в глаза, а при этом клеймо не скроешь, оно и сквозь капюшон просвечивает. Зато нищие, которым себя не жаль, и здесь сумели приспособиться. Скажем, ночью возвращается домой подвыпивший гуляка, и вдруг из тьмы выступает фигура с мерцающим клеймом во лбу и взывает утробно: «Я черный некромант Сехеб!». Какого неробкого десятка ни будь, рука сама лезет за монетой. Лучше уж откупиться от греха подальше.

Рассказывают, что великий лицедей Гаррик, исполняя в какой-то пьесе роль Мерлина, произнес пресловутую фразу: «Я маг, колдун великий!» — с такой силой, что каждому заглянул в душу, так что зал содрогнулся и поверил. И на следующий день к Гаррику явились исполнители приговора. Выслушав обвинение, актер сказал: «Значит, вчера я и впрямь неплохо сыграл», а потом добавил: «Господа, вы знаете, мне от вас не скрыться и в свое оправдание нечего сказать. Но спектакль начинается через десять минут, билеты проданы и зрители собрались. Позвольте мне явить свое искусство». Члены конклава кивнули и молча направились в директорскую ложу. После представления они подошли к трепещущему Гаррику и объявили: «Вы действительно волшебник!» — после чего удалились, не коснувшись чела актера.

И все-таки, несмотря на множество толков и пересудов, люди в точности не знают, чем занимается магический конклав. Разоблачение самозванцев лишь малая часть его дел, основное — отношения между самими магами. Чародеи — народ балованный, а законов над ними куда как побольше, чем над простым человеком. Кому много дано, с того много и спрашивается. Это только кажется, что родился колдуном — и твори, что хочешь. Иного и хочется, да не может, сила не берет, а кое-чего свои же собратья не позволяют. Будь иначе, коронованные особы у всякого колдунишки на побегушках числились бы.

Случаются и ошибки, их тоже конклаву исправлять. Байка о Гаррике, скорее всего, поэтическая выдумка, легенда, известная всем, а вот другая история, правдивая, скрывается от непосвященных. Началось дело обыденным образом: решением конклава исполнители заклеямили самозванца, в котором ни на грош не нашли магической силы, а через год ошельмованный явился и потребовал сатисфакции. Таки оказался волшебником, и сила у него была великая, вот только проявлялась она всего один день в году. Но это ничего не значит, колдун есть колдун. Многие волшебники специально ограничивают себя в одном, чтобы в другом преуспеть. Темные маги колдуют только по ночам, а при солнце от них и фокуса не дождешься. Иные специализируются в боевой магии, не умея больше ничего, третьи в трансформациях. А те, которые могут все, по сути ничего не умеют толком, разве что ограничат себя во времени или пространстве. Этот маг был как раз из таких; все мог, но только раз в году. Пришлось извиняться, клеймо снимать, а это непросто даже для всего конклава.

Народная молва делит волшебников на добрых и злых, а они не злые и не добрые, колдовская сила выжигает эти понятия из души. Сами маги обычно не считают себя ущербными, но если вдуматься, так ли сладко быть чудотворцем наполовину, обладать могуществом, которое ограничивает само себя? Неудивительно, что время от времени кто-то пытается перешагнуть ограничения, наложенные природой или коллегами. Вот ими и занимается конклав. А самозванцы — всего лишь развлечение в свободную минуту.

Когда наступило утро, человек, наблюдавший с дальнего холма за агонией замка Рэндол, поднялся, одним движением руки загасил свой костерок и направился в сторону дымящихся развалин.

* * *

Безумцы порой бывают удивительно прозорливы. Сам Рэндол тоже был близок к помешательству, поэтому слова Беатрис, что дети отны-

не будут погибать каждую ночь, воспринял близко к сердцу. Тела разбившихся мальчиков он отнес на второй этаж сохранившейся башни, не стал звать священника и никак не отреагировал на паническое сообщение, что еще не отпетые покойники исчезли из своих гробов в сельской церкви. Это было страшно и бесчеловечно, но идеально укладывалось в общую картину. Рэндол был уверен, что завтра Робин и Перси воскреснут на полчаса, чтобы вновь трагически погибнуть. А он должен спасти их вопреки воле злого чародея.

Жену Рэндол оставил на попечении единственного не сбежавшего слуги, а сам отправился в ближайшую деревню, откуда привез длинную лестницу и телегу, полную сена. До третьего этажа лестница не доставала, да у развалин и не было сейчас третьего этажа, огрызки стен оканчивались оконными проемами второго.

Босуэл, так звали верного слугу, получил точные наставления, когда именно подогнать воз к окнам горящего здания, как оттаскивать Робина, если он все-таки потеряет сознание, кого предупреждать, если погибнет сам Рэндол. Конечно, прыгать в сено, это не на камни, да и воз скрадывает высоту ярда на два, но хотелось предусмотреть все. Себя Рэндол обильно полил водой, лицо замотал мокрой тряпкой, еще несколько полос влажной материи взял с собой, просто на всякий случай. Задолго до ожидаемого часа он был готов, стоял во дворе, ежась от сырого холода, держал стоймя лестницу, готовясь к броску на второй этаж.

По просьбе Рэндола звонарь деревенской церкви обещался отбивать часы, и едва из сгущающейся темноты донесся удар колокола, извещающий, что до полуночи осталось полчаса, перед Рэндролом беззвучно воздвигся призрак его дома. Стены, окна, карнизы, крутая крыша, выложенная аспидными пластинами сланца — все было твердо, прочно и вещественно. И все же это был призрак, поскольку уже к утру на месте замка опять останутся курящиеся развалины.

Из дверей привычно валил дым, и Рэндол подивился мимоходом, как быстро он привык к этому зрелищу. Подивился, стремительно взбираясь по лестнице, приставленной к окну, за которым находился его кабинет. И снова он бежал по задымленным галереям, мимо рыцарских доспехов, оружия былых веков, мимо обломков мраморных антиков, мимо библиотеки, где собраны древние рукописные книги, мимо кабинета редкостей, на третий этаж, в детскую комнату, откуда уже слышался крик, еще не исполненный ужаса, а просто тревожный. Хотя, возможно, так казалось.

Пламя сегодня пожирало дворцовое убранство необычайно быстро, так что Рэндол не выиграл, по сравнению со вчерашним днем, ни од-

ной минуты. К детской он поспел одновременно с пожаром и сразу бросился распахивать окно.

— Робин, скорей!

— Нет! — Робин попятился и едва ли снова не полез под кровать. «Неужели помнит?» — мысль обожгла хуже пожара.

Объясняться времени не было, но все же Рэндол крикнул:

— Там сено! Это не страшно!

Перегнувшись через подоконник он глянул вниз. Сена не было. Случайная искра подожгла стог, наваленный на телегу, и теперь под самыми окнами пылал огромный костер, прыгать в который было бы чистым самоубийством. Лошадь, впряженная в телегу, дико билась, а Босуэл, повиснув на ней, резал постромки, чтобы успеть отвести в сторону невезучее животное, которому дважды за три дня довелось по-бывать в пожаре.

«Кой черт надоумил связаться с сеном! — в отчаянии думал Рэндол, заматывая лица мальчиков мокрыми полотенцами. — Влажный мох нужен, с болота, а лучше просто веревку, веревочную лестницу!» Потом он подхватил на руки Перси, скомандовал Робину: «Вперед!» — и они, словно в позапрошлую ночь, побежали сквозь огонь. И опять Робин упал на полпути, и Рэндол волочил обоих детей. Он правильно рассчитал путь и выбежал не в буфетную с ее решетками, а в лакейскую, где никаких решеток не было. Спрыгнул вниз удачно, но оттащив мальчишек подальше от огня, увидел, что мокрые полотенца не помогли. Дети задохнулись. Как странно...

* * *

Наутро Рэндол, почерневший, исцарапанный и обожженный, вновь стоял перед остатками замковых стен и прикидывал план будущих действий. Веревочной лестницы у него не было, и за один день ее не свяжешь. Значит, остается веревка. Если спускать детей по очереди, тот, кто останется наверху, за это время может наглотаться ядовитого дыма. Следовательно, спускать их надо вместе. Заранее сплести что-то вроде сбруйки, чтобы Перси висел на груди у Робина. Веревку проверить на прочность и вымочить в крепком соляном растворе, тогда она не перегорит, даже если из нижнего окна выхлестнет пламя. Лишь бы дети в этом пламени не задохнулись. Хотя спускать он их будет очень быстро.

О том, что он может задохнуться сам, Рэндол не думал. После всего, что случилось за три последних ночи, собственная жизнь совершенно не волновала его.

Сзади послышался цокот подков о брусчатку мостовой и вперебивку с ним легкие, почти неприметный шаги. Кто-то, ведя в поводу коня, подходил к Рэндолу. А ведь вся округа в первый же день успела узнать о проклятии, без дела сюда никто не явится, да и по делу не всякого затащишь. Недаром же слуги разбежались от него, как от зачумленного.

Рэндол медленно повернулся. Так и есть — человек, держащий под уздцы коня. Одет добротно, но просто, по-дорожному. Никаких вещей при себе, значит, оставил в гостинице, а сюда прискакал налегке, не рассчитывая на приют. Очень предусмотрительно.

Незнакомец подошел вплотную и, не поздоровавшись, произнес, глядя в глаза Рэндолу:

— Меня зовут Райнихт. Я — маг.

Лицо Рэндола закаменело. Потом он с трудом сглотнул и произнес:

— Уходите немедленно, иначе я убью вас. Самая моя большая мечта — уничтожить всех магов, сколько их есть на свете.

— Мне кажется, всем магам на свете вы предпочтете одного, того, кто назвался Эхоу. У меня к нему тоже немалый счет. Так я могу говорить или мне уйти?

— Говорите.

— Разговор будет долгим. Может быть, пройдем в башню?

— Нет!

— Я знаю, что там. Но мне нужно взглянуть поближе. Сразу предупреждаю, помочь вам я не смогу, да и никто не сможет. А вот расплатиться с Эхоу...

— Хорошо. Идем...

В башне Райнихт первым делом подошел к телам мальчиков, откинул покрывало и долго смотрел в голубые белки закаченных глаз.

— Что скажете? — скрипуче осведомился Рэндол.

— Это действительно ваши дети.

— А могло быть иначе?

— Вполне. Это мог быть фантом, созданный Эхоу специально, чтобы помучить вас. Это могли быть трупы, покойники, которым на время возвращается видимость жизни. Хотя прежде Эхоу не был замечен в некромантии. Он не дурак, а некромантия — легкий и быстрый путь в никуда.

— То есть мальчики живы?

— Это сложный вопрос. За минуту до того, как погибнуть в горящем замке — они живы. А сейчас... — не возьмусь ответить.

— А... — начал было Рэндол, но Райнихт резко перебил его:

— Да! Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить, и сразу отвечаю: да, они помнят все, что случилось за эти дни. Ваши дети умирали уже трижды и будут умирать впредь, здесь я ничем не могу помочь. Могу помочь только с вашей супругой; она сейчас спит. Ей нужно хоть немного отдохнуть. Я мог бы вернуть ей и разум, но вы сами понимаете, что произойдет вечером. Так что пусть остается, какой была.

— Зачем тогда вы пришли ко мне?

— Вот об этом я и хочу поговорить. Давайте спустимся вниз. Там, во всяком случае, есть где присесть.

Они сошли на первый этаж. Леди Рэндол действительно спала, свернувшись калачиком на разбитом диване времен прошлого царствования. С лица исчезло подобие улыбки, теперь оно было спокойным и отрешенным.

— Она не запомнит своих снов, — сказал Райнихт, усаживаясь на резной стул, жесткий и такой тяжелый, что в башню его пришлось за- таскивать двоим слугам.

Рэндол уселся напротив, выбрав простой табурет.

— Итак, — начал волшебник, — что вы знаете о магах?

— Я знаю, что они приходят однажды, глядят в глаза, а потом принимают хозяйничать в вашем доме, как в собственном кармане.

— Жестокий приговор. По счастью, не вполне справедливый. Над нами немало законов. Одни из них существуют сами по себе, как некая данность, другие установлены нами же, ради собственного спокойствия и безопасности. Кому захочется, чтобы соперник вдруг обрел могущество, по сравнению с которым сила всех остальных — просто ничто? А это вполне возможно, хотя путь к сверхмогуществу достаточно сложен и, главное, его нельзя пройти незаметно. Чтобы обрести практическое всемогущество, нужно дважды обойти установления природы. Понимаете? Закон природы нарушить невозможно, но его можно обойти. Собственно говоря, вся наша магия зиждется на том, что мы обходим законы природы. Но тут нужно обойти законы, касающиеся самой магии. Все знают, что сильный колдун властен над жизнью и смертью человека. Но за гранью смерти власть кончается. Я не говорю о некромантии, некромант имеет дело с трупом, человека там уже нет. А чем можно досадить мертвому? Как его наказать? Надругаться над бездыханным телом? — мертвецу это безразлично. Мертвый навсегда свободен и неуязвим.

— Можно мучить его бессмертную душу.

— Оставьте, — отмахнулся волшебник. — Бессмертная душа, которая будто бы остается после гибели человека, это людские выдумки.

Но даже если душа и существует где-то в ином мире, то она просто неподвластна магии и ей нет дела до того, что происходит здесь. Все разговоры о вмешательстве мертвых в живую жизнь, не более чем сказки, а спириты и вызыватели духов — ничтожные шарлатаны. Их даже конклав не клеймит, если, конечно, они не приписывают себе ничего большего. Смерть — тот предел, где кончается власть волшебника. Но, повторю, любую преграду, всякий закон удастся обойти. С живым человеком возможно сотворить такое, что окажется хуже смерти, страшнее любых посмертных мук. Теперь вы понимаете, что с вами произошло? Вы ничем не досадили магу Эхоу. Вы всего лишь ступенька на его пути ко всемогуществу. И я хочу, чтобы вы стали той ступенькой, на которой он переломает себе ноги...

Рэндол слушал, не перебивая, даже кивать перестал, словно перед Райнихтом сидел не живой человек, а резная статуя, деревянное изображение великомученика из алтаря местной церкви.

— С человеком такое можно сотворить незаметно, хотя мы стараемся следить, чтобы никто не мучил людей бесцельно. И все же это иногда удастся сохранить в тайне: окружающие и не заметят, какой ад кипит в душе несчастного. А вот вторую ступеньку незаметно преодолеть нельзя. Соискатель всемогущества должен столь же жестоко надругаться над одним из магов. А это немедленно станет известно конклаву.

Рэндол поднял взгляд.

— Это он над вами...

— Нет. Со мной ему так просто не совладать. Дело в том, что я почти никогда не колдую. Так, мелкое бытовое волшебство. Простыни в гостиницах у меня всегда чистые, одежда после дождя — сухая. Но ведь это такие мелочи, они почти не требуют силы. А излишки скапливаются, так что в нужную минуту я могу очень многое. Поэтому со мной предпочитают не связываться. Мои претензии к Эхоу — другого рода. А к вам я пришел как представитель магического конклава. Мы просим у вас помощи в обуздании преступника.

— Чем я могу помочь всему магическому конклаву?

— У нас сейчас два выхода из создавшегося положения. Прежде всего, мы можем начать войну всех против одного. Но в этой войне мы связаны правилами, а он не связан ничем. Нетрудно предсказать, что кто-то из нас тоже нарушит закон, а вслед за тем захочет стать всемогущим. Не берусь предсказать, как будет происходить поединок двух незаконных магов, но одно можно утверждать наверное: мир, или почти весь мир, погибнет. Мы сами разнесем его на куски за каких-то три дня.

— Здесь все понятно. Каков второй путь?

— Мы можем написать письмо. Постановление конклава, согласно которому маг-преступник лишается всей магической силы и становится обычным человеком.

— И всего-то? Зачем тогда вообще рассматривать вопрос о войне магов и конце света?

— Все не так просто. Письмо вступает в силу все через те же три дня после того, как оно написано. То есть в любом случае через три дня судьба мира будет решена. Эхоу либо получит свое всемогущество, либо он и половина Вселенной погибнут, либо его сила бесследно рассеется, и мы будем вспоминать прошедшее как кошмарный сон. Казалось бы, письмо — самый верный путь, но если за эти три дня сам Эхоу или вообще хоть кто-то, обладающий магией, коснется письма, оно уже не подействует. И новой бумаги написать невозможно. Письмо — самое большое, что может конклав; написать письмо, почти то же самое, что убить человека, это предел, на котором кончается наша власть. После этого ни мы все вместе, ни каждый из нас по отдельности уже не сможем предпринять в отношении Эхоу вообще ничего. А это значит, что через три дня он получит свое уродливое всемогущество. Понимаете, на какой риск нам придется идти?

— Положить письмо в стальной футляр, выставить стражу из самых сильных магов... Три дня — не так много, неужто у вас не хватит сил обеспечить надежную охрану?

— Повторяю, после того, как письмо написано, и до той минуты, как оно подействует, ни один из нас не сможет предпринять в отношении Эхоу абсолютно ничего! Какая тут может быть охрана? Мы будем выступать как простые люди, а он как могущественный маг. Разумеется, он отнимет письмо у нас. Поэтому мы и просим взять письмо на сохранение. Конечно, Эхоу догадается, где письмо, но у вас он не сможет его забрать.

— Почему?

— Но я же объяснил! Человеческая смерть — предел для чародея, а Эхоу сотворил с вами то, что хуже смерти. Его власть над вами кончилась, во всяком случае, до той поры, пока он не добьется всемогущества. Конечно, он может прийти, грозить и уговаривать, но даже самое простенькое колдовство он не сумеет применить. Мы не сможем применять волшебство против него, он — против вас. Так у кого должно быть письмо?

— А если он нарушит и этот закон?

— Пока что он не нарушал, а обходил законы. Возможно, если он

обретет свое всемогущество, он сумеет мстить и мертвым. А пока — увы!

— И что произойдет через три дня, если я сумею сохранить письмо?

— Магическая сила покинет Эхоу. Он станет обычным человеком, плюгавым старикашкой. Если это случится на ваших глазах, можете его тут же повесить.

— То, что он сделал раньше, его чародейства — исчезнут? Мой дом прекратит возникать и сгорать каждую ночь? Мои дети перестанут умирать вновь и вновь?

— Не знаю, — глядя в глаза, ответил Райнихт. — Проще всего было бы утешительно соврать, но я говорю правду. Волшба умерших магов переживает их, многочисленные колдовские артефакты тому подтверждение. Но то обычная смерть от старости или руки врага. Что произойдет после исполнения приговора — не знает никто.

— Понятно, — кивнул Рэндол. — Я возьму ваше письмо. Когда вы его принесете?

— Сегодня вечером. Держите его при себе, но не на виду. И будьте осторожны. Убийцу Эхоу подослать не может, он не властен в вашей смерти, если, конечно, вы сами не нападете на него. А вора он подошлет обязательно. Отсчет времени начнется в полночь, и через трое суток, в полночь же, приговор вступит в силу.

— В полночь я буду спасать детей.

— Сегодня это бесполезно. Что бы вы ни придумали, дети будут погибать, а вы останетесь живы. Во всяком случае так будет эти трое суток.

— Вы сами недавно сказали, — произнес Рэндол, вставая, — что дети все помнят. Что они подумают, если я не приду за ними?

* * *

Райнихт оказался прав. Надежная, крепко просоленная веревка лопнула, словно была свита из сенной трухи.

Прыгать в окно Рэндол не стал. Зачем, если он все равно неуязвим? Волоча ноги, направился сквозь анфиладу горящих комнат к выходу. Огонь обжигал, дым душил. Это было очень больно, но не смертельно. Хотя все равно чересчур больно. Через минуту Рэндол не выдержал и побежал. Но у самого выхода на горящей парадной лестнице он сжал зубы и вышел на ступени крыльца важно и неторопливо, как и следует лорду выходить из фамильного замка. И плевать, что замок горит.

У самых дверей он увидел Эхоу, который совсем недавно торжественно заявлял, что никогда не вернется в замок.

Рэндол, не покосив глазом, прошел мимо, туда, где Беатрис тянула свое изумленное: «Как странно!». Разумеется, и Перси, и Робин погибли, хотя такие вещи никак не могут разумеются.

— Я вижу, — слышался сзади ненавистный голос, — что не зря вернулся сюда. Кое-кто здесь уже побывал, иначе ты, благородный лорд, немедленно попытался бы свести со мной счеты. А так ты уже в курсе дела, и мне не придется ничего объяснять. Я пришел за письмом.

Рэндол молчал, не глядя на волшебника, повернувшись к нему спиной.

— Вильгельм, — произнесла Беатрис. — Я боюсь этого человека.

— Не надо бояться, он сейчас уйдет. Давай лучше отнесем мальчиков в башню. Там их никто не потревожит. А завтра, я уверен, мы сумеем их спасти.

— Твоих детей могу спасти только я, — жестко произнес Эхоу. — Так что все-таки советую обратить на меня внимание.

— Ты уже сделал все, что мог, — не оборачиваясь, ответил Рэндол. — Так, может быть, хватит терзать меня и несчастную женщину? Уходи.

— Мне нужно письмо. И не вздумай утверждать, будто не знаешь, о чем идет речь, каждое твое движение изобличает тебя.

Рэндол повернулся и взглянул в глаза волшебника. В свете близкого пожара они светились красным, словно у волка.

— Я знаю, о чем идет речь, но письма у меня нет. А хоть бы оно и было, я все равно не отдал бы его.

— Уже теплее, — поощрил маг. — Теперь давай договариваться. Ты отдаешь письмо, а я снимаю проклятие. Твои дети будут живы, дом цел, жена здорова. Подумай об этом.

— Сними проклятие, тогда я, быть может, подумаю о том, чтобы отдать письмо.

— Ты же знаешь, что проклятие можно снять только через три дня, когда я достигну всемогущества!

— В таком случае, ты получишь письмо на четвертый день.

— Дьяволышина! — прорычал Эхоу. — Ладно, сейчас с тобой говорить бесполезно: ты чересчур возбужден, у тебя болят ожоги и ты слишком сильно меня ненавидишь. Я пока займусь другими делами, подготовлю кое-что на тот случай, если мы не договоримся, а ты постарайся успокоиться и подумать. Я вернусь утром. Кстати, ожоги советую лечить крепким холодным чаем. Помогает.

Несмотря на уверенный тон колдуна, Рэндол видел, что тот изрядно обеспокоен, и это придавало лорду уверенности. Впервые со времени первого пожара Рэндол уснул и проспал до самого утра. А проснувшись, увидел Эхоу, который сидел в неудобном, словно пыточный агрегат, кресле и терпеливо ждал, пока хозяин проснется.

— Нельзя быть таким беспечным, — заметил маг, увидев, что Рэндол открыл глаза. — Вы заявляете, что не верите мне, а сами спите, не задвинув засова на двери. А если бы я взаправду умышлял против вас?

Рэндол подивился, как резко маг перешел на «вы», но ответил в прежнем тоне:

— Убить меня ты не можешь. А обокрасть... Я же сказал, что письма у меня нет. Если угодно, могу вывернуть карманы.

— Убить тебя несложно. Сотни наемных убийц скучают без работы. Любой из них за самую скромную плату перережет тебе глотку. Но, как видишь, ты цел. Ты напрасно считаешь меня исчадием ада. Не знаю, что напел тебе плаксивый старикашка Максон, но я, в отличие от него, не изувер и не испытываю садистической радости при виде чужих мучений. Понимаю, тебе трудно в это поверить, твой опыт говорит обратное, да и медовые повадки Максона введут в заблуждение кого угодно, но тот, кто чуть получше знает старого мерзавца, подтвердит, что он тысячу раз заслужил то, что я сделал с ним.

— А!.. — сказал Рэндол. — Теперь я понял, кто такой Максон.

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя был кто-то другой? Это умно с их стороны. И кого же они прислали? Не иначе Райнихта. Маг, который не колдует! Этот и впрямь никому не приносил заметного вреда, и он умеет договариваться с людьми. Видишь ли, большинство волшебников напрочь разучились просить и уговаривать, они умеют лишь повелевать. Райнихт не таков. И что же он сказал тебе? Молчишь?.. Хорошо, можешь не отвечать, я это знаю и так. Он сказал, что я хочу могущества. Да, я его хочу! Он сказал, что с помощью письма они хотят лишить меня силы. Еще бы они этого не хотели!.. Разумеется, хотят. А он сказал, что все, сделанное мною здесь, лишь кажется бессмысленной жестокостью, а на самом деле сделано не со зла, а просто потому, что это единственный путь к совершенству?

— Грош цена совершенству, которое убивает детей.

— Я же обещал, что, когда достигну цели, сниму проклятие. В конце концов, это будет даже интересно: начать новую жизнь с такого поступка. Собственно говоря, я хотел сделать это безо всякой просьбы с твоей стороны, ведь, как ни крути, я должен быть благодарен тебе, поскольку именно ты...

— Был ступенькой на пути к успеху, — перебил Рэндол. — Вот одного ты не учел, я не ступенька, а живой человек.

— Ну почему ты мне не веришь? — вскричал маг. — Чем мне поклаться, какие гарантии предоставить?

— Никаких клятв! — Рэндол предупреждающе поднял руку. — Я верю без клятв и гарантий. Я всегда верю, когда мне лгут так убежденно. Но письма у меня нет. Хочешь, я тоже чем-нибудь поклянусь?

— Всегда уважал тех, кто идет на виселицу с шуткой на устах. Только висельнику проще: один раз повертелся в петле — и дело с концом. У тебя так не получится. Хочешь, я расскажу, что ждет тебя, если мы не договоримся?

— Это я знаю и так. Прежде всего, я повешу тебя, едва ты лишишься силы. Мне уже сейчас любопытно, будешь ли ты шутить в эту минуту.

— Ах, мечты, мечты! — покивал волшебник. — Как жаль, что им не суждено сбыться. Будь уверен, письмо я найду и получу, для этого есть сложный, но верный способ. В принципе, я уже сейчас знаю, где оно, но мне надо быть уверенным абсолютно. Два оставшихся дня мне придется прожить в полном ничтожестве, словно какому-то человечиске, но письмо все равно окажется в моих руках. И если это случится без твоей помощи, то нынешнее положение покажется тебе верхом счастья. Думаешь, мне больше нечем наказать тебя? Так смотри! До сих пор твои сыновья умирали относительно быстро и безболезненно. А ведь насильственная смерть бывает очень утонченной. Каково тебе придется, когда ты увидишь размазанные по стенам внутренности? Кстати, сгореть на медленном огне — что может быть естественней на пожаре? Но и это еще не все. Ты забыл про леди Рэндол. Ее страдания, а вместе с тем и твои, тоже можно усугубить. Скажем, отдать ее в самый дешевый и грязный бордель. Да, ей уже не пятнадцать лет, но она хороша собой, кроме того, у нее имеется титул. Французы говорят, что герцогине не бывает больше сорока, а прекрасной Беатрис и до сорока еще далеко, так что она вполне сгодится для притона. Что касается ее безумия, то оно лишь добавит похоти вора и бродягам, жаждущим необычных любовных утех.

— Я понимаю, — очень тихо ответил Рэндол. — Тебе хочется, чтобы я попытался тебя убить или хотя бы ударил. Тогда у тебя появится возможность применить в отношении меня магию. Так вот, у тебя не появится этой возможности. Еще два дня я буду кроток, как священник бедного прихода. Поверь, у меня хватит на это силы, ошибки я не сделаю. А вот ты только что сделал ошибку. Все твои заявления, буд-

то ты собирался исправить содеянное — ложь! Правда в том, что ты заранее сладострастно изобретал, как усугубить мучения. Так что уходи. Разговора у нас не выйдет.

— Да, — произнес Эхоу, поднимаясь с кресла, — сегодня у нас разговора не получится. Он получится завтра. А сегодня я полюбуюсь, каким новым способом сдохнут твои пашенки.

Рэндол, переменившись в лице, вскочил на ноги. Казалось, сейчас он все-таки ударит Эхоу, расплескав усмешку россыпью кровавых брызг. Колдун, ухмыляясь, глядел в лицо лорда и ждал. Но, словно спохватившись в последнюю секунду, Рэндол саданул не по роже врага, а по костяку виверны, стоявшему в углу. Хрустнули скрепленные медной проволокой кости, череп, нависавший над головой чародея, рухнул, словно убитый столетие назад монстр вздумал пожрать мага или, по меньшей мере, отгрызть ему голову. Нечленораздельно рыча, Эхоу попытался содрать со своего черепа череп болотного дракона.

— Ай-я-яй! — с фальшивым сокрушением в голосе произнес Рэндол. — Какая досадная случайность! Но тебе такая обновка идет. Можно сказать, внутренняя суть наружу проступила. Кстати, ты помнишь, что зубы виверны сохраняют яд даже после вываривания? Так что я не советовал бы так резко дергать череп. Еще поцарапаешься, а потом будешь говорить, что я пытался тебя прикончить прежде времени... Да не хрипи так, я же сказал, что два дня буду кроток. И учти, ты наверняка заговорен против неприятных случайностей, а заодно и яда виверны, но у меня дома твое колдовство временно бессильно. Эй, куда ты?.. Верни череп! Он денег стоит, воровать нехорошо! — Рэндол свистнул и на прощание закричал: — Держи вора!

Потом на его лицо сошло выражение усталой муки. Пока враг был рядом, у Рэндола доставало сил на бесшабашно-издевательский тон, а теперь предстояло думать о вечере, который неуклонно приближался. Нужно придумывать способ спасти детей без малейшей надежды спасти их... вариантов очень много и каждый из них исключает другие. Можно соорудить лестницу, которая достанет до третьего этажа, — она подломится, едва дети ступят на нее. Можно привезти с болота сто телег влажного мха — он не спасет. Можно встретить эфемерное возрождение замка, сидя на стене в уцелевшем оконном проеме, чтобы на треть сократить путь в детскую... Да мало ли что еще можно! — но следом произойдет что-нибудь непредусмотренное, и оно погубит детей.

Иной стратег скажет: «А стоит ли так стараться? Ясно ведь, что хоть в лепешку расшибись, но еще две ночи мальчики будут погибать.

Все определит третья ночь, когда будет решаться судьба чародея. Возможно, черный маг погибнет, хотя не исключено, что Эхоу добьется своей цели, и тогда уже ничто не будет иметь смысла. В любом случае, две ближайшие ночи дергаться бесполезно».

А теперь попробуйте сидеть и, не дергаясь, рассеянно слушать крики погибающих детей. Человек на такое не способен, для этого нужно быть сродни магу Эхоу.

Перепуганный народ в окрестных селениях ждал, что за провинность сеньора и на их головы падут всевозможные кары, однако, не смея ослушаться, мужчины принялись спешно сколачивать осадную лестницу. Отчаянный парень Том Брэдли, готовый подраться на дубинках хоть с самим чертом, полный день возил мох с болота, где эти самые черти водились, и раскидывал его толстым слоем под окнами.

Конечно, Рэндол не надеялся обмануть колдовскую силу проклятия, но все же... — а что еще оставалось? — все же надеялся вопреки всему.

Удар колокола за полчаса до полуночи он встретил, сидя на выкошенном подоконнике своего кабинета, выгадав таким образом несколько секунд, по сравнению с прошлой ночью, когда он лез в это окно с земли по приставленной лестнице.

Дополнительные секунды никого не сумели спасти. Как странно!

Рэндол ждал, что с утра явится Эхоу, опять будет что-то говорить: грозить и улещать, но колдун не появился.

«Может быть, сдох, — выразил надежду Босуэл. — С ядом виверны даже магам шутить не стоит».

Рэндол покивал незамысловатой фантазии слуги, но продолжал готовиться к ежевечернему аутодафе. Внезапное озарение, подсказавшее мысль опрокинуть остов ядовитого гада на голову врага — это хорошо, но не следует слишком много требовать от внезапных озарений. Они слишком часто приносят разочарования.

То, что Эхоу не погиб, стало ясно за полчаса до полуночи. В положенное время замок родился из руин, вспыхнул и вновь в руины обратился. Чудовищная осадная лестница из-за неумелых действий собравшейся толпы опрокинулась и разлетелась на части.

Рэндол ожидал чего-то подобного, поэтому сам он заранее влез на подоконник второго этажа, откуда руководил неудачным подъемом осадной дуры, а когда вместо закопченного провала объявился его собственный кабинет, целый и невредимый, с деловыми бумагами разбросанными по столу, и недочитанной книгой, лежащей вверх корешком на диване, Рэндол соскочил в комнату и побежал к детям,

предоставив помощникам самим совершать все ошибки при установке лестницы.

И хотя, казалось, все прошло, как задумано: злое колдовство обманулось и было растрчено на бессмысленное разрушение ненужной лестницы, — детей все равно вытащить не удалось. Как странно!

Эхоу объявился на следующий день утром. Вид у него был потрёпанный, но торжествующий.

— Ну что, мой милый лорд, — объявил он, столкнувшись с Рэндолом у входа в башню, — наступил твой последний денек. Уже завтра в твоей жизни кое-что изменится. Основательно я займусь тобой попозже, первыми на очереди стоят некоторые из бывших соперников-магов, но поскольку полночь я собираюсь встретить здесь, то самый первый подарок от моего всемогущества достанется тебе.

— Да, это замечательный подарок — возможность вздернуть тебя на одной из этих лип, — согласился Рэндол, кивнув в сторону дороги, обсаженной старыми деревьями. — Смею полагать, что позавчерашний обрывок веревки тебя выдержит.

— Не пугай, — усмехнулся Эхоу. — Твой блеф на меня не подействует. Конечно, вначале я переволновался. Письмо конклава — не шутка, оно страшнее магических битв. Но где они могут спрятать его?.. Спрятать так, чтобы я не мог туда добраться? Единственный вариант — отдать его тебе. Ты сильный человек, и у тебя есть серьезная причина меня ненавидеть. Поэтому я и появился у тебя в первый же день. Мне не удалось ни уговорить тебя, ни запугать, но это и не важно. Меня интересовало другое: у тебя письмо или это ложный ход моих противников? К несчастью, в первый день именно этого я и не узнал. Применять магию я не мог, а ты оставался для меня загадкой. Ты сказал, что письма у тебя нет, но все в твоём поведении просто кричало, что письмо есть. Я знаю, ты никогда не лжешь, но ложь в глаза врагу — не вранье, а военная хитрость. Вот и гадай... Да, ты заставил меня поволноваться, и ты за это больно заплатишь. А вдруг письма не было вообще, и я напрасно трачу время и силы, в то время как остальные маги готовятся к войне? Я попытался прощупать конклав, но они закрылись от меня намертво. Пока у них еще есть такая возможность. Это был сильный аргумент, что письма попросту не существует. Конклав блефует, пытаясь заставить меня пойти на попятный. Но если я разгадаю блеф, это будет означать мою немедленную победу! И я его разгадал! Что качаешь головой? Самое последнее дело — подыгрывать уже проигравшим. Слушай, как все было. Есть лишь одно место, где письмо может храниться в безопасности — у тебя! Не надо выворачи-

вать карманы, я просмотрел их в самый первый день и знаю, что там ничего нет. Но я опасался, что письмо хранится у тебя на груди... И не торопись расстегивать камзол, на такую дешевку я не клюну. Вытащить бумагу из-за пазухи — что может быть легче? А вот если оно вшито под кожу... тут вся моя магия была бы бессильна. По счастью, кроме магии есть еще сила денег. Два десятка наемников на всякий случай ожидают неподалеку, а вместе с ними несравненный мастер — палач, вывезенный из сказочной Хивы. Дуюм за дюймом он содрал бы с тебя кожу, а ты при этом оставался бы жив, и значит, мое первое колдовство — сотворить с тобой нечто худшее смерти — осталось бы в силе. Признай, это изящный выход. И все же меня мучили сомнения. Сдирать с тебя кожу допустимо, только зная наверняка, что письмо там. Но всей моей магии не хватит, чтобы заглянуть в твою грудь. Мало ли, что на коже нет шрамов, скотина Максон способен на такое, и ему есть за что мне мстить. А ты слишком правдоподобно показал, что незнаком с Максоном. Значит, опять ложь! Вот как тут быть, а?

— Бедняга, — сказал Рэндол. — Мне почти жаль тебя. Стараясь перехитрить других, ты так заврался, что теперь не веришь даже самому себе. Где уж тебе совладать со всемогуществом?

— Ничего... — зловеще пропел Эхоу. — С этим я как-нибудь разберусь. А с письмом я уже разобрался. Не бойся, доблестный лорд, сегодня я не стану сдирать с тебя кожу, это веселое занятие мы отложим на потом. А сегодня — живи. Я знаю, что письма под кожей нет. Я не мог применять колдовство в отношении тебя, это запрещает закон, с которым я покуда вынужден считаться. Но я сумел обойти его! Ведь никто не может запретить мне применять чары в отношении письма. Конечно, весь конклав занят сейчас тем, что противодействует мне, но если они написали письмо, их усилия ничтожны, а если письма нет, то пусть себе противодействуют сколько угодно! Так что я и сейчас сумел их обойти! Я ограничил себя во всем, став едва ли не равным жалкому человечешке. И когда силы скопилось достаточно много, я в самую мрачную пору тьмы, в час пополуночи, направил ее на решение одного-единственного вопроса...

— «Где спрятано письмо?» — скучным голосом подсказал Рэндол.

— Нет! Тысячу раз — нет! Здесь мне могли помешать, меня могли обмануть. Ответ мог быть двусмысленным, и я бы понапрасну растратил силы. Вопрос должен быть таким, о каком и помыслить не могли идиоты из конклава! Так вот, я спросил, а существует ли письмо вообще, где бы то ни было! Если письмо существует, то оно у тебя под

шкурой, и мне останется только взять его. И что же оказалось? Письмо было написано, но с ним что-то случилось, потому что теперь его нет! Вообще! Нигде! Его нет в природе! Это значит, что я уже победил. Мои враги растратили силу, а письма сохранить не сумели! Я уже победил, понимаешь, тупица?!

— Не надо так кричать, — заметил лорд. — Мы не на ярмарке, а ты не балаганный зазывала.

— Что еще скажешь? — поинтересовался чародей. — У тебя неплохо получаются вежливые оскорбления. Продолжай. Весь сегодняшний день ты можешь меня оскорблять. Не скажу, что это пройдет безнаказанно, но продолжай.

— Мне некогда тратить на такие глупости весь день. У меня есть более важные дела.

— Подвести еще десять телег мокрого мха, подготовить еще одну просоленную веревку!.. — подхватил чародей. — Старайся, старайся, любезный. Труд облагораживает. А я зайду вечером поглядеть, как у тебя ничего не получится.

* * *

На этот раз маг сдержал слово. За час до полуночи он уже стоял, по-хозяйски разглядывая руины замка. Рэндол, целый день лазавший среди развалин, не обращая внимания на объявившегося врага, продолжал что-то объяснять Босуэлу и Тому Брэдли.

— Брысь отсюда, — приказал Эхоу, подходя.

Том длинно сплюнул волшебнику под ноги, потом спросил у лорда:

— Дать ему в лоб, что ли?

— погоди, еще не время. Вот после полуночи — сколько угодно. Только не до смерти, а то обидно будет, если он так просто отделается.

— Это мы понимаем, — рассудительно ответил Том.

— Ладно, — сказал Эхоу, — гавкайте. До полуночи осталось всего ничего, и тогда вы начнете не гавкать, а подвывать.

Рэндол повесил зажженный фонарь на крюк, заранее вбитый в стену, потом они с Томом принялись устанавливать лестницу, по которой предстояло лезть на второй этаж. Обязательный и уже чуть ли не привычный ритуал.

— Эй, — крикнул Эхоу, — может быть слезешь? Постоим, полюбуемся, как будут жариться твои сопляки. Последний раз у тебя есть такая возможность — постоять рядом со мной на равных.

Рэндол, примостившись на торце стены, с силой толкнул приставную лестницу. Прочертив размашистую дугу, та грохнулась туда, где только что стоял волшебник. Отпрыгнувший Эхоу заметил презрительно:

— Не думал, что лорд Рэндол унижится до такой пошлости. Штука с виверной была хотя бы не лишена изящества, а это — чисто мужицкая выходка. Но я и ее запишу в общий счет. За каждый свой взгляд ты ответишь тысячекратно. А покуда — сиди там, как петух на насесте.

— Послушай, — обратился Рэндол, сверху вниз глядя на прохаживающегося Эхоу, — неужто могущество тебе нужно только для того, чтобы свирепо отомстить всякому, кто в предыдущей жизни посмел косо взглянуть на тебя? Тебе никогда не приходило в голову сотворить что-нибудь доброе?

— Бред! Добрым вы называете того, кто, обладая силой, добровольно пошел к вам в услужение. Такое бывает только в сказках. Нельзя же быть настолько глупым! Прежде вы хотя бы богов придумывали как следует. Боги были могучи и бесчеловечны, карали и миловали без причины, исходя лишь из своего каприза. А теперь вы и бога придумали бездарно. Что может быть глупее всемогущего милосердия? Бог, пошедший в услужение к человекам, — надо же до такого додуматься!.. От меня вы подобного не дождетесь!

— Вот потому ты и не бог, — пробормотал Рэндол, — и никогда им не станешь...

Далее Рэндол не слушал и не отвечал. С колокольни деревенской церкви донесся удар, возвещающий, что до полуночи осталось полчасика, и фамильный замок вознесся к небу на все свои три этажа. Возникли стены и залы, дорогое убранство и каморки прислуги. Былое великолепие вернулось, чтобы через час рассыпаться в прах. Созидание и разрушение совершались одновременно, замок возник уже горящим; клубы дыма нового пожара смешались с чадом пожара вчерашнего.

Рэндол спрыгнул с подоконника на несгоревший покуда наборный паркет кабинета, откуда он уже трижды начинал бессмысленный смертельный бег. Здесь все было знакомо до последней мелочи: ореховый стол, служивший еще отцу нынешнего лорда, малахитовый письменный прибор с бронзовыми чернильницей, песочницей и подставкой для перьев. Шкаф с любимыми книгами, которые снимаются с полок так часто, что всегда должны быть под рукой. Одна книга, раскрытая, корешком вверх лежала на диване: когда-то Рэндол не успел дочитать страницу, и теперь книге вечно предстоит быть недочитанной. На сто-

ле — незаконченные страницы дневника, послания столичных друзей и родни, на которые он не успел ответить, и среди них — одно письмо, написанное не им и адресованное не ему. Письмо, которого не было в самом первом пожаре, но которое три последних дня сгорало и воскресало вместе с замком Рэндол.

Изошренная волшба не подвела Эхоу. В минуту рокового гадания письма и впрямь не существовало в природе, оно уже сгорело в пламени, уничтожившем замок. Но каждую ночь оно на короткий срок возникало из пепла, ожидая, когда наступит решающая полночь.

Рэндол схватил письмо, вернулся к окну.

— Эхоу! — крикнул он. — Вот письмо! Оно существует! А теперь попробуй отнять его у меня, не пользуясь своей поганой магией! У тебя еще есть полчаса. Ну же, прыгай в огонь, догони меня, если сможешь!

Эхоу взмахнул руками, словно собираясь взлететь, хотя прекрасно знал, что никакое заклинание не сработает здесь, где он уже совершил больше, чем дозволено. А вот Том Брэдли, которому надоело ждать полуночи, возник у мага за спиной и тяпнул его по затылку своей любовно выстроганной и отполированной ладонями дубинкой.

Что было дальше, Рэндол не видел. Он бежал через анфиладу комнат к детской. Как ни будь сладка месть — дети важнее. Ноги сами несли маршрутом, четырежды пройденным наяву и сотни раз в мыслях: ко внутренней лестнице левого крыла, на третий этаж, в детскую комнату, где на полу еще высилась так и не захваченная пять дней назад вражеская крепость. И он едва не упал, когда на задымленной лестнице столкнулся с бегущими вниз мальчишками. Четыре дня они ждали, когда отец придет спасти их, а он приходил слишком поздно. И вот на пятый день они пошли ему навстречу.

Голова Перси была старательно укутана снятой с постели полотняной простыней; видно, у старшего брата не хватило сил или сноровки сорвать портьеру, у самого Робина курточка была натянута на голову, словно у отца, когда он первый раз прорвался к ним. Братья бежали, взявшись за руки, и видно было, что старший не бросит малыша ни в коем случае.

Рэндол подхватил Перси на руки, они сбегали на площадку второго этажа, украшенную аляповатой мраморной вазой итальянской работы. Из галереи, по которой только что пробежал Рэндол, валил густой, смердящий паленой кожей дым. Пожар добрался к библиотеке и жадно пожирал пергаментные свитки.

В самую первую ночь, а потом еще раз Рэндол пытался пробежать с детьми по этой душегубке и вынес трупы. Сейчас он метнулся по ле-

стнице вниз. Весь первый этаж был уже охвачен огнем, так что Рэндолу пришлось сбегать еще ниже. Там было чуть легче дышать, но зато ни зги не видно.

Свеча в кармане суконной крестьянской куртки, которую с вечера надел Рэндол, оказалась сломана, но загорелась с первой искры. Какой абсурд — зажигать свечу на пожаре! — но Рэндол старался предусмотреть все. Влажный мох под окнами, просоленные веревки на уцелевших окнах второго этажа, кузнечный молот в прогоревшем проеме служебного входа, ведь перед пожаром эта дверь была заперта, ключи пропали, и, случись что, дверь придется выламывать. Случилось так, что огонь загнал их в подвал — и вот, в кармане свеча, огниво и ключ от винного подвала. Мажордом, удирая из проклятой усадьбы, позабыл вернуть ключи от сгоревших дверей, но у Босуэла имелся свой ключ, чтобы можно было, не поднимая тарарам, в любое время дня и ночи принести лорду вина.

Тяжелая дверь подвала с тюремным лязгом захлопнулась за ними. Теперь на несколько минут они были в безопасности. Дым сюда не проникал, а перекрытия начнут рушиться еще не скоро.

— Быстрой!

— Тут подземный ход? — спросил Перси.

Подземный ход в замке был, но очень давно. Он начинался здесь, среди винных бочек и стеллажей с бутылками, проходил подо рвом, ныне частью засыпанным, частью превратившимся в пруд, куда гоняли на водопой лошадей и коров. Заканчивался ход в часовенке рядом с фамильным кладбищем Рэндолов. Десять лет назад Рэндол, беспокоясь за Робина, который уже тогда отличался неугомонной любознательностью, отыскал полуобвалившуюся штольню, восстановил потайные двери, первые несколько ярдов приказал расчистить и укрепить, чтобы было что показывать гостям, а все остальное велел засыпать окончательно. Разумеется, ни бежать из замка, ни проникнуть внутрь через этот ход было невозможно.

— Тут есть выход, — ответил Рэндол.

В дальнем конце подвала оказались наклонные сходни, ведущие к широкой отдушине, прорубленной лет пятьдесят назад, чтобы можно было вкатывать бочки в подвал, минуя парадные залы. Все-таки цивилизация не такая дурная вещь. Она заваливает подземные ходы, но всегда прорубает запасной выход.

Проем был забран обитой железными полосами дверцей, ключей от которой не было у Босуэла, но, чтобы открыть дверь изнутри, ключи и не требовались. С этой стороны механизм замка был на виду, так

что достаточно было отодвинуть два массивных кованых засова. Подцепив кончиком кинжала (он тоже был взят с собой на всякий случай!) первый засов, Рэндол легко сдвинул его. Следом сдвинул верхний засов и потянул на себя тяжелую дверь, сколоченную как раз по размерам винной бочки.

Очень хотелось поскорей очутиться снаружи, но Рэндол сначала осторожно выглянул, опасаясь горящих обломков, летящих с верхних этажей. Однако навес, устроенный в этом месте, еще держался, лишь балка с блоком для разгрузки с телег винных бочек пылала, словно гигантская лучина, вставленная в небывалый светец.

Рэндол на четвереньках выбрался наружу, выхватил из подвала детей, и все трое отбежали на безопасное расстояние.

— Как горит! — протянул Робин, глядя на бьющее из окон пламя. — Папа, мы не окажемся там снова?

Рэндол прислушался. Издалека доносился звон колокола. Не пожарный набат — к еженощному пожару деревенские жители, к сожалению, слишком быстро привыкли, — а обычные мерные удары. Звонарь отбивал полночь.

— Нет, — сказал Рэндол. — Больше вы там не окажетесь.

Обогнув горящий замок, они увидели перед парадным входом бывшего мага Эхоу, который так и не бросился в огонь, чтобы отнять письмо. Хотя, вернее, он не смог туда броситься, потому что Босуэл и Том Брэдли крепко держали его, заломив руки за спину. Никто в деревне не умел лучше Тома Драчуна биться на палках, и по всему видно, дубинка Тома еще пару раз приложилась к затылку мага, потому что Эхоу больше не пытался рыпаться, а лишь очумело тряс башкой.

— Ну и каково быть всемогущим? — спросил Рэндол, подходя. Письмо он достал из кармана, хотя руку держал на отлете. Полночь уже миновала, но отдавать письмо в лапы Эхоу все равно не хотелось.

— Лжец! Подлый вун! — прохрипел Эхоу. — Ты клялся, что письма у тебя нет!

— Его у меня тогда и не было. Я положил письмо на столе в своем кабинете. Не моя вина, что все эти дни ты сжигал дом вместе со всем, что там находилось. Если бы даже я захотел, я бы не мог отдать тебе сгоревшую бумагу.

— Подлец!

— Ты как говоришь с его милостью?! — Босуэл встряхнул мага за шкуру. — А ну прикуси язык!

— Пусть его, — отмахнулся Рэндол. — Что ему остается, кроме ругани?

— Когда вешать будем? — деловито осведомился Том.

— Погоди... — Рэндол скинул куртку, принялся разматывать веревку, которой он на всякий случай был опоясан. — Сначала мы его свяжем, а там поглядим.

Тщедушный Эхоу изгибался, как вареный червяк, но выскользнуть из дюжих лап Тома не мог. Через минуту он был накрепко связан и с ужасом наблюдал, как Рэндол, используя остатки сена и обломки двух лестниц, разводит костер.

— Что, невесело? — спросил Том. — А других жечь весело было? Теперь на себя примерь.

Рэндол зашел в башню. Беатрис сидела на краю постели, прижимая к себе обоих мальчишек. Кажется, все это время они так и пробыли, замерев.

— Вот видишь, — сказал Рэндол, — я же обещал, что все будет хорошо. Я знаю, ты не хочешь видеть этого дутого мага, но я сейчас разберусь с ним. А тебе лучше отсюда выйти, огонь слишком близко. Никто не знает, чем закончится сегодняшний пожар.

— Конечно, мы сейчас выйдем, — ответила Беатрис, улыбнувшись слабой, но настоящей улыбкой.

Рэндол выбрал в куче палаческих принадлежностей, сваленных рядом с разбитым скелетом виверны, тяжелые клещи и причудливой формы железяку неясного назначения. Вышел из башни, бросил железяку в костер. Присел возле связанного Эхоу, заглянул ему в лицо.

— Будешь пытаться? — проскрипел колдун.

— Зачем? Это ты специалист по пыткам, так не суди других по себе. Я не стану даже вешать тебя, не хочу марать честную веревку. Я тебя отпущу, и ты уйдешь. Но сначала надо предупредить добрых людей, кто перед ними, а то ведь ты снова можешь начать свои мерзости. Кстати, это идею подсказал мне ты, — Рэндол клещами шевельнул железяку, черневшую на углях. — В мире ничего не бывает просто так. Раз ты выпросил у меня это железо, а потом вернул назад, значит, в этом есть смысл. Я понимаю, ты хотел превратить мое жилище в мрачную пещеру, украсив его костями виверны и орудиями пыток. Вместо этого череп болотного гада упал тебе на голову. А теперь и пыточный инструмент пригодится. Знаешь, что это? Это тавро, которым мои не слишком гуманные, но достойные предки клеймили пойманных воров. Подожди, сейчас оно раскалится как следует. В наше время уже не встретишь преступника, клеймленного таким образом, ты сможешь неплохо зарабатывать на ярмарках, рассказывая свою историю.

— Лучше повесь! — прошипел маг.

— Захочешь — повесишься сам. А меня избавь.

Рэндол вернулся к костерку, пошевелил клещами угли, потом ухватил железо и крикнул:

— Томми, придержи нашему гостю голову, чтобы он не дернулся ненароком!

Горячее железо впечаталось в морщинистый лоб, Эхоу взвыл, дергаясь, но Рэндол продолжал вдавливать клеймо, пока плоть под раскаленным металлом не перестала шипеть.

— Вот и все, — сказал Рэндол, отбросив инструмент. — Ты свободен. Том, развяжи его.

— Подождите, подождите минуту! — раздался крик.

По дороге, обсаженной старыми липами, на которых никто так и не был повешен, торопились двое. Впереди Райнихт, следом старичок в яркой одежде нездешнего покроя.

— Успели! — отдуваясь произнес старичок. — Позвольте представиться: Максон — маг и чародей, к вашим услугам. Насколько я понимаю, вы собираетесь вешать этого негодяя. Я хотел бы присутствовать при экзекуции, если не возражаете.

— Вынужден вас огорчить, — ответил Рэндол, поклонившись. — Я решил отпустить господина Эхоу, не повесив.

— Но как же?.. — вскинулся Максон.

— Мне кажется, — мягко сказал Райнихт, — лорд Рэндол выбрал наказание, которое страшнее смерти. Покуда наш бывший товарищ горюет о том, чего он не приобрел. Но скоро он поймет, что потерял, и это будет истинный ужас.

Максон пожевал сухими губами.

— Пожалуй, вы правы, друг мой. Вешать его было бы глупо. Но... нельзя же отпустить его просто так...

— А вот здесь я с вами полностью согласен. Нас тут двое, мы оба полномочные представители конклава. За чем дело?

— Дело в том, что лоб негодяя уже помечен. И там совсем другие литеры, чем требует традиция.

Райнихт подошел, глянул в лицо Эхоу. Лоб бывшего чародея вспух и покраснел, но выжженное слово «Вор» читалось совершенно четко.

— И что? — спросил Райнихт, брезгливо отвернувшись. — Да, буквы другие, но смысл? Что касается традиций, до сих пор еще никто не клеймил разжалованного волшебника. Они всегда погибали. Мы с вами создадим интересный прецедент.

— В самом деле! — вскричал Максон. — Как я не подумал?

— Начинаем, мэтр Максон.

— Полагаю, его следует все-таки отпустить, — вмешался Рэндол.
— Он уже наказан и, главное, никому больше не сможет причинить зла.

— Мы его отпустим, — успокаивающе произнес Райнихт. — Наше колдовство вреда здоровью не причинит. Но закон должен быть исполнен.

— Называвший себя магом, яви свое искусство! — торжествующе возопил Максон. Затем он повернулся к Райнихту и произнес буднично: — Я не наблюдаю в нем никакой силы.

— Я был, был великим магом! — взвыл Эхоу. — Это вы, негодяи, подло отняли мою силу! Вы не смеете делать этого!

— Я тоже не могу обнаружить ни малейших проявлений силы, — не обращая внимания на крик, произнес Райнихт. — Перед нами явный самозванец. Приступайте, коллега. Это ваше право.

Максон вздел руку со скрюченными пальцами. Казалось, сейчас он вцепится в глаза Эхоу, но и без того связанный, тот визжал и бился сильнее, чем в ту минуту, когда его жгло железо.

Не коснувшись лба, Максон опустил руку. Слово «Вор» на лбу Эхоу вспыхнуло ярким, негасимым светом.

— Теперь можно развязывать, — кивнул Райнихт.

Почувствовав свободу, Эхоу вскочил и бросился бежать. Том Брэдли засвистел вслед.

— Замечательно! — объявил Максон, потирая ладони. — Мне кажется, следует отметить столь удачное завершение дела.

Меньше всего Рэндолу хотелось что-либо отмечать с этим человеком, а вернее, магом. По счастью, Райнихт выручил его.

— Согласен, друг мой, — сказал он. — Вы пока ступайте, распорядитесь насчет праздника, а я доделаю кое-какие мелочи и подойду.

Максон расплылся в улыбке, послал присутствующим воздушный поцелуй и исчез.

— Я правильно сделал, забыв пригласить вас на пирушку к Максону? — спросил Райнихт. — Мне кажется, вы не слишком рвались туда. К тому же ваша жена скорее сгорит в башне, чем выйдет, пока мы здесь.

— Спасибо, — сказал Рэндол. — Вы очень добры.

— Я не добр, — поправил Райнихт. — Я всего лишь справедлив. Мне показалось справедливым, чтобы вашей жене вернулся разум, — она здорова. Мне показалось справедливым, чтобы гадина Максон мог поквитаться с обидчиком; Максон сполна наслаждался местью. А доброта здесь ни при чем, это понятие бытует только среди людей. Мне

нет дела, что, по мнению окрестных поселян, ваша супруга добра, а Максон — зол. Пусть с этими вопросами разбираются любители копаться в этических проблемах. Я всего лишь блюду закон справедливости, да и то лишь в те минуты, когда мне приходится колдовать. Может быть, я не прав?

— Пожалуй, вы правы, — Рэндол глянул в лицо волшебника и добавил: — Сейчас у меня будет слишком много дел, но как только жизнь хоть чуточку наладится, я буду рад видеть вас у себя. Просто так, безо всякого колдовства; я очень устал от чар. Посидеть, поговорить о жизни. Я не философ и плохо разбираюсь в этических сущностях, но что такое добро, я постараюсь объяснить.

— Договорились, — Райнихт кивнул, приложил два пальца к шляпе, повернулся и пошел в ночь, из круга, освещенного заревом пожара.

Теперь поблизости от гибнущего замка не оставалось ни одного волшебника, и в самой его гибели тоже не было ничего чудесного. Огонь подошел уже близко к старой башне. Босуэл вывел наружу Беатрис и мальчишек. Хотел было идти вытаскивать вещи, но Рэндол остановил его.

— Пусть. Там не осталось ничего нужного.

Пламя взлетело по плетям старого плюща, заглянуло в бойницы третьего и четвертого этажей, пробежалось по пыли и мелкому сору, охватило пересохшее дерево перекрытий, и башня запылала разом, словно бочка с перегретой смолой. Из темноты потянуло ветром, и весь остальной пожар ненадолго оживился, дожигая то, что еще могло гореть.

Беатрис подошла к мужу, укрылась за его спиной, положила ладони на плечи. Мальчишки, взявшись за руки, стояли рядом.

— Они ушли? — она не уточнила, «кто» ушел, но Рэндол понял и ответил не переспрашивая:

— Да, конечно.

— Это хорошо. Теперь все наладится. Смотри, как горит... ведь это вся наша прошлая жизнь... (с долгим треском рухнула крыша правого крыла) — там был зал для балов, а теперь ассамблеи будет проводить кто-то другой. А тут... (новый столб искр) — наша спальня. Надо же, все сгорело, а мне ничуть не горько.

— Пусть горит, — согласился Рэндол. — Пускай сгорает все. Самое дорогое я сумел вытащить.

Г Е Н Р И Л А Й О Н О Л Д И

ТУРНИР

Иллюстрация Владимира Овчинникова

В БЛЕЗУА

Из архива «Сопредельного Вестника», выпуски V—VI за Год Сизого Грифона, рубрика «Светская хроника». Опубликовано под псевдонимом Этьен Хурделица (предположительно, Агафон Красавец) в адаптированном для юношества варианте. Финал «Турнира...», сожженный автором и не предназначенный к публикации, был восстановлен Горацием Цукром, мэтром-верстальером II категории, по остаточным творческим дурновениям. Сигнальные экземпляры переданы Гувальду Мотлоху, верховному архивариусу Надзора Семерых, для очной ставки.

I.

Дядько Сил! Эй, дядько! Лупоглазка опять в болоте тонет! Колдун Сильвестр Фитюк нехотя оторвался от важного занятия — минутой раньше он клал заплату на прохудившуюся полу кафтана — и хмуро воззрился на запыхавшегося белобрысого Фильку.

— В Выпейной Пади небось? За Куликовым Пойлом? — уточнил он на всякий случай, хотя никаких других болот в округе отродясь не водилось.

Тем не менее замечание достигло цели: Филька преданно закивал, заглядывая в рот наставнику. «Вот что значит — настоящий колдун! Сразу догадался!..» — трехвершковыми рунами было написано на конопатой физиономии ученика.

— Ага! Это она нарочно!

Филька состоял при колдуне больше года и уже умел готовить зелья от запора и похмелья. Еще он ловко снимал случайный «вырви-глаз» при помощи заговоренной кисточки из хвоста пятнистого злобарика. Зимой Фитюк начал знакомить ученика с основами гадания на бобах и на бараньей лопатке. Однако к немногим серьезным заклятиям, которыми владел сам, мальца пока не подпускал.

И, похоже, зря. Тащись теперь на болото, твори «тяни-швыряй», чары трудные, с побочными эффектами, выволакивай стерву Лупоглазку из трясины, где она тонет с завидным постоянством... Прав Филька: нарочно она это делает. Не иначе, летать понравилось. Вот сейчас бы послал ученика, а сам остался дома. Мало ли у старого колдуна дел по хозяйству?

Вздохнув, Фитюк спрятал иглу с нитками в кошель, где хранил всякую мелкую, но нужную дребедень, накинул на плечи кафтан с недозаплатанной дырой и вразвалочку направился к дому.

— Ты куда, дядько Сил?! А Лупоглазка?!

Фитюк не ответил, скрывшись в сених. Филька остался на дворе, приплясывая от нетерпения. Вскоре колдун вновь возник в дверях, обутый в бахилы с высокими голенищами, купленные прошлой осенью на ярмарке. Пачкать дорогую обувь вонючей грязью не хотелось, но отирать пиявок-прилипал, расплотившихся в Выпейной Пади сверх меры, хотелось еще меньше. Да и наступить босой ногой на болотную гадюку — удовольствие сомнительное.

А ведьма-порченица Меланфия полученное от бабки «змеиное слово» держала в секрете, отказываясь сообщить его даже в обмен на одно из семи наследных заклятий рода Фитюков.

— Пошли, что ли?

Ученик с радостью припустил вперед, предвкушая грядущее зрелище.

Колдун степенно двинулся следом, для солидности опираясь на узловатый посох самого что ни на есть чародейского вида. Посох Фитюк самолично вырезал из сухой груши, отполировал, покрыл таинственными, но совершенно бессмысленными знаками, украсил на конце фигуркой яростного несвезлоха, а затем «вычернил» настоем из орехов, дубовой коры и ягод дружинника. Получилось внушительно, даже учитывая, что никакой магической силой посох не обладал. К счастью, клиенты и вредная конкурентка Меланфия об этом не догадывались.

Белобрысый же Филька уважал посох пуще грома небесного. Гром когда еще грянет, а посох всегда под рукой.

Свернув с пыльного проселка, они пересекли заросшее сочным разнотравьем Куликово Пойло, обходя бочажки с темной смоляной водой. Из-под ног то и дело вспархивали кулички, перепелки и голенастые пигалицы. Последние, прежде чем взлететь, норовили исклевать путникам шиколотки. Колдуна спасали сапоги, а Фильку — увертливость и подобранная по дороге хворостина, которой ученик с успехом отмахивался от наглых пернатых.

В стороне, у края Пойла, весело стучали топоры и молотки, визжали пилы: малокатахрезцы с вражинцами сообща отстраивали мельницу, сгоревшую в прошлом году, надеясь поспеть к сбору урожая. Со стропил, рискуя свалиться, Фитюку приветственно махал рукой Олекса Шиш, мельников кум, пьяница и буян.

Колдун махнул в ответ: «Вечный Странник, ёлки-метёлки, в мощь!»

Солнце припекало, и он жалел, что не прихватил соломенный брыль. Вернуться? Нет, поздно. Считай, пришли.

— Ой, да где ж вы пропадали?! Что ж так долго?! Ой, Лупоглазочку-бедняжку, считай, напрочь засосало! Одна голова торчит! Ой, что ж это делается, что за напасть такая?! Никак сглазили, выродки, мою красавицу...

Не обращая внимания на стрекот известной на всю округу шалавы Яньки Хулебяки, хозяйки строптивой Лупоглазки, колдун двинулся по ненадежной гати в глубь болота.

Ученику он знаком велел оставаться на месте.

— Стойте! Именем короля!

Оборачиваясь, Фитюк оступился на склизком горбыле и едва не шлепнулся в грязь. Выругался, глядя из-под ладони: солнце слепило глаза. Нижняя Мама, откуда гроза на нашу лысину?

Через Пойло, бухая казенными, не по размеру, сапожищами, к ним торопился гонец. Над зеленой шляпой полоскался по ветру линиялый вымпел с гербом Блезуа. Кроме шляпы и сапог гонец был облачен в расстегнутую пажескую курточку на голое тело и холщовые штаны с пузырями на коленях.

«Жарко сегодня!» — ясно говорил его наряд.

На краю болота гонец остановился, пыхтя от усердия.

— Чего тебе? — сварливо поинтересовался Фитюк.

— Его Величество!.. Король!.. Король Серджио...

— Ну?

— Велел!

— Да рожай быстрее, что ты телишься!

— Велел, чтобы колдун Сильвестр Фитюк немедленно явился в замок. Вот!

Гонец стащил шляпу, попытался отереть рукавом пот со лба, но оцарапался галуном и, зашипев, вытер чело ладонью.

— С чего бы это мне такая честь, ёлки-метёлки? Не видишь, я делом занят?

— Делом он занят! — немедленно образовалась рядом Янька, пылая праведным гневом. — Понял, скакун драный?! Не слушай его, Сильвеструшка, спасай мою ласточку!

Гонец обернулся к Яньке, намереваясь дать дерзкой достойную отповедь. Увы, взгляд его сразу прилип к двум тугим округлостям, бесстыдно выпиравшим сквозь тонкую ткань Янькиного сарафана. В итоге гонец издал горлом невнятный сиплый звук, судорожно глотнул и облизнулся.

— Спасать? — выдавил он наконец. — Кого это вы на болоте спасаете? Пиявку?

— Лупоглазку. В пятый раз уже, — встрял в разговор конопатый ученик Филька.

— Корова, что ли?

— Эх, если б корова... — вздохнул колдун. — Ладно, а я-то королю зачем понадобился?

— Его Величество зовет вас на пир! — ухмыльнулся гонец.

Колдуну ухмылка гонца не понравилась. Сроду Серджио Романтик не делил пиры с Сильвестром Фитюком. Однако отказать августейшей особе никак нельзя. Надо идти. Фитюк скреб грязным ногтем щеку, делая вид, что размышляет. Хорошо бы и Фильку с собой взять. А что? Колдун явился со своим учеником. На пир мальчика, конечно, не пустят, зато на кухне наверняка покормят. Пусть королевских харчей отведает. Когда еще такой случай представится?

И на обеде сэкономим.

— Благодарствую за приглашение. Беги обратно, скажи: колдун следом будет. Вот Лупоглазку вызволю и приду.

— Ой, Сильвестрик! Ой, родненький! Ой, спасибо! — бросилась Фитюку на шею Янька.

И, не стесняясь зрителей, жарко зашептала на ухо:

— А я в долгу не останусь! Ты вечером как, незанятый? Отдохнувший?

Сильвестр Фитюк довольно усмехнулся, глядя, с какой завистью пялятся на него гонец.

— Вечером я, пожалуй, сыт, пьян и нос в табаке. Чай, не в корчму, к королю зван. Ты заходи, потолкуем. А ты, Филька, домой беги. Рубаху чистую надень и обуйся. На пир идем, ёлки-метёлки!

Обалдевший от свалившегося на него счастья, Филька пискнул, кивнул так рьяно, что едва голова не оторвалась, и припустил со всех ног по Куликовому Пойлу. А колдун опять двинулся по гати, осторожно шупая посохом дорогу. Ну, где тут эта злосчастная Лупоглазка?

«Верно говорят: сапоги надеть — к дороге, аль случится что», — думал Сильвестр Фитюк.

II.

— Сильвестр Фитюк из Малой Катахрезы!

Агафон Красавец, по скудости лейб-бюджета совмещавший обязанности барда и мажордома, ударил посохом об пол. Посох скользнул острым концом по плитке из ложного мрамора и больно ушиб лодыжку Фитюка.

— Чтоб тебя, ирода! — тихо, но внятно пожелал колдун барду.

Не суеверный, но опытный Агафон на всякий случай сделал знак от сглаза, и Фитюку пришлось второй раз уворачиваться от кровожад-

ного посоха. Впрочем, нет худа без добра: собравшиеся за столом восприняли это как церемонный поклон и заплодировали.

— Рады, искренне рады!

Их королевское Величество Серджио Романтик после третьего бокала кларета приходил в наилучшее расположение духа, утверждая, что мир создан для юных душой. А сейчас нос короля цветом напоминал закат над Кузькиным лугом, свидетельствуя по меньшей мере о пятом бокале.

Рядом с королем благосклонно улыбалась его августейшая супруга, надев в честь пира второй из своих «выходных» чепцов, с золоченой сеткой и лентами. По непроверенным слухам, чепец сильно молодил Терезу Блезуа. На головном уборе, доставшемся королеве в наследство от бабушки Лукреции, лежало заклятие миловидности, наложенное чуть ли не самим Нихоном Седовласцем в память о знойных ночах юности.

С годами заклятие выветрилось, а чепец остался.

Помимо королевской четы за столом присутствовали Их Высочество принцесса Мария-Анна с мужем, рыцарем Арчибальдом Тюхпеном, Потрошителем Драконов, и барон фон Кайзеринг, случайно проезжавший утром мимо замка. Барон всегда случайно проезжал там, где намечалась попойка или драка.

Драки он уважал без повода, а попойки — на дармовщинку.

Подслеповато шурясь, Фитюк не сразу разглядел незнакомого молодца, разряженного в пух и прах по столичной моде. Молодец втерся между бароном и принцессой, умудряясь вести светскую беседу сразу на два фронта.

— Агафон, проводи гостя!

— Стоять! — грозно велел колдун оживившемуся барду, видя, что Агафон берет посох наперевес. — Не извольте, ёлки-метёлки, беспокоиться...

Присев на лавку — кресла полагались только коронованным особам, — он придвинул поближе тарель с курапатками, маринованными в укусном меду. Надо быстрее урвать кусок, пока не выгнали. Знаем мы эти высочайшие приглашения...

В углу скулили любимые борзые Серджио Романтика, тщетно ожидая подачи.

— Так вот, Ваше очаровательное Высочество, я и говорю Кольрауну: «Милейший Просперо! Душевно признателен, но в этом деле я не нуждаюсь в помощи! Сами посудите: мелкий демонишко, даже без статуса...». А он мне: «Полно скромничать, дружище Тиль! Как же без статуса, если реестр Клазуевича-Ряшки ясно гласит...».

— Вы дружны с самим Просперо Кольрауном? — ахнула принцесса, теснее прижимаясь к собеседнику. — Боевым магом трона? О, мэтр, это так пикантно...

Синие глаза Ее Высочества лучились восторгом.

Нечасто в Блезуа появлялись такие гости.

— Не стану хвалиться, Ваше прелестное...

— О нет, сударь! Хвалитесь! Умоляю вас, хвалитесь! Если бы вы знали, как скучна жизнь принцесс в провинции...

— Да уж! — не пойми к чему добавил барон фон Кайзеринг, обгладывая баранью ногу.

— Ну, если вы настаиваете!.. В сущности, мы с боевым магом накоротке: я его зову Альрауном, по-свойски, а он меня...

— А он вас, сударик, и вовсе, должно быть, не зовет, — не сдержался Фитюк. — Вы сами небось, ёлки-метёлки, приходите. Без спросу.

Задним числом колдун укорил себя за длинный язык. Точно выгнют. Взащей. И поесть как следует не дадут. Но очень уж бахвал-фертик пришелся Фитюку не по сердцу. Милейший, значит, Просперо. Полно, значит, скромничать. Накоротке они.

А принцесса и уши развесила, дурища.

Колдун ухватил жирный шмат кулебяки с тресковыми мозгами, надеясь, если таки выгонят, унести добычу с собой. Хорошо бы Филька не зевал на кухне — все экономия средств. Тащись к этим величествам, ноги по жару бей...

Обиду на Серджио Романтика колдун таил давно. Еще с тех пор, когда его вызвали удостоверить девичество Марии-Анны, вырванной из лап злобного дракона, и в последний момент отказали в доступе к телу. В прошлый раз приезжий скопец-«пицилист» обскакал, и сейчас, видать, тоже сопляк из столицы на кривой объедет.

Нет пророка в своем отечестве, ёлки-метёлки.

Одни пороки.

— О, наставник! — молодец словно только сейчас заметил нового человека за столом. — Приветствую вас, высокочтимый учитель! Вы чудесно сохранились! Лейб-малефактор Серафим Нексус говаривал мне в приватной беседе, что глушь обладает дивными консервирующими свойствами...

— Вы знакомы с лейб-малефактором? — заинтересовалась королева.

— Не слишком, — заскромничал молодец. — Однажды я оказал ему мелкую неоценимую услугу, и с тех пор он приглашает меня в день иглозакупок: для консультаций... Ах да, еще на именины!

Фитюк моргал, рассматривая болтуна. Лисьи черты, хрящеватый

нос. Острые глазки прохиндея. На верхней губе — родинка. Что-то знакомое чудилось колдуну в облике молодца, но он никак не мог ухватить, что именно.

Дело решил вороватый жест, с каким молодец подхватил фаршированную сливу. Сливы лежали горкой вокруг жареного гуся, бери — не хочу, но жест, и плечом вот так, чтоб никто не заметил... и глазки по сторонам: зырк-зырк...

— Тиль? — неуверенно спросил колдун. — Это ты?

Все собравшиеся за столом расхохотались, как если бы ждали этого вопроса заранее. Гудел басом Серджио Романтик, вторила меццо-сопрано королева Тереза. Дискантом заливалась принцесса, хмыкнул Арчибальд Тюхпен. Перхал барон, красный как рак: глоток пива угодил фон Кайзерингу не в то горло.

«А неча жрать в два горла», — задним числом отметил Фитюк.

Отсмеявшись, Его Величество махнул рукой барду-мажордому. Тот поднял посох, обождал, пока молодец встанет из-за стола, выставив себя на всеобщее обозрение, и объявил, словно столичный фронт минувшей ранее вошел в залу:

— Тильберт Гудзик, дипломант XVII Реттийского конкурса молодых волшебников, номинант премии «Чара года»!

— Имею честь приветствовать, наставник! — раскланялся дипломант и номинант.

— Ёлки-метёлки...

Фитюк узнал гостя. Девятилетнего Тиля отдала ему в ученики Марта Гудзик, соломенная вдова бондаря Яна, ушедшего на край света, в паломничество к мощам Шричиватры Ла-Ланголезца. Колдун хорошо понимал бондаря: от такой женушки впору бежать хоть к Нижней Маме. Шустрая бабенка, справив сороковины ухода супруга, намеревалась в скором времени взять патент на двоемужество, ребенок ей мешал, как, впрочем, мешал с самого дня своего рождения — и формулу «Мясо — ваше, кости — наши!», передавая Тиля колдуну, Марта произнесла с истинным наслаждением.

Откажись Фитюк от платы за обучение, она бы и кости сына с радостью передала в его владение.

Тиль рос босяком и выжигой, хотя не без искры таланта. Лупить ученичка приходилось через день, но и польза имела место. Три года спустя Фитюк спокойно доверял ему сведение бородавок, «венца безбрачия» и «концов с концами», то бишь борьбу с домовыми злыднями. Злыдней парень гонял исключительно. А то, что в доме клиента после обряда неизменно пропадала какая-то безделица, списывали на остаточные злыдневы эманации.

Кстати, вместе с потерей «венца безбрачия» у девиц частенько тоже кое-что терялось, за компанию с «венцом». Но кто дерзнул бы упрекнуть в этой потере двенадцатилетнего ученика колдуна? Молодоезелено, проехали-забыли. А брачную простыню и цыплячьей кровью извозюкать не грех.

Свадьба все спишет.

Накануне дня рождения, когда Тильберту Гудзику должно было исполниться четырнадцать, колдун имел с учеником серьезный разговор. О расширении практики за территорию Малой Катахрезы, вплоть до Вражины с Крутовражьем. О перспективах вселенской славы в границах Блезуа — благо королевство куцее, и границы с гулькин хвост. О добродетелях, без которых побьют, и побьют сильно. О том, что курочка по зернышку клюет, а из петухов студень варят и с хреном едят. Ну, еще всяко-разное, по мелочам.

Утром Тиль сбежал, прихватив малую толику денег, каравай хлеба и припасенный на зиму окорок.

Окорок колдун не мог простить гаденышу по сей день.

И вот, спустя десять лет, нате-здрасте...

— Я вижу, учитель, вы узнали меня! — глумливо раскланялся Тильберт, сдернув берет: умопомрачительный, весь в бисере и канители. — Понимаю, время никого не щадит. Из юноши оно делает мужа, из старца... гм-м... Я хотел сказать, что из умудренного годами мастера время делает живое наставление потомкам!

«Языком мелет, что цепом молотит, — подумал колдун, запивая кулебяку вином. — А эти в ладоши хлопают, словно им великую мудрость на холодке морозят...»

Действительно, дамы аплодировали, а мужчины с одобрением кивали.

— Но оскорбление? — вдруг очнулся барон фон Кайзеринг, бросая собакам кость, обглоданную до снежной белизны. — Мне показалось или здесь действительно прозвучало оскорбление?

Серджио Романтик поднял бокал, словно намеревался возгласить здравицу.

— Вы так думаете, барон?

— Разумеется, Ваше Величество. Я собственными ушами слышал, как наш досточтимый Фи... Фе...

— Фитюк! — громогласным шепотом подсказал от дверей Агафон Красавец, отставляя в сторону посох и извлекая невесту откуда перо, чернильницу и лист пергамента. — Сильвестр Фитюк, Ваша Светлость!

— Да, конечно! Почтенный Фитюк изволил усомниться, что Тильберт Гудзик зван в приличные дома, в частности, к Просперо Кольра-

уну. Более того, досточтимый Фитюк рискнул предположить, что упомянутый сударь Гудзик ходит в приличные дома без спросу! Видя, как его бывший ученик сидит за одним столом с августейшей четой, он тем не менее... Что это, как не оскорбление?

— Барон, вы правы, как никогда! — королева Тереза возвела очи к потолку, изучая алебастровых лямуrow с осыпавшейся позолотой на крыльях и рожках. — И что теперь прикажете делать?

— Кровью! — отрезал барон с набитым ртом. — Среди дворян... ин-синуа-а... хр-р... кровью!

— Речь идет не о дворянстве, — ласково осадил забияку Его Величество. — Оскорбление, я полагаю, было косвенным и ненамеренным. Кроме того, надо учитывать долг ученика по отношению к учителю...

Принцессе Марии-Анне, подпрыгивавшей на месте от возбуждения, наконец удалось вставить и свое слово:

— Турнир! Папенька, маменька, не надо кровью! Турнир!

— Турнир! — возликовал фон Кайзеринг.

— Турнир! — поддержала королева. — Чтоб в веках! И в «Сопредельном Вестнике», на первой странице!

— Мы не возражаем, — подвел итог Серджио Романтик. — Тильберт Гудзик, Сильвестр Фитюк, вы готовы померяться силами в нашем присутствии?

И когда сукин сын Тильберт, ни на минуту не задумавшись, воскликнул: «Всегда готов, Ваше Величество!» — колдун понял, что его, ёлки-метёлки, заманили в западню.

— Чудесно! — расцвел король, не дожидаясь согласия второго участника. — Мы выдвигаем условием сего турнира полную безопасность обоих... э-э... турнирантов? соперников?

— Участников, — с наивозможной деликатностью вставил Арчибальд Тюхпен, ранее молчавший.

— Гениально, зятёк! Участников! Итак, каждый участник по очереди, в течение одной минуты, волен творить со вторым любые чудеса и превращения, какие позволит его мастерство. Но имейте в виду: без членовредительства и ущерба здоровью! Иначе мы разгневаемся и никому мало не покажется...

Взлетев над столом, франт Тильберт ловко приземлился в центре залы. Он меня без хлеба съест, ужаснулся Фитюк. Ишь, летун!.. Но отказать от турнира не было возможности. Всё явно придумали заранее, мнение колдуна никого не интересовало. Что ни произойди здесь и сейчас, главное в другом: о турнире в Блезуа можно будет вспоминать долгими зимними вечерами, цитируя соответствующую оду Ага-

фона Красавца — глянь, глянь, уже строчит, бардова морда, уже сочиняет!..

Провинция бедна событиями, а тут такая потеха.

— Прощу, наставник!

Пятерня-невидимка уцепила колдуна за шиворот и повлекла. Сосредоточась, Фитюк разжал пальцы у себя на воротнике один за другим, но поздно: к этому времени он стоял с окаянным ученичком лицом к лицу.

— Итак, по праву молодости и оскорбленной стороны я начну первым!

Тильберт шутовски взмахнул руками, творя пассы. Лисьи черты исказила гримаска хищного удовольствия. Зря я его палкой лупил, подумал Фитюк, следя за губами читавшего заклятие парня. И ремнем зря. И упряжью. Сейчас икнется...

Ничего не произошло, но собравшиеся за столом разразились овацией.

Фитюк пожал плечами и услышал звон бубенцов. Мелодичный, тоненький звон. Он скосил глаз и обнаружил, что по его плечам ездят крохотные сани, запряженные лошаками-мирабилами. К длинным ушам мирабилов были прикреплены бубенчики, а к горбам — флаги с изображением Сильвестра Фитюка в непотребном виде.

Их Величествам с гостями флаги видны были скверно, а Фитюку — отлично.

Ну, пакостник...

— Радуйтесь, наставник: я вас возвышаю!

Земля ушла из-под ног. Колдун повис в восьми локтях над полом, внизу бесновались борзые, лая и пытаясь ухватить висельника за пятки. Живот бедняги раздулся неестественным образом, отвердев и напомнив собой костяной шар, на котором синей тушью какой-то шутник изобразил контуры держав: Реттия, Турристан, Дангопея, Ла-Ланг...

Внутри, в желудке, щебетали съеденные куропатки и думали тресковые мозги.

Сани сместились с плеч на удивительное брюхо, звон бубенцов усилился. В мочках ушей проклюнулись ростки: миг, другой, и плети буйного вьюнка упали на борзых, оплетая их побегами с ярко-алыми цветами. Собаки взвыли, Фитюк выругался и с удивлением отметил, что голос его стал похож на криканье селезня в брачный сезон...

— Минута истекла!

— Я помню, Ваше Величество!

Вернув Фитюка на прежнее место и возвратив ему привычный облик, Тильберт Гудзик раскланивался. С лица парня не сходила торжествующая ухмылка.

— Ваша очередь, Сильвестр! — объявил Его Величество, икая от смеха.

Тильберт выпятил грудь.

— Я к вашим услугам, наставник!

— Мне надо подумать, — мрачно уведомил Фитюк.

— Разумеется, — согласился король. — Возраст имеет свои привилегии. Но не слишком долго: мы ждем...

Понимая, что время течет водой сквозь пальцы, что король может разгневаться, а лицо и без того потеряно навеки, Фитюк тем не менее вместо поиска нужных заклинаний думал о всяких пустяках. Соревноваться с молодым прохвостом? Бесполезно. Сразу видно, кому назначен триумф, а кому — пинок под зад. Возраст — не тетка. Да и таланты у нас простые, сельские, мы в Универмагах не обучались. Юный враль горазд пыль в глаза пускать, но дело, скажем честно, разумеет. Авось и наша крупица в его мастерстве сыщется.

И на том, ёлки-метёлки, спасибо.

Главное, пусть Фильку на кухне накормят... А мы сыты по горло, грех жаловаться. Куропатку за похабный флажок, кулебяку за брюхатый полет — равный обмен, если по-нашенски, по-простецки...

Фитюк молчал, время шло, а напротив, белый как мел, стоял Тильберт Гудзик. Сдернув берет и комкая головной убор в кулаке. Переминаясь с ноги на ногу. Морщась, прикусив нижнюю губу и сдвигая брови все теснее, все болезненней, до жалкой складки на переносице. Словно каждая секунда смывала возраст с его лица, превращая самоуверенного молодца в мальчишку, давно потерянного за пластами дней.

Посторонний зритель согласился бы держать пари на что угодно, что мальчишка боится.

До колик.

До рези в животе.

До смертной икоты.

— Ну, я это... — начал Фитюк, ища слова, чтобы подвести итог. — Это, значит...

Но его перебили.

— Я проиграл! Наставник, я проиграл! Удостоверяю свой проигрыш перед Их... перед Ихними Величествами... перед достопочтенной публикой...

И совсем уж по-детски:

— Не надо! Сдаюсь!

Король Серджио Романтик от изумления встал из кресла. Его Величество недоумевал: что произошло? Радоваться надо или огорчаться? Миловать или карать? Нас обманули или доставили удовольствие?

— Наши победили, — отчетливо произнес в тишине Арчибальд Тюхпен, Потрошитель Драконов, заговорив второй раз за весь пир. — Столица пролетает, как демон над храмом.

И Его Величество согласился.

Столица пролетает.

Это даже лучше, чем потеха над старым деревенским колдуном.

Простите! — над нашим верноподданным, истинным мэтром Высокой Науки, невзирая на годы, способным дать укорот любому желторотому хлыщу.

Да, именно так.

III.

*...Нам очевидцы правду рассказали:
Они сошлись в пиршественной зале,
Лицом к лицу, лица не увидая.*

*Один был юн, но мудр, как удав,
Другой был стар, но горделивый рост
И вид твердили: он не так-то прост.*

*Царила здесь Высокая Наука!
Казалось, дед в объятья принял внука,
И тех объятий дедовская мощь*

*Давила смертно — но и внук не тощ
И не лишен сноровки чародея,
Таинственными силами владея,*

*Каких еще не видела земля.
Соперники по воле короля
Вступили в ратоборство. Мудрым слава!*

*Колдуя слева, заклиная справа,
Они вовсю творили чудеса.
Смешались поединщиков власа,*

*Седые с черными, как перец с солью
В едином блюде, где гуляш с фасолью,
Мешаются. Но чуден был финал*

*Турнира. И заранее не знал
Никто из зрителей...*

Агафон Красавец, из поэмы «Турнир в Блезуа, или Провинциальные Триолеты».

IV.

— Дядько Сил! Дядько! Гости к нам!

На сей раз Сильвестр Фитюк отрываться от дела не стал. Ну, гости. Обождут. Колдун поставил последний стежок, завязал узелок, откусил остаток нитки крепкими, растущими вкривь и вкось зубами — и лишь после этого глянул в сторону калитки. За калиткой топтался, сотрясая землю, кудлатый детина. В нем Фитюк без труда признал королевского псаря, немого Гervасия.

Всадник, гарцующий рядом на пегой кобыле, по сравнению с великаном-псарем смотрелся несерьезно. Колдун, признаться, в первый момент даже не обратил на него внимания. Несмотря на зной, всадник кутался в темно-лиловый плащ, а на голову нахлобучил шляпу с широкими полями, скрывавшую лицо.

«Еще б кобылу, умник, перекрасил, перстень с гербом Блезуа снял и псаря в замке оставил, — ухмыльнулся про себя колдун. — Тогда, глядишь, и не узнали бы».

— Филька, обормот, отвори калитку! Прошу, Ваше Величество.

Филька при виде августейшей особы разинул рот и застыл на месте — словно под зрак василиска угодил. Едва из-под копыт успел выскочить, когда король во двор въехал. За кобылой, высунув язык, трусила вперевалочку здоровенная мохнатая псина — сука Муми Тролль, любимица псаря. Эскорт, значит.

— Здравы будьте, Ваше Ве...

— Тс-с! — прошипел Серджио Романтик, спешиваясь. — Я у вас инкогнито.

— Ну, это как вам угодно будет, — легко согласился колдун. — Морсу не желаете? Холодненького, из погребца?

— Желая!

Чувствовалось, монарха по дороге вконец допекла сегодняшняя жара.

— Филька! Лезь в погреб, тащи жбан морса. Да кружки прихвати, ёлки-метёлки! Не из горла же нам с инкогнитой хлебать! Садитесь, ваше-разваше...

Серджио Романтик царственно опустился на скамейку, освобожденную Сильвестром. С интересом осмотрел скудное Фитюково хозяйство: двор, амбар, дровяной навес, просевшее от времени крыльцо дома... Наконец взгляд Его Величества остановился на колдуне, который стоял перед гостем, явно чего-то ожидая.

— И вы садитесь, милейший. Я сегодня без лишних церемоний.

Второй скамейки во дворе не было, так что Фитюк подтащил ближе изрубленный чурбан для колки дров и уселся напротив короля. Кобылу псарь Гервасий привязал к молодой яблоне, сам расположился в тенечке и, кажется, задремал. Псина улеглась бок-о-бок с великаном.

Повисла неловкая пауза.

— Жара этим летом... — протянул король.

— Ваша правда, — согласился Фитюк. — По такой жаре виноград хорошо вызревает. Вино с него...

Колдун вкусно причмокнул.

— Вино — это да! — оживился монарх. — Лишь бы злаки не пожгло... О, ваш ученик скор на ногу!

От волнения — не блудливой Яньке, чай, королю питье подносим! — Филька едва не расплескал морс на монарший плащ.

— Благодарю, юноша! Какое облегчение...

— Филька, беги домой, — велел колдун, понимая ситуацию. — До вечера свободен.

Когда мальчишка исчез, Его Величество на всякий случай огляделся по сторонам.

Нет, больше никого нет.

— А скажи-ка мне, любезный Фитюк...

Любезный Фитюк отметил, что Серджио Романтик перешел с ним на «ты», лишь когда ученик сгинул, и оценил королевскую деликатность.

— Что вчера на турнире стряслось? Тильберт сразу уехал, даже ночевать не остался. От объяснений отказался, был неприветлив. Я полночи заснуть не мог, ворочался, размышлял... И королева с утра сама не своя: узнай, мол, да узнай, а то умом тронусь! Принцесса, ясное дело, с матерью заодно. Про Агафона я и не говорю: тот уже пять разных финалов к новой поэме настрочил... Теперь мается, не знает, какой оставить. Давай объясняй!

Фитюк не спешил отвечать.

Он скреб щеку ногтем, желтым и плоским — как день назад, на болоте, размышляя: идти к королю на званый пир или нет? Вчера ноготь выскреб простую, как дубина, правду: надо идти. Вот такая простая правда, хомолюпус её заешь.

Сегодня ноготь не выскреб ничего.

— Не знаю, — честно ответил колдун, хмурясь. — Наверное, в Тиле дело. Пожалел старика. Совесть проснулась. Вот и решил: умение показал, покрасовался, а теперь сердце покажу. Пусть старого дурня в победители нарядят. Нехай порадуется напоследок...

— Совесть? — с сомнением протянул Его Величество.

— А чего такого? Она у всякого может случиться, совесть. Да и потом... Что я ему мог сделать? Ерунду и воздуха сотрясение. Тильберт, он ведь все мои семь заклятий в деле видал. И не раз. А из них таких чар, чтобы быстро, на людях... чтоб благородным зрителям в ладоши хлопнуть...

Колдун подумал.

— Ну, первое, — он загнул для памяти корявый палец, — оно ко ровам телиться помогает. Это когда телок задом идет, и пузырь, ёлки-метёлки, не рвется, а душит. Я теленочку на задние ножки дивную чудо-петельку кладу: сама тянет, сама тужится. В придачу, когда телок не дышит, петелька слизь у него из носа и глотки смокчет... Ежели со стороны смотреть, очень интересно выходит. И для здоровья, как вы велели, и без членов вредительства.

Он еще немного подумал.

— Ну, почти без вредительства, — поправился Фитюк. — Тут как судьба плюнет. Главное, грудину правильно мять. Телок раздышится, оживет — и корове, и хозяйке радость. Я телят за свою жизнь спас — армию! Хотя бывало по-разному: мнешь его после дивной петельки — а он дохленький...

Серджио Романтик украдкой вытер пот со лба.

Должно быть, упрел на солнышке.

— Другое заклятие у меня тоже ничего, ядреное... Я им злыдней гоняю. Которые в твоём доме живут, твоим трудом кормятся, на твоём горбу пляшут, а тебе за все добро одну пакость желают. Народ всегда глядеть сбегается: вой, треск, корчи... Бывает, злыдня так припечет, что детвора им после три дня в «стрелки-горелки» играет. Ага, вспомнил! Еще одно годится, пятое: я им гулящим оторвам перед свадьбой девичество возвращаю. После Тиля, ёлки-метёлки, частенько доводилось трудиться... Шустрый был, паразит, на девкин счет. Я ему, кобелю, сто раз грозился: зашью, мол, суровыми нитками, не первое, так второе!.. А надо было, для острастки. Вы как думаете, Ваше Величество?

— Пожалуй, все-таки совесть, — кивнул Серджио, морща лоб. — В конце концов, ведь бывает, чтоб совесть? Иначе что? Иначе совсем грустно выходит.

— Бывает, — согласился Фитюк. — Вот пока я при всем честном народе размышлял, у Тильберта совесть и случилась.

— Ну, прощай, колдун.

— Всех благ, Ваше Величество!

Когда король со свитой убрался прочь, Сильвестр Фитюк некоторое время сидел без движения, глядя вдаль, за Куликово Поило, где шумно достраивали мельницу. После придирчиво осмотрел заплату: оно, конечно, не заклятие, но класть надо крепко, с тщанием. Накинул чиненый кафтан на плечи, словно боясь, что ветерок застудит ему поясницу; поднял с земли камешек и швырнул его «навесом», через поленицу.

— Вылезай!

За поленицей ойкнули — похоже, камешек угодил, куда надо. Из-за штабеля дров выбрался Филька, без особого успеха приглаживая соломённые вихры. На лбу ученика розовела свежая царапина, босые ноги были сплошь в цыпках.

— Подслушивал? Молчи, не ври! Я и сам вижу, что подслушивал. Эх вы, стоеросы...

Знаком колдун подманил ученика к себе. Поставил мальчишку меж колен, уставился в синие восторженные глаза.

— Ты, Филька, это... Ты слушай. И на ус мотай. Вот, допустим, однажды ты решишь от меня сбежать...

— Никогда! — пискнул Филька, с обожанием уставясь на старика.

— Молчи, дурила, если старшие говорят. Молчи и внимай. Так вот, помни: сбежишь — лучше не возвращайся. Оно и тебе лучше будет, и мне, ёлки-метёлки.

Дав мальчишке легонький подзатыльник, колдун завершил наставление:

— И окорок не смей воровать. Не про вашу честь наши окорока. Ишь, раскатали губу: на сытое брюхо бегать! Сытое брюхо, оно к учею глухо...

От Кузькиного луга, тряся грудью, к ним бежала Янька Хулебяка. «Ой, горечко! — неслось, приглушенное расстоянием. — Ой, за что ж мне это лихо!..»

— Должно быть, кое-кто в болоте увяз, — глубокомысленно заключил Сильвестр Фитюк. — Надо спасать.

— Ага! — согласился преданный Филька. — Это она нарочно.

Кого Филька имел в виду, осталось загадкой.

журнал

АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку
**Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- ◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс **99438**;
- ◆ по каталогу «Пресса России» — индекс **45720**;
- ◆ в отделе распространения, тел. (095)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (095)248-2090 (редакция), 248-6819
(отдел распространения), тел./факс: 248-2190.
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@uuu.ru (отдел распространения)

С Е Р Г Е Й Л У К Ъ Я Н Е Н К О

НЕДОТЁПА

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

1.

Если ты молод, здоров и богат — тебе непременно захочется быть еще и красивым.

Трикс, единственный и полноправный наследник со-герцога Рата Солье, подозрительно смотрел на свое отражение. Если бы зеркало было магическим, оно бы непременно занервничало. Да что там магические! Любые здоровые зеркала, в которые регулярно смотрятся особы женского пола, при таком взгляде немедленно забывают, что их работа — всего лишь отражать реальность, никоим образом ее не приукрашивая.

Но это было старое, потускневшее зеркало, вот уже три поколения висевшее в спальне наследников мужского пола. Оно привыкло отражать высунутый язык, неодобрительную гримасу при виде свежего прыща и порезы от неумелого и преждевременного обращения с бритвой. Нельзя сказать, что молодые со-герцоги Солье не обращали внимания на свою внешность, о нет! Они обращали внимание на действительно важные детали: застегнуты ли все пуговицы на брюках, не слишком ли сильно оттопыривают карманы интересные, но не одобряемые взрослыми предметы, не торчат ли волосы слишком уж причудливо и хорошо ли замазан пудрой (вещью совершенно незаменимой для наследников любого пола) свежий синяк. К тому времени, когда наследников начинали беспокоить более тонкие детали внешности, в их распоряжении оказывались другие апартаменты, с куда более опытными, на многое насмотревшимися зеркалами.

Триксу в каком-то смысле не повезло. Пренебрегая полезными детскими развлечениями своих предков, как то: охотой, фехтованием и общением с подданными, — он слишком усердно читал, слишком много общался с дворцовыми чародеями и слишком рано начал заглядываться на служанок.

Впрочем, со служанками ему тоже не посчастливилось. Всякая разумная герцогиня следит за тем, чтобы к четырнадцати годам ее сына окружали в меру симпатичные и разумные служанки, мечтающие вовсе не о морганатическом браке, а о небольшом денежном содержании или трактире в людном месте. Но герцогиня Солье — видимо, в силу той же забывчивости, что уже пятнадцать лет сохраняла ее саму в двадцатипятилетнем возрасте — никак не желала понимать, что ее сын уже вырос. На прошлый день рождения Трикс получил от матери совершенно замечательного коня — белого, в яблоках. Портילו подарок лишь то, что конь был деревянным и на колесах. Завтра, в день своего четырнадцатилетия, Трикс должен был получить «очень милые книжки». Полностью разделяя мнение, что книга — лучший

подарок, Трикс все-таки не спешил радоваться. Он подозревал, что книги будут с картинками... и вовсе не такими, как в украденном из герцогской библиотеки монументальном фолианте «Ветвь дуба и цветок лотоса».

Так что служанки в замке были по большей части опытными, проверенными, нанятыми лично герцогиней пятнадцать лет назад. Но, в отличие от герцогини, их возраст упрямо стремился к сорока годам, что, по мнению Трикса, свидетельствовало о глубокой старости.

К счастью, у служанок бывают дочери...

Трикс смотрел в зеркало.

Так, начнем с самого начала. В смысле — с верха. Наверху были волосы — черные. Белокурые, на взгляд Трикса, были бы куда лучше. Даже в рыжих нашлась бы определенная оригинальность.

Но к волосам все-таки особых претензий не было.

Ниже волос начиналась голова, которую Трикс изучал особенно пристально. Нет, все по отдельности его вполне устраивало. Лоб и нос — в отца. Уши — в мать. Нормальные уши, не оттопыренные, не слишком острые, не слишком крупные. И рот Трикса вполне устраивал, во всяком случае — функциональностью. Подбородок (пока забудем про бороду) был не лучше и не хуже любого другого подбородка.

Триксу не нравился результат сложения всех этих, бесспорно достойных, компонентов. Результат можно было с равным успехом назвать отвратительным словом «отрок», еще более ужасным словом «мальчик», но никак не словосочетанием «молодой человек».

А еще результат выглядел очень мирным и добродушным. Может быть, виной были пухлые губы? Трикс попытался поджать их — отрок в зеркале из добродушного превратился в омерзительного. Такой Трикс вызывал немедленное желание сменить в стране форму правления, но никак не воплощал в себе мужество и отвагу древнего рода.

— Вот зараза... — сказал зеркалу Трикс.

Зеркало сделало вид, что оно здесь ни при чем.

Трикс развернулся и поплелся к двери. Предстоял еще один унылый день, наполненный обязательными для наследника трона заботами. Ко всему еще — приемный день. Сначала — присутствие при отцовских деловых переговорах. Это значит: торговцы, арендаторы, главы гильдий и мастерских. Все они желают заплатить поменьше, а получить побольше. Но того же хочется и со-герцогу Рату Соле, так что разговоры предстоят долгие и нудные.

Затем — собственный прием Трикса. Конечно, улаживать серьезные дела ему никто не позволит. Зато предстоит решать подростко-

вые проблемы. К примеру, ученики гильдии кузнецов устроили драку с учениками гильдии пекарей. Вы думаете, что в бою с мускулистами молотобойцами пострадали невинные труженики скалки? Как бы не так! Подручные кузнеца большую часть времени стоят у наковален, сжимая в клещах куски раскаленного металла, или качают меха — занятие, далеко не способствующее гармоничному развитию. А вот ученики пекарей заняты в основном тем, что таскают тяжеленные мешки с мукой или противни с готовой выпечкой. К тому же на питании учеников кузнецы вечно экономят, а вот учеников пекарей морить голодом невозможно...

Еще будут попавшиеся на мелких, недостойных внимания городской милиции проказах и кражах отроки, молящие о вспомоществовании сироты и несправедливо выпоротые родителями сыновья. Священный долг юного наследника — вникать в нужды народа...

Не глядя на суесящихся с утра служанок, Трикс прошел к тронному залу со-герцога. Внутренняя дверь полуоткрыта, внешняя, ведущая к городу, пока еще заперта. Отец уже здесь: он сидит на Половинчатом Троне — металлической конструкции, хоть и удобной, но оставляющей странное впечатление *половины* огромного кресла. Кое-где Половинчатый Трон щетинился остриями клинков, кое-где топоршился шишками эфесов.

— Трикс, — кивнул отец с легкой теплотой во взгляде.

— Ваше сиятельство, — поклонился Трикс. Прошел к подобающей ему скамеечке слева от Половинчатого Трона — тоже металлической, тоже выкованной из вражеских мечей. Сел. Как обычно, подумал о том, что враги заслуживали бы куда больше симпатии, сражайся они подушками или соломенными булавами.

Двое стражников открыли внешние двери. Иногда для пышности в тронном зале дежурил десяток солдат, но это случалось нечасто.

День начался.

Против всех ожиданий первыми в очереди были не подданные Солье, а группа стражников сопровителя — со-герцога Сатора Гриза. В форме, но, как и положено, без оружия и доспехов.

Трикс покосился на отца. Тот с любопытством смотрел на стражников.

— Ваше сиятельство... — старший рыцарь преклонил колени. За ним — остальные.

— Встаньте, сир, — со-герцог Рат Солье кивнул.

— Мы пришли принести свои извинения за события вчерашнего вечера и отдаться на милость вашего сиятельства... — не вставая с колен, начал рыцарь.

Трикс заскучал. Он слышал о вчерашней потасовке в какой-то пивной. Стражники со-герцога Солье и стражники со-герцога Гриза намяли друг другу бока. До крови, к счастью, дело не дошло. Значит, сейчас стражники Солье отдадут себя на милость со-герцога Гриза...

Рутина. Когда власть поделена между двумя равноправными со-правителями, подобные события не редкость.

— Я принимаю ваши извинения, — сказал со-герцог Солье. — Встаньте, сир. Надеюсь, что и со-герцог Гриз проявит такую же милость к моим подданным...

Рыцарь поднялся. Провел рукой по опоясывающему его камзол металлическому поясу — тот шелкнул, распрямляясь и превращаясь в узкий тонкий меч.

— Не думаю, — сказал рыцарь.

Дверной замок заржавел лет сто назад, а ключ к нему утеряли не-многим позже. Сколько Трикс себя помнил, тюремные камеры пустовали: в караулке никто не дежурил, дверь в тюремный коридор была нараспашку, а решетчатые двери камер хоть и притворены, но не заперты. В детстве он пару раз заглядывал в подземелья, но не надолго. Не было в них ничего таинственного, и даже страшного не было. Только крошащиеся под ногой ржавые железные лестницы, изъеденные ржавчиной крюки под факелы, проржавевшие двери и решетки. Сочащиеся сыростью каменные стены тоже были бы не прочь заржаветь, но камень на это не способен.

Еще три поколения назад со-герцоги Солье пришли к разумному выводу, что преступников гораздо проще передавать в руки городских властей, а не держать в собственных казематах. Это было и дешевле — отпадала нужда в содержании тюремщиков и палача, и полезнее для репутации — ведь соправитель никоим образом не отвечал за решения городского суда, и куда неприятнее для преступников — суд девяти анонимных заседателей почему-то всегда выносил более строгие приговоры чем один-единственный со-герцог.

Запереть замок никто и не пытался. Просто выбрали камеру, где решетчатая дверь оказалась покрепче — и молчаливый кузнец, раскалив в переносном горне железный прут, прикрутил им решетку к при-толке.

Самый надежный замок на свете тот, у которого нет ключа.

Трикс сидел в углу камеры, подложив под себя куртку. Одежду ему оставили, только зачем-то срезали все пуговицы и вынули из штанов ремень. Неужели, чтобы не покончил с собой? Какое-то время Трикс злорадно представлял, как оторвет у куртки рукава, совет веревку и

повесится на решетчатой двери. Сумел же его предок, Келен Солье, повеситься на одном-единственном носовом платке, которым были перевязаны его многочисленные раны!

Впрочем, с самого детства Трикса смущала фраза про один носовой платок, которым были перевязаны многочисленные раны. Да и не огорчатся враги, обнаружив юного со-герцога Трикса Солье, болтающимся на решетке, со сползшими мокрыми штанами и вывалившимся языком. Напротив — он им только поможет захватить трон. Лучше уж пусть будет казнь. Настоящая, с несправедным судом, на глазах у вероломного народа! Уж он найдет, что сказать предателям! Как Диги Солье, чья речь на эшафоте растрогала даже палача... как Ренада Солье, попавшая в руки разбойников, но пламенной речью убедившая их бросить преступное ремесло и пойти работать в Стражу...

Трикс хмыкнул. Конечно, ему было только четырнадцать, он обожал исторические хроники, но настолько наивным все-таки не был. И Диги Солье был казнен, пусть даже палач рыдал, заноса топор. И Ренада Солье уговаривала главаря разбойников три дня и три ночи, причем Триксу смутно казалось, что три ночи сыграли куда большую роль, чем три дня.

Легко грезить о героизме, переворачивая хрупкие желтые страницы древних хроник. Куда сложнее, когда в инструментах палача зажаты твои собственные, хрупкие и белые от ужаса, пальцы...

Конечно, пытки в герцогстве строго запрещены — за исключением особых случаев, строго оговоренных и регламентированных. Отречение от престола никак в их число не входило. Да и вообще, пытать ребенка (а по законам герцогства Трикс все еще считался несовершеннолетним) разрешено лишь в присутствии доктора, священника и «доброй женщины из народа», которые могут в любой момент остановить пытки.

Но в мире так много пыток, не оставляющих следов... Когда-то Трикс с замирающим сердцем прочитал почти половину «Руководства честного дознавателя» — и на этот счет не заблуждался.

Что захотят, то и сделают. Свергать со-герцога тоже было строго запрещено.

Трикс встал, прошелся по камере, пытаясь размять ноги. Штаны сползали, их приходилось поддерживать. Три на три шага, вот ужас какой! Неужели люди сидели в этих темницах годами? Невозможно!

Предательский голосок в душе прошептал: «А это ты еще узнаешь...».

Трикс замотал головой. Чушь, ерунда, бред! Либо с ним будут торговаться, требуя, чтобы он отказался от престола... либо убьют. Оста-

влять наследника престола гнить в каменном мешке — верный путь к поражению. Во всех пьесах и балладах, где злодеи бросали юного наследника в темницу, это заканчивалось для них плохо. Верный слуга выпускал своего господина или тот прорывал тайный лаз из подземелья, потом наследник собирал славную армию и обрушивал на злодеев свой гнев...

Именно так — обрушивал гнев!

Трикс взмахнул рукой. Потом взялся за решетку, напрягся, пытаясь раздвинуть прутья. Он же маленький, худой, он проскользнет...

Да — маленький. А вдобавок еще и слабый. Прутья, пусть даже источенные временем, не поддались. Трикс только перемазался в сырой ржавчине, да едва не защемил голову между прутьями. То-то было бы веселья тюремщикам...

Как же получилось, что его отца предали?

Трикс несколько раз пнул решетку. Башмаки ему тоже оставили, но вынули шнурки. Решетка даже не заметила его усилий.

Трикс снова сел на каменный пол. Он не боялся — не в силу какой-то врожденной отваги, а просто потому, что все случилось слишком быстро и слишком нелепо. Еще, наверное, потому, что его никто ни разу не ударил. А ведь он даже достал меч, даже попытался *пронзить* набросившегося на него стражника...

Меч из рук выбили после первого же выпада. Кинжал Трикс не успел достать. Здоровенный стражник заломил ему руки за спину — очень аккуратно. Буркнул, что не надо дергаться, а то будет больно. Подоспели еще двое. Трикса вытащили из тронного зала во внутренние коридоры — отца, пытавшегося в одиночку отбиться от десятка нападавших, в этот момент теснили в угол.

Трикса быстро и тщательно обыскали, сняли ремень и вынули шнурки, срезали пуговицы, прощупали подкладку куртки и приволокли в подземелье. Ни одного грубого слова! А здесь уже ждал кузнец — придворный кузнец со-герцога Солье! Мрачный, но вовсе не подавленный. И молотом своим, Трикс ничуть не сомневался, кузнец мог легко уложить всю троицу стражников — рядом с ним они перестали казаться такими уж здоровенными...

Кузнец раскалил прут и запер дверь. И ушел, оставив инструмент в коридоре, не оглядываясь на юного со-герцога и не слушая его возмущенных криков. И стражники ушли, оставив напротив клетки уже дгорающий факел.

Трикс смущенно потер лоб. Кричал он зря. Какие-то неправильные были слова. В хрониках они очень даже хорошо смотрелись: и про то, что «триста лет твои предки верой и правдой служили моим

предкам», и про «предательство высушит твоё сердце», и про «истину», которая «всегда восторжествует»...

В сыром подземелье слова звучали смешно.

Почему-то казалось, что наверху, среди ярких гобеленов и цветных витражей, слова чувствовали бы себя увереннее...

Факел начал чадить. Трикс опустил голову на колени, сжался в комок. Рано или поздно за ним придут. Это все специально — чтобы сломить его дух. Так положено.

Вдали гроыхнула дверь. Вторая. Трикс поднял голову, с надеждой вглядываясь в коридор, по которому плыл яркий свет фонаря. Может быть, стражники со-герцога Солье? Усыпили бдительность, навалились, перебили захватчиков...

К камере подошел плечистый мужчина в кольчуге. Сид Канг. Капитан стражи со-герцога Сатора Гриза. Или уже надо говорить — капитан стражи *герцога* Сатора Гриза?

Трикс молчал.

И капитан Сид молчал, разглядывая мальчика. Хороший солдат — так говорил о нем отец Трикса. Он не раз бывал во дворце со-герцога Солье, а однажды даже потратил целый день, пытаясь научить Трикса стрелять из арбалета. Попытка не удалась, но Сид лишь пожал плечами и проронил: «Не твоё, тренируйся с мечом».

— Не плачешь? — спросил Сид. — Хорошо.

Трикс презрительно усмехнулся. Если этот предатель... хотя можно ли его называть предателем, ведь он верно служит Сатору Гризу?.. если этот солдафон ожидает, что юный со-герцог разревётся, будто посаженный в чулан за кражу варенья поваренок, его ждет разочарование.

Сид повернулся, посмотрел на ящик с кузнечными инструментами. Подошел к ящику, наклонился — мягко зашелестела кольчуга из тончайших стальных звеньев. Выпрямился, уже взяв в руки огромные клещи. Примерился к пруту и покачал головой. Бережно, с уважением положил инструмент обратно в ящик. И взялся за прут обеими руками.

Трикс фыркнул. Какую бы подлость Сид ни задумал, голыми руками сталь не разогнуть.

Сид Канг нахмурился, будто что-то вспоминая. И произнес:

— *Сила пришла, будто ветра порыв перед бурей...*

Его ладони окутало бледное, едва заметное голубое сияние.

Заклинание!

Трикс вскочил.

Заклинание было слабенькое, то ли составленное неопытным ма-

гом, то ли проданное слишком многим людям. Сиду пришлось напрячься — вздыбились мускулы на руках, лицо побагровело. Но толстый железный прут неохотно выпрямился. Сид вытащил его, бросил наземь. Каменные плиты пола были покрыты таким слоем грязи, что вместо удара послышалось мягкое шлепанье. Свечение вокруг ладоней угасло.

Сид Канг открыл решетку. Посмотрел на Трикса. Сказал:

— Не бойся, юный со-герцог.

Это значит — отец мертв...

Трикс сглотнул вставший в горле комок. Отца он видел едва ли чаще, чем повара или конюха. И все же это был его отец.

— Твой отец погиб, — подтвердил Сид. — В бою. Как подобает. Тебя тоже убьют, со-герцог Трикс Солье.

— Убивай, — прошептал Трикс. Даже попытка сопротивления была бы глупостью. Сид Канг — хороший солдат. А он плохой наследник трона.

Сид покачал головой.

— Не нужно это, господин Трикс. Власть теперь у Сатора. Он бы тебя пощадил, его сын — против.

— Я не сомневался в своем возлюбленном кузене Дэрике, — сказал Трикс. Гордые слова сами лезли на язык и на этот раз звучали почти достойно. — Делай, что тебе приказали, солдат!

Капитан молча сбросил с плеч легкий плащ. Кинул Триксу.

— Надень это, господин Трикс. Зачем проливать лишнюю кровь. Я выведу тебя из дворца.

Трикс посмотрел на упавший к ногам плащ. Спросил:

— Что с моей матерью?

— Она повела себя достойно. Приняла яд и бросилась в окно, — Сид уважительно склонил голову. — Погибло всего пять человек, со-герцог. Не становись шестым.

Трикс молчал. Поступок матери его ничуть не удивил: она поступила так, как сказано в балладах и хрониках. Наверное, еще подошла к окну, выходящему на городскую площадь — чтобы больше народа увидело ее отважный поступок.

— Не хнычь, Трикс, — тяжелая рука Сиды опустилась ему на плечо. — Не ко времени.

Совсем рядом — на поясе Сиды — были ножны с кинжалом. Только протянуть руку...

— И не глупи, — предупредил Сид.

Трикс нагнулся и поднял плащ.

— Пошли, — велел капитан.

— Найди мне веревку, — попросил Трикс. Хотел потребовать, но получилась только просьба.

— Зачем? — не понял Сид.

— Штаны без ремня спадают. Я далеко не уйду.

Сид, не споря, отрезал от ящика с кузнечными инструментами широкий прочный ремень и подал Триксу.

Под плащом стало тепло. Трикс надвинул на глаза капюшон — так велел Сид — и смотрел только в пол. Они поднялись из подземелий какими-то узкими грязными коридорами, Трикс даже не смог их опознать, вышли во двор. Было тихо. Очень по-мирному тихо — в конюшне негромко ржали кони, из открытых окон кухни доносилось звяканье посуды, на башне часы пробили четверть первого. Трикс приподнял голову: кое-где в окнах горел свет. Даже стражники стояли там, где и должны были стоять — но теперь это были другие стражники.

— Только трое слуг дрались до конца? — спросил он.

— Двое, — ответил Сид. — Еще один упал на лестнице и сломал шею... Молчи. Спрячь лицо.

Они подошли к воротам. Сид крепко обхватил Трикса за плечи, прижал к себе. Громко спросил:

— Все спокойно?

— Совсем-совсем спокойно, капитан, — послышался быстрый южный говорок. — И в городе все тихонько. А вы...

Трикс напрягся. Сейчас капитан Сид убьет собственного стражника... так всегда и бывает.

— Мы с подругой прогуляемся, — ответил Сид, и они вышли за ворота.

Трикс не обиделся. В конце концов, великий князь Дилон бежал когда-то от своих врагов в женском платье, обрядив жену в мужской костюм, сына — в девичье платьице, а дочь — в доспехи. Ну что поделать, если враги всюду искали высокого тощего мужчину, толстую маленькую женщину, девицу на выданье и малыша трех-четырёх лет? А княжество Дилон, и Трикс это признавал, куда больше и куда древнее со-герцогства Солье и Гриз.

Трикс напрягся совсем по другой причине. И даже попытался нащупать кинжал капитана Сиды, после чего ощутил лезвие клинка у самого горла.

— Не глупи, — устало повторил капитан. — Идем к реке.

Больше Трикс ничего не пробовал. Они прошли по узкой тропинке вдоль крепостной стены, спустились с холма, на котором стоял

дворец, и вышли к реке. Здесь была маленькая деревянная пристань, куда раз в день рыбаки приезжали продавать рыбу, длинные мостки, на которых полоскали белье, и больше ничего.

Очень удачное место, чтобы закончить свою жизнь.

— Сними плащ, — велел Сид.

Трикс снял плащ. Поколебался миг — не прыгнуть ли в воду?

Увы, он помнил, что у берега слишком мелко. Прежде чем он добежит до глубины и сможет нырнуть, кинжал Сиды будет прочно сидеть у него в спине. Как назло, было полнолуние, а на небе — ни облачка.

— Три золотые монеты, — сказал Сид, протягивая ему маленький кошелек. — Хватит прожить два месяца, — он помолчал и добавил: — Или месяц, но весело.

Капитан Сид Канг был хорошим солдатом и любил точность во всем.

Трикс смотрел на капитана и ждал. Под его взглядом Сид внезапно занервничал.

— Лодка у причала, — буркнул он. — Есть весла, мешок с едой. Плыви по течению. Завтра к вечеру будешь в Дилоне.

— Меня убьешь ты сам? — спросил Трикс. — Или твой подручный? — Он кивнул на рожицу, где в тени деревьев вполне мог скрываться десяток солдат с арбалетами.

Сид нахмурился:

— С чего ты это, со-герцог?

Трикс покосился на пристань — там и впрямь была лодка.

— Сатор Гриз поймет, что мне помогли бежать, — сказал он. — Тебя видели, когда ты выходил... с кем-то, прятавшим лицо под плащом. Если бы ты убил солдата, я бы тебе поверил. Но ты его пощадил. Значит, это все сговор. Меня убьют и скажут, что я пытался бежать.

— Мелкое злобное ничтожество, — даже не рассердившись, произнес Сид. — Я тебя спасаю. Беги.

— Я не так глуп, — прошептал Трикс.

Ему хотелось бежать. Очень хотелось. Но он понимал, что стоит только повернуться к Сиду спиной...

— Оставь нас, Сид, — произнес кто-то, вышедший из-за деревьев. — Все в порядке.

Сид молча кивнул — и отступил в сторону.

Со-герцог Сатор Гриз подошел к Триксу.

Поджарый смуглый со-герцог никак не выглядел на свои пятьдесят лет и был полной противоположностью отцу Трикса. На самом

деле, будучи совсем малышом, Трикс частенько думал, что со-герцог Гриз выглядит куда лучше его отца. Благороднее. Величавее. И даже воинственнее — что совсем уж удивительно для потомка купцов.

— Ты ненавидишь меня, мальчик, и правильно, — сказал Сатор. — Но я и впрямь хотел бы сохранить тебе жизнь.

Трикс молчал.

— Если ты хочешь сказать, как меня ненавидишь, — продолжил Сатор, — то говори сейчас. И про то, как отомстишь, тоже говори. Я не рассержусь.

— Я ненавижу тебя, — сказал Трикс. — Я отомщу. Тебе и всему твоему роду. Это будет моя страна и мое королевство.

Сатор кивнул:

— Прекрасно. А теперь я объясню, почему отпускаю тебя. Если хочешь, конечно. Нет — садись в лодку и плыви. Никто тебя не тронет.

Трикс пожал плечами. Движение перешло в невольную дрожь: ночь была холодной, от реки тянуло сыростью не хуже, чем от каменных стен подземелья.

— Сид, верни мальчику плащ, — негромко приказал Сатор. — Он же совсем озяб! Так вот, Трикс, я вовсе не жажду крови. Если бы твои родители согласились отказаться от власти, остались бы живы. Но они не захотели. Я уважаю их выбор.

Трикс молча взял плащ и завернулся в него.

— Представляй ты реальную опасность, юный Солье, тебе тоже пришлось бы умереть, — продолжал Сатор. — Но ты мне полезнее живой. Знаешь чем? — он выдержал паузу и продолжил: — Ты умный и гордый мальчик, который желает отомстить. Ты будешь скитаться по окрестным землям, рассказывать о своем благородном происхождении и призывать к отмщению. Надеюсь, что ты вырастешь... а вдруг, чем боги не шутят, даже обзаведешься собственной дружиной или маленьким государством. Может быть, ты сумеешь собрать банду авантюристов? Или вдруг тебя поддержат наши честолюбивые соседи? Это прекрасно, мальчик. Я буду только рад.

— Дэрик! — внезапно понял Трикс.

— Правильно, — Сатор улыбнулся. — Мой возлюбленный сын и твой драгоценный кузен несколько... как бы это... расслаблен. Умен, талантлив, но легкомыслен. Передать ему герцогство, у которого нет врагов, значит испортить будущего правителя. Ему нужен враг. Хороший, искренний, личный враг. Ты вполне годишься. Если он будет знать, что ты жив и жаждешь мести, это его *дисциплинирует*.

Трикс облизнул губы. Почему-то пересохло в горле, и живот све-ло холодом. Он спросил:

— А если... если я выплыву на середину реки и брошусь в воду?

— Ничего страшного, — со-герцог улыбнулся. — Дэрик ведь никогда не узнает этого доподлинно? Воображаемый враг тоже сгодится. Но я советую тебе выжить. Жизнь — величайший дар, не следует отказываться от него в минуту слабости. Поверь, ты еще найдешь немало причин, чтобы жить.

Со-герцог опустил руку в карман. Достал кошелек, протянул Триксу:

— Возьми. Это тебе от меня, за догадливость. Тут еще десяток золотых и пара безделушек с гербом вашего рода. Пригодится отстаивать свои права, верно?

Трикс не колебался. Протянул руку и взял кошелек.

— Понятливый парень, — кивнул Сатор. — Жалко, что ты родился в роду Солье. Плыви... и не беспокойся о погребении своих родителей. Все необходимые церемонии будут совершены завтра же. Их похоронят в вашем фамильном склепе.

— Обещаю, — сказал Трикс, — что и твое тело я прикажу похоронить в фамильном склепе. После этого дверь замуруют, там больше некого станет хоронить.

На какой-то миг губы со-герцога Гриза сжались. Потом он кивнул:

— Замечательно. Фраза, достойная летописей. А теперь — убирайся из герцогства Гриз!

Трикс греб, пока лодка не вышла на стрежень. Весной, когда часто шли дожди, или в жаркое лето, когда начинали таять ледники, реке случалось быть и полноводной, и бурной. Но это лето было просто сырым и холодным. Лодка слегка покачивалась на волне, берега неспешно проплывали мимо.

Трикс отпустил весла и достал оба кошелька. В том, что дал ему Сид Канг, не было золота. Там лежали три серебряные монеты. Даже самым хорошим солдатам нужны деньги. А вот в кошельке Сатора Гриза было десять золотых. Герцог недаром происходил из купеческого рода, он никогда не ошибался в счете и не мошенничал по мелочам.

Еще в кошельке лежала пуговица от рубашки с гербом Солье, простенькое золотое колечко, принадлежащее, скорее всего, кому-то из фрейлин, крошечная серебряная ложечка и два мелких рубина.

Трикс задумчиво разглядывал все, что досталось ему от фамильных сокровищ. Нет, он и не рассчитывал на перстень отца или Большую Печать. Но это... Любой мелкий воришка, улыбнись ему удача, мог за полдня уворовать куда больше «доказательств».

Ссыпав безделушки обратно в кошелек, Трикс лег на дно лодки.

По крайней мере, лодка не протекала — уже хорошо. Он жив и на свободе. Он доберется до княжества Дилон, отправится к правителю... кто же там ныне у власти... Джар Дилон умер два года назад, правит его дочь. Или регент, а дочь еще слишком мала?

Кажется, до сих пор регент. Трикс даже вспомнил его: высокий худой мужчина, желчный, с вечно недовольным лицом. Он приезжал в со-герцогство вскоре после смерти Джара, заключал какой-то договор... отец еще говорил, что регент пошел на уступки в давнем споре о пограничных землях.

Если Трикс запомнил регента, почему бы регенту не вспомнить Трикса?

Он пообещает ему вернуть обратно те пограничные земли. И даже отдать еще что-нибудь, принадлежавшее раньше со-герцогу Гризу. Триксу нужна армия, хотя бы небольшая. Когда он вступит на старые земли Солье, то снизит налоги, объявит прощение преступникам, назначит высокую плату солдатам — и вскоре его армия станет большой. Так всегда делается.

Сатор Гриз еще пожалеет...

Трикс уснул.

По всем законам летописей и баллад, ему должны были присниться счастливые родители, живые и здоровые, играющие с ним на зеленой лужайке. Или же — скорбные родители, преданные и мертвые, взывающие об отмщении. На худой конец сгодились бы видения грядущих битв и сражений, пылающего дворца со-герцога Гриза и ликующей толпы, приветствующей Трикса на троне.

Трикс спал крепко и без сновидений, как и положено здоровому, но смертельно уставшему подростку.

В исторических хрониках и трогательных балладах отпущенная на волю волн лодка благополучно плывет всю ночь. К восходу солнца течение осторожно прибывает лодку в тенистую заводь, где над рекой склоняются плакучие ивы, а на воде цветут кувшинки. В это же время к заводу приходит юная и красивая принцесса, чтобы обнаружить лодку, а в ней либо запеленутого в шелка младенца мужского пола (кстати, вы когда-нибудь пробовали пеленать младенца в шелка?) с таинственным амулетом на ручке, либо израненного воина в испачканных благородной кровью шелках (шелк является традиционным и почти обязательным атрибутом). Лишь в том случае, когда в лодке мирно спит младенец женского пола или одетая (да, да, вы догадались) в шелка принцесса, обнаружить лодку допускается мужчине благородного сословия.

На самом деле лодка, отпущенная на волю ночных волн посреди широкой реки, так и норовит перевернуться, налететь на топляк, разбиться о камни или сесть на мель. Также к ней может приблизиться другая лодка, с людьми весьма неблагородными, интересующимися лишь шелками, но никак не завернутыми в них младенцами: у самих по полу десяток ползает и есть просит.

Трикс об этом не подозревал. И проснувшись с первыми лучами солнца, совсем не удивился, обнаружив, что лодка мирно плывет по течению.

На самом деле за ночь она дважды натыкалась на коряги, а один раз полчаса простояла на мели, откуда ее сняла волна от рыбацкого баркаса, так торопившегося исследовать содержимое лодки, что он налетел на камни и затонул.

Трикс поднялся и сбросил отсыревший насквозь плащ.

Шелк вообще очень непрактичный материал.

По обе стороны реки простирался мирный сельский пейзаж. Слева он состоял из полей низкой, едва-едва начинающей желтеть пшеницы, справа — из сочных зеленых лугов. Кое-где виднелись белые струйки дыма, подсказывающие, что этот край обитаем, но людей не было видно.

Трикс перегнулся через борт, придирчиво осмотрел воду и умылся. Потом, осмотрев воду еще более пристально и сложив руки ковшиком, напился. В городе он бы на это не решился, но здесь вода выглядела более чистой. Ну, или более разбавленной.

Вчерашний день теперь казался неожиданно далеким — как это всегда и бывает после совсем уж неожиданных и ужасных событий. Но Трикс не привык к неожиданностям и был только рад спасительному ощущению *давности*. По крайней мере, плакать о родителях ему хотелось не в большей мере, чем об отважном со-герцоге Диге Солье. Если вдуматься, то мало кто из его предков умер в своей постели...

Трикс развернул полотняный мешочек с едой и осмотрел свои запасы. Немного вареной картошки, немного сушеной рыбы, кусок сыра, полкаравая хлеба и бутыль дешевого вина. Пренебрежения к подобной пище Трикс не испытывал, но и восторга она не вызвала.

Откупорив бутыль, Трикс выпил глоток кислого вина. Инстинкт подсказывал, что речную воду полезно запивать вином...

— Эй! — разнеслось над водой.

На берегу показалась маленькая фигурка, она отчаянно махала руками. Трикс привстал в опасно закачавшейся лодке, всмотрелся. Похоже, это был мальчик... скорее юноша, не старше его самого.

Убедившись, что внимание Трикса привлечено, парень прыгнул в воду и поплыл к лодке, забирая чуть наискось к течению. Трикс задумчиво огляделся и высвободил одно весло из уключины. Все-таки уроки общения с юными подданными не прошли даром.

Впрочем, причина спешки вскоре стала понятной. Вслед за юношей на берегу показалось несколько мужчин: судя по одежде и зажатым в руках подручным предметам — селяне. Преследователей стубила крестьянская натура — они не неслись по хлебам во весь опор, а старались пробираться как можно осторожнее. Послышались причудливые проклятия — Впрочем, не наполненные никакой силой. Да и откуда простым крестьянам знать высокое искусство магии?

Повинуясь взаимному сочувствию всех преследуемых и гонимых, Трикс снова вставил весло в уключину и принялся грести навстречу пловцу. Через несколько минут за борт ухватились две руки, следом вынырнула рыжая голова. Юноша шумно выдохнул и спросил:

— Гонятся?

— У них лодки нет, — ответил Трикс.

Юноша кивнул. Опасливо посмотрел на Трикса и спросил:

— Ты меня веслом не огреешь? А то я плавать не умею.

— Ты же сюда доплыл.

— Это я со страху.

Трикс молча протянул руку и, запрокинувшись на другой борт, втянул паренька в лодку. При внимательном взгляде на мальчишку подозрительность, бдительно оглядываясь, отступила. Это был именно паренек, хоть и высокий, но помладше Трикса и такой тощий, будто на нем ставили эксперименты по выведению новой породы мало едящих детей.

— За что они? — Трикс кивнул на берег.

— За правду, — гордо ответил мальчишка. Сел, стянул рубашку и принялся ее выжимать. С легким удивлением Трикс отметил, что одежда паренька кажется ему смутно знакомой... хотя и начисто лишенной пуговиц и гербов...

— Ты кто? — попробовал Трикс подступить с другой стороны.

Тот надел рубашку и попытался сесть ровнее:

— Знай же, славный юноша, что ты совершил благородный... э...

— Поступок? — подсказал Трикс.

— Поступок, — с радостью согласился собеседник. — Ты спас от неминуемой расправы и постыдного плена...

— «Летопись баронета Хью Невезучего»... — пробормотал себе под нос Трикс.

— ...наследника престола со-герцогов Солье, Трикса Солье.

Трикс задумчиво посмотрел на парня. Тот сглотнул и чуть неувереннее продолжил:

— И это тебе зачтется, и ты будешь благодарен, едва только я верну себе корону, земли, войско и богатства...

— Говоришь, плавать не умеешь? — спросил Трикс, перехватывая весло поудобнее.

— Не надо, — быстро сказал мальчик.

— Ты кто?

— Три... — и осекся. — Иен.

— Какой еще Иен?

— Так это у благородных фамилии, — паренек пожал плечами. — А я просто Иен. Отец был садовник. Мать ему помогала. От горячки померли два года назад.

— Почему ты назвался Триксом? — не выдержав, заорал Трикс. — И откуда у тебя эта рубашка? Она... она дорогая!

— Ага, — собеседник с удовольствием погладил ткань. — Это шелк, да?

— Это бархат, дурак! Ты откуда?

— Из приюта для перевоспитания сирот славных со-герцогов Солье и Гриза, — ничуть не смутившись, ответил Иен. — Светлая память со-герцогу Солье, хранят боги обе его души, земную и небесную...

Трикс вставил весло в ключину.

— Вчера утром, когда стражники со-герцога Солье напали на со-герцога Гриза, но были пленены, а со-герцог Солье с горя убит, — быстро затараторил мальчик, — у нас приют сгорел. С трех сторон запылал, еле выскочить успели. Наверное, злодеи какие-то подожгли. А потом приехал рыцарь со-герцога Гриза, сказал, что приюта больше не будет. Нам великодушно даровали одежду наследника Трикса, ему-то все равно уже без нужды. Мы с ребятами потолковали и решили, что пока тепло и лето, надо разбрестись, побродяжничать. А раз у нас одежда благородная, то почему бы не сказать, будто каждый из нас — наследник Трикс, лишенный злодеями трона и скрывающийся в бегах?

— Думаешь, тебе поверят? — завопил Трикс. — А ну, скажи, как звали... двоюродную тетюшку со-герцога Рата Солье?

Мальчик наморщил лоб и отчеканил:

— Люнида Солье, год назад умерла от преклонных лет на морском побережье, дама была в молодости красивая, за что много страдала... Мы целый год генелогию учили.

— Генеалогию... — машинально поправил Трикс.

— Генеалогию. И Солье, и Гриза, и всех правителей сопредельных земель. Все, как у благородных.

— Ты все равно ничему не обучен, — пробормотал Трикс. — Только крестьянам и сможешь голову задурить. За столом вилку взять не сумеешь.

— Ха! — Иен гордо поднял голову. — Еще как сумею! Кстати, можно штаны выжать?

— Выжми, — глядя на натекшую на дно лодки лужу, разрешил Трикс.

— И малую рыбную, и большую мясную, и даже специальную фруктовую — сумею взять, — выкручивая за борт штаны, тоже казавшиеся Триксу подозрительно знакомыми, сказал Иен. — Нас знаешь как учили? Ого, как учили!

— Много в приюте было? — спросил Трикс.

— Шестьдесят три сироты. А еще две поварихи, дневной надзиратель...

— Подожди. И всем шестидесяти трем дали одежду... Трикса?

— Ага, — натягивая штаны, гордо сказал Иен. — Ох, и много же у него одежды было! Полсотни штанов!

— Даже побольше, — рассеянно сказал Трикс. — Понимаешь, они же крепкие, от отца еще, от дедушки, даже от прадедушки оставались...

— А мне от отца ничего не осталось. Все сожгли. Горячка, — Иен вздохнул. — А тебя как звать?

— Трикс, — мрачно ответил Трикс.

— Ага, — ухмыльнулся Иен. — Слушай, а ты похож! Я ведь не против, называйся тоже Триксом Солье! Только надо из герцогства убраться, а то здесь народ такой... может и Гризу выдать. Пострадаем ни за что, — он хихикнул. — А вот в сопредельных землях — лафа! Я думаю, раз мы на реке, надо в Дилон двигать. К регенту Хассу.

— Точно, Хасс, — пробормотал Трикс. — А я вспоминал...

— Он вместо дочки Дилона пока что правит, — пояснил Иен. — Княгини Тианы.

Триксу вспомнилось, как два года назад отец с удивлением рассказывал о великодушном решении со-герцога Гриза устроить в городе приют для сирот, приграть там детей — ровесников Трикса и Дэрика — и даже дать им достойное воспитание, дабы в будущем они могли послужить при дворах со-герцогов.

Мать тогда проронила что-то о пользе благотворительности и даже вызвалась раз в год одаривать сирот кремовыми пирожными собственного изготовления.

Теперь внезапная щедрость Гриза стала понятной. Приют оказался блажью не в большей мере, чем позавчерашняя потасовка в пивной — случайностью.

Если по окрестным землям разбредется полсотни мальчишек, выдающих себя за наследника престола Трикса, то как настоящему Триксу доказать свою правоту? Уже через месяц слова «я наследник престола со-герцогов Солье» будут вызывать смех у самого захудалого барона. И в давние времена после дворцового переворота повсюду объявлялись убежавшие из темниц графы и герцоги, чудом спасшиеся наследники и наследницы, на худой конец — многочисленные бастарды. А уж от верных слуг, кланчащих подавание, прохода не было.

Сейчас бы они тоже появились: со-герцоги и со-герцогини Солье, наследники Триксы, рыцари и слуги. Сатор Гриз всего лишь решил перестраховаться.

Если только регент Хасс не узнает его...

— Мы должны быть первыми в Дилоне, — сказал Трикс. — Регент должен меня вспомнить.

— Кого вспомнить? — спросил Иен.

— Меня. Трикса Солье.

Иен хмыкнул.

— Я Трикс Солье! — с напором повторил Трикс.

— Хорошо, хорошо. Ты Трикс. У тебя лодка, ты и Трикс, — согласился Иен. — Только зачем тебе к самому регенту?

— По деревням побираться безопаснее?

— Ну... по деревням тоже всякое бывает... — задумчиво сказал Иен. — Слушай, давай выберем какого-нибудь бедного, но благородного рыцаря. Или барона. В княжестве Дилон двенадцать баронов, первый барон — из рода Дилонов, второй барон — Вит Капеллан, третий — Лиандр, четвертый — Галан...

Иен затараторил подозрительно ритмично, и Трикс, у которого бароны вечно путались в голове, спросил:

— Это что, считалка какая-то?

— Ага, — кивнул Иен. — Чтобы легче было запомнить. В княжестве два герцогства и одно со-герцогство, три маркизата, двенадцать баронов ленных и четыре барона вольных, королевские земли с рыцарями-управителями... думаешь, легко всех перечислить? А не перечислишь — розги!

— А как ты запоминал королевских рыцарей? — мрачно спросил Трикс.

— Это у меня самое любимое, — Иен откашлялся и затянул: —

Рыцарь Догоро живет на востоке, там, где лишь скалы стоят одиноко...

— Понял, — кивнул Трикс. — Только из тебя все равно Трикс не получится.

— Почему?

— Ты рыжий.

— Велика печаль? — искренне удивился Иен. — Думаешь, кто-то заминал, какого цвета у него волосы?

Трикс печально подумал, что все порядочные герои хроник имели какие-нибудь замечательные приметы. У одного барона была родинка в форме меча, а у одного герцога даже в форме короны. У маркиза Дакиса на левой ноге было шесть пальцев. На худой конец сгодился бы волшебный кинжал, перстень с печаткой, пиршественная чаша с гербом...

— Есть хочешь? — спросил Трикс.

Иен с готовностью кивнул.

— Тогда запомни: я настоящий Трикс Солье! А ты...

— Твой потерянный в младенчестве брат? — с надеждой спросил Иен.

— Нет!

— Тогда твой верный оруженосец?

— Оруженосец положен с четырнадцати лет, — поморщился Трикс.

— У настоящего Трикса, — ехидно заметил Иен, — сегодня день рождения. У нас должны были подать пирог с морковкой и яблоками... Оруженосец — на меньшее я не согласен!

— Становись на колени, — велел Трикс.

Иен послушно встал на дно лодки.

Трикс взял в руки весло и осторожно опустил на плечо Иена:

— Я, со-герцог Трикс Солье, правом, данным мне от рождения, беру тебя, Иен, в свои оруженосцы и жалую тебе рыцарское сословие. Отныне ты — Иен... Иен, рыцарь Весла. Гербом твоим будет серебряное весло на голубом фоне.

— Можно золотое? — спросил Иен.

— Золото на голубом — только для особ благородных кровей, — сказал Трикс.

— Серебряное — тоже ничего, — смирился Иен.

— Я, со-герцог Трикс Солье, — продолжал Трикс, — обязуюсь учить тебя и защищать, давать кров и стол... по возможности.

— Еще я должен получить какое-нибудь особое право, — напомнил Иен.

— И дарю тебе право сидеть ко мне спиной, — великодушно сказал Трикс. — А то тебе будет неудобно грести.

— Спасибо. А можно получить немного стола прямо сейчас?

2.

Старая, но еще крепкая лодка плыла вниз по реке. Двое мальчишек беседовали.

— Если бы у нас был крючок и тонкая жила, поймали бы рыбу, — рассуждал вслух Иен. — Большую.

— И что с ней делать, с живой рыбой? — не понял Трикс.

— Как что? Веслом по башке, потом выпотрошить и съесть. Если посолить, то можно и сырую.

— У тебя нож есть?

— Нет... И соли нет.

— И крючка, и жилы тоже. Приплывем в Дилон, пойдем... а где в городе едят?

— Ты чего, совсем дурак? — удивился Иен. — В харчевнях, в тавернах, в трактирах. Есть еще едальные дворы — но там только для благородных.

— Я благородный!

— Ах, простите, забыл... — фыркнул Иен.

— Сколько у тебя денег? — спросил Трикс.

Иен с ответом не спешил, Триксу даже пришлось толкнуть его ногой.

— Три серебряные, — признался Иен. — Надолго хватит.

— У меня тоже три серебряные, — сказал Трикс. О кошельке, полученном от Гриза, он решил не упоминать. — Вам вместе с одеждой дали деньги?

— В карманах были... Даже карманы не проверили, олухи!

Трикс вздохнул. Герцог Гриз не мелочился.

— Рассказывай мне генеалогию со-герцогов Солье и Гриза, — сказал он.

— Ты же сам Солье, зачем тебе? — ехидно спросил Иен.

— Болван! Думаешь, я это все заучивал? На это герольды есть.

— В году семисот пятом к верховьям реки Дальняя у Серых гор пришел караван поселенцев из княжества Дилон. Караван вели богатый торговец Крон Гриз и капитан стражи Сел Солье. И хотя не было золота в Серых горах, но земли им полюбились, и основали они со-герцогство Солье и Гриз...

Трикс подумал, что со-герцогством новые земли стали без малого через полвека, когда правили уже сын Села Солье и дочь

Крона Гриза. Король не раздает титулов каждому удачливому авантюристу — впрочем, будущие со-герцоги оказались достаточно умны, чтобы регулярно отсылать королю налог и дважды подержать его войсками...

— Рассказывай дальше, — велел Трикс.

Конечно, он должен был все это знать и сам, не полагаясь на герольдов и летописцев. Знание родственников (а все благородные люди родня друг другу) не только дань вежливости, но и очень полезная вещь. Кого-то можно удачно уязвить, подав к пиршественному столу только рыбные блюда, кому-то вовремя польстить, припомнив единственный выигранный турнир. И Трикс все это учил, да, конечно же, учил! Слушал летописца, кивал, в нужный момент задавал вопросы и прекрасно мог повторить все услышанное... целый день мог повторить и даже на следующее утро. А потом будто вытряхивал из головы за ненадобностью, освобождая место для новой порции имен, дат и историй.

Трикс вздохнул:

— Повтори, что там про Третью Великую войну?

Замок показался к пяти часам пополудни. Трикс встал на носу лодки, поставил ладонь ко лбу козырьком, прикрываясь от яркого солнца. Не самый большой замок, стены высоки только со стороны берега, у воды совсем низкие, хотя и с множеством бойниц. Над главной башней реял флаг: две золотые рыбы на синем фоне.

— Чей замок? — ехидно спросил Иен.

— Барона Тора Галана, барона-рыбака, — ответил Трикс. Историю близких соседей он худо-бедно помнил. — Особым указом герцога Дилона Вразумляющего стены замка были скрыты со стороны реки на три четверти. Дабы не были они выше, чем мачты кораблей герцога...

Иен обиженно засопел.

— Причалим, — решил Трикс. — Барон-рыбак добрый, это все горят. Гребите к берегу!

— Уже, — пробурчал Иен. — Я, между прочим, все руки стер!

— Рыцарю не только не должно перечить своему сюзерену, но даже и скорбным ликом показывать, что тяготит его служение... — Трикс оглядел свою одежду: пуговиц на куртке нет, штаны рваные. — Снимай штаны!

— Ты чего?

— Я должен выглядеть достойно, а твои штаны чище.

— А я с голым задом в замок пойду?

— Мои наденешь.

Пока мальчишки переодевались, лодку едва не пронесло мимо замка. Триксу пришлось взяться за весло. Вдвоем они кое-как выгребли к самому концу длинной деревянной пристани.

У берега было совсем жарко, текущая вода не освежала, а добавляла духоты. Стражники, сидящие под навесом из камыша, разглядывали мальчишек со скукой в глазах. Никто даже не пошевелился — ни поприветствовать, ни отогнать.

Трикс и Иен выбрались на влажные почерневшие доски. Иен принялся наматывать веревку на причальный столб.

— Эй! — один из стражников, помоложе, поднялся и неохотно вышел из-под навеса. — Шантрапа! Две медных монеты!

Иен замер, покосился на Трикса.

— Какие еще монеты? — возмутился Трикс. — Указом Великого герцога берега реки на два шага от воды являются его личной собственностью! И любой честный житель вправе причалить где угодно!

Стражник засмеялся:

— Ученые! Гляди, други, какая нынче мелюзга образованная!

— Порют мало... — лениво отозвались из-под навеса.

Стражник посерьезнел.

— Причалить — сколько угодно. Это ты прав, малец. А вот столб причальный — собственность барона Галана. Привязать к нему лодку стоит две монеты в день.

— Но вы можете отпустить лодку по течению бесплатно! — снисходительно добавил его товарищ.

Трикс молча полез в карман и достал серебряную монету.

Стражники замолкли.

— Сдачу, — велел Трикс.

— Это... — стражник замялся. — Другой нет?

Трикс достал золотой.

Еще трое стражников вышли к лодке. В глазах у них появилась и жадность, и опасение. Мальчишки-оборванцы, которые не боятся достать серебро при стражниках?

А вдруг они имеют на это право?

— Привяжи лодку, да покрепче! — швыряя серебряную монету под ноги стражнику, велел Трикс. — А ты, — он ткнул в первого попавшегося из его товарищей, — проводишь нас к благородному Тору Галану.

Теперь глаза стражников настороженно шарили по ребятам. До незадачливых охранников причала наконец-то дошло, что у Трикса благородный выговор, а одежда хоть и грязная, но из дорогих тканей.

— Просим прощения, — поднимая и протягивая обратно Триксу монету, сказал молодой стражник. Если вначале Триксу показалось, что он в группе на вторых ролях, то теперь стало ясно — напротив, старший караула. — Гостям барона, само собой, платить не надо. А как доложить-то вас?

— Трикс Солье, наследник со-герцога Солье, — отчеканил Трикс. — Со своим верным оруженосцем, Иеном, рыцарем Весла.

Глаза у стражника округлились. Видимо, слухи уже достигли владений Галана.

— Прощенья просим, — повторил он, — ваше со-сиятельство. Будет немедленно доложено. Эй, Хомяк, живо к господину барону!

Пузатый стражник поднялся и затрусил к замку, клацая бронзовым нагрудником летних доспехов. Остальные тоже встали навыважку.

— Не угодно ли... — молодой стражник замялся, — освежиться? Пиво?

Трикс подумал, что с такими манерами парень в стражниках не заседит, а быстро дорастет до прислужника. И даже посмотрел на небожженный глиняный кувшин, соблазнительно стоящий в тенишке под навесом. Но ответил достойно:

— Покуда скорбь о моих благородных родителях еще свежа, я не могу предаваться житейским радостям.

Судя по лицам стражников, слова произвели должное впечатление. Трикс переступил с ноги на ногу и задумался, как бы закрепить эффект. Возможно, поведать о своем героическом бегстве из плена? Но бегство не слишком-то героический поступок. К тому же не слишком ли много чести простым стражникам?

К счастью, замок Галана и впрямь был невелик. Пузатый стражник уже спешил обратно, смешно размахивая руками. Шагов за десять замедлил движение, чтобы отдышаться и торжественно объявил:

— Повелением его светлости, высокородного барона Галана...

Хотя Иен и стоял за спиной Трикса, как подобает приличному оруженосцу, но Трикс явственно почувствовал: его новый приятель готовится сигануть обратно в лодку.

— ...со-сиятельству Триксу и его оруженосцу Иену предложено гостеприимство и отдых в стенах замка!

Выдохнув, стражник добавил:

— Велено вас со всей любезностью препроводить в большую гостевую комнату и умыть с почестями. Барон будет ждать вас к ужину.

Кроме слова «препроводить» Триксу все понравилось. В хрони-

ках и летописях слишком часто «препровождали» в тюрьму или на плаху.

Со всей любезностью, конечно.

Иен бодро прошел от стены с окном до стены с дверью и воскликнул:

— Ха! Восемь шагов! Какая же у них малая гостевая, если это большая?

— Малая — меньше, — разъяснил Трикс. — Это большая, не сомневайся. Мы тут три года назад на вечернюю попойку останавливались, когда к старому князю Дилону ездили.

— И все тут поместились? — удивился Иен.

— Почему — все? На кровати спали отец с матерью, мне на лавке у окна постелили.

Иен с сомнением посмотрел на лавку.

— Я же тогда меньше был, дубина, — сказал Трикс. — А у дверей спал капитан стражи... Вся челядь — в малой гостевой. Ну и прислуга во дворе и на конюшне...

В дверь постучали, но открыли, не дожидаясь разрешения. Вошел крепкий мужик в полинявшей ливрее цветов барона Галана: возвышенное желтое на благородном синем. Перед собой он держал здоровенную деревянную лохань, полную горячей воды. Следом суровая немолодая особа несла два полотенца и ковшик с куском травяного мыла.

Трикс приободрился. Все-таки подобающие почести ему оказывали.

Как только слуги вышли, Трикс разделся и бесцеремонно залез в лохань.

— А я? — обиделся Иен.

— Ты сегодня уже купался. Забыл? И вообще, оруженосец всегда моется после своего господина.

Иен засопел, пробормотал, что раз уж он сегодня купался, то ему бы и вымыться первому. И уселся у окна, разглядывая двор замка.

Трикс намылился, с особым удовольствием взбил пену на голове. Подумал, что обливать господина водой — дело оруженосца, но приказывать Иену ничего не стал, а сам взялся за ковшик. Все-таки оруженосец у него пока неопытный, низкого происхождения и потому от природы непочтителен.

Приведя себя в порядок, Трикс вытерся грубым, но чистым полотенцем, оделся. Сказал:

— Можешь помыться, мой верный оруженосец.

Иен нагнулся над лоханью, подозрительно посмотрел на покрытую

грязной мыльной пеной воду. Сунул в воду палец, внимательно изучил и вытер о штаны:

— Я, наверное, мыться не буду. Я уже мылся сегодня. А два раза в день — это плохая примета.

— Как хочешь, — Трикс не стал спорить. Это даже хорошо, что оруженосец будет чумазее своего господина. — Когда начнется торжественный ужин в мою честь — встанешь за спиной, понял? Когда я подниму правую руку, подашь салфетку. Когда протяну тебе тарелку — можешь все доесть, прежде чем передать лакею. И не забывай подливать вино, понял?

— Понял, — грустно сказал Иен.

— Ты не бойся, — успокоил его Трикс. — Я съем половину, а остальное отдам тебе. А будешь подливать вино, допивая остатки из бокала. Я скажу, что это знак моей особой милости.

Иен повеселел.

Барон-рыбак совсем не изменился с тех пор, как Трикс с родителями гостил в его замке. Только пузо выросло еще больше, лицо стало багровее, нос покрыла красная сеточка жилок. Галан восседал на позолоченном деревянном троне. Маленькую баронскую корону, золотой ободок с одним-единственным красным камнем, он только что снял и вытирал со лба пот.

Но взгляд барона остался цепким, умным, памятьливым. Он мимоletно глянул в сторону остановившихся перед троном ребят — и Трикс понял, что его узнали.

Узнали, но промолчали.

Баронские чада с домочадцами, сидящие за накрытым к ужину небогатым столом, тоже молчали. И жена — тощая, носатая, с зачесанными в гладкий узел черными волосами. И двое младших детей — сын лет десяти и девочка лет семи. Старшие служили оруженосцами или пажами при домах соседних баронов, младших кормили няньки, к столу их не звали. И два младших брата барона — тоже толстые и пропитые, а по причине безземелья и безденежья к тому же еще и мрачные. И капитан баронской стражи — мужчина бравый, весь в шрамах, но в небогатых доспехах и с нервно дергающимся от старой раны правым веком.

Колдуна у барона-рыбака не было. Колдуны не любят селиться в нищих замках мелких баронов. А замок был беден — витражи в окнах потемнели и почти не пропускали свет, с трона кое-где отстали тонкие листочки сусального золота, ковры под ногами протерлись, в канделябрах горело по одной свече, да не восковой — сальной...

Тор Галан медлил. Облизнул губы. Покосился на жену. Поднял взгляд к закопченному потолку. Уставился на носки своих туфель.

Трикс ждал. Либо Галан решится признать беглого наследника, либо объявит самозванцем. Если не признает... ох, кончилось бы дело одними лишь плетями...

Барон-рыбак вдруг улыбнулся, просветлел — и сразу стало понятно, чем он заслужил прозвище «добрый барон».

— Трикс! Трикс Солье, мой мальчик! Ты жив!

Трикс облегченно выдохнул, только сейчас обнаружив, что у него вспотели ладони.

Барон, приподнявшись в кресле, пристально посмотрел на него:

— Кто твой спутник?

— Иен, верный оруженосец! — отчеканил Трикс.

— Достойный оруженосец! — одобрительно сказал барон. — Не бросить своего господина в беде — славный поступок, который украсил бы и зрелого мужа благородных кровей... Идите же ко мне, дети!

Трикс с Иеном приблизились к барону. Галан развел руки, обнял ребят и поцеловал каждого в макушку. От барона пахло вином, чесноком и псарней.

— Будем праздновать спасение благородного Трикса! — провозгласил барон. — Свечей! Вина! Еще цыпленка и тарелку!

Трикс победно посмотрел на Иена и подмигнул.

— Мы подумаем, как тебе помочь, — сказал Галан и потрепал Иена по щеке. — Ах, как вырос, шалопаи! Узнаю, узнаю благородную кровь Солье...

— Ваша светлость! — возмущенно воскликнул Трикс. — Барон...

Крепкие пальцы барона нежно легли на его шею.

— Не благодари меня, верный оруженосец, — сказал барон, улыбаясь. — Я сделаю все, чтобы помочь твоему господину.

Иен растерянно посмотрел на Трикса. Пожал плечами.

— Скажи что-нибудь, Трикс! — барон хлопнул Иена по плечу, не спуская пальцев с шеи настоящего Трикса. — Не стесняйся!

— Я благодарен вашей светлости за обещание помощи... — пробормотал Иен. Покосился на Трикса. — Но...

— Вина благородному Триксу! — крикнул барон и встряхнул Иена.

Иен пискнул и замолчал. Трикс и сам онемел. Барон не мог спутать... он же поймал его взгляд...

— Потом! — жарко дохнул в ухо барон. — После ужина поговорим!

Он оттолкнул ребят к концу стола. Как во сне, Трикс встал за спиной Иена. Слуга всунул в руки Иена кубок с вином, поставил перед

ним щербатую деревянную тарелку с поджаренным цыпленком. Иен оглянулся на Трикса и прошептал с паникой в голосе:

— Я не хотел! Я не виноват!

Но Трикс уже все понял. Мудрый Галан не доверяет даже своим людям и хочет укрыть его, Трикса, от удара наемного убийцы! Вот почему он велел Иену изображать своего господина, а Триксу — прислуживать за столом! Все, как в истории с Гранисом, рыцарем Петли и Палки, которому выпала честь быть оруженосцем Декарана Мудрого и принять за него мученическую смерть от четверки коней: чалого, вороного, пегого и буланого — после чего изображавший оруженосца Декаран отвез останки Граниса в свой родовой замок, там поведал вассалам о своем чудесном спасении, собрал новое войско и непременно отомстил бы за храброго оруженосца, если бы не эпидемия холеры...

— Бери! — прошептал Иен, протягивая ему полупустой бокал. — Цыпленка будешь?

Вырвавшись из раздумий, Трикс жадно глотнул кислого вина. Искоса огляделся. На них никто не обращал особого внимания, видимо, потому, что и сам Галан занимался другим делом — изучал пасть борзого щенка, принесенного с псарни. Барон улыбался: прикус ему нравился. А вот второго щенка Галан удостоил лишь одного взгляда и велел отдать лесничим. Барона не зря хвалили за доброту — многие велели бы утопить породистого пса, но не подарили бы слугам.

— Отломи ножку, — велел Трикс. — И хлеба. Белого!

Возможно, кто-то и заметил, что чудесно спасшийся юный со-герцог кормит своего оруженосца слишком уж хорошими кусками. Но вслух ничего сказано не было, и Трикс смог утолить голод.

Один раз барон Галан поднял тост, но не за Трикса или его погибших родителей, а за справедливость! В утешение себе Трикс решил, что тост все-таки про его спасение, но после этого загрустил. Ужин тянулся долго, хотя после жареных цыплят ни одной перемены блюд не последовало — детей увели няньки, а взрослые пили вино. Трикс с Иеном будто застряли посередке между детьми и взрослыми: их никто от стола не гнал, но и вино наливать перестали. Лишь когда Иен не удержался и громко зевнул, барон обратил на них внимание.

— Наши юные гости устали, — торжественно объявил он. — Лигар, проводи их в большую гостевую комнату!

Капитан баронской стражи кивнул своему господину (видимо, на вечерней пьянке церемонии были не в ходу) и обернулся к мальчикам. Иен с облегчением вскочил со стула, а Трикс наконец-то смог размять ноги. Стоять на одном месте куда утомительнее, чем идти.

— Благодарю, ваша светлость! — от еды и вина Иен расхрабрился и теперь играл роль юного со-герцога куда увереннее. — Перед сном я буду молить Господа вознаградить вас за гостеприимство!

Трикс помрачнел, но смолчал.

А вот Лигар, идущий за подростками к двери, пробормотал себе под нос:

— Бойко сказано... для безродного сироты.

Трикс украдкой поглядел на Лигара. Они уже вышли из пиршественной залы и шли по темному коридору. Лунный свет, неохотно льющийся в узкие окна-бойницы, позволял не наткнуться на стены. По-хорошему, стоило бы захватить с собой свечу, но слуги барона, похоже, привыкли обходиться без подобной роскоши.

Под ногами влажно хрустел тростник, которым посыпали пол. На взгляд Трикса, тростник давно требовалось сменить — ну какие с этим могут быть проблемы в замке, стоящем на берегу реки? Но барон то ли неумеренно экономил даже на осоке, то ли его совершенно не волновало, что там чавкает под сапогами: свежий зеленый тростник или мешанина из грязи и гнили.

— Вы меня узнали, сэр капитан стражи? — спросил Трикс.

— Я был помощником капитана в те дни, когда со-герцог Солье с семьей проезжал через замок, — велеречиво, но уклончиво ответил Лигар.

— Барон назвал меня оруженосцем для моей безопасности?

Лигар наморщил изрезанное шрамами лицо:

— Быть может. Барон умен. Куда умнее, чем думают соседи...

Он замолчал, явно не желая вдаваться в подробности.

Уже у дверей гостевой комнаты Лигар добавил:

— И куда беднее. Пять лет нас преследуют сплошные неудачи. Шайки разбойников спускаются с гор и грабят караваны, которым барон обещал защиту. Два мага, выясняя свои отношения, заваливают серебряный рудник и выжигают драгоценную сандаловую рощу. Засуха, наводнение, королевские сборщики налогов... Но барон умен.

Он легонько подтолкнул мальчишек к двери. Дождался, когда они войдут и глухо стукнет задвинутый засов, и лишь после этого ушел.

Первым делом Трикс нашарил на столе подсвечник и коробок спичек — экономия барона не простиралась так далеко, чтобы оставить гостей в полной темноте. С третьей попытки — дешевые спички ломались, шипели, истлевали вонючим серным дымом, но не хотели гореть — зажег свечи. Мрачно посмотрев на Иена, спросил:

— Могу ли я сидеть в присутствии вашего сиятельства?

Иен занервничал и воскликнул:

— А я-то что? Разве я напрашивался? Это все барон!

— Наследник со-герцога — я, — еще раз напомнил Трикс. — Знаешь, почему барон тебя Триксом назвал? Чтобы наемные убийцы, если они затаились среди челяди, убили тебя, а мной пренебрегли.

— Не хочу, чтобы меня убили! — завопил Иен. — Пусть пренебрегают!

— Дурак, это же великая честь — погибнуть за своего господина!

— Я совершенно не честолобив! — Иен на всякий случай отошел подальше от двери.

— Что поделать, — Трикс пожал плечами. Посмотрев на кровать, сказал: — Наверное, разумно будет спать на лавке. А ты ляжешь на кровати. Вдруг в стене есть потайное отверстие, через которое в постель могут запустить гадюку. Или в потолке дырка, через которую льют расплавленную смолу на голову гостя... Ты чего такой бледный?

В дверь стукнули, и Иен из бледного мгновенно стал красным. Зашептал:

— Не открывай, Трикс! Пожалуйста!

Трикс на цыпочках подошел к двери. Прислушался. Осторожно спросил:

— Кто там?

— Тор Галан, — ответил ему строгий голос. — Открывай, Трикс.

Трикс посмотрел на оруженосца, развел руками и отодвинул засов.

Это действительно был барон. С пятисвечным канделябром в одной руке и бутылью в другой, красномордый от выпитого за ужином, но на удивление бодрый. Войдя, он немедленно закрыл за собой дверь, вручил канделябр и бутылку Иену, после чего крепко обнял Трикса. Тот только пискнул в могучих лапищах барона. Через секунду барон отстранил мальчика от себя, всмотрелся в лицо. Удовлетворенно кивнул:

— Узнаю, узнаю породу... Я рад, что ты спасся, парень.

Трикс облегченно вздохнул. Бросил на Иена гордый взгляд и сказал:

— Родители погибли... Подлый со-герцог Гриз...

— Знаю, знаю... — барон со вздохом присел за стол. Покосился на Иена, буркнул: — Чего встал, оруженосец? Налей вина господам!

Иен заматался в поисках чаш, а барон тем временем продолжил:

— Твой отец всегда был излишне романтичен, Трикс. Романтика — прекрасное качество, но только не в ущерб бдительности... А вот мать твоя меня удивила. Выпить яда, пронзить себя кинжалом и выброситься из окна! Что значит благородная кровь!

— Еще и кинжалом? — поразился Трикс. Иен, нашедший наконец-то две оловянные чаши, торопливо наливал в них вино.

— Ну, кинжалом она просто ошарапалась, — Галан поморщился. — Но все формальности Высокой Смерти соблюдены: три благородных способа использованы в должной последовательности. Уважаю. Я бы из окна не решился прыгнуть, высоты боюсь... Ну, Трикс, твое здоровье!

Они выпили вина, и даже Трикс с его невеликим опытом сразу почувствовал: содержимое этой бутылки гораздо лучше того, что наливали за общим столом.

— И что ты намерен делать, юноша? — барон вытер усы, с любопытством поглядел на Трикса.

— Я собирался просить помощи у наместника Дилонов, — сказал Трикс. — В неизмеримой благодарности я бы подарил Дилонам пограничные земли, бывшие предметом давнего спора...

Галан покивал. Вскользь заметил:

— Это, видать, те, что сегодня днем подлый герцог Гриз вернул Дилонам? Сообщив при этом, что лишь упрямство покойного сопровителя мешало ему уладить пограничный спор раньше.

Трикс насупился. Потом упрямо мотнул головой:

— Я найду, что предложить Дилонам! Они благородные люди и воспротивятся произволу.

— Регент Хасс не слишком-то благороден. Жаден, умен, но не благороден, — Галан отпил еще вина. — А принцесса Тиана пока ничего не решает... Впрочем, если планы регента выдать ее замуж за своего сына сбудутся, она никогда ничего не станет решать...

Барон достал из кармана камзола большое зеленое яблоко. Обтер рукавом, разломил на две части, одну половину вручил Триксу, сам захрустел второй.

— Что же мне делать? — спросил Трикс.

— А ничего, — ответил барон. — Никто из баронов не рискнет тебя поддержать. Хасс уже свое получил. До короля ты не доберешься. Да и не станет он лезть в мелкие свары через голову Хасса.

— Но вы же меня признали! — горько сказал Трикс. — Барон, все знают, что вы умный человек, и уважают ваши суждения.

— Да уж, не дурак, — согласился барон. — Яблочко кушай, Трикс. А то развезет с непривычки, вино у меня крепкое... Я признал не тебя, а твоего спутника. Ты из приюта, мальчик?

— Ага, — Иен тихонько подобрался к столу. — Я оруженосец, я не хотел себя выдавать за Трикса...

— А придется, — барон выплюнул огрызок. И пояснил: — Поддер-

живать тебя, Трикс, мне слишком дорого выйдет. Если Гриз поймет, что я приютил у себя настоящего наследника, будет беда. Против его армии мне не выстоять, а ведь есть еще и наемные убийцы, наводящие порчу колдуны... говорят, и с нечистой Гриз якшается... Разумнее всего приютить твоего друга и сделать вид, что я признал в нем настоящего Трикса.

— Зачем? — растерялся Трикс.

— Посуди сам, — барон словно бы возмущился его непонятливостью. — Фальшивый Трикс не угрожает Гризу всерьез. Но если я постараюсь — станет ему занозой в зад. Так что он мне кой-чего কিনет. Есть тут спорные заливные луга... — барон махнул рукой. — Неважно. Что-нибудь я с этого получу. Полгода-год твой оруженосец будет у нас жить и как сыр в масле кататься.

— А потом? — испуганно спросил Иен.

— Не бойся, — барон улыбнулся. — Когда Гриз пойдет на уступки, я публично признаю, что ты безродный бродяжка. Для вида тебя выдерут розгами, но я попрошу палача не слишком усердствовать. А как отлежишься — определяю подмастерьем к хорошему человеку. Или на псарню пристрою. Ты собак любишь?

— Люблю, — просиял Иен.

— Вот и молодец, — добродушно кивнул барон. — Так, значит, и поступим.

— А я? — завопил Трикс.

— Действительно, как же ты, — барон усмехнулся. — Трикс, поверь, будь у меня возможность тебе помочь — помог бы. Но не в моих силах. Поэтому...

Трикс в страхе ждал. Иен виновато пожал плечами, стоя за спиной Галана.

— Поэтому тебе дадут еды, ты снова сядешь в лодку и поплывешь, куда глаза глядят. А глядеть они у тебя будут в сторону Дилона. Это богатый город, где умный сирота всегда сумеет заработать на кусок хлеба. К тому же я снабжу тебя рекомендательным письмом. Дескать, ты внебрачный отпрыск одного из моих родственников. Можно даже так понять, что ты мой племянник... Обучен грамоте и прочим полезным вещам... письмо уже пишут. С такой бумагой устроишься к любому купцу, поверь мне. Дальше уже все зависит от тебя. Поднакопишь денег, станешь младшим компаньоном, поплаваешь по морям, выстроишь дом, женишься на дочке своего хозяина... советую сразу выбирать купца, у которого много маленьких симпатичных дочерей. Лет через двадцать—тридцать разбогатеешь так, что ко мне, старику, входить будешь без стука!

Уверенный голос барона оказал на Трикса какое-то завораживающее действие, будто барон знал толк в волшебстве. Открыв рот, Трикс смотрел на барона, и в голове его проносились какие-то смутные картины: ученичество в пропахшей пряностями лавке, ослепительное сияние неба диких жарких стран, удачные сделки, двухэтажный каменный дом с садом и бассейном, молодая красавица жена и собственная карета...

— Я же отомстить хочу! — завопил Трикс. — Вернуть отцовский трон! Я не купец, а потомок воинов!

— Купец, воин — какая разница? — удивился Галан. — Мешком золота можно убить куда больше людей, чем копьём и мечом. Вон, Гриз ведь из торгового рода, а твоего папашу перехитрил!

— Я поклялся отомстить, — пробормотал Трикс.

— А я в молодости клялся жениться на Люнде Солье, — ухмыльнулся барон. — Ну и что? Сейчас тебя отведут на пристань и посадят в лодку. Вручат рекомендательное письмо. И в добрый путь!

Трикс молчал.

— Ты считаешь, что я поступаю несправедливо? — ласково спросил барон. — Наивный мальчишка! Я умен, добр и деликатен. Другие на моем месте утопили бы тебя в реке. А самые глупые, пожалуй, выдали бы Гризу.

— Почему самые глупые? — спросил Трикс.

— Не думаю я, что ты убежал. Скорее, Гриз отпустил тебя ради каких-то своих целей, — барон прищурился. — Ну, ну... Не надо слез. Ты уже почти взрослый, и тебе не пристало канючить.

В дверь постучали. Иен, повинувшись жесту барона, открыл.

На пороге стояла жена барона, держа запечатанный сургучом свиток.

— Написала, — холодно сказала она, не глядя на детей. — Для какого надо было писать-то?

— Для Трикса, — весело сказал барон. — Ну, для настоящего. Который оруженосец... Идем, парень. Я сам посажу тебя в лодку.

— Вы мне даже переночевать не дадите? — возмутился Трикс. — А как же гостеприимство?

Барон вздохнул и покачал головой. Легонько хлопнул Трикса по затылку. Сказал Иену:

— Неблагодарный мальчишка, верно? Эй, не испытывай мое терпение. Идем!

— Можно мне проводить Трикса... то есть Иена? — внезапно спросил Иен.

Барон с любопытством посмотрел на мальчика. Взял со стола канделябр и сказал:

— А вот ты неглуп. И по-своему честен. Идем, конечно же.

Потрясенный и растерянный, Трикс плелся за бароном и бывшим оруженосцем по пустым темным коридорам. На душе было гадко. А вот барон, похоже, пребывал в хорошем настроении. Мурлыкал себе под нос какую-то песенку, в которой ему приходилось то и дело пропускать слова, заменяя их на «пам», «пам-пам» и «пам-пам-пам»:

Реталер, доблестный барон, решил собрать оброк

Своим вассалам, пам-пам-пам, поставил крайний срок.

И вот, почесывая пам, отправился он в путь,

Мечтая пам или копы куда-нибудь воткнуть...

Трикс мрачно подумал, что барон и впрямь деликатен: его отец, когда напивался с друзьями, распевал песенку о бароне Реталере иначе.

На пристани дежурили новые стражники, которые при появлении барона мгновенно удалились в замок. Видимо, все было условлено заранее. Барон с мальчишками подошел к лодке, по-прежнему привязанной у причала. Ткнул пальцем в мешок, лежащий на дне лодки, коротко сказал:

— Еда.

— Спасибо, ваша светлость... — сказал Трикс сквозь зубы.

— Не злись. Вырастешь — оценишь мою доброту, — барона, казалось, ничего не могло вывести из себя. — Держи свиток. И отправляйся в Дилон.

Трикс взял свиток и спрятал за пазуху. Смерил Иена негодующим взглядом, но говорить ничего не стал, спустился в лодку. Ночь была лунная, светлая, на небе ни облачка — хоть до утра плыви.

— Я отвязу, — сказал Иен. — Это же моя обязанность, оруженосца.

От возмущения Трикс даже не нашелся, что сказать своему коварному спутнику. А вот барон захохотал, хлопая себя по толстым ляжкам. Иен невозмутимо отвязал веревку, забросил в лодку, поднатужился и оттолкнул от причала.

— Ты... — Трикс только собрался выкрикнуть ему напоследок какую-нибудь особенную гадость, но Иен вдруг разбежался по скрипучим доскам и прыгнул в лодку, едва ее не опрокинув. Трикс схватился за борта и завопил: — Ты идиот! Утопишь!

— Греби, греби! — хватаясь за весла, зашептал Иен. — Руками греб!

Сообразив, что происходит, Трикс принялся гребсти. Теперь настал черед барона вопить с берега:

— Трикс! Иен! Чертов придурок! А ну плыви назад!

— Не могу, ваша светлость! — гребя изо всех сил и не оборачиваясь, выкрикнул Иен. — Я же дал клятву! Я оруженосец!

Барон несколько секунд хватал ртом воздух. Наконец он проревел:

— Куда катится мир? Дети — вы позор своих родителей!

— Ваша светлость, вы себе другого Трикса найдете! — крикнул Иен.

— Нас много разбежалось, вот увидите, завтра еще один появится!

И он приналег на весла, больше не слушая проклятий, доносящихся с берега. К счастью, у Галана и впрямь было плохо с магией — проклятия все были старые, скучные, неработающие.

— Не станет гнаться, — уверенно сказал Иен, когда лодка вышла на стремнину. — Ночью опасно. Да и лодки у них все на берегу.

Трикс растерянно смотрел на оруженосца:

— Ты чего в лодку прыгнул?

— Хорошо, если через год барон и впрямь пристроит в подмастерья, — рассудительно сказал Иен. — А если решит утопить? Я таких весельчаков хорошо знаю. Он, когда хочет, то добрый, а когда не хочет, то очень даже злой. И вообще... Я же твой оруженосец.

— Иен... — вся обида разом прошла. — Ты мне теперь не просто оруженосец! Ты мне друг... Нет! Ты мне будешь кровный брат! Как юный оруженосец Уолли славному рыцарю Ламу!

— Это как? — Иен посмотрел на Трикса с любопытством.

— А ты слышал «Балладу про юного Уолли и славного Лама»?

— Нет, — смутился Иен.

— Хорошая баллада, душевная. Я хотел про Уолли и Лама в хрониках почитать, но мне почему-то отец запретил, сказал — рано.

— Давай станем кровными братьями, — согласился Иен. — Только ножа нет. Надо было у барона со стола нож спереть.

— Завтра побратаемся, — решил Трикс. — Все равно спасибо! Кстати, а ты уверен, что в тебе нет благородной крови?

Иен засмутился и замотал головой:

— Я же говорил: у меня отец был садовник. Мать ему помогала.

— Всякое бывает, — задумчиво сказал Трикс. — Ну вот: человек живет-живет, а потом оказывается, что он незаконнорожденный сын герцога.

— Вряд ли... Я на папу похож, — ответил Иен. — Давай посмотрим, что нам дали.

— Я посмотрю, а ты греби, — решил Трикс.

Все-таки Иен пока оставался его оруженосцем, а не кровным братом, так что мог и поработать.

В мешке и впрямь была еда, пускай не слишком роскошная: две жареные курицы, два каравае хлеба, вареные овощи, бутыл с вином.

— Роскошно, — сказал Иен. — И самое главное — у нас письмо есть. Покажешь?

Трикс достал пергамент, дети развернули свиток и, вглядываясь в едва заметные буквы, стали читать.

Барон не обманул. Из витиеватого текста и впрямь следовало, что податель сего — четырнадцатилетний отпрыск знатного рода (ничего прямо не говорилось, но почему-то складывалось ощущение, будто речь идет о племяннике барона), что мальчик обучен грамоте и прочим полезным ремеслам. Печать была подлинная и едва-едва заметно светилась. Магическими печатями снабжал всех своих вассалов король, точнее — его чародеи. Подделать печать было не просто трудно, но еще и смертельно опасно.

— Роскошно, — повторил Иен. — Можно наниматься к любому купцу. Даже золотых дел мастер возьмет в ученики.

— Нет, к купцу наниматься не буду, — Трикс смотал свиток и спрятал в мешок. — Попробую убедить регента Хасса.

— Трикс, барон ведь правду сказал, — Иен поежился. — Не надо к регенту! Только хуже будет. Давай наймемся к купцам. Сначала ты, а потом и меня порекомендуешь. Выучимся, денег заработаем...

— А долг чести? — Трикс покачал головой. — Нет, Иен. К утру мы будем в Дилоне и сразу отправимся во дворец.

Иен помрачнел, но спорить не стал. Буркнул:

— Тебе решать... Знаешь что? Давай сейчас ты последишь за лодкой, чтобы к берегу не прибило. У меня глаза совсем слипаются. А как полночи пройдет — разбуди меня. Ты поспишь, чтобы свежим к регенту идти, а я буду до самого Дилона за лодкой приглядывать.

Трикс ненадолго задумался. Ему хотелось спать... но Иен поступил так благородно и мужественно, отказавшись от предложения барона... к тому же он прав, лучше поспать утром, чтобы перед регентом выглядеть более достойно.

— Спи, — согласился Трикс.

Иен улегся на дно лодки, подложив под голову мешок с продуктами, и мгновенно уснул. Трикс некоторое время сидел, редкими взмахами весел подправляя лодку. Изредка он оглядывался, но погони не было. То ли барон простил своеволие, то ли не захотел будить стражников и рассказывать им о своем промахе.

Хорошо, когда рядом друг! Пусть даже из простого сословия. Сколь часто подлинное благородство... э... как там говорилось в хрониках Ордена ежедневной радости? Сколь часто подлинное благородство таится в невзрачном вместилище, словно древнее вино — в запыленной бутылке...

У рыцарей Ордена ежедневной радости почти все сравнения так или иначе сводились на вино. Ну, иногда еще на пиво. В сражениях Орден не очень прославился, зато оставил после себя множество нравоучительных баллад и хроник.

Иен зябко поежился во сне. Трикс вздохнул, снял плащ и укрыл своего оруженосца. Некоторое время благородный поступок грел его лучше любого плаща, потом Трикс изрядно закохенел. Человек более заурядного воспитания начал бы грести, чтобы согреться. Но Трикс, как и положено наследнику со-герцога, к черной работе питал врожденное отвращение. Поэтому он предпочел мерзнуть, пока горизонт не начал светлеть. Тогда Трикс снял с Иена плащ и разбудил оруженосца.

— Уже пора? — со вздохом спросил Иен, потягиваясь. — Ты чего дрожишь, замерз, что ли?

Трикс гордо промолчал, улегся на дно лодки и обнаружил, что это не слишком-то удобное место для сна. Первую ночь он спал как убитый, сраженный своим горем, но вот сегодня... сегодня ему точно не уснуть, ведь невозможно уснуть на сырых холодных досках, которые больно врезаются в ребра!

Когда он проснулся, было совсем светло. Его разбудил плывущий в воздухе звон колоколов.

Трикс с трудом распрямился, сел на лавку и огляделся. Лодка была наполовину вытянута на берег и укрыта в высоких камышах. Вдали виднелись каменные башни.

Дилон! Великий город, где живет, по слухам, сто тысяч человек!
А где же Иен?

— Иен! — Трикс встал, разминая затекшие ноги. — Иен!
Тишина.

Куда девался оруженосец?

Трикс спрыгнул на берег и обнаружил перед собой небольшую глинистую площадку, на которой были старательно выцарапаны буквы. Чтобы надпись случайно не затоптали, она была огорожена несколькими сломанными и воткнутыми в глину камышами.

С нарастающим удивлением Трикс начал читать:

ИЗВЕНИ! ПЕРЕТЬ К ХАСУ ГЛУПО. ТЫ КАК ХОШЬ А Я КУПЦАМ НАЙМУС! ПОКА!

— Ну и как ты наймешься? — спросил вслух Трикс. Надпись ответить не могла, и Трикс растер ее ногой.

Потом оглянулся и посмотрел на мешок. Тот явно отошал.

— Мы же хотели побрататься, — сказал зачем-то Трикс, развязывая мешок.

Исчезла одна курица и один каравай.

Ну и свиток с печатью барона, конечно же.

Трикс порылся в карманах. Нет, денег у него Иен забирать не стал.

Вроде как даже и сердиться было не на что. Трикс же сам заявил, что рекомендательное письмо ему не нужно!

— Вот дурак, одно слово — неблагородный, — печально сказал Трикс. Ему подумалось, что хитрый и неблагородный Иен сумел за один день стать ему... ну, почти другом. Вначале стать, а потом перестать... — Когда верну себе трон, то прикажу тебя поймать и выпороть! — пригрозил Трикс шумящим на ветру камышам. С трудом оттолкнул завязшую в глине лодку, выгреб от берега. С надеждой посмотрел на заросший осокой, камышом и пушицей берег.

Нет, Иен не показался на берегу, полный раскаяния, умоляющий простить его бегство...

С тяжелым сердцем Трикс вывел лодку на стремнину. Великий город Дилон ждал его милей ниже по течению.

3.

В Дилоне Трикс бывал дважды, но оба раза в детстве — лет десять назад (с тех времен запомнился только вкус разноцветной сахарной ваты и смуглый огнеглотатель, потешающий народ на какой-то площади) и четыре года назад (как ни странно, но опять запомнилось изобилие сладостей, а также капризная Тиана, которая от каждого заезжего мальчишки знатного рода требовала ее развлекать).

Но теперь-то Трикс был взрослым и серьезным человеком, со-герцогом в изгнании, который многое слышал и читал о главном городе княжества! Позволив течению медленно нести лодку вдоль обложенных шоколадными каменными плитами набережных, Трикс с достойным его положения интересом изучал раскинувшийся по обоим берегам город.

Устье реки, плавно расширяясь, текло среди меловых холмов, застывшей патокой спускавшихся к воде.

Правый берег был очень наряден. Купола храмов белыми сахарными головами поднимались среди яркой леденцовой россыпи крыш. Кое-где вонзались в небо башни магов, украшенные причудливыми барельефами, будто пирожное — кремовыми завитушками. Но больше всего взгляд приковывал княжеский замок на вершине холма: могучие стены и пузатые оборонительные башни цвета жженого сахара, грозный могучий донжон из зеленовато-серого, будто фисташковая халва, камня...

Левый берег населяла беднота, и взгляду было почти не за что зацепиться — сплошная мешанина мелких коричневых домишек, будто великан раскрошил в ладонях козинаки и высыпал на склон...

Но удивительнее всего были мосты, под которыми проплывала лодка: на вид невесомые, полупрозрачные, будто мармелад, они были созданы великими магами сотни лет назад из упругого разноцветного стекла. Когда восходящее солнце просвечивало сквозь мосты, на мутные воды реки ложились огромные цветные блики — красные, синие, зеленые, лимонные...

Трикс почувствовал, что у него почему-то урчит желудок, хотя, отчалив от камышей, он успел слопать почти полкурицы. Хотелось чего-то сладкого. Интересно, с чем это могло быть связано? Неужели с тем, что великий князь Дилон, основатель города и могущественный маг, был по преданиям невероятный сладкоежка? Говорят, что умирая, он вселил свою душу в построенный им город...

Уже проплывая под последним, двенадцатым, мостом, Трикс сообразил, что так можно и миновать столицу — еще немного, и вольно разлившаяся река вынесет его в эстуарий. Хорошо, если там подберут рыбаки, а то и не выгребешь против течения.

Он схватился за весла, и через четверть часа непривычной работы, наградившей его первыми в жизни мозолями (благородные потертости от рукояти меча и вульгарные потертости от тесных ботинок вряд ли стоит брать в расчет), нос лодки глухо стукнул об увешанный тростниковыми матами дебаркадер. Старая баржа, поставленная на причал на самой окраине Дилона, была облюбована рыбаками. В ветхих постройках, где когда-то хранили товары, перекупщики скупали и сортировали рыбу.

— Чего привез? — звонко выкрикнул мальчонка лет семи-восьми, подбежав к лодке Трикса и приплясывая на месте от избытка энергии. Босые пятки отбивали сумасшедший столичный ритм. — Ага? Чего привез, чего привез?

— Себя, — буркнул Трикс, выбираясь на дебаркадер и захлестывая веревку о деревянный кнехт, выглядевший понадежнее прочих. Утратив к новоприбывшему всякий интерес, мальчишка кинулся обратно к перекупщикам.

— Эй! — Трикса внезапно осенило. — Стой!

— Ага? — мальчишка немедленно вернулся. Был он темноволосый, загорелый дочерна, с облупившимися плечами, полуголый, в одних лишь штанах до колен: рваных, но зато выкрашенных в ярко-оранжевый цвет. Дилон славился дешевизной красок.

— Лодку хочу продать, — сказал Трикс.

— Ага, — мальчишка бросил на лодку быстрый взгляд и кинулся вдоль дебаркадера, звонко выкрикивая: — Продается ялик, целый, сработан в со-герцогстве года два назад, сосна горная, просмолен хорошо, весла имеются, один золотой и две серебряные!

Трикс только почесал в затылке, с удивлением поглядывая на свой ялик. Вытащил мешок и стал ждать.

Сильно воняло рыбой. Мимо протащили щелястый деревянный ящик на жердях, в котором мокрой грудой лежало что-то шевелящееся, с широкими шипастыми щупальцами и шероховатой щетинистой шкуркой. Из складок на Трикса смотрел свирепый сиреневый глаз.

Не прошло и пяти минут, как к Триксу подошел бородатый невысокий рыбак в грубой холщовой робе и светлой широкополой шляпе. Посмотрел на ялик. Присел, потрогал дерево. Спрыгнул и переступил по дну лодки, что-то проверяя. Спросил:

— Далеко украл?

Трикс подумал секунду и решил не спорить:

— Хозяева не явятся.

Рыбак сплюнул за борт и сказал:

— Золотой.

Но Трикс, преисполнившись внезапным доверием к оценке, данной мальчуганом, помотал головой:

— Золотой и две серебряные!

Рыбак выбрался на дебаркадер. С сомнением посмотрел на Трикса. Потом опустил руку в карман робы и достал пригоршню монет.

— Ладно, договорились... Серебром возьмешь?

— Возьму, — согласился Трикс.

— Ты уж извини, меди нет, — пробормотал рыбак, отсчитывая ему двенадцать полновесных монет. — Мальцу, понятно, серебром где попало сверкать не стоит...

Не успевший удивиться тому, что простой рыбак в столице может запросто достать из кармана двенадцать серебряных монет, Трикс даже не сразу осознал, что его назвали мальцом. Забросил на плечи мешок с остатками провианта, сгреб деньги и побрел к сходям.

— Ага! — мальчишка в оранжевых штанах подбежал к нему и требовательно схватил за руку. — А мне?

Трикс не стал спорить и молча вручил ему серебряную монету.

— Ага... — с восторгом глядя на деньги, выдохнул тот. — Спасибо!

— Ты где попало серебром не сверкай, — сказал Трикс. — Живую голову свинтят.

— Ага, — кивнул мальчишка и мгновенно спрятал руку в карман.

— Не буду сверкать. А ты в город? Ага?

— Ага-ага, — поднимаясь на берег, сказал Трикс. Тут набережная была не столь помпезна, как в центре, но тоже вымощена — жаль лишь, что плиты раскололись и частью утонули в грязи.

— Я с тобой могу чуточку пройти? — неожиданно спросил мальчишка, идя по сходням следом.

Трикс огляделся. И заметил — ибо наблюдательность входит в достоинства рыцаря и ей учатся с детства — что на его юного спутника косятся несколько ребят постарше, снующих по дебаркадеру. На берегу тоже толкалась компания парней, помладше Трикса, но явно способных вытрясти у малыша серебряную монету.

— Можешь, — разрешил Трикс.

Некоторое время они шли молча. Справа тянулся плохо ухоженный берег, слева — унылые нежилые строения, откуда несло рыбными очистками.

— Следом идут, — уныло сказал мальчик, ускоряя шаги и стараясь идти впереди Трикса.

Трикс обернулся — и впрямь, отиравшаяся на берегу шпана двинулась за ними. Трикс насчитал шестерых.

— Иди спокойно, — решил Трикс. — Сейчас кто-нибудь появится, струсят.

— Ага. Уже появились, — грустно сказал мальчишка. — Сейчас грабить будут.

Впереди действительно возникли двое подростков, ровесников Трикса. Судя по всему — предводители идущей сзади компании.

Трикс поискал взглядом хоть кого-нибудь, кто мог бы прийти на помощь. Но рыбаки и перекупщики остались далеко позади.

Зато под ногами обнаружилась длинная крепкая жердь. Почти с такой же Трикс занимался под руководством капитана стражи, прежде чем ему впервые дали учебный меч. Трикс подобрал жердь, отер грязь о штаны, чтобы руки не скользили, и взял ее боевым хватом, который в учебниках носил красивое название «молодецкая забава»: двумя руками, сжимая кулаки один над другим на вертикально поставленной палке.

Один из подростков, ширококостный и крепкий (сразу видно — высоким не будет, но плечи разнесет о-го-го!), сплюнул себе под ноги и, сделав шаг навстречу, спросил:

— Что, мастер на палках драться?

— Да, — ответил Трикс как можно увереннее. На самом деле никаким мастером он не был, да и с шестом дрался последний раз года три назад. Эх, если бы меч! А еще лучше — меч и кольчугу!

— Грак, тащи мою палку, — велел подросток, приглаживая курча-

вые волосы. Его спутник живо метнулся к сараям. Трикс обернулся: идущие следом мальчишки остановились, выжидая. Похоже, ему предстояло драться один на один с главарем. Что ж, рыцарское благородство проникает даже в самые низкие души...

— Ага. Он на палках лучше всех в Рыбачьем, — шепнул Триксу его маленький спутник. — А ты умеешь, да?

Трикс мрачно смотрел, как Грак тащит своему дружку палку. Шикарная палка — длиной метра полтора, как и та, что Трикс подобрал в грязи, но явно из хорошего, прочного дерева, отполированная руками, с вмятинами по краям — на палке дрались часто и в охотку, но она так и не сломалась. А у Трикса была обычная буковая жердь...

— Умею, — сказал Трикс, чтобы подбодрить то ли мальчишку, то ли себя.

И вдруг на него накатило вдохновение. Учитель относился к палке с рыцарским презрением, но если ничего другого нет...

— Боевой шест — оружие простое и безыскусное, будто слово воина, — сказал Трикс. — Удары шеста — прямые и честные, нет в них подлости арбалетных болтов и коварства стального клинка. Дерево растет из земли и тянется к небу — так и шест выбивает у врага почву из-под ног и отправляет к небесам! Не дерево крепко — негибаема воля! Шест — продолжение рук воина, удар — продолжение взгляда воина, победа — продолжение пути воина. Движения боя знакомы мне, как птице взмахи крыльев, а рыбе изгибы плавников!

— Ух ты! — выпалил мальчишка. — Ага! Всыпь ему! Он вечно у всех монеты отбирает! Ага!

Трикс с грустью подумал, что его пламенная речь, достойная хроник и учебников, пропала даром: надо было громче, громче говорить, может, и противник бы испугался! А так — только сопливый мальчишка в восторг пришел...

Но делать нечего — кудлатый предводитель шпаны с городских окраин уже взял шест и шел ему навстречу. Свою палку он держал иначе — параллельно земле, разведя руки довольно широко. Этот хват Трикс тоже помнил, назывался он «душа нараспашку», и применяли его только опытные бойцы...

В следующий миг кудлатый крутанул руки, будто выкручивая корабельный штурвал, его шест описал круг — и стремительно клонул Трикса одним концом.

Руки у Трикса будто заработали сами по себе. Его шест взмыл навстречу вражескому, отбил отполированное ударами наверхие, целящее в лицо Триксу — и заходил короткими злыми выпадами, слева и справа, сверху и снизу...

В глазах у кудлатого появился испуг. Он начал отступать, отбивая удары Трикса и больше не пытаясь атаковать. Но в Трикса вселился демон поединка. Шест в его руках порхал, и даже отбитые удары заставляли врага вскрикивать от боли в руках. А через несколько мгновений противник уже не успевал защищаться — один удар пришелся ему по колену, второй под дых, третий шел в горло, и не останови перепуганный Трикс в последнее мгновение руку, то легко сломал бы противнику шею или размолотил на кусочки челюсть.

— Сдаюсь! — завопил кудлатый, падая задницей в грязь и отбрасывая шест. — Сдаюсь, нельзя лежачего бить!

Трикс остановился. Настоящий рыцарь обязан проявлять благородство даже к врагам низкого происхождения.

— Чтоб никогда больше не смел заступать мне дорогу! — грозно сказал Трикс. — И если обидите этого... — он покосился на малыша, радостно подхватившего шест поверженного противника, — этого невинного ребенка, то я вернусь и переломая тебе руки и ноги.

— Какой он невинный ребенок! — возмутился кудлатый, одной рукой растирая колено, а другой держась за живот. — Он здесь не живет, а на пристань бегаёт! А рыбаки его бить не дают, говорят — совсем малёк. Так пусть идет к храмам, милостыню просит!

Трикс поднял шест.

— Хорошо, не будем трогать! — выкрикнул предводитель, быстро отползая и пытаясь встать. — Так бы и сказал, что смертельный бой знаешь!

Трикс с гордостью посмотрел на свою палку, забросил ее на плечо. Сказал наставительно:

— Меня учили драться лучшие мастера в северных горных монастырях.

— Я так и подумал, — кудлатый поднялся, мрачно посмотрел на своих товарищей. — Нельзя так... при всех... Мне теперь придется каждому морду бить, чтобы не рыпались...

Не снисходя больше до разговора, Трикс и его сияющий от счастья спутник миновали незадачливых грабителей. На Трикса смотрели с уважением и страхом, видимо, поверженный предводитель и впрямь славился своим умением битвы на палках.

— Что ж ты сюда ходишь, если нельзя? — спросил Трикс.

Мальчишка засопел и не ответил. Впрочем, даже далекому ранее от житейских проблем Триксу было понятно — такие места, как рыбный рынок, где ловкий парень может чего-нибудь заработать благодаря острому глазу и ловко подвешенному языку, даже в Дилоне встречаются нечасто.

— Как тебя зовут? — спросил Трикс.

Спутник молчал.

Трикс повторил вопрос, чуть повысив голос.

Мальчишка вздохнул и сказал:

— Халанбери.

— Это в честь древнего героя, который сразил дракона в Серых горах? — вспомнил Трикс. — Ты что, из благородного рода?

— Ага, щас, — мальчишка шмыгнул носом. — Папаша мой — местистрель, вот и назвал спьяну...

— А почему спьяну? Славное имя! Как там пелось... — Трикс наморщил лоб. — «И взмахнул мечом своим Халанбери, завывли в ущельях дикие звери, закричала женщина голосом человечьим, покатила голова с белых плеч ее...». Слог архаичный, но герой-то настоящий!

— Ага... Знаешь, как с таким именем дразнят? — грустно сказал мальчик. Противным голоском воскликнул: — Ты уже сразил дракона, Халанбери? Или только тридцать его дочерей?

— Понятно, — пробормотал Трикс, впервые задумавшись о нелегкой судьбе людей, названных в честь героя. — А как же тебя зовут здесь?

— Ага.

— И почему я не удивился? — Триксу первый раз встретился человек, который предпочел насмешливое прозвище настоящему имени, не из-за неблагозвучности, а из-за героичности. — Не переживай. Если станешь рыцарем, тебе громкое имя пригодится.

— Зато если не стану, то всю жизнь будут смеяться, — мальчик вздохнул. — Спасибо, что не смеялся... А дерешься ты ужас как сильно! Вот из тебя точно бы рыцарь получился!

Трикс с сомнением посмотрел на мальчишку. Спора нет, сражение вышло славное. Даже капитан бы его похвалил. Но, наверное, так получилось исключительно с перепугу...

Они тем временем миновали рыбные пристани и кварталы, где располагались сплошь одни склады. Потянулись кварталы алхимиков, издаലെка узнаваемые по запаху горелого и едкой вони эликсиров. Впрочем, и дома мастеров, выпытывающих у природы ее тайны, было нетрудно узнать. Все они строились на один, видимо, утвержденный в магистрате, манер: круглый дом венчала конусовидная крыша из толстых тяжелых бревен, выкрашенная в тревожный красный цвет и козырьком нависающая над стенами. Это делало дома похожими на исполинские ядовитые грибы, всем своим видом предупреждающие: не приближайтесь, опасно! Впечатление усиливал густой кустарник, растущий между домами и оставляющий лишь узкие тропки для прохода. Изгородей алхимики будто не признавали.

— Зачем такие крыши? — спросил Трикс. — Для красоты?

— Ага, — с удовлетворением сказал мальчишка. — Для красоты... Чтобы от взрывов по всему городу зараза не разлеталась. Крыша тяжелая, если алхимик взрывается, то она сверху — бух! И придавливает весь дом. Только не всегда помогает. В прошлом году одна крыша улетела и плюхнулась посередине реки. Рыба кверху брюхом всплыла до самого моря. В городе все ругались, грозили алхимиков выселить, ага! А те в ответ сказали, что перестанут делать краски, отраву и все такое прочее. С них штраф собрали да и оставили в покое...

Трикс опасливо глянул на здания-грибы и ускорил шаг. Квартал алхимиков был небольшой, он узкой полоской отделял рыбацкий и складской район от остального города. Видимо, хоть торговцы рыбой и закрепились на правом, аристократическом, берегу, но соседству с ними предпочли даже алхимиков с их опасным производством.

Впрочем, за кварталом алхимиков тянулась полоска зелени — узкий, но глубокий овраг, когда-то русло реки, а нынче — естественная разделительная полоса между чистыми и нечистыми обитателями правобережья. Через овраг был перекинут каменный мостик, а уже вслед за ним начинались жилые кварталы. Там набережная враз становилась многолюдной: спешили куда-то пешие, продирались мимо людей кареты, проскакал, предоставив остальным право разбежаться из-под копыт, конный.

Трикс уже начал понимать четкую систему обустройства Дилона — или, точнее, его правого берега. Узкий склон холмов у эстуария был занят рыбаками-складами-алхимиками, всем тем, что требовалось городу и приносило изрядный доход, но что не хотелось иметь перед своими глазами и носами остальным жителям. Дальше шли кварталы, не оскорбляющие ни взгляда, ни обоняния горожан; кварталы постепенно переходили в сады, парки и загородные усадьбы. Город, зажатый в узкой речной долине, медленно рос вверх по течению, заглатывая пригороды. И пока конца и края не было видно этому неспешному движению одного из самых больших и богатых городов королевства...

Дороги в городе, в его правобережье, тоже выглядели непривычно: широкие, на которых могли легко разъехаться две кареты, шли с холмов вниз, к воде. Их пересекали дороги поуже, тянущиеся параллельно реке. На пересечении дорог частенько имелись небольшие площади, порой с фонтаном или памятником посередине. Трикс, привыкший к тому, что сперва в городе строят дома, а уж потом задумываются, как между ними протиснуть улочку, на это геометрическое великолепие смотрел с подозрением. Насколько же суровым и неподкупным дол-

жен быть магистрат, чтобы поддерживать в городе столь суровый порядок! Нет, конечно, это куда удобнее, чем улицы, описывающие двести петли и возвращающиеся обратно к тому месту, откуда начинались. Но слишком уж бессердечно. Попахивает тиранией.

Впрочем, на левом берегу все было куда привычнее. Даже через реку Трикс видел беспорядочную мешанину улиц, приобретающую хоть какую-то логику только перед мостами.

— Ну, пока! — маленький обладатель слишком большого имени дернул его за рукав. — Пока, говорю! Ага?

Трикс растерянно посмотрел на мальчика. Во всех балладах и хрониках герой, прибывая в чужой город, немедленно выручал из беды какого-нибудь беспомощного местного жителя: голодного ребенка, побиваемую камнями воровку, сумасшедшего прорицателя, дряхлого воина или загадочного чужеземца.

Все это служило залогом большой и крепкой дружбы. Благодарный ребенок знакомил героя с городом; воровка, умывшись, становилась неопишуемой красавицей и влюблялась в спасителя; прорицатель выдавал несколько ценных предсказаний и начинал таскаться за героем, засыпая его советами; воин обучал секретным ударам; чужеземец оказывался принцем в изгнании и мастером боя на таких странных предметах, в которых никто в здравом уме не заподозрил бы оружия — к примеру, на кошачьих чучелах или мокрых вениках.

Как-то все шло неправильно...

— И куда ты отправишься? — спросил Трикс.

— А? — мальчишка даже чуть удивился. — Домой пойду. Я там вон живу... — он махнул рукой вверх. Каменная дорога петляла между оврагами и домами алхимиков к вершине холма, где среди зеленых садов сверкали белизной и лазурью крыши богатых особняков.

— Ого, — настал черед Трикса удивляться. — Ты там живешь? А я думал — через реку...

Мальчишка переступил босыми ногами, кивнул:

— Нет, я наверху живу. Ага. У меня папа — садовник у магистра гильдии колесников.

— Ты же говорил, он менестрель, — напомнил Трикс.

— Ага. Был, пока голос не пропил, — кивнул мальчик. — Ну, пока! Ты дерешься как настоящий воин. Если будешь сражаться на арене, я на тебя поставлю все, сколько будет!

И он бодро припустил в гору, размахивая руками и не оглядываясь на Трикса.

Трикс вздохнул. То, что он сражается как воин, было приятной неожиданностью. Возникали всякие интересные планы.

А вот то, что вслед за оруженосцем его покинул даже мелкий беспутный мальчишка, огорчало. Получалось, что никого Трикс особо не интересовал.

Он со страхом подумал, что коварный со-герцог Сатор Гриз был в чем-то прав.

Большие города очень любят юношей из провинции. Они готовы предложить им массу развлечений: игру в карты и кости; проворных, доброжелательных карманников; продавцов древних карт, любовных эликсиров и редких амулетов; грудастых, обильно припудренных женщин с усталыми взглядами; лошадиные скачки и тараканьи бега; поединки бойцовых василисков и схватки дрессированных крокодилов; замечательные, уютные харчевни, где никто не спросит твой возраст, если ты решил заказать вина двойной или тройной перегонки.

Когда у юношей кончаются деньги (при встрече с карманниками это происходит очень быстро, в других случаях дело растягивается на несколько часов), они редко возвращаются домой. Обычно им хочется остаться в большом городе и взять реванш за неудачное знакомство.

И город щедро предоставляет им такую возможность. Юные искатели приключений начинают играть в карты и кости; тренируют пальцы и лезут в карманы к приезжим; рисуют древние карты и варят любовные эликсиры; оказываются на содержании некрасивых, старых, но богатых женщин; тренируют лошадей и ловят по мусорным ямам самых быстроногих тараканов; убирают навоз за василисками и объедки за крокодилами или выметают полы в харчевнях...

Трикс, не подозревая об уготованной ему судьбе, шел по набережной. Когда четырнадцать лет назад придворный астролог привычно врал Рату Солье, что первенец со-герцога родился под счастливой звездой, он и не предполагал, как его слова близки к истине. Вот и сейчас Трикс, чудом увернувшись от несущегося на полном скаку всадника, успел прижать к каменному парапету суетливую руку обаятельного молодого человека, приехавшего в столицу три месяца назад, тут же прогоревшего на скачках и освоившего новую профессию — совать руку в чужие карманы. Обаятельный молодой человек, которому неуклюжее движение Трикса стало в перелом мизинца, вытаращил глаза, побледнел и быстро двинулся куда подальше. У него не было никаких сомнений, что простоватый с виду паренек специально и очень расчетливо прижал его руку.

А между тем все дело было именно в удаче! Звезды, конечно, на человеческие дела никакого влияния не оказывают. Им, звездам, лю-

ди глубоко безразличны. Тем более, что все люди рождаются с совершенно одинаковой удачей, вот только проявляется она в разных ситуациях.

Невезучий торговец, который каждый день клянет судьбу, мог бы стать успешным скульптором. Игрок в кости, которому не идет фарт, преуспел бы в выращивании тюльпанов. Землепашец, чьи посевы сжигает засуха, бьет град и пожирает жучок, легко победил бы в соревновании лучников, что проводятся в славном городе Ангурине в самую дождливую, ветреную и безлунную зимнюю ночь.

Причина, по которой каждому человеку удача способствует лишь в определенных начинаниях, крайне занимательна. Если бы она стала широко известна, жизнь людей, несомненно, обратилась бы к лучшему!

К сожалению, двадцать лет занимавшийся этим вопросом Абуир, ученый из жаркого Самаршана, был феноменально неудачлив. Когда разгадка была уже близка, возбужденный ученый опрокинул масляный светильник, и пожар поглотил его лабораторию вместе с результатами исследований. Разочаровавшийся Абуир навсегда порвал с наукой, ушел в горы, прибил к лихим людям и уже через два года прославился от моря до моря как самый свирепый, везучий и бесшабашный разбойник.

Так что никто, включая самого Трикса, не знал, в чем кроется его удача и в какой миг она от него отвернется. Как ни печально, но неизвестным это останется и для нас...

Трикс шел по набережной, глаза на нарядные особняки. Чем дальше Трикс удалялся от рыбаков и алхимиков, тем роскошнее становились виды. Перед особняками появились уютные палисадники и зеленые лужайки, сами здания обросли балконами и террасами, подперлись колоннами, покрылись разноцветной глазурованной плиткой и резными деревянными панелями. Окна — сплошь застекленные, причем стекла прозрачные, чистые, без пузырьков и трещин. В маленьких парках, выходящих к реке, играли в траве малыши, за ними приглядывали суровые гувернантки в длинных платьях и с бумажными зонтиками от солнца. Повсюду сновали торговцы с лотками, заваленными сладостями, фруктами и закупоренными кувшинчиками с лимонной водой. Трикс, который и без всякого волшебства был сладкоежкой, купил большой комок арахисовой халвы, кувшинчик с водой и присел на парапете. Отщипывая липкую сладость, он задумчиво поглядывал на княжеский замок.

Идти к регенту прямо сейчас?

Или найти постоялый двор, отдохнуть, сходить в баню, купить чистую одежду — чтобы выглядеть достойно со-герцога в изгнании?

Сложный вопрос... Согласно хроникам, некоторые благородные люди в его положении не считали нужным наводить лишний лоск: так и шли — грязные, оборванные и окровавленные, чем подчеркивали серьезность своего положения. Но другие изгнанники предпочитали привести себя в порядок, чтобы показать: дух их не сломлен, а благородство неизменно...

Раздумья Трикса прервало появление двух молодых людей, явно из богемы, похожих друг на друга, будто братья. Юношам было лет по шестнадцать-семнадцать, одеты они были в штаны из зеленого вельвета, кружевные батистовые рубахи и короткие курточки из коричневого бархата. Завитые белокурые локоны выбивались из-под шапочек, из которых торчало по три перышка: красное, синее и зеленое. У обоих в руках были папки, набитые бумажными листами, а из нагрудных карманов разноцветной гребенкой виднелись цветные карандаши. Даже Трикс без труда опознал в них подмастерьев из славной гильдии художников.

Мимолетно глянув на Трикса, юноши присели рядом и откупорили кувшинчики — то ли с водой, то ли с легким вином.

— Жаль, времени было мало, — огорченно сказал один из юношей. — Я только-только сумел палача набросать...

— Ничего, я самозванца рисовал, — похвалился второй, делая большой глоток. — Перерисуешь.

Утолив жажду, они раскрыли папки и стали разглядывать рисунки друг друга. Любопытствуя, Трикс вытянул голову, вглядываясь в эскизы. Его движение заметили, но подмастерья оказались славные ребята и ругаться не стали. Напротив, развернули рисунки в его сторону.

— Здорово! — сказал Трикс, чувствуя, что обязан выступить в роли благодарного зрителя, и облизнул липкие от сладостей пальцы.

Впрочем, эскизы и впрямь оказались хороши. На одном листе быстрыми взмахами толстого угольного карандаша был набросан силуэт палача — голого по пояс, широкоплечего, в закрывающем лицо колпаке и с вьющимся змеей кнутом. Колпак и кончик кнута небрежно выделены красными штрихами. Кого лупил палач — непонятно.

На другом эскизе был изображен мальчишка-подросток, лежащий на животе, с исполосованной кнутом спиной. Жертва одновременно орала, редела и гримасничала.

— Мне тоже нравится, — скромно сказал автор эскиза. — Жаль, пороли недолго, регент сегодня добрый.

— А что с ним случилось? — спросил Трикс, преисполняясь к виновному невольным сочувствием.

— Десять ударов кнута — и три года вразумительных работ. То ли на рисовые поля отправили, то ли подпаском на дальние выгоны. Я же говорю: регент добрый был.

— А за что его?

— Самозванец, — подмастерье, нарисовавший палача, сплюнул за парпет. — Приперся сегодня с утра к дворцу и стал кричать, что он, со-герцог Трикс Солье, молит регента о защите и помощи.

— Так ему и надо, самозванцу! — свирепо сказал Трикс. — Регент его сразу раскусил, верно?

— Да регент к нему и не выходил, — подмастерье засмеялся. — Все знают, малолетнего Трикса зарубили, когда он покушался на Дэрика Гриза. Сам Дэрик и зарубил. Так что регент сразу объявил: каждого, кто назовет себя чудом спасшимся Триксом Солье, пороть кнутом и отправлять на вразумительные работы. Говорят, таких хитрецов уже по всему королевству встречают...

Трикс молчал, не в силах произнести ни слова. Уши у него пылали. А подмастерье, не замечая его реакции, мечтательно произнес:

— Эх, жаль меня там не было... Говорят, со-герцогиня госпожа Реми Солье все законы Высокой Смерти соблюдает! Облила себя светильным маслом, подожгла, потом кинжал в сердце воткнула, а вдобавок еще из окна башни выпрыгнула! Вот бы такое увидеть и нарисовать: как герцогиня, обьятая свирепым пламенем и пронзенная острой сталью, с изменившимся лицом падает из окна! Я бы картину назвал «Пылающая аристократка». Нет, лучше «Смерть со-герцогини Солье, или Кто падает из окна»!

Бац!

Кулак Трикса ударил подмастерье в челюсть. Зубы у парня клацнули, он слетел с парпета и упал спиной на мостовую. Кувшинчик в его руке разлетелся, бледно-розовое, разведенное водой вино брызнуло во все стороны.

— Ты чего?! — закричал второй художник, отступая от Трикса на пару шагов. — Ума лишился?

Как правило, подмастерья рады подраться. Но эти двое оказались натурами слишком артистическими, способными любоваться поркой маленьких самозванцев или падением пронзенных и горящих герцогинь, но никак не опускаться до потасовки.

— Вот бы увидеть?! — кричал Трикс, бесстрашно наступая на двух парней, куда старше и крупнее его самого. — Вот бы увидеть, да?

— Псих... — держась за челюсть, пробормотал юный художник. — Я стражу позову!

— Я тебя вызываю на дуэль! — закричал Трикс, шаря рукой у по-

яса. Увы, у него не было ни меча, ни кинжала, так что со стороны его движения выглядели так, будто он пытается подтянуть сползающие штаны.

Видимо, эти нелепые движения придали подмастерьям храбрости. Небитый помог битому подняться. Тот сплюнул красным, пошатал пальцем зубы, после чего засучил кружевные обшлага и отважно двинулся к Триксу. Следом сделал шаг и его друг.

Но драки не вышло.

Из густеющей вокруг драчунов толпы вышел и встал между подмастерьями и Триксом седой кряжистый человек в моряцком бушлате. Один его глаз прикрывала аккуратная черная повязка, что делало мужчину похожим на старого пирата из детской книжки. К тому же он прихрамывал, на лице его было несколько давно заживших шрамов, а на поясе висел абордажный тесак, какой на суше позволялось носить лишь офицерам.

— Суши весла, юнги! — мужчина смерил подмастерьев строгим взглядом, а Триксу погрозил пальцем. — Что за птичий базар?

Выглядел мужчина так живописно, что и Трикс, и подмастерья замерли.

— Этот... эта свинья... — подмастерье указал на Трикса, — ударил меня по зубам!

— Если свинья, то «ударила», будь последовательным, — одноглазый поморщился. — А что скажешь ты, забияка?

— Он оскорбил ма... — Трикс запнулся. — Оскорбил со-герцогиню Реми Солье!

— Ничего я ее не оскорблял! — возмутился подмастерье. — Храбрая тетка, я бы ее в героическом полотне отобразил!

Трикс опять рванулся вперед и был пойман твердой рукой одноглазого.

— Так! — сурово сказал мужчина. — Я вас выслушал и все понял. Слушайте мое решение!

Голос его был так убедителен, что никто даже не поинтересовался, как можно все понять из сумбурных объяснений и кто вообще дал право одноглазому моряку выносить какие бы то ни было решения.

— Ты, — моряк выхватил свой тесак и свирепо указал им на побитого художника. — Ты неуважительно высказался об аристократке. За это и пострадал!

Молодой художник шмыгнул носом.

— Ты! — теперь тесак указывал на Трикса. — Стремление заступиться за даму благородно, но за драку на улицах нашего славного го-

рода полагается наказание плетями! Дабы не утруждать правосудие, плети я тебе выдам лично, на палубе своего славного корабля «Асиопа»! Десять ударов плетью-девятихвосткой!

Толпа вокруг ахнула, и Трикс понял, что наказание его ждет суровое. Он попытался рвануться в сторону, но толпа радостно преградила ему дорогу, а одноглазый моряк крепко схватил его за шиворот и потащил за собой.

— Господин... Э... господин моряк! — кричал вслед побитый подмастерье. — Не надо десять! Пять-шесть будет вполне достаточно!

Нельзя было не признать, что юноша проявил определенное благородство. Но Триксу сейчас было не до благостных мыслей о великодушии, чьи ростки есть даже в богемных личностях. Он болтался в руках одноглазого моряка, едва успевая перебирать ногами, чтобы не упасть. Моряк тащил его по ведущей в гору улице, все дальше и дальше от реки. Несколько увязавшихся следом зевак отстали, когда моряк злобно зыркнул на них единственным глазом.

— Господин... — слегка кривя душой, воскликнул Трикс. На господина моряк никак не походил, но надо же было как-то к нему обращаться. — Могу ли я заплатить пеню...

— Три якоря тебе в глотку, бизань-мачту в седалище! — выругался моряк. — Неужели ты вздумал подкупить капитана Бамбуру, грозу Лилового океана и ужас Хрустальных островов? Получишь еще два удара плетью!

Внезапно Трикс почувствовал легкое сомнение. Суровый моряк тащил его в гору, где очень проблематично было обнаружить палубу славного корабля «Асиопа» и грозную плетью-девятихвостку. Да и говорил моряк как-то уж больно... по-моряцки.

— Я сейчас стражу крикну, — негромко, но с угрозой произнес Трикс.

— Молчи, дурак! — понизив голос, ответил капитан Бамбура. — Сейчас...

Он втащил Трикса в переулок, такой узкий, что там не смогли бы разойтись два человека. Высокие, в три-четыре этажа дома заслоняли небо, оставляя лишь узкую полоску, на фоне которой трепетало развешенное на веревках мокрое белье. На окне второго этажа сидел черный кот и орал дурным голосом, требуя, чтобы его пустили.

— Не зевай! — капитан Бамбура отпустил Трикса, подозрительно глянул налево-направо и открыл маленькую дверь в стене. Нырнул туда и позвал: — За мной!

Трикс заколебался.

— Трикс, быстрее... бушприт тебе в подмышку! — рявкнул моряк.

Услышав свое имя, Трикс вздрогнул. Секунду поколебался — а потом нырнул в дверь вслед за моряком.

Несколько секунд пришлось ждать, пока глаза привыкали к темноте. Трикс и капитан Бамбура оказались в крошечной комнатухе, заваленной пыльными тряпками. Свет едва-едва проникал сквозь ведущую в глубины здания дверь. Помимо света в дверь проникал запах жареного мяса и легкий ровный шум, какой издает толпа, пытающаяся не шуметь. Причем в шуме угадывались детские голоса... Богатое воображение Трикса сразу нарисовало ему невольничий рынок, на который пираты заманивают мальчиков и девочек — после чего ставят раскаленным железом клеймо и продают с аукциона.

Трикс снова с подозрением уставился на Бамбуру.

— Быстрее, молодой человек, — моряк устремился к двери. — Я едва не опоздал!

Где-то за стенами грянул выстрел и раздался пронзительный женский визг. Трикс вздрогнул.

— Вот видите, со-герцог, у меня три минуты до выхода! — Бамбура снова ухватил Трикса за плечо, протасил через комнату. Коридор, в котором им навстречу пробежали (Трикс часто заморгал): три голых черных дикаря в набедренных повязках и с копьями, молодой парень, держащий вертел с куском жареного мяса, прелестная юная дева в белоснежном платье, почему-то измазанном на груди красной краской, и рыцарь в давно уже немодных цельных доспехах. Впрочем, для человека, несущего на себе сорок килограммов железа, рыцарь бежал подозрительно легко и бесшумно.

— Это что? — беспомощно воскликнул Трикс. Но капитан Бамбура уже впихнул его в крошечную, но зато ярко освещенную каморку. Основным предметом интерьера здесь служило большое, пусть и старое зеркало, на столике перед которым горел целый ряд свечей. Также на столике валялись пуховки, коробочки с пудрой и румянами, тени, тушь для ресниц и прочие вещи, которые Триксу доводилось видеть в будуаре у матери, но никак не в руках мужчины.

У столика стояло продавленное кресло, куда немедленно бухнулся капитан Бамбура. Вдоль стены тянулась узкая кушетка, на которой валялся и похрапывал тощий и высокий человек, в данный момент скрючившийся в три погибели.

— Требую объяснений! — не выдержал Трикс. — Кто вы такой?

Капитан Бамбура, бодро прохаживающийся по лицу пуховкой, вымазанной в пудре кирпично-красного цвета, оттянул черную повязку и посмотрел на Трикса обоими глазами. Скрытый повязкой глаз ока-

зался ничуть не хуже своего доступного миру соседа. Другим движением капитан приподнял седую шевелюру, под которой обнаружились черные волосы. Сразу стало ясно, что Бамбуре лет тридцать, ну, может быть, тридцать пять. Уж никак не старше!

— Ты Трикс Солье, так?

Трикс вздохнул и кивнул.

— Помнишь, два года назад в зимние праздники заезжие актеры играли в замке со-герцога пьесу? «Заблуждения мудрости, или Многие печали маленького эльфа»?

Трикс смущенно кивнул. Пьесу он помнил, хотя, конечно, не слишком-то достойно почти взрослого человека смотреть детскую пьеску про эльфов и гоблинов. Отец так и вовсе над ним посмеивался. Но Триксу понравился и отважный эльфийский принц, сражающийся с королем гоблинов за свою украденную старшую сестру, и сама старшая сестра, и даже коварный король го...

— Вы! — завопил Трикс. — Вы король гоблинов!

Моряк Бамбура откашлялся. Он выглядел польщенным.

— Временами — да, молодой человек. Так вот, я себя чувствую обязанным. Наш театр был, прямо скажем, в бедственном положении. Щедрость вашей светлости... и покойной со-герцогини, конечно же... нас спасла.

Трикс покраснел. Он и впрямь уговорил мать хорошо наградить бродячих актеров.

— Мне очень понра... — начал Трикс.

Но тут в дверь застучали. Кажется, сапогами. Раздался рев:

— Бамбура! Почему не на сцене? Альби уже минуту как ищет тебя в трюме, зрители начинают смеяться!

Бамбура вскочил и с быстротой молнии выскочил в дверь. Трикс успел лишь заметить, что орал на грозного капитана маленький толстенький человечек в одеждах шута... слишком шутовских одеждах, чтобы их носил настоящий шут.

Дверь закрылась. Трикс задумчиво посмотрел в зеркало. Что ж, судьба ему все-таки улыбнулась. Пусть он не встретил положенных герою покровителей, но даже на подмостках театра можно перевести дух и поразмыслить, что делать.

Откуда-то (совсем близко) донеслись аплодисменты. Трикс вздохнул: посмотреть, что происходит на сцене, очень хотелось.

Тело на кушетке пошевелилось и, не поворачиваясь к Триксу, прошипело:

— Поверните картинку на стене, молодой человек. За ней будет маленькая дырочка, в нее и смотрите.

Опасливо поглядывая на догадливого незнакомца, Трикс подошел к небольшой картине, висевшей на стене. Трикс, немного интересовавшийся живописью, взглянул на картину повнимательнее и решил, что она не стоит холста, на котором нарисована. Неведомый художник изобразил таинственно улыбающуюся женщину на фоне унылого пейзажа. Улыбка у женщины была такая вымученная, что складывалось ощущение, будто художник несколько часов не давал натурщице отлучиться по естественным надобностям. С чувством пропорции у живописца тоже не все было в порядке, а уж преобладание унылых коричнево-желто-зеленых тонов лишало картину всякой привлекательности.

Зато в дырочку, спрятанную за картиной, открывался замечательный вид. Дырочка была проверчена в противоположной от сцены стене где-то над головами зрителей. Далековато, но зато все видно.

И слышно.

— Киль тебе в фарватер! — закричал на сцене капитан Бамбура. — Как ты мог подумать, Альби, что я брошу тебя на растерзание туземцев?

— Гав, гав, гав! — жизнерадостно залаяла маленькая белая собачка, прыгая вокруг Бамбуры.

— Нет, Альби! — воскликнул Бамбура. — Мы не будем сражаться с туземцами, мы победим их хитростью! Скажите, друзья, куда ушли туземцы?

— Туда! — завопил зал тонкими голосами. Трикс всмотрелся в зрителей, потом вернул картину на место и спросил:

— Скажите, а вы играете только для детей?

— Мы не играем, а даем представления, — кисло отозвался человек с кушетки. — Нет, не только. Еще для их родителей и гувернанток.

— А я-то по этим крикам решил, что тут продают малолетних рабов, — признался Трикс.

— Нет, здесь малолетним рабовладельцам продают старых бедных актеров, — мрачно ответили с кушетки. — Если ты не против, юноша, я посплю еще четверть часа. Мой выход только в финале, и то меня проносят мертвого на носилках...

Трикс вздохнул и сел в кресло перед зеркалом.

Покосился на картинку.

Нет, все-таки в ней что-то есть...

4.

— Какое удивительное коварство! — восхищенно сказал Бамбура. — Отпустить наследника свергнутого властителя, чтобы собственный сын боялся мести и не расслаблялся!

Трикс вздохнул. Честно говоря, он не был склонен радоваться коварству Сатора Гриза.

— Интрига, достойная пера Гила Гильена, — продолжал Бамбура. — Он бы написал трагедию. Как «Руста и Помпилико»! Или трагикомедию. Как «Юлай и Юлайя»! Или комедию. Как «Клео и Кагана»!

— И назвал бы ее «Трикс и Гриз», — кислым тоном сказал актер, сыгравший в конце пьесы труп туземного короля. — Бамбик, успокойся. Гил Гильен все свои истории придумывал или воровал у коллег. Ничего реального он никогда не писал. Боялся, что какой-нибудь благородный господин разгневется и прикажет высечь его розгами.

Трикс не особо интересовался делами комедиантов, но все-таки кивнул. Эта версия показалась ему куда более реальной.

Спектакль закончился час назад, и с тех пор Трикс сидел в комнате с зеркалом и притираниями. Компанию ему составляли Бамбура — как уже понял Трикс, для простоты актеры звали друг друга на сцене настоящими именами — и тощий смуглый мужчина, игравший туземного короля. Звали его то ли Шараш, то ли Жараж, Трикс никак не мог уловить произношения и на всякий случай сам называл актера неразборчиво, гундося и пришепетывая, будто сраженный неожиданным насморком.

Бамбура вернулся сразу после торжественных похорон Шараша-Жаража, за которыми Трикс с любопытством наблюдал через дырочку в стене. Белую собачонку Альби отважный капитан держал под мышкой. Оба выглядели уставшими. Собачонка обнюхала Триксу ноги, твякнула и побежала в угол, где стояла мисочка с водой. Пила она жадно, будто благородный рыцарь наутро после праздника, негодуяще фыркала и разве что не ругалась вполголоса по-собачьи. Бамбура же, радостно напевая песню желтокожих рабов: «На волю, на волю, хотим мы на волю...», принялся разоблачаться. Скинул свои моряцкие одежды, оружие, сапоги, снял и повязку. Отвязал мешочки с тряпьем с плеч и бицепсов, распустил ремень, выпуская на волю тугой животик. Оставшись в пестром штопаном трико, какие носят акробаты и жонглеры, уселся за стол и добродушно подмигнул Триксу. Следом вошел только что похороненный Шараш-Жараж с большим куском жареного мяса, источающим аппетитный запах.

— Очень удобно, — пояснил Бамбура. — В середине второго акта туземцы жарят на костре мясо. Ну, вроде как они поймали моего старшего помощника, тот все равно такой негодяй, что его детям не жалко... Потом рыцарь Кристан мечом, а невинная девица Глиона ором прогоняют туземцев, те убегают вместе с мясом — и мы его делим после спектакля на всех.

— А... это... — Трикс подозрительно уставился на кусок мяса.

— Ну что ты! — Бамбура замахал руками. — Что ты! Где бы мы каждый день брали такого колоритного негодяя на роль старшего помощника? Обычная говядина с рынка. Признаюсь, она немного пахла, но мы ее натерли уксусом и прожарили посильнее.

Успокоенный Трикс поел вместе с актерами (Альби требовательным лаем напомнил, что и ему полагается кусок). А потом рассказал свою историю, начиная с того утра, когда отправился к отцу в тронный зал...

— Ты не прав, Ш(ж)араж(ш)! — пылко произнес Бамбура. Трикс опять прислушался, но так и не разобрал имени смуглого. — Если мы придумаем пьесу, в которой расскажем историю бедного паренька, то зрители возмутятся несправедливостью! Народный ропот дойдет до князя, а то и до самого короля!

— Ну да, — кисло ответил Шараш-Жараж. — Только вначале ропот дойдет до Сатора Гриза. Тот пошлет одного-единственного ассасина, который ночью перережет горло и Триксу, и всем нам.

— Тогда надо пьесу сочинить иносказательно! — Бамбура взмахнул рукой. — Так, чтобы узурпатор ничего не понял!

— И никто тогда не поймет... — дожевывая свой кусок мяса, сообщил Шараш-Жараж. — Я уж не говорю про то, что пьесу сочинить — это не шутка. Это уметь надо! Помнишь, ты пробовал трагедию сочинить? Про девушку, которая отправилась проведать свою больную бабушку, как ее по дороге встретил разбойник и...

Шараш-Жараж покосился на Трикса и вдруг закашлялся, будто поперхнулся. А откашлявшись, закончил сухо и коротко:

— Ерунда ведь получилась. А ты хочешь о государственном перевороте рассказать, да еще так, чтобы зрители встали на сторону Трикса!

Бамбура неохотно кивнул. Потом произнес:

— И все-таки я отправлюсь к господину Майхелю. Скажу, что случайно встретил на улице своего двоюродного племянника и хочу пристроить его в труппу. Не откажет! Нам давно нужен юноша на детские роли!

— А юноша хочет? — полюбопытствовал Шараш-Жараж.

Трикс помрачнел, зато Бамбура от своей идеи пришел в восторг и возражений не слышал. Ободряюще похлопав Трикса по плечу, сказал:

— Сейчас. Подожди чуток.

Он вытер о грязную тряпичную салфетку жирные руки, подтянул сползшие штаны (если человек от природы скорее худ, то после еды

ему приходится распускать ремень, если же человек скорее толст, то штаны приходится подтягивать на то место, где должна быть талия) и вышел из каморки.

— Бамбура — добрый человек, — задумчиво сказал Шараш-Жараж. — Однажды он подобрал собачку. С тех пор играет вместе с Альби. Хотя по сюжету у капитана был попугай...

— Господин... Жараш... — неуверенно начал Трикс.

— Что-то ты гугнявишь, будто наш добрый Бамбура. Меня зовут Ш-а-р-а-ж, — отчетливо выговорил комедиант. — Славное горское имя. Означает «любимец родителей»... Скажи, ты и впрямь хочешь пристать к нашей труппе и бродить по дорогам королевства, разыгрывая представления?

Трикс помедлил. Ему было стыдно отвечать честно.

— Ну, ну! — подбодрил Шараж.

— Не уверен, господин Шараж. Если бы и впрямь было можно сыграть пьесу так, чтобы злодеи были посрамлены, а справедливость восторжествовала...

— Нет, — Шараж покачал головой. — Не путай искусство комедианта с жизнью, юноша. Да, порой мы играем на сцене так, что в зале плачут и грубые каменщики, и суровые палачи, и гулящие девицы. Даже благородные господа, особенно если сядут смотреть представление с бутылочкой старого вина, могут пустить слезу. Но театр — отдельно, жизнь — отдельно. Мир не театр, люди не актеры. Останешься с нами — голодать не придется, веселье в жизни гарантировано, мир посмотришь. Но ты, я полагаю, хочешь иного...

— Я должен вернуть себе отцовский трон. Я обещал, — Трикс помялся, глядя на невозмутимого Шаража. — А точно ли не получится пылким словом барда и вдохновенной игрой лицедеев покарать злодеев?

— Не получится, — Шараж покачал головой. — Я мог бы рассказать тебе историю про одного мальчика-горца, который убежал из разоренного поселения, мечтая отомстить врагам. Маленький дикарь прибил к бродячей труппе, и молодой актер, сам немногим его старше, по доброте сердца покровительствовал мальчику, учил играть на сцене и говорить без акцента. Актеру всегда хотелось стать сочинителем, он даже написал пьесу про то, как маленький горец скитался по горам. Как он от медведя ушел, и как от стаи волков ушел, и как от бешеной лисицы ушел... как он могучего барса с помощью тяжелой дубины одолел... — Шараж задумчиво посмотрел на свои ладони, и Трикс вдруг заметил, что руки Шаража покрыты старыми, давно зажившими шрамами. — Ничего не получилось. Никто судьбой горца не проникся.

— Угу, — Трикс кивнул. — А что бы вы мне посоветовали? Ну, чтобы отомстить?

— Князь тебя слушать не станет, — Шараж покачал головой. С сомнением посмотрел на Трикса. — Ты умеешь сражаться?

— Да! — гордо сказал Трикс, вспомнив недавний поединок.

— Я могу дать тебе совет, мальчик, — Шараж помедлил. — Но он потребует от тебя тяжелого труда и долгих лет ожидания. Пять, десять, двадцать лет... не меньше.

Трикс помрачнел. Подобно любому юноше, он не любил строить такие долгие планы. Ну как можно загадывать на двадцать лет вперед, если тебе всего четырнадцать?

— Ну? — полюбопытствовал Шараж.

— Если другого выхода нет... — Трикс посмотрел актеру в глаза. — Научите меня!

Шараж кивнул. Кажется, он ждал именно этого слова: «научите».

— Не пытайся доказать свои права, это у тебя никогда не получится. Запомни, всегда законен тот владыка, что сидит на троне! В лучшем случае ты получишь плети и насмешки. В худшем — место в темнице или нож в спину.

— Что же мне тогда делать?

— Попробуй стать оруженосцем и выслужиться в рыцари. Заново получить дворянство — не за происхождение, а за собственную доблесть и подвиги. Если ты прославишься, то сможешь вызвать своего врага на поединок, будь он даже герцогом. Сталь решает проблемы не хуже, чем слово короля.

Трикс молчал. Нет, мысль о том, как он вызывает подлого Сатора на поединок и, обломав о него копье, рубит напополам мечом, была сладостной. А если потом еще призвать на благородное ристалище Дэрика и долго гонять вдоль ликующих трибун, охаживая могучей рыцарской дланью...

— Это трудно, — сказал Шараж. — Тебе придется стать воином. Настоящим могучим воином, таким, о котором слагают баллады.

— Баллады... — сказал Трикс. — Скажите, Шараж... а как вы сумели победить свирепого барса?

Шараж вздохнул:

— Как, как... Я же горец! Вначале я его огрел тяжелой острой палкой, а потом воткнул ее в горло и провернул два раза. Кровищи было — прямо скотобойня! А как он выл в ночной тиши!

Трикс сглотнул. Он предпочитал не задумываться, из чего получается колбаса и каким образом выглядит победа над свирепым хищником. Конечно, сыну и наследнику со-герцога доводилось ездить с от-

цом на охоту. Но там, как правило, зверя расстреливали из луков, после чего слуги куда-то уносили тушу, а через некоторое время готовили вкусный обед из свежатины...

— Вы герой, — сказал Трикс. — Спасибо большое. Я постараюсь стать настоящим воином.

Шараж задумчиво смотрел на закрывшуюся вслед за мальчиком дверь. Потом, печально улыбаясь, достал из-под своей койки пузатую бутылку с крепким вином и налил две полные чаши.

В этот момент и вернулся Бамбура — смущенный, но не теряющий оптимизма. Подхватил с пола Альби, радостно лизнувшего актера в нос.

— Майхель сегодня не в духе, — начал Бамбура прямо с порога. — Но ничего! День-другой, и он увидит, что в тебе есть прирожденная артистическая жилка... Трикс?

— Мальчик ушел, — сказал Шараж. — Мы поговорили, и я объяснил ему, что искусством мир не исправишь.

— Зачем? — возмутился Бамбура, опуская собачонку на пол. — И куда он теперь пойдет?

— Думаю, попытается стать рыцарем, — Шараж протянул другу чашу с вином. — Сомнительный выбор, в нем нет ни должного телосложения, ни той душевной простоты, с которой надо колотить живого человека по голове острым железом. Честно говоря, я понимаю, друг мой, почему ты решил пристроить мальчика в нашу труппу. Из него, возможно, получился бы неплохой правитель для мирного и богатого герцогства. Но интриговать, чтобы вернуть себе престол? Освоить торговое дело, разбогатеть до неприличия, разорить врага икупить свои бывшие владения? Стать закованной в железо горой мускулов и мечом проложить путь к трону? Пойти в ассасины, бесшумной тенью прокрасться в спальню Сатора Гриза и забить узурпатора ночной вазой? Нет, это все не для него.

— Но ты посоветовал ему стать рыцарем! — возмутился Бамбура.

— Да, — кивнул Шараж. — Потому как вспомнил одного юного горца, который хотел отомстить, но так и не отомстил. И его друга, урожденного барона Лиандра, по малолетству лишенного престола и прибившегося к комедиантам...

Бамбура вздохнул и сел за стол. Взял чашу с вином, пригубил. Пробормотал:

— Ну и что с того? Виол — хороший правитель. Куда лучший, чем был бы я. В семь лет такую интригу закрутить! Увлечь десятилетнего брата искусством лицедейства и так ему голову заморочить, чтобы он сам, добровольно, убежал с бродячими комедиантами! Еще и одежду

старшего брата нашли на берегу речки, и три свидетеля объявились, чтобы официально и без канители признать наследника утопшим! И это все Виол организовал в семь лет! Настоящий талант!

— Талант... — без энтузиазма признал Шараж. — Наверное, таким и должен быть правитель, даже в детстве. Только этот мальчик, Трикс, не смирился. Пусть попробует победить.

— Но как? — воскликнул Бамбура.

— У него есть один путь, — Шараж усмехнулся. — Если я совсем еще не лишился ума... Но я ничего не сказал о нем Триксу. И давай мы тоже не будем об этом говорить!

Друзья молча сдвинули чаши и выпили вина.

Разумеется, любой нормальный человек стал бы допытываться, какой же выход Шараж увидел для Трикса и почему не рассказал о нем мальчику. Но Бамбура, с десяти лет подвизавшийся при бродячем театре, свято верил в те законы, по которым живет сцена. И главный из них — никогда не забегай вперед, не мешай зрителю насладиться интригой.

Из уважения к прославленному на театральных подмостках капитану Бамбуре мы тоже не станем требовать объяснений — и даже сделаем вид, что не поняли, о чем вел речь Шараж.

В коридорах Трикс заплутал и внезапно для себя вышел в зрительный зал. Видно было, что представления здесь дают часто и для других целей помещение не используют: скамейки в зале были не сколочены кое-как из грубых досок на деревянных чурбанах, а гладко обструганы и снабжены спинками. На досках были выжжены номера, чтобы никто не путался, где ему сидеть, а это уж совсем особый шик.

Отдельно было выгорожен помост, на котором стояли мягкие кресла — для благородных господ, готовых заплатить двойную цену. Перед креслами имелись даже столики, чтобы во время представления подкрепиться прохладительным или согревающим.

С легким сожалением в душе Трикс пошел к выходу. Ему понравились и Бамбура, и Шараж; наверняка он рано или поздно нашел бы место в труппе, и никто бы его здесь не обидел. Но Шараж был прав — так не отомстить врагам. Тогда уж стоило принять грамоту от Тора Галана да заняться купеческим делом.

Дверь была открыта, и Трикс без проблем покинул зрительный зал. Сурового вида охранник в одеждах северного варвара-наемника, с боевым молотом на перевязи окинул Трикса подозрительным взглядом, но выйти не помешал. У Трикса зародилось подозрение, что это такой же северный варвар, как Бамбура — пиратский капитан, но

проверять он не стал. Тем более, что надежный метод проверки был только один: сказать варвару, что у того не было ни братьев, ни сестер. Почему-то это считалось у северян самым большим оскорблением, после которого настоящий варвар обязан был убить обидчика.

Трикс посчитал, что истинное происхождение охранника его интересует не настолько сильно.

Он немного прошел по улице вверх, пока не оказался на маленькой площади с фонтаном в центре. Поросшая зеленым мхом каменная фигура в центре бассейна изображала девушку с кувшином, из которого текла вода. Из одежды на девушке был только мох, и Трикс, присев на каменный парапет, с некоторым смущением поглядывал на статую.

Стать рыцарем?

Благородное занятие, приличествующее даже высокородному правителю в изгнании. Опять же — многие баллады и летописи повествовали о том, как лишённые власти и изгнанные властители брали себе новое имя, становились рыцарями, достигали успеха — и после этого победоносно возвращались на трон. Так что совет Шарара никаких возражений у Трикса не вызывал.

Вот только время...

Трикс вздохнул, скептически оглядывая свои тощие руки. Он и меч-то хороший не удержит. Года два-три придется качаться, прежде чем он сумеет носить мало-мальски приличный доспех и размахивать хотя бы мечом-бастардом. Только в детских книжках, вроде «Красных демонов», подросток хватает оружие и без труда справляется со взрослым бойцом...

Трикс снова вздохнул.

Ну, допустим, он решился. Обидно, конечно, начинать путь с оруженосца, когда по всем законам и уложениям он уже рыцарь и может в рыцари посвящать. Более того, у него свой оруженосец есть... Вспомнив коварного Иена, Трикс досадливо взмахнул рукой. Ладно! Пойдет он в оруженосцы! Невелика хитрость: он обучен грамоте, знает рыцарский церемониал и турнирные правила. Такому оруженосцу всякий будет рад!

Вот только вначале надо найти рыцаря без оруженосца.

Трикс задумался. В со-герцогстве было немного настоящих рыцарей, все больше пожилые, оседлые, которые формально числились в страже одного из властителей, а на самом деле проводили время в отдалеке от былых ратных трудов. Оруженосцы у них были под стать самим рыцарям — немолодые, многие семейные, дорожащие своим местом и любящие порассказывать о славных ристаниях, которые им

довелось повидать. «Тут под бароном убили третью лошадь, но я не растерялся и...»

Но были и странствующие рыцари, как не быть. Они скитались по королевству, то нанимаясь на время в приграничные гарнизоны, то помогая баронам или бургомистрам покончить с шайкой разбойников или выползшими из чащоб и пещер чудовищами (впрочем, большинство чудовищ, к сожалению, предпочитало не ползать, а бегать или летать). Встречались и прославленные рыцари, чьи титулы можно было произносить несколько минут: «Альдегор тан Сарт, ветеран битвы при Медлоке, потерявший глаз в сражении при Хугридах, победитель достославного сира Мортиса из Агуады, истребитель Парамейского серого болотного выползня, участник второй магической войны...». И так далее, пока рыцарь не махнет добродушно рукой: хватит, хватит, к чему эти титулы, мы все свои.

Попадались рыцари и вовсе ничем не прославившиеся: в сражении при Хугридах сохранили глаза, уши, руки и ноги, выползень вовремя доел деревню и утек в свое болото, от встречи с сиром Мортисом (да и с таном Сартом) удалось вовремя увернуться, во второй магической судьба забросила охранять обоз с провиантом и гулящими девками. Впрочем, и таких в народе уважали. Пойти к рыцарю в оруженосцы всегда считалось большой удачей. Многие ребяташки из простонародья с детства размахивали палками, учили гербы и сложные правила благородного обхождения. Стоило в городе или селении объявиться рыцарю без оруженосца — как вокруг начинала виться стайка подростков, надеясь, что именно им улыбнется удача. А рыцари без оруженосцев встречались частенько. То сбежит не в меру гордый паренек, получивший за нерасторопность затрешину тяжелой рыцарской рукой. То, пока рыцарь отважно сражается с каким-нибудь чудищем, а охраняющий поклажу оруженосец стоит в сторонке с открытым от восторга ртом, подкрадется к нему сзади вылупившийся из яйца отпрыск монстра, мелкий, но уже зубастый и голодный. Еще бывает так, что рыцарю нечем заплатить взнос за турнир и приходится, скрепя сердце, продавать оруженосца в услужение ближайшему ремесленнику. Разумеется, с твердым обещанием выкупить из призовых денег — но рыцарей много, а приз на турнире один...

Трикс нахмурился, вспоминая истории, которые доводилось слышать от таких вот лишенных оруженосцев рыцарей. Конечно, в родном замке, сидя рядом с отцом и твердо зная, что твоя судьба — быть рыцарем, а уж никак не оруженосцем, все это воспринималось совсем иначе. Ну, получил оруженосец по спине ножами от меча — сам виноват, не уследил за похлебкой, оставил господина без ужина. Ну,

наткнулся паренек на разбойников, по заданию рыцаря проверяя подозрительные кусты, так на то и оруженосец, чтобы рыцарь сломя голову в бой не совался.

А теперь получалось, что Триксу самому предстоит стать оруженосцем... со всеми возможными последствиями. Эта мысль не радовала. Трикс с сомнением посмотрел на здание театра, на огромную красочную вывеску над входом: «Толька севодня и вес месец! Утром — Альби и Бамбура на Хрустальных островах! Вечером — Пылкая страсть каралевы варваров!».

Наверное, Бамбура его в театр пристроит. Раз уж на вывесках его имя пишут. Но Шараж прав: тогда придется забыть о родителях, о троне, о мести...

Трикс встал. Перекинул поудобнее через плечо свой мешок. И двинулся вверх, к княжескому замку. Нет, не для того, чтобы потребовать справедливости и получить плетей. Трикс уже начал потихоньку понимать, что при взгляде сверху справедливость и плети выглядят почти одинаково. Просто все странствующие рыцари, даже те, кого не слишком-то радушно приветчают во дворце, все равно трутся в трактирах поблизости. Там ему и стоит поискать себе хозяина.

При мысли о том, что у него появится господин, Триксу стало совсем грустно. Но он все-таки не замедлил шаг.

Славный город Дилон предлагал своим жителям и гостям немалый выбор гастрономических удовольствий. Харчевни — для людей попроще и победнее, закусные и кабаки — для тех, кому больше хотелось выпить, чем поест, таверны — для любителей экзотической кухни, едальные дома — для совсем уж высокородной, богатой и пресыщенной публики.

Трикс, поразмыслив, сразу отбросил и харчевни с кабаками — рыцарь не станет есть среди простонародья или напиваться, и едальные дома — там можно было встретить разве что прославленного рыцаря, который вряд ли возьмет в оруженосцы первого попавшегося юнца. Попытавшись представить себя рыцарем — гордым, но не слишком денежным, Трикс понял, что ему нужно найти что-то приличное, но не помпезное; экзотическое, но не вычурное. В общем, достаточно редкий тип заведений.

Удача улыбнулась ему далеко не сразу. По мере того как Трикс приближался к княжескому замку, улицы становились все оживленнее, а лавочек и едальных заведений все прибавлялось и прибавлялось. Прямо на улицах торговали сладостями вразвес. Самой большой популярностью пользовался изюм, который продавали «кулаками» — поку-

патель засовывал руку в мешок, зажимал в кулаке сколько мог изюма — черного, желтого или оранжево-красного, — после чего доставал добычу. Конечно, человек с большой ладонью оказывался в более выгодном положении, но поскольку основными покупателями были мальчишки и молодые девицы — торговцы не оставались внакладе. В лавках выставлялись ткани, причем не только лен, шерсть и конопля, которыми славились окрестные земли, но и привозные — шелк, хлопок, каменный сатин. В изобилии встречались и лавочки ювелиров, здесь на витринах ничего не выставляли, зазывая посетителей лишь гордой эмблемой цеха золотых дел мастеров — двумя переплетенными кольцами. И, конечно, как положено в любом торговом месте, все больше и больше попадалось разменных лавочек. Один или два охранника бдительно следили, чтобы никто не обидел менялу, чью принадлежность к профессии обозначали голые по локоть руки и значок гильдии из трех спаянных монеток — золотой, серебряной и медной.

Трикс следовал мимо торговых рядов с любопытством, но зорко выглядывая таверны, которые приглянулись бы рыцарям. Несколько раз ему казалось, что искомая цель найдена, но в таверне с многообещающим названием «Щит и меч» ни одного рыцаря не оказалось, все больше странные тихие люди в неприметных одеждах, которые, сидя за столиками поодиночке и не глядя друг на друга, медленно пили эль. Трикс потоптался у входа и смущенно покинул таверну. Потом его внимание привлекла пивная «Все спокойно», где среди посетителей было много людей в доспехах. Но доспехи при ближайшем рассмотрении оказались легкими кольчугами, а вместо мечей в перевязях болтались тяжелые дубинки из резинового дерева. Так что Трикс, не собиравшийся наниматься в городскую стражу, с сожалением покинул и это заведение.

И только ближе к вершине холма, почти под самыми стенами замка, Трикс увидел таверну с непритязательным названием «Чешуя и когти», у входа в которую неторопливо сгружались с коней два рыцаря.

Всем, от сопливого пастушонка до мудрого астролога (ведь он когда-то тоже был ребенком), известно, что доспехи у рыцарей бывают разные. И в полном доспехе, красивом и блестящем, сделанном из прочного железного листа, рыцарь не только на дракона не пойдет — он и по городу фланировать не станет. Во-первых, лошадь, в отличие от доспеха, не железная. Во-вторых, даже под неярким солншком рыцарь через полчаса перегреется и схватит удар. Тяжелые, полные доспехи — только для ристалищ. Запаковался — водрузили на коня — съехался — ударил — разоблачили и посадили остывать.

У рыцарей доспехи были полегче, но все-таки впечатляющие: шлемы с плюмажами, кирасы, стальные поножи, кольчужные наручи и перчатки. Двигались рыцари поэтому медленно и плавно. Оруженосцы, парни лет семнадцати-восемнадцати, подвели коней к дощатому помосту у входа в таверну. Рыцари осторожно переместились с лошадиных спин на помост и неуклюже затопали вниз по ступенькам. Помост скрипел и слегка раскачивался. Лошади уткнулись друг в друга мордами, будто жаловались на своих седоков.

Трикс с сомнением проследил, как рыцари зашли в таверну. Поколебавшись, подошел к оруженосцам, обтирающим коней чистыми тряпицами. Тяжелый запах конского пота свербил в носу. Оруженосцы покосились на Трикса.

Как бы к ним обратиться-то? Учитывая, что он нынче не со-герцога, а непонятно кто, собирающийся наняться в оруженосцы...

— Добрые юноши! — сказал Трикс неуверенно.

— Гуляй, сегодня не подаем, — тут же ответил один из оруженосцев.

Второй оказался доброжелательнее. Порылся в кармане, нашел мелкую медную монетку — и протянул Триксу со словами:

— Возьми, купишь себе хлеба.

— Не очень-то он голодный, смотри, какая ряшка, — энергично протирая лошадиный круп, пробурчал первый оруженосец. — Добрый ты...

— Сегодня три года с того проклятого дня, как я нанялся к сэру Хойру, — оруженосец сплюнул под ноги. — Помолись за меня богам, малец.

— Да? — Трикс помрачнел. — Неужели служба оруженосца так тяжела?

— Смотря у кого, — буркнул оруженосец. — Если звезды к тебе благосклонны, то жить можно. А если твой хозяин напыщенный болван... — юноша опасливо оглянулся на дверь, — то будешь все на свете проклинать.

— Так он сам в оруженосцы метит, — хмыкнул неприветливый оруженосец. — Точно! Ты гляди, как напрягся-то!

Оруженосцы с любопытством уставились на мальчика.

— Не советуете? — спросил Трикс.

Видимо, слова его прозвучали искренне, потому что насмешек не последовало. Напротив, лица у парней подобрели.

— Ну, как сказать... — протянул неприветливый. — Если мечтаешь пойти по воинской части, прославиться, научиться владеть оружием, стать рыцарем, снискать себе славу и завоевать любовь прекрасных дам... То, конечно, не советую!

— Не получится?

— Может, и получится, — неохотно признал оруженосец. — Но тебе на самом-то деле придется чистить лошадей, точить мечи, полировать доспехи...

— Воровать курей у селян, — с тоской сказал оруженосец сэра Хойра. — Стоять на стреме, пока рыцарь заигрывает с чужой женщиной. Первому совать голову во всякие подозрительные дырки в скалах. Помогать проблеваться, когда коварные враги отравят его чрезмерным количеством вина.

— А такое часто бывает? — ужаснулся Трикс.

— С моим — так два-три раза на неделе, — мрачно ответил оруженосец сэра Хойра. — Хотя, конечно, прославиться и самому стать рыцарем можно!

И оба оруженосца замолчали, с любопытством глядя на Трикса.

— Здесь найдется доблестный рыцарь, которого не так часто спаивают враги и у которого случайно нет оруженосца? — спросил Трикс.

Парни переглянулись. Потом, как по команде, устались на коновязь у таверны, где спокойно стояли рыцарские кони.

— Сэр Гламор без оруженосца, — сказал неприветливый. — У него оруженосец на переправе с лодки упал.

— Он что, плавать не умел? — удивился Трикс. — Умение плавать должно входить в список достоинств благородного человека!

— Ишь ты, умный... — усмехнулся оруженосец. — Умел. Только не в доспехах. А они как раз плыли к острову, где засели коварные браконьеры, засыпающие их дождем отравленных стрел.

— Еще сэр Паклус, — сказал оруженосец сэра Хойра. — Я вчера слышал, у него опять оруженосец накрылся. Как его звали-то?

— Да разве оруженосцев Паклуса упомнишь? — пожал плечами неприветливый. — Круглолицый такой, веселый, одевался ярко... А что, Паклус опять ходил мага воевать?

— Ходил, — ухмыльнулся оруженосец. — Когда уж самого прищучат?

— Доспехи у него заговоренные и амулет сильный...

— Зачем он ходил воевать с магом? — удивился Трикс. — И что за маг?

— У, маг еще тот! — оруженосец сэра Хойра оживился. — Из старых, из магов Черной Переправы! Те, которые двадцать лет назад сражались во второй магической и выжили. А сэр Паклус — дурак.

— Не дурак, а человек с обостренной честью! — поправил его товарищ.

— А, это обычно одно и то же... Так вот, сэр Паклус как-то по-

вздорил с одним магом. И объявил, что рано или поздно победит его в честном поединке. Только дело это непростое...

— И страдают в основном оруженосцы? — уточнил Трикс.

— Верно! — парень хлопнул его по плечу. — Начинаешь соображать!

Трикс задумался. Потом спросил:

— И как мне их узнать — Гламора и Паклуса? Особенно Паклуса! Чтобы подойти не к нему.

— Умнеет на глазах! — восхитился оруженосец сэра Хойра. — Гламор — ярко-рыжий, веселый, все время хохочет и улыбается.

— А Паклус — маленький такой, кряжистый, бородатый, но лысый, — неприветливый оруженосец хмыкнул. — На гнома чуток похож... только ты это при нем не ляпни, убьет на месте!

Трикс кивнул.

— Спасибо большое. Я попробую.

Оруженосцы с любопытством смотрели, как Трикс храбро входил в таверну. Потом оруженосец сэра Хойра сказал:

— Ставлю три против одного — его не возьмут.

— Даже спорить не стану, — ответил товарищ.

— Ну и здоровее будет, — подытожил оруженосец сэра Хойра.

На этом оптимистическом пожелании они закончили свое участие в судьбе Трикса и снова занялись лошадьми.

В «Чешуе и когтях», в отличие от «Щита и меча», было шумно и весело. Звенели кольчуги, громыхали доспехи, громко переговаривались рыцари. Трикс насчитал десятка два — и молодых, и старых, покрытых ранами ветеранов и пышущих силой и здоровьем юнцов. Пахло полиролью для металла, седельной мазью и, конечно же, лошадьми. Некоторые рыцари были с оруженосцами, некоторые — без. Большинство сидели компаниями, обсуждая какие-то свои, рыцарские, проблемы. До Трикса доносились отдельные реплики:

— ...тут я ему говорю: давай сразимся, как благородные люди...

— ...разве меч против секиры выстоит? Может, только двуручный...

— ...и сильным ударом поверг прославленного сэра Чобальда наземь...

Трикс с любопытством отметил, что в этом трактире не признавали простых и дешевых прямоугольных столов — только круглые. Видимо, чтобы благородные рыцари не спорили, чье место во главе стола.

Еще здесь не признавали скатертей, тарелок и столовых приборов.

Ели с изрезанных ножами деревянных досок, благо пища большей частью была простая — вареное или жареное мясо с овощами и густой подливкой. Для еды использовали кинжалы — и широкие боевые, с зубчатыми хищными лезвиями, и тонкие длинные мизери-корды. Похоже, в этом был какой-то особый рыцарский шик, потому что немногие оруженосцы, которые удостоились чести сидеть рядом с господами за столом, ели обычными вилками, пряча их после еды за отвороты сапог. Толстый усатый рыцарь, вгрызаясь в тушеную свиначью ногу и обильно запивая ее темным пивом, вешал товарищам:

— А я что вам говорил? Печеное колено дикого вепря — вот настоящая еда!

Трикс сглотнул слюну — его молодой, растущий организм был бы не против обедать два-три раза в день, не пренебрегая при этом завтраком и ужином. На него никто не обращал внимания, и он мог без помех поискать среди рыцарей сэра Гламор.

Впрочем, долго искать не пришлось. Гламор и впрямь был самым рыжим, самым шумным и самым веселым из собравшихся в трактире. Отполированный рыцарский шлем модной модели «Волчья пасть» стоял перед ним на столе, длинные рыжие кудри красиво лежали на стальном воротнике кольчуги. В данный момент Гламор, размахивая кружкой с остатками эля, рассказывал троим товарищам какую-то историю:

— Попали, значит, маг, рыцарь и вор на необитаемый остров, к дикарям-людоедам...

— Постой, — прервал его один из слушателей. — А с чего это вдруг рыцарь, маг и вор вместе путешествовали?

— Неважно! — отмахнулся Гламор. — Допустим, они искали сокровища. Рыцарь бился с врагами, маг поддерживал волшебством, а вор вскрывал замки и обезвреживал ловушки. Плыли на корабле, а тот потерпел крушение...

— Ну, если так... — с сомнением протянул скептически настроенный слушатель. — Тогда конечно... Только я бы еще в команду клирика взял. Раны залечивать, то да сё...

— И еще одного рыцаря и одного мага! — вставил второй слушатель. — Хорошая партия — она из шести человек состоит!

— Лучше не мага, а достойного барда! — вступил в разговор третий. — Опытный бард — он любого мага стоит!

— Бард — это голова, — согласился скептик. — Барду палец в рот не клади...

— Друзья! — сэр Гламор возвысил голос. — Друзья мои! Мы рас-

смотрим гипа... гипотити... гипотетическую ситуацию! Ну, то есть на самом деле этого не было!

— И все равно лучше вшестером, — сказал скептик. — Даже гипотетически!

— Согласен, — сэр Гламор не растерялся. — Их было шестеро. Но один маг, один рыцарь и один клирик потонули в бурных водах при кораблекрушении!

Наступила тишина. Потом все трое слушателей, лязгая железом, встали.

— Не чокаясь, — предупредил скептик. — Как звали-то нашего достойного брата?

Сэр Гламор крикнул и посмотрел в потолок. Потом на Трикса. Подмигнул ему. Сказал:

— Его звали сэр Например.

— Помянем благородного сэра Напримера... — скептик одним махом выпил пиво. — Видимо, этот рыцарь был с далеких восточных рубежей?

— С них самых, — мрачно сказал сэр Гламор. — Итак, попали рыцарь, маг и вор на необитаемый остров к дикарям-людоедам. Те их схватили...

— Как это — схватили? — возмутился теперь уже другой рыцарь. — Без боя?

— После долгого и кровопролитного сражения! — быстро ответил Гламор. — Схватили и говорят: мы вас съедем. А отпустим только того, кто совершит три великих подвига: выпьет ведро забродившего кокосового сока, поцелует в глаз циклопа и удовлетворит в постели ненасытную туземную женщину.

— Какие странные обычаи... — задумчиво сказал скептик. — Я еще понимаю — женщину. Многие дикие племена заставляют пленников оставлять им потомство, поскольку это препятствует вырождению. Но зачем целовать в глаз циклопа? Это какой-то варварский религиозный культ?

— Да, и ведро забродившего сока — тоже странно! — вставил молчавший до сих пор рыцарь. — Туземцы и сами очень жадны до выпивки и не разбрасываются ценным продуктом.

Гламор махнул рукой и сел. Выпил пива. Сказал:

— Будем считать, что я закончил свой рассказ... Нет, все-таки зря некоторые пренебрегают толстой войлочной подкладкой в шлеме... Эй, мальчик, ты хотел что-то спросить?

Трикс робко подошел к столу. Честно говоря, сэр Гламор ему понравился. Нет, бесспорно, он тоже мог отпустить затрещину оруже-

нощу... но вот воровать у селян курицу вряд ли бы послал. Скорее, отправился бы на дело сам, посмеиваясь и похикивая.

— Я имею честь лицеизреть благородного сэра Гламора? — спросил Трикс.

Рыцарь усмехнулся:

— Достойное обращение заслуживает достойного ответа. Да, юноша. Я — сэр Гламор.

С некоторым усилием Трикс заставил себя опуститься на одно колено и произнес:

— Благородный сэр! Я смиренно молю вас оказать мне великую честь — принять на службу оруженосцем. Клянусь, что не опозорю ваше славное имя и буду сносить тяготы служения с достоинством и смирением!

— Хорошо сказано, — задумчиво сказал Гламор.

— Красиво излагает, — улыбенно подтвердил тот рыцарь, что слушал сэра Гламора с наибольшим скепсисом. — Эх! Давненько не встречал такого речистого оруженосца. Жалко, что мой от горячки оправился, я бы сам его на службу взял.

Трикс терпеливо ждал.

Сэр Гламор вздохнул, протянул руку и потрепал Трикса по голове. Потом торжественно произнес:

— Я выслушал твои слова, юноша, и счел их красивыми по форме и достойными по содержанию. И будь к тому возможность, я взял бы тебя в оруженосцы и помог стать настоящим рыцарем. Но...

— Но? — растерянно спросил Трикс.

— Но ты не рыжий.

Трикс заморгал от удивления. Сэр Гламор снова вздохнул и пояснил:

— Славный юноша, знай же, что когда я стал рыцарем, то дал обет брать себе оруженосцев только из числа тех, кого природа наделила рыжим цветом волос. Ибо в детстве мне довелось испытывать насмешки товарищей из-за неблагородного оттенка моей шевелюры. Немало горести принесли мне нелепые простонародные поверья о том, что рыжие отлынивают от работы, склонны к убийству своих дедов и прочие глупости. Поэтому я привечаю рыжих мальчишек и по мере сил помогаю им устроиться в этом жестоком мире.

Трикс поднялся с колен. Развел руками. Сказал:

— Сэр Гламор, неужели нет никакого выхода?

— Нет, — печально ответил Гламор. — И это меня тоже огорчает. Но обет для рыцаря — нерушим.

Он похлопал Трикса по плечу тяжелой рыцарской дланью.

— Удачи тебе, юноша. Надеюсь, ты встретишь достойного господина, и однажды мы с тобой преломим копьа на ристалище!

Сомневаться в словах Гламора не приходилось. Этот рыцарь был не из тех, кто способен преступить свой обет.

— И вам достойных подвигов, сэр рыцарь, — печально сказал Трикс.

Никогда он не думал, что благородный черный цвет волос («волосами в мамку пошел, цвет воронова крыла!» — говорила ему нянька, когда он был совсем маленьким) однажды его подведет. На глаза невольно навернулись слезы, и он поспешно отвернулся, чтобы сэр Гламор не заметил такой недостойной слабости. Ничего не видя перед собой, Трикс сделал пару шагов — и уткнулся в холодный металлический панцирь.

— Сядь, — сухо сказали ему.

Чья-то рука опустила его на крепкий деревянный стул, привыкший выносить тяжесть закованных в броню рыцарей. Другая рука подвинула здоровенную кружку с пивом.

— Выпей, — шепнул незнакомец. — А то заметят, что плачешь — гоготать начнут. Рыцари, они как дети. Даже еще хуже. Всегда готовы высмеять чужую слабость... и поплакаться в жилетку.

Трикс глотнул пива — сладковатого и крепкого. Украдкой смахнул с ресниц слезы. И посмотрел на участливого собеседника.

Рядом с ним сидел кряжистый, невысокий — ростом с Трикса — рыцарь лет сорока—сорока пяти. Лысая голова сверкала не хуже надраенного шлема. Над огромной бородой поблескивали глубоко посаженные глазки. Взгляд их был на удивление умным и участливым.

— Сэр Паклус... — выдавил Трикс.

— А ты неплохо подготовился, сынок, — сказал сэр Паклус. — Твердо решил податься в оруженосцы?

— Ну... — запаниковал Трикс. — Я...

— Только не ко мне, — мрачно сказал Паклус. — Извини, парень, но служба у меня еще никому не приносила удачи. Позавчера вечером я потерял третьего.

— Мне очень жаль, сэр... — прошептал Трикс.

— Третьего за год, — уточнил Паклус. — Знаешь, мне надоело терять оруженосцев.

— А почему вы их теряете? — неожиданно для себя спросил Трикс.

— Потому что воюю с магом, — Паклус поморщился. — Мне пока везет, а мальчишкам — нет. Хватит с меня! Стыдно возвращаться в Дилон и смотреть в глаза матерям.

— Моя мать погибла, — неожиданно для себя сказал Трикс. — Даже если со мной что-то случится, вам не придется смотреть ей в глаза. А мне, чтобы отомстить, надо стать рыцарем. Помогите мне, сэра Паклус! Возьмите в оруженосцы!

Похожий на гнома рыцарь пытливо посмотрел на Трикса. Произнес:

— А ты, похоже, не из простой семьи...

Трикс промолчал.

— Не проси, — Паклус покачал головой. — Не надо. Я жду торговца, который должен принести мне могущественный артефакт, а после этого вновь отправлюсь к башне мага. Не хватало мне еще тащить с собой необученного мальчишку!

— Но ведь кто-то должен будет держать вашего коня, — сказал Трикс. — Или проверять, не притаились ли в кустах разбойники.

Сэр Паклус побагровел:

— Я не посылаю детей в бой вместо себя! Нет, нет и нет!

Трикс закусил губу. Ему вдруг вспомнился разговор с оруженосцами у таверны.

— Сэр Паклус, — тихо произнес Трикс. — Ведь вам ведомо, что это такое — честь. Помогите мне отстоять честь моего рода! Я — Трикс Солье, наследник со-герцога Рата Солье, коварно преданного и убитого со-герцогом Сатором Гризом.

Сэр Паклус клацнул зубами и в немом удивлении уставился на Трикса. Потом поднялся (став при этом ненамного выше ростом) и достал из ножен двуручный меч.

Трикс сглотнул слюну и встал перед сэром Паклусом на колени.

А что, если сэр Паклус имеет какие-то свои обиды на род Солье? Ведь рыцарь не зря достает свой меч. Он может принять оруженосца на службу, а может и отрубить ему голову. Конечно, такое случается редко...

Сэр Паклус вытянул руку с мечом.

В таверне наступила тишина.

Трикс на всякий случай закрыл глаза.

5.

Рыцари, помимо умных и глупых, вспыльчивых и рассудительных, добрых и не очень, делятся еще на две группы. Одни считают делом доблести ночевку под проливным дождем в кустах дикой колючки и кусок размокшего хлеба на завтрак. Другие полагают, что ничего ужасного не произойдет, если рыцарь заночует на постоялом дворе, поспит на кровати и позавтракает яичницей с ветчиной. Отличить их

очень просто — от второй группы меньше пахнет и лицо у них более здорового цвета.

Сэр Паклус, на счастье Трикса, был не только рассудительным и добрым, но еще и склонным к комфорту. Поэтому ночевал рыцарь со своим новым оруженосцем в трактире на выезде из Дилона, не слишком роскошном, но все-таки чистеньком и с недавно вытравленными магией насекомыми.

— Это, парень, великая вещь, когда в кружке тараканов не находишь, а по ночам тебя клопы не грызут, — устраиваясь на единственной кровати, сказал Паклус. — А уж самое плохое — когда тебя паразиты под кольчугой грызут и почесаться нельзя. Правда, боевой ярости способствует значительно, что есть — то есть.

— А как их выводили? — взбивая свой соломенный тюфяк, брошенный у дверей (чтобы коварный враг, войдя, запнулся об оруженосца и вынужден был потратить время, перерезая ему горло), спросил Трикс.

— Как-как... — сэр Паклус почесал волосатый живот. Рыцарь вообще отличался изрядной волосатостью, что стало ясно, когда Трикс помог ему снять кольчугу и Паклус остался в одном исподнем. — Магией, конечно. Магия, парень, это великая сила!

— Я думал, вы магию ненавидите, — задумчиво сказал Трикс. — Ну... раз воюете...

— Магию? Ненавижу? — Паклус выпучил глаза. — Да ты, я вижу, совсем недотепа! Как можно магию ненавидеть? Она и в бою для рыцаря первый помощник, и в быту всем нужна. Кто землепашцам погоду предскажет? Маги! Кто монстров огненным дождем окатит или в лед вморозит? Маги! Раны кто вылечит, донесение через всю страну перешлет, обстановку посредством хрустального шара разведает? Маги, маги и еще раз маги! Все может магия.

— Тогда вы не любите магов? — предположил Трикс. Глаза у него уже слипались, но ему было интересно, а Паклус тоже был настроен поговорить. — Или мага? Вот того, которого мы воевать завтра едем...

— Я не люблю магов? — Паклус фыркнул. — Да если бы не маги — нас бы давно Самаршан завоевал. Или северные варвары. Или маги-витаманты, что после второй магической укрылись на Хрустальных островах.

— Тогда мага? — повторил Трикс.

— Радиона Шавеля? Я не люблю Радиона Шавеля? — теперь Паклус возмутился по-настоящему. — Да будет тебе известно, непочтительный отрок, что во вторую магическую мы вместе с Радионом стояли насмерть у Черной Переправы! И мой меч сдерживал натиск ужи-

вленных, пока Радион собирал силы для заклинаний. А потом еще много раз судьба посылала нам совместные подвиги!

— Тогда я ничего не понимаю, — признался Трикс. — Зачем же вы с ним воюете?

— Потому что полтора года назад мы поспорили за чашей доброго вина, — Паклус со вздохом опустил голову на гладко обструганный чурбанчик, заменявший на постоялом дворе подушку. — Радион заявил, что маг всегда сильнее рыцаря. И в честном бою рыцарю не победить мага. А я сказал, что смогу! С тех пор пытаюсь взять штурмом его башню. Но пока не получается.

Трикс молчал, переваривая услышанное.

— Та чаша с вином была большая... — задумчиво сказал Паклус. — И, кажется, не одна. Но клятва есть клятва!

Трикс подумал об оруженосцах, которые были оруженосцами. Но промолчал. Все-таки он сильно повзрослел за три последних дня.

— Оруженосцев вот только жалко, — вздохнул Паклус, будто прочитав его мысли. — Я-то и снаряжен получше, и сопротивление к магии имею...

Он вдруг осекся, будто сказал что-то лишнее. Но Трикс, который ничего не понял, молчал.

— Чтобы не было недоговорок! — внезапно сказал Паклус посушевшим голосом. — Я на четверть гном. А все гномы сопротивляются магии, это у них врожденное. Ты что-нибудь имеешь против гномов?

— Я? — растерялся Трикс. — Ничего. Я в летописях читал, что нередко гномы и люди не воевали, а даже вместе сражались. Ну, против эльфов или если добыча ожидалась большая.

— Верно, — подобревшим голосом сказал Паклус. — Коли уж честно, то гномы меня своим не считают. У меня бабушка была гномом. Очень редкий социальный казус. А у гномов род наследуется, как у людей, по отцовской линии, по материнской — у эльфов.

— Это, наверное, очень романтическая история, — сказал Трикс. — Ну, бабушка-гном. Да?

Паклус рывком сел на кровати. Схватил свечу, подошел к соломенному тюфяку. Склонился над Триксом, поднес свечу к его лицу и подозрительно всмотрелся. Не обнаружив и следа ухмылки, сконфуженно улыбнулся, потрепал Трикса по голове, загасил грубыми пальцами свечу и пробормотал:

— Спать уже пора, завтра рано в путь...

— Спокойной ночи, господин, — с некоторым усилием пролепетал перепуганный Трикс.

— Спокойной ночи, оруженосец, — в голосе Паклуса все еще слышалось смущение. Он грузно сел обратно на кровать. Поворочался, укладываясь. Потом сказал: — Ну... романтическая, согласен. Бабушку и дедушку во время кораблекрушения волны выкинули на необитаемый остров.

— И там были дикари? — спросил Трикс.

— Что? Какие еще дикари, остров же необитаемый! Никого там не было. Даже козочек. Дедушка пять лет держался, а на шестой год все-таки сделал бабушке предложение. Ну не железный он все-таки! А через год, как раз матушка моя тогда родилась, к острову пристал пиратский корабль — запасы воды пополнить. Дедушка с бабушкой его захватили и заставили головорезов отвезти их на материк. Бабулю свои бы уже не приняли, это у гномов строго... ну а дед — он человек чести был. Раз поженился, так поженился. Опять же дочку любил. До старости самолично ее брил!

Трикс молчал, ошарашенный этой эпической картиной.

— Очень скучаю по дедушке, — продолжал Паклус. — Умер он недавно.

— А бабушка? — решил спросить Трикс.

— Бабушке-то что? Она же гном. По-прежнему на кузне, с утра до вечера молотом машет. Доспехи мои она лично ковала! В них, кстати, тоже защитная сила от магии есть. Бабушка у меня мастерица на все руки... — в голосе Паклуса прорезалась нежность. — Пивные кружки себе кует, заколки для бороды...

— У меня бабушка тоже... любила гладью вышивать, — рискнул вставить Трикс.

— И правильно, — одобрил Паклус. — Каким бы ты высокородным ни был, а умей что-то своими руками делать. Ну ладно... спи давай.

Глаза у Трикса уже совсем слипались, а язык едва ворочался. Он быстро и крепко заснул.

Паклус еще долго ворочался, разок вставал по нужде, а возвращаясь со двора с грубоватой симпатией посмотрел на съжившегося на тюфяке Трикса, после чего заботливо укрыл своим одеялом. Ночь была прохладной, с моря тянуло свежестью. Паклус же, как любой человек с примесью гномьей крови, холод переносил стойче.

Давно известно, что лучший способ узнать, процветает ли государство, проехать по его дорогам. Честолюбивый и жестокий правитель, разорив крестьян и обложив поборами горожан, может воздвиг-

нуть столицу неопишуемой красоты. Правитель ленивый и безвольный, попустительствуя простому люду, может позволить селам и городам расти и процветать, в то время как государство чахнет и гибнет. Но и у того, и у другого в самом большом запустении окажутся дороги, ибо только властитель, сочетающий в себе твердость и уступчивость, волю и терпение, способен накинуть на всю страну сеть дорог, что свяжет ее крепче солдатских алебард, общего языка или даже общей веры.

Дороги в королевстве были. И были они всякие. Но в княжестве Дилон, и этого никто бы не посмел отрицать, дороги содержались в порядке. Иногда земляные, иногда мощенные камнем или каменным деревом, с мостами и переправами в нужных местах, с придорожными трактирами, конюшнями и небольшими форпостами стражи. Конечно, в местах совсем уж диких случались и разбойники, и бездорожье (никто не знает, что хуже и что приносит казне больше ущерба), но по большей части путешествовать по Дилону было приятно.

Трикс с огромным удовольствием восседал на смирном чалом жеребце, рыжем с белым хвостом. Жеребец был немолод и потому спокоен, но еще и не стар, так что после закованных в броню рыцарей нес мальчишку на спине легко, будто перышко. Когда Трикс временами поддавал ему шенкелей, конь удивленно поворачивал голову — словно забыв, что на нем восседает всадник. Скорее всего, так оно и было. Конь Паклуса, каурый молодой жеребец, гордо вышагивал впереди, а чалый Трикса неспешно следовал за ним. Город Дилон остался позади, и рыцарь с оруженосцем ехали через бескрайние пшеничные поля.

— Сэр Паклус, а как вы собираетесь победить Радиона Шавеля? — спросил Трикс, когда ему наскучило любоваться пейзажами. Он по-прежнему был в своей одежке, поскольку желтые штаны и оранжевую рубашку, оставшуюся от прежнего оруженосца, отказался надевать наотрез. Паклус и не настаивал, буркнув, что вкусы у мальчишки были странные: «Ты бы еще на его голубую шляпу посмотрел!».

— Амулет, — коротко ответил рыцарь. Он ехал с непокрытой головой, держа шлем на сгибе руки, а на голову для защиты от солнца приспособил белый платочек. — Тот, который вчера принес горбатый карлик. Если не врет, то четверть часа ни одна магическая атака Радиона меня не проймет.

— А меня? — поинтересовался Трикс. Ему показалась сомнительной сама суть состязания рыцаря и мага, раз уж рыцарь пользуется магическими амулетами. Но он благоразумно решил эту тему не трогать.

— Ты будешь держаться в стороне, — Паклус приставил ладонь к глазам, всматриваясь вдаль. — Ага... уже показалась. Значит, и он нас видит...

— Радион?

— Кто ж еще.

Всмотревшись, Трикс и впрямь заметил на горизонте верхушку башни. Как положено каждому уважающему себя магу, не состоящему на службе, Радион Щавель жил в собственной башне, где и занимался волшебством и чародейством.

Трикс нервно поежился. Ему почему-то представлялось, что ехать они будут долго... несколько дней...

— А в Дилон господин Щавель не выезжает?

— И в Дилон, и в Босгард — это городишко рядом с его башней. Он там вроде как чародеем подрабатывает... не на постоянной службе у магистрата, а так, по мере надобности.

— Может, стоило с ним в городе сразиться? — спросил Трикс. — А то в башне ему куда удобнее обороняться.

— Юноша, сколько же тебе говорить — это должен быть честный поединок! — вспылil Паклус. — Никаких нападений из-за угла. Никаких засад. Честный бой: приехал, вызвал на поединок, уехал.

Трикс снова вспомнил о тех оруженосцах, что уехать не смогли, и горько вздохнул.

— Будешь держаться в стороне, — повторил Паклус. — Ничего с тобой не случится... Ты хоть знаешь, что такое магия?

— Конечно. У отца был чародей на службе. Ну... слабенький, — признал Трикс. — Но колдовал понемножку.

— Да-да... — Паклус кивнул. — Забыл, что ты благородных кровей. А в чем суть магии, знаешь?

— Конечно. Суть магии — это власть над миром, выраженная в словесной форме. Слова, содержащие в себе волшебную силу, могут менять реальный мир — превращать ничто во что-то, одно в другое, а другое снова в ничто. В общем, что захочешь, то и могут сделать! — воодушевленно закончил Трикс. И тут же, осознав сказанное, снова помрачнел.

— Правильно, — согласился Паклус. — Так оно и есть. Но ты слишком уж не переживай — это все в теории. А на практике маги вовсе не всесильны!

Некоторое время они ехали молча.

— Хотя Щавель весьма близок к всемогуществу... — с неожиданной гордостью добавил Паклус. — Видишь, башня у него какая? Из слоновой кости! Как положено!

Башня, до которой оставалось не менее двух миль, и впрямь уже была хорошо видна. Трикс потрясенно уставился на молочно-белую иглу, вонзавшуюся в небо — высотой башня была в сотню локтей. Внизу башню подпирали могучие контрфорсы из черного камня. На всем протяжении ее украшала затейливая резьба; кроссы и краббы на фронтонах; балкончики, которые поддерживали статуи мускулистых мужиков; многочисленные розетты и аркатуры дырявили стены; окошечки с узорчатыми переплетами и дружелюбно распахнутыми, не менее узорчатыми ставнями; торчащие прямо из стен горгульи и прочие архитектурные излишества. Кроме слоновой кости в декоре использовался только хрусталь — он сверкал на окнах, и какой-то черный камень — им выделялись отдельные, видимо, представляющие магу самыми важными в композиции, элементы статуй.

Вверху башня расширялась, образуя жилую часть размером с солидный особняк в три этажа. Тоже затейливый, с башенками-вимпергами на углах и ажурной балюстрадой по краю крыши.

Почему-то Триксу подумалось, что на эту крышу должны регулярно приземляться ездовые драконы.

— Где же он взял столько слоновой кости? — потрясенно спросил Трикс. — Это же всех слонов в мире надо было истребить!

— Как где? Наколдовал!

— Разве это можно? Наш маг говорил, что наколдованные вещи прочностью настоящих не обладают, быстро рассыпаются в прах...

— Плохой у вас был маг, — сурово сказал Паклус. — У настоящего волшебника наколдованные предметы лучше, чем настоящие.

— А мне где нужно вас ожидать? — спросил Трикс. — Я не со страха, я так, для общего развития спрашиваю...

— Видишь рощицу? — Паклус протянул закованную в железо руку. — В ней и пересидишь. Щавель природу любит, деревья файерболлами жечь не станет. Вон видишь, какой цветник развел вокруг башни. Сплошной розарий.

На взгляд Трикса, рощица была слишком уж близко к башне — от силы миль. Но все-таки укрытие... Да и природу маг любит...

— Спасибо большое, — сказал Трикс.

В молчании они доехали до рощицы, где и остановились. Паклус, подозрительно косясь на башню, достал из седельной сумы амулет — здоровенную пятиконечную звезду из рубиново-красного камня. Ловко прицепил ее на шлем, кивнул Триксу, и тот помог рыцарю закрепить шлем на доспехах.

— Древний и могущественный магический символ, — сказал Паклус озабоченным голосом. — Говорят, когда-то он оберегал целый на-

род. Мощней его разве что желтая шестиконечная звезда, но на такой сильный амулет нужно разрешение капитула магов.

— А как вы войдете в башню?

— Там дверь есть. Добраться бы до самой башни.

Паклус пробормотал что-то смахивающее на обращение к Хрогу, богу гномов. Вытянул из ножен меч, прищипорил коня. Тот, явно этим раздосадованный, с ходу пошел в бодрый аллюр. Вокруг башни не было ни лесов, ни полей, один лишь ровный зеленый луг, изобильно поросший алыми розами. Конь скакал по лугу легко, будто по ровной дороге.

Трикс спешился, накинул поводья на удобный кривой сук и, затаив дыхание, стал следить за Паклусом. Его конь меланхолично попробовал траву, счел ее невкусной и стал обнюхивать ухо Трикса. Мальчик на всякий случай отодвинулся. Обиженный таким недоверием конь принялся пастись.

Сэр Паклус, высоко воздев руку с мечом, скакал к башне. Ну, если честно, то не очень высоко воздел. Руки у Паклуса были мускулистые, но короткие. Трикс поймал себя на мысли, что боевой молот или метательный топорик смотрелись бы в руках Паклуса куда уместнее.

Но у рыцарей не принято сражаться молотами.

Некоторое время ничего не происходило, и Трикс начал надеяться, что волшебника Щавеля нет дома. Может, колдует для магистрата Босгарда? Или вышел нарвать трав для магических зелий... щавеля для щей...

Однако его надежды не оправдались. Вершина башни вдруг засияла призрачным красным светом. В воздухе над башней появился прозрачный морок — огромное человеческое лицо. Очевидно, это и был маг Радион.

Он оказался упитанным, коротко стриженным человеком средних лет. Пожалуй, маг выглядел бы вполне мирно, если бы не сурово нахмуренные брови и полыхающие огненными протуберанцами глаза. Лицо медленно склонилось — Трикс с замиранием сердца понял, что это именно одно лишь лицо, что-то вроде повисшей в воздухе маски — и посмотрело на сэра Паклуса.

Рыцарь скакал к башне.

Маг нахмурился еще сильнее. Надул щеки. И дунул на Паклуса с высоты своей башни.

В одно мгновение разразилась буря. Трава на лугу полегла. Деревья над головой Трикса закачались и затрещали. Конь сэра Паклуса

встал на дыбы, завертелся. Рыцарь попытался удержаться, но не смог, помешал вздетый к небу меч. Громящей грудой железа сэр Паклус рухнул на траву. Каурый, презрев воспетые в балладах доблести рыцарских коней, поскакал назад.

— Не работает амулет... — в ужасе выдохнул Трикс.

Однако он был не совсем прав. Лишившийся коня Паклус встал, помотал головой — и двинулся к башне. Ему бушующий ураган ничуть не мешал. Видимо, амулет защищал только самого человека, а не его лошадь.

Лицо мага помрачнело. Он перестал дуть. Прищурился. Из глаз вырвались ветвистые белые молнии и стали молотить по лугу. Одна из молний ударила прямо в шлем Паклуса. Посыпались разноцветные искры.

Но рыцарь упорно шел вперед. До Трикса долетели приглушенные расстоянием ругательства и обещания отдубасить заносчивого мага до полусмерти.

Маг задумался. Потом широко открыл рот — и заорал. Вопль был так громок и ужасающ, что его, пожалуй, могли услышать и в Дилоне. Трикс закрыл ладонями уши и закричал в ответ — ибо известно, что лучший способ не оглохнуть от громких звуков, это орать самому.

Но дело, оказывается, было не в крике. Из рта мага, крутясь и вращаясь, вылетали какие-то смятые, спрессованные комки. Они падали на землю, разворачивались и превращались в омерзительных монстров. Были там и юркие твари, похожие на обезьян, и кражистые минотавры, и высоченные рогатые демоны, и подпрыгивающие глазастые шары, похожие на комки сырого мяса. Похоже, на монстров действие амулета не распространялось — они радостно бросились на сэра Паклуса.

Впрочем, и рыцарь, казалось, был только рад их появлению. Первого же минотавра он рассек пополам, брошенный обезьяной огненный шар отбил мечом — да так ловко, что огонь испепелил ближайшему демону рога вместе с головой. Размахивая оружием и не подпуская к себе тварей, рыцарь продвигался к башне, оставляя за собой изрубленные страхолюдные туши и лужи разноцветной крови.

— Ура! Ура, да здравствует доблестный сэр Паклус! — закричал Трикс, прыгая на месте. Он внезапно перестал стесняться своего положения оруженосца, напротив, нашел в нем некоторые преимущества. Подвиг совершал Паклус, а он, Трикс, получит полное право говорить: «Когда мы с сэром Паклусом укрощали великого мага Радиона Шавеля...».

Но вот кричать был ошибкой. Это Трикс понял сразу, как только один из минотавров, приземлившись довольно далеко от Паклуса, обернулся на крики и бодро затрусил по направлению к рощице.

Первым понял ситуацию чалый, который не зря прожил долгую жизнь под рыцарским седлом. Одним рывком конь сорвал поводья с ветки и поскакал через рощицу к своему кауруму собрату, стоявшему на безопасном расстоянии у самой дороги. Триксу осталось лишь проводить его взглядом...

Тварь на бегу скалилась своей жуткой бычьей пастью. Вопреки природе (хотя чего хорошего можно подумать о природе при виде минотавра?) пасть была оснащена острыми хищными клыками. Порошшее грубой рыжей шерстью тело минотавра прикрывал грубый пластинчатый доспех. В руках, будто не полагаясь на свою силу и клыки, минотавр держал длинную алебарду.

Трикс завопил так пронзительно, что даже Паклус, почти добравшийся до башни, его услышал. Рыцарь повернулся, долю секунды колебался, а потом, рассыпая проклятия, кинулся на выручку оруженосцу. Мчался Паклус удивительно быстро для своих коротких ног, но никаких сомнений в исходе забега не оставалось. У минотавра было достаточно времени, чтобы нарубить из Трикса отбивных и слопать их. Может быть, даже слегка обжарив на костре.

Впрочем, вид минотавра наводил на мысли о том, что он согласен есть мальчиков и сырыми.

Первая мысль, которая ухитрилась заползти в голову к Триксу, была довольно разумной.

Умеют ли минотавры лазить по деревьям?

Однако беглый взгляд на ближайшие деревья поверг Трикса в уныние. Самое высокое было в два человеческих роста. Минотавр смахнет его алебардой с верхушки.

Вторая мысль, как оно обычно и случается в критических ситуациях, была глупой.

Всем известно, что минотавр — наполовину человек, наполовину животное. И как всякое животное, он боится яркого огня, быстрой воды и уверенного человеческого взгляда...

Будь Трикс чуть менее напуган, он бы заметил, как минотавр на ходу перепрыгнул через дымящуюся воронку, оставшуюся в земле от попадания магической молнии, а потом, ничуть не озаботившись, пробежал босыми ногами по горящей траве.

Но от страха Трикс не видел ничего, кроме злобных, налитых кровью глазок, острых рогов, оскаленных клыков и спутанной рыжей шерсти на морде минотавра. Он выпрямился, пытаясь придать себе

горделивую осанку (будь его рост чуть выше — это бы получилось), вперил взгляд в глаза минотавра и закричал изо всей силы (голос дал петуха, но зато вышло громко):

— Стой! Перед тобой человек!

Прозвучало это гордо, но минотавр, конечно же, не остановился. А то, что мальчишка стоял на месте и смотрел ему в глаза, его только разъярило. Он запрокинул голову, издал громкий рев и на бегу замолотил себя левой рукой по груди. Железный панцирь грохотал, покрываясь глубокими вмятинами. В правой руке минотавр по-прежнему сжимал алебарду.

Трикс уже ничего не соображал. Убегать было поздно, лезть на дерево — глупо, сражаться — просто смешно.

— На колени! — крикнул он. — Твоя ярость бессильна перед моей отвагой! Еще шаг — и ты сдохнешь в страшных муках! Твое сердце остановится, а дыхание прервется!

Минотавр остановился и удивленно уставился на Трикса. Чудовище и мальчика разделял от силы десяток шагов. Триксу показалось, что он чувствует зловонное дыхание монстра. Маленькие злые глазки подозрительно смотрели под ноги, будто ожидая увидеть там ловушку.

— Сделай лишь шаг — и ты умрешь, как безмозглый бык на бойне! — пригрозил Трикс. — Моли меня о пощаде, чудовищная тварь, порождение тьмы и хаоса!

Непонятно, что именно разозлило минотавра — сравнение с быком или фраза о тьме и хаосе, откуда он, собственно говоря, и происходил. Но чудовище вновь оскалилось, сделало шаг к Триксу...

И замерло.

На морде минотавра медленно появилось удивленное выражение. Он выпустил алебарду и принялся обеими руками сдирать с себя доспехи. Крепкие кожаные ремешки, которыми были связаны железные пластины, не выдержали и разорвались, доспехи чешуей осыпались под ноги. Монстр принялся скрести лапами по груди. Потом несколько раз сильно ударил себя кулаком где-то в районе сердца. Облегченно и шумно выдохнул. Отступил на шаг. С опаской уставился на Трикса.

Трикс с куда большим испугом глядел на минотавра.

Монстр обернулся и посмотрел на башню из слоновой кости, на лицо мага, которое плавало в воздухе и, казалось, всматривалось сейчас в их сторону.

— Вот только попробуй! — пригрозил Трикс. Взгляд его упал на вальявшийся под ногами камень — гладкий, обточенный водой и ветром

голыш размером с кулак. — Слышал о том, как великий воин Маргон Зеленозубый поразил циклопа одним метко пущенным камнем?

Трикс вытащил из штанов ремень, нагнулся, схватил голыш и вложил в петлю. Праща получилась не слишком серьезная, да и в балладу о Маргоне Трикс не сильно верил. Но все-таки...

— Хватит одного камня, чтобы разбить твой череп и расплескать вонючий мозг по окрестностям! — заявил Трикс. — Я сам порой ужасаюсь своих деяний! Никто не чувствует себя в безопасности рядом со мной, когда я беру в руки оружие! Не один зверь пал от моей руки!

Если быть более точным, то от руки Трикса пало два зверя — старый, подслеповатый олень, который на охоте налетел прямо на копье (мальчик потом полчас проплакал в кустах бузины), и молодой, глупый кролик, сраженный именно из пращи. Белка, в которую он целился, благополучно усакала.

Минотавр снова посмотрел на башню. Маг теперь явно следил за ними. И лицо его было очень хмурым. А еще к ним приближался Паклус, от которого уже отстали немногочисленные выжившие монстры.

На морде минотавра отразилось одновременно отчаянье и злоба. Он снова занес алебарду и шагнул к Триксу.

Мальчик крутанул прашу и выпустил камень куда-то ориентировочно без малого примерно почти в сторону монстра.

Камень понесся по такой причудливой траектории, будто Трикс запустил из пращи сумасшедшую птицу, и с таким пронзительным визгом, словно эта птица была крайне недовольна его действиями. Описав дугу, камень попал прямо в лоб минотавру, между глазами, чуть повыше грозно раздувающихся ноздрей.

Голова минотавра разлетелась осколками костей и мелкой серой моросью. Не издав ни звука, поскольку издавать звуки ему теперь было нечем, минотавр рухнул на траву к ногам Трикса.

Воняло ужасно. Все окрест было покрыто липкой серой гадостью с потрясающе гадким запахом.

Разогнавшийся Паклус отчаянно попытался затормозить, но не успел. Он со всего размаха налетел на обезглавленного минотавра, выставил вперед руки с мечом — и так и упал, пронзив мохнатую тушу и пригвоздив ее к земле.

— Браво, браво! — раздалось за спиной Трикса. — Но совершенно излишне, друг мой.

Борясь с тошнотой, Трикс повернулся — и обнаружил стоящего рядом человека. Длинный серый плащ и круглая черная шапочка,

расписанная таинственными рунами, не оставляли сомнений, что это маг.

— Радион! — завопил Паклус, ворочаясь на теле минотавра и пытаясь вытащить меч. — Вот ты и попался! Сейчас... сейчас...

Он вдруг принялся и сморщился от омерзения.

— Что это за вонь? Если ты решил отравить меня...

— О, вонь — это всего лишь последствия излишне красочного заклипания, — небрежно взмахнул рукой Радион. — Сейчас уберем... — он поморщился и произнес: — Сладкий и чистый воздух, напоенный дыханием далеких цветочных лугов и снежных горных вершин, омыл поле кровопролитной сечи, унося смрад и зловоние...

В воздухе пахло свежестью. Вонь мгновенно улетучилась.

— Я вызываю тебя на поединок! — вытащил наконец-то свой меч Паклус. — Защищайся, самодовольный сноб!

— Сэр Паклус... — увещающее начал Щавель. Лицо его было вовсе не столь грозным, как по-прежнему витающая над башней призрачная маска. — Сэр Паклус, возможно, мы оставим наш давний спор в виду открывшихся обстоятельств...

— Ты сдаешься? — победно воскликнул Паклус.

Маг вздохнул, и Трикс понял, что сейчас все-таки произойдет смертоубийство.

— Стойте, господин! — в панике закричал он. — Стойте! Вы о чем спорили? Что вы сильнее мага? А господин Щавель говорил, что он сильнее рыцаря? Или вы говорили, что магу не победить рыцаря, а господин Щавель говорил, что рыцарю не победить мага?

— Ну? — потрясая мечом, произнес Паклус. — Не помню. Какая разница?

— Так ведь вы оба правы! — завопил Трикс. — Господин Щавель не смог вас победить — вы правы! И вы не смогли победить господина Щавеля — он прав! Вы же были друзьями! Зачем же вам враждовать до смерти?

Рыцарь задумчиво посмотрел на мага.

Маг широко улыбнулся.

— Ты злодейски умертвил шестнадцать моих оруженосцев! — возмущенно сказал Паклус. — Как я теперь могу с тобой примириться?

Услышав про шестнадцать оруженосцев, Трикс едва устоял на ногах.

— Да кто тебе сказал, что они мертвы? — возмутился Щавель. — Уж кто-кто, а ты должен знать, что я всегда выступал за гуманность в боевой магии!

Паклус крикнул. Покосился на уцелевших монстров, толпившихся

на безопасном расстоянии и от скуки уже принявшихся задира́ть друг друга. Вложил меч в ножны.

— Ну, если ты мне докажешь, что они живы... — хмуро сказал Паклус. — Тогда... тогда... презренный негодяй...

— Здравствуй, боевой товарищ! — негромко сказал Щавель.

На глаза Паклуса навернулись слезы:

— Здравствуй, Радик!

Старые друзья шумно обнялись. Маг тоже вытер глаза широким рукавом плаща.

— Что минотавра своего обезглавил — спасибо, — сказал Паклус. — Это Трикс, мой новый оруженосец. Славный парнишка. Негоже такому гибнуть от лап монстра.

— Это не я, — усмехнулся Паклус. — Это он сам.

— Что он сам? Сам себе голову снес? — не понял Паклус.

— Нет. Это твой оруженосец сам убил минотавра. Камнем из пращи.

Сэр Паклус отстранился от мага, посмотрел на минотавра, потом на Трикса, на ремень в его руках. Захохотал:

— Что?! Камнем? Из пращи?

— Но ведь славный Маргон Зеленозубый поразил циклопа одним камнем! — воскликнул Трикс, до которого только стало доходить, что именно он сделал.

— Помню, помню, — кивнул Щавель с улыбкой. — Я присутствовал. Один камень, да! Из баллисты и попавший точно в глаз.

— Минотавра из пращи не убить, — твердо сказал Паклус. — Чудес не бывает!

— Почему же «не бывает»? — Радион Щавель покачал головой. — Ни один маг с тобой не согласится! А твой оруженосец — маг.

Он подошел к Триксу и одобрительно похлопал его по плечу.

— Должен признать, что для начинающего мага у тебя совсем неплохие заклинания.

Трикс сидел на корточках в маленьком саду, разбитом на крыше магической башни. Насчет того, что на крышу башни могли приземляться драконы, он угадал — между башенками был устроен здоровенный насест из толстых брусьев железного дерева, ценимого драконоводами за огнеупорность. Но помимо насеста нашлось на крыше место и для небольшого садика — росли там в основном цветы: ромашки, незабудки, колокольчики, хотя имелись и огурцы, помидоры и прочая зелень. Самая большая и красивая клумба была накрыта стеклом наподобие парника. Под стеклом протекал небольшой ручеек,

весело струящийся по кругу — тут явно не обошлось без магии. На берегу ручейка стоял маленький красивый домик, а вокруг домика суетились крошечные, не больше пальца, человечки. Некоторые собирали грибы и орехи, другие купались в ручейке, а большинство просто валяло дурака. Наблюдателя они не замечали и явно радовались жизни.

— Я и подумал: что мне с ними делать? — рассказывал Радион Щавель. Помирившиеся маг и рыцарь стояли у драконьего насеста с полными чашами вина. — Отпустить? Ты обидишься, скажешь — все-рзез с тобой не воюю. В ученики взять? Так у них ни малейших способностей к магии! Держать в качестве пленников? Так это в пору приют для незадачливых оруженосцев открывать. Да и побьют все зелья, магические книги картинками разрисуют... Дай-ка, думаю, уменьшу я их до размеров огурца и поселю у себя в саду. Пусть живут дружным коллективом, а там посмотрим.

— Нехорошо! — упрекнул Паклус. — Ребятки о подвигах мечтали, а ты их в каких-то коротышек обратил.

— Так подвигов им хватает, поверь. То землеройка нападет, то шмель залетит. Столько приключений, в пору летопись сочинять... Знаешь что? Давай ты их всех вызволишь! Я им размер прежний верну. Все, что тут с ними было, они помнить станут смутно, как во сне. Головы-то нынче маленькие, много воспоминаний не удержится. А ты их всех в Дилон приведешь, скажешь — вызволил из плена у коварного Щавеля!

— Мне подачек не надо! — гордо сказал Паклус.

— Какая же это подачка? — удивился Щавель. — Ты и впрямь их вызволил! Что не так?

— Положено в бою... — неуверенно сказал рыцарь.

— У нас и был бой! А хочешь — стукни меня! Только, чур, не в полную силу!

— Ну... не знаю... — рыцарь заколебался.

— Бери, бери! Тебе все равно оруженосец нужен!

— У меня есть! — насторожился Паклус.

— Трикс? Да с каких это пор маги оруженосцами служат?

Трикс искоса посмотрел на Щавеля и Паклуса, после чего продолжил наблюдать за человечками. Один, одетый наиболее ярко, был, очевидно, его предшественником...

— Трикс не маг! Он благородного происхождения и хочет стать рыцарем!

— Как я понял, он хочет отомстить обидчикам, — уточнил Щавель. — А магия, поверь мне, самая удобная штука для мести!

— Но-но!

— Наравне с профессией рыцаря, — быстро поправился Щавель. Ссориться снова он явно не хотел. — Паклус, друг мой... Ты же знаешь, как важны маги на войне. И знаешь, как редко встречается у людей этот дар! Это только у эльфов все помаленьку подколдовывают...

— Не знаю, не знаю... — Паклус засопел.

Триксу даже стало приятно, что за него идет такой бурный торг.

— Ты идешь на эту жертву во имя всего королевства, Паклус!

— Да зачем королевству еще один маг? Время-то мирное!

— Это сейчас оно мирное. Должен тебе сказать, — Щавель понизил голос, — что обстановка в последнее время стала очень напряженной. Витаманты на Хрустальных островах оправались от поражения. Говорят, что путем жестоких экспериментов они научились делать магов из обычных людей. Конечно, маги это слабые, ничего выдающегося. Но их тысячи, Паклус! Десятки тысяч!

— Будет врать-то, — совсем по-мальчишески ответил Паклус. — Тысячи?

— Да!

Наступила тишина. Трикс тихонько постучал пальцем по стеклу, пытаясь привлечь внимание своих незадачливых предшественников. Человечки торопливо потянулись в дом. Похоже, решили, что это гремит гром.

— Трикс! — громко позвал Паклус.

Вскочив, Трикс подбежал к рыцарю.

— Слышал, о чем мы говорили? — спросил Паклус.

— Да, — признался Трикс.

— Тогда решай. Чего больше хочешь — со мной остаться или пойти к Радиону Щавелю в ученики?

Трикс заколебался. Рыцарь был явно огорчен таким поворотом дела. И ведь он бросился на помощь оруженосцу, когда был почти у самой башни...

— А могу я стать сразу и рыцарем, и магом? — попытался он схитрить.

— Можешь! — в унисон ответили Паклус и Щавель. Переглянувшись. Потом Радион выразил общее мнение: — Только ты станешь никудышным рыцарем и плохим магом.

— У меня действительно есть способности к магии? — спросил Трикс.

— Ты знаешь, что такое магия? — вопросом ответил Радион.

— Искусство словами менять мир.

— Верно. А почему слова могут менять мир?

— Не знаю, — Трикс пожал плечами. — Это тайна, наверное... Нужны особые слова?

— Особые, — кивнул Щавель. — Дело в том, мальчик мой, что мир — это лишь представление людей о нем. Когда-то люди договорились считать, что небо — голубое, солнце — желтое, трава — красная...

— Радион, трава — зеленая, — негромко сказал Паклус. — Сколько можно тебе напоминать?

Маг смутился:

— Зеленая, конечно же. Я оговорился. Чтобы пример был нагляднее.

— Вино у нас в чашах какое? — напористо спросил Паклус.

Щавель вздохнул:

— Ну помню, помню! Хватит попрекать, у меня дед цвета не различал, а я в него уродился! Кровь и вино — красные, трава и жабы — зеленые. «Что льется, то красно!»

— Это я ему такое напоминание придумал, — с гордостью сообщил Паклус. — Давай излагай дальше.

— Так вот, — маг откашлялся. — Когда-то люди договорились, каким должен быть окружающий мир. И договорились, конечно же, с помощью слов. Придумали для всего на свете объяснение. Но слова-то могут быть разные. И сила в них осталась! Если ты подберешь правильные слова и скажешь что-то очень убедительно, то мир может тебе поверить. И изменится.

— Поэтому магу всегда нужен слушатель, — добавил Паклус. — Хотя бы тупой минотавр. Поэтому умные маги всегда ходят со спутниками. С учениками, к примеру.

— Хорошие маги, — сказал Радион таким тоном, что стало ясно: себя он относит к очень хорошим, — могут и сами себя уболтать. Но, конечно, с напарником проще. Чем простодушнее и доверчивее напарник — тем лучше действует магия.

Он искоса поглядел на Паклуса и торопливо отхлебнул вина, будто решил, что сболтнул лишнее. Но рыцарь ничего дурного не подумал.

— Какие слова в волшебстве верные, а какие — нет? — спросил Трикс.

— Правильный вопрос, — кивнул Щавель. — И как во всяком хорошем вопросе, в нем уже есть ответ. Верные слова — те, в которые верят! От которых захватывает дух и сладко замирает сердце!

— А почему придуманные слова слабеют?

— Еще один отличный вопрос! — оживился Щавель. — В тебе задатки великого мага! Да, единожды придуманное заклинание можно

использовать много раз. Но от частого произношения оно как бы изнашивается, мир в твои слова верит все меньше и меньше, волшебство работает все слабее и слабее. А уж если его записать и начать раздавать кому попало, то через несколько месяцев самое могучее заклинание превратится в ничто! Поэтому маги свои заклинания берегут и без нужды не используют, чаще импровизируют, для мелких бытовых задач магией не пользуются.

— Решай, мальчик, — сказал Паклус. — Ты оруженосец славный, я бы из тебя сделал рыцаря. Но если решишь стать магом... — он замолчал, потом грустно добавил: — Что ж, возможно, мы еще встретимся на поле брани в одном строю. И пока ты будешь сочинять свои красивые слова, я со своим верным мечом постараюсь прикрыть тебя от чудовищ.

Трикс подошел к рыцарю и крепко обнял его.

— Это значит, ты выбрал карьеру рыцаря, мальчик? — растроганно спросил Паклус.

Радион Щавель улыбнулся.

— Нет, сэр Паклус. С вашего позволения я пойду учиться магии у вашего друга, — ответил Трикс. — Спасибо вам большое. Я бы постарался стать достойным оруженосцем и рыцарем. Но, знаете, мне кажется, что магия — это мое.

Паклус кивнул. Печально сказал:

— Ты прав, Трикс. Удачи тебе.

Трикс повернулся к магу и спросил:

— Что мне делать, господин учитель?

Радион прищурился:

— Спустись на два этажа вниз, ученик. Там ты найдешь большую и грязную кухню. Постарайся за вечер сделать ее несколько чище. И помни, что волшебники не используют магию для презренных бытовых целей.

— Слушаюсь, — сказал Трикс, ничуть не удивившись.

Он бросил последний взгляд на игрушечный домик и пошел к лестнице. За его спиной Паклус шепотом сказал Радиону:

— Очень славный мальчик. Но все-таки учитывай, он немного недотепа.

— О, да, — с удовольствием ответил маг. — Я вижу. Из таких и получаются самые лучшие волшебники.

И спускаясь на кухню, Трикс широко улыбался — как человек, наконец-то нашедший свое место в жизни.

РЕЗЮМЕ

После «Чарли и Шоколадной фабрики» Тим Бартон (или, как сейчас часто принято транскрибировать, Бертон) создал еще одну сказку. На этот раз — анимационную. В «Труп невесты», словно в резюме для поступления на работу, собрались воедино почти все творческие предпочтения режиссера. Попробуем разобраться какие.

Во-первых, Бартон решил трянуть стариной и вспомнить свое мультипликационное прошлое. Ведь когда-то он создавал анимационные короткометражки на студии Диснея. Единственной же полнометражной работой до этого момента был замечательный кукольный мюзикл «Кошмар перед Рождеством» (1993), но там Бартон был не постановщиком, а продюсером и автором сценария. «Труп невесты» — тоже кукольный. И тоже мюзикл. И тоже замечательный. Блестящие музыкальные темы, захватывающая динамика персонажей*, запоминающиеся песни поставили «Труп невесты» в ряду мю-

зиков не ниже ставшего уже классикой собрата — «Кошмара перед Рождеством».

Во-вторых, визуальная стилистика фильмов Бартонна почти всегда оригинальна и необычна — сказывается художественное образование. Но здесь режиссер почти умышленно повторяет цветовую гамму, например, той же «Сонной лошадки» — максимально вирированный, вплоть до черно-белого, цвет мира реального. В мире потустороннем краски побогаче — скорее, как в «Эдварде Руки-Ножницы» или «Бэтмене».

В-третьих, раз уж речь зашла о красочности потустороннего ми-

* Бартон сначала попробовал поработать в технике компьютерной 3D-анимации, но результат ему крайне не понравился, и он вернулся к классическим методам. Правда, в куклах также использованы высокие технологии: в отличие от «Кошмара перед Рождеством», где у объектов в процессе съемок для изменения выражения лица попросту меняли головы, в «Труп невесты» вся мимическая механика находилась внутри кукол. (Прим. авт.)

ра, Бартон возвращается к тематике мира мертвых, поднятой еще в «Битлджусе». Этот мир в «Труп невесты» весел, многогранен, полон жизни (пardon за каламбур). И противопоставляется серому реальному существованию — скучному, жадному, полному косности и пороков. Обитатели иного мира, несмотря на свою фантастичность и фантасмагоричность, очень импозантны, даже в виде скелетов, полускелетов, недоразложившихся трупов и совсем уж невероятных существ. Бартон недвусмысленно дает понять, какой из миров ему более симпатичен.

В-четвертых, одним из средств вызвать подобную симпатию у зрителя становится типичный бартоновский юмор. Несколько черноватый (а каким он может быть, если сюжет повествует о жизни и смерти?), донельзя изобретательный (ну кто мог бы предположить, что одним из самых запоминающихся и обаятельных персонажей станет червяк-трупоед) и при этом лишенный даже грана пошлости.

В-пятых, Бартон верен себе и новомодным голливудским поветриям, вставляя в фильм множество киноцитат, пародийных реминисценций и реверансов предшественникам. Мало кто в одном из музыкальных номеров не заметит пусть и донельзя преобразенный и «обстебанный» диснеевский «Танец скелетов», а наблюдательный любитель анимации не оставит

без внимания пианино марки «Хэррихаузен» — дань Бартону великому мультипликатору.

В-шестых, Бартон не был бы Бартоном, если бы не собрал для озвучки команду любимых актеров. Джонни Депп снялся, пожалуй, больше чем в половине фильмов режиссера — и каждый раз выступал в какой-то новой ипостаси: то странного, с виду «ужасного, но доброго внутри» Эдварда, то обаятельного хозяина Шоколадной фабрики Вилли Вонки, то нью-йоркского констебля XIX века, то основателя трэш-кино Эда Вуда... И вот новое воплощение: несчастный юноша Виктор Ван Дорт (внешне, кстати, очень похожий на Деппа) волею случая вместо обручения с живой невестой едва не женится на мертвой. Убедительно — как мимикой куклы, так и голосовой игрой Деппа — показана проблема выбора между Викторией из мира живых и Эмили из мира мертвых. Последнюю озвучивает Елена Бонем-Картер — постоянный партнер Бартона не только на съемках, но и в жизни: она его жена.

И наконец, в-седьмых. Этот фильм стоит посмотреть, как и все прочие фильмы вечного голливудского «анфан террибль». Даже если вы не видели до сих пор ни одного фильма Тима Бартона (но такое представить сложно), то расценивайте это как резюме всего творчества режиссера.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА

(SPIRIT TRAP)

Производство компаний Archangel Filmworks и AFM Lighting Ltd.
(Великобритания), 2005.

Режиссер Дэвид Смит.

В ролях: Билли Пайпер, Люк Мэбли, Эмма Катервуд, Алсу,
Сэм Трогтон и др. 1 ч. 31 мин.

Малознакомых меж собой студиозусов лондонского института искусств посетила идея, подкупающая своей «оригинальностью»: они хотят пожить вскладчину, за мизерные деньги сняв старый, заброшенный дом. Любому человеку, посмотревшему за свою жизнь хоть один ужастик, эта идея показалась бы глупой и опасной, но только не героям кинофильма. Домик, непрезентабельный снаружи, изнутри производит самое гнетущее впечатление: в облезлом жилище всё покрыто паутиной и вековой пылью. Всё, кроме ожидающей гостей красавицы Тины (Алсу Сафина), по всей вероятности, поселившейся в особняке чуть раньше. Волоокая красотка держится вежливо, но подчеркнуто отстраненно. Отремонтированный и заведенный умельцем Кеном домашний «Биг-Бен», не отбивавший время на протяжении сотни лет, оказался мостом из мира духов и вызвал призраков. Помимо ночных кошмаров да странных видений девушки-медиума зрителя ожидает море крови.

Несмотря на то, что за пару лет сценарий переписывался множество раз, а для съемок группа выезжала в Румынию (вероятно, для большей убедительности — альма-матер Дракулы все-таки), лента не просто слабая, но до безобразия вторичная. Стандартная ситуация, типовый особняк, заурядные характеры. Плюс несвязный сюжет и бестолковые диалоги. Не спасают положения ходы из классических лент — мрачные тени и таинственные артефакты. Нет атмосферы ужаса. Лишь банальная формальность. Ожидания, что вот-вот «что-то произойдет», не оправдываются.

Проходной фильм, в котором нет ничего, на чем стоило бы хоть на миг зафиксировать внимание. Ну, разве что Алсу. Да и то, ради справедливости стоит отметить, что вокальные данные певицы на порядок превосходят ее актерский талант. Ремарка для многочисленных фанатов — в конце фильма звучит песня «Капли слез», написанная и исполненная Алсу для ее англоязычного альбома. И, пожалуй, это единственное достоинство ленты.

Вячеслав ЯШИН

БЛАДРЕЙН

(BLOODRAYNE)

Производство компаний Boll KG Productions, Herold Productions и Brightlight Pict., 2005.

Режиссер Уве Болл.

В ролях: Кристанна Локен, Бен Кингсли, Мишель Родригес, Удо Кир, Майкл Мэдсен, Билли Зейн и др. 1 ч. 45 мин.

Немецкий режиссер Уве Болл опять экранизировал компьютерную игру. До работы над фильмом «Бладрейн» он снял откровенный трэш «Дом мертвецов» по мотивам малоизвестной видеоигры «The house of the dead» и мистический триллер «Один в темноте» — киноадаптацию классической компьютерной игры «Alone in the dark». Обе картины совершенно обоснованно провалились в прокате.

Третий фильм Болла был заявлен как приквел популярной игры «Bloodrayne» — динамичного кровавого боевика о вампирше, противостоящей фашистам-окультистам во времена второй мировой войны. Действие ленты перенесено в Румынию XVIII века, которая кишит вампирами, грезящими мировым господством. Для воплощения мечты им нужно найти талисманы, способные лишить любого вампира всех свойственных ему недостатков. Но на пути у кровососов встают представители таинственного общества и рыжеволосая красавица Рейн — получеловек-полувампир, эдакий «Блейд в юбке» в исполнении Кристанны Локен. Путаную завязку пересказать сложно. Тут и пророчество, и заговор, и предательство, и месть. Кто-то куда-то скачет, с кем-то дерется. Невнятное начало — не единственный недостаток кинокартины. На самом деле в фильме плохо всё. Сюжет полон дыр, главный злодей туп и хил, немногочисленные спецэффекты невзрачны, а однообразные экшн-сцены сопровождаются заунывными мелодиями. Оператора тоже не за что похвалить. Впрочем, как и актеров, играющих вяло и неубедительно: такое ощущение, что во время съемок они недоедали и недосыпали. Поэтому нет ничего странного в том, что кинокартина с треском провалилась, не окупив и десятой части бюджета в 17 млн долларов.

Болл умудрился трижды наступить на одни и те же грабли. Однако неудачи его, похоже, нисколько не смутили. Несмотря на провал всех трех своих опусов, он уже заканчивает съемки следующего фильма, в основе которого снова лежит компьютерная игра.

Степан КАЙМАНОВ

СУМЕРКИ

(HALF LIGHT)

Производство компаний Lakeshore Entertainment и VIP 3 Medienfonds (Великобритания—Германия), 2006.

Режиссер Крейг Розенберг.

В ролях: Деми Мур, Джеймс Космо, Генри Ян Кьюзик, Элли Дэвис и др. 1 ч. 50 мин.

За многолетнюю кинокарьеру Деми Мур снялась не в одной мистической картине. В «Седьмом знамении» думала о ребенке, в «Призраке» страдала о потерянном муже. В очередном фильме эти темы слились воедино. Ее героиня, Рейчел Карлсон, — успешная американская писательница, живущая в Лондоне. Но трагически погибает ее пятилетний сын, и Рейчел переезжает в Шотландию, чтобы поселиться в рыбацкой деревушке... Ведь лучший способ отвлечься от бед — сменить обстановку. Однако даже на берегу моря Рейчел не в силах справиться с бедой — то деревенская сумасшедшая намекает, что погибший сын следит за ней, то сама писательница начинает не только видеть фантом умершего местного парня, но даже влюбляется в него. Что это? Паранойя и безумие как чудовищные последствия одиночества? А тут еще местные легенды...

Просмотр картины почти не приносит волнующих ощущений. Только в самом начале хочется сопереживать героине, да и то лишь из-за того, что не совсем понятно, где здесь фантазия, а где реальность. А затем, когда действие превращается в бурный поток многочисленных сюжетных клише, остается лишь следить за блестящей работой оператора и великолепными пейзажами Уэльса. Фильм ошеломляюще красив. Природная идиллия абсолютно не сочетается со сверхъестественными событиями фильма, отвлекая от сюжета и заставляя зрителя упиваться потрясающими панорамными видами. Но достоинство ли это?

Триллер словно разбит на две части. В самом начале — пронзительное чувство потери и душевная боль, сквозящие в каждом кадре. Затем все неожиданно пропадает, и сюжет теряется в визуальных изысках. Но, несмотря на все недостатки, лента может заинтересовать поклонников Деми Мур, давненько не баловавшей зрителя полноценными ролями. Правдоподобие родительской скорби и страсть вновь обретенных романтических чувств актрисе удалось больше всего.

На этом фоне остальное становится уже неважным — и призраки, и тлеющее в героине безумие.

Вячеслав ЯШИН

ЛИГА ДЖЕНТЛЬМЕНОВ: АПОКАЛИПСИС

(LEAGUE OF GENTLEMEN'S APOCALYPSE, THE)

Производство компаний FilmFour, Hell's Kitchen Ltd., Tiger Aspect Pictures Ltd. и Universal Studios (Великобритания—США), 2005.

Режиссер Стив Бенделак.

В ролях: Марк Гэтисс, Стив Пемпблтон, Рис Шерсмит, Джереми Дисон, Бернард Хилл, Питер Кэй и др. 1 ч. 31 мин.

Английский юмор — это не только Пратчетт, Вудхаус или «Монти Питон». На британском ТВ долгое время идет комедийный сериал «Лига Джентльменов», который пользуется у зрителей невероятной популярностью (к недавней экранизации комикса Алана Мура он не имеет никакого отношения). Дело происходит в кошмарном городке, где живет множество гротескных героев — тут и мясник, и колдун вуду, и бургер-бойскаут, и толпа еще более чуждых персонажей. Адаптируя шоу для большого экрана, создатели слегка изменили сюжет, придав ему некое подобие альтернативной реальности. Мрачные события, творящиеся в Ройстон Вэйси, предзнаменуют наступающий Апокалипсис. А все из-за того, что авторы, устав придумывать новые и новые сюжеты, решают больше не заниматься этим проектом. Чтобы спасти свой вымышленный мир от грядущего конца света, местные жители хотят заставить авторов передумать и находят путь в мир реальный. И неожиданно становятся творцами-соавторами нового мира XVII столетия.

Зрителям, не знакомым с шоу, за полтора часа удалось не только пройти интенсивный курс изучения его шестилетней истории, но увидеть нечто большее, чем просто смешные (а временами вульгарные) скетчи. Ведь даже сюжет фильма сам по себе кошмар для писателя. Созданные воображением персонажи становятся реальными, с эмоциями и собственным мнением, редко совпадающим с характером создателя. Так, один из героев шоу придурковатый Герр Липп, похитив играющего его актера Стива Пемпблтона, заменяет его в реальной жизни. И никто, даже супруга Стива, не замечает подмены. Впрочем, гротескный монстр оказывается куда более человечным семьянином и заботливым отцом...

Каждый из участников эксцентричных «Джентльменов» в этом безумном феерическом сплаве «Шоу Трумана» и «Монти Питона» сумел продемонстрировать потайные уголки своей души со столь покоряющей нежностью, что даже спорный конец фильма приносит не только редкое ныне чувство удовлетворения, но и заставляет задуматься.

Алексей АРХИПОВ

ДРУГОЙ МИР 2: ЭВОЛЮЦИЯ

(UNDERWORLD: EVOLUTION)

Производство компаний Lakeshore Entertainment и Screen Gems, 2006.

Режиссер Лэн Уайзман.

В ролях: Кейт Бекинсэйл, Скотт Спидман, Билл Найи и др. 1 ч. 37 мин.

«Другой мир» приятно удивил зрителей. История о многовековом противостоянии вампиров и оборотней получилась интересной, динамичной и, невзирая на мизерный по голливудским меркам бюджет (20 млн долларов), весьма зрелищной. Фильм собрал неплохую кассу, и, естественно, сиквел не заставил себя ждать.

Сексапильная вампирша Селин и ее возлюбленный полуоборотень-полувампир Майкл опять вляпались в заварушку. Оказывается, прародители вампиров и оборотней по-прежнему живы, и оба являются сыновьями легендарного Корвинуса — бессмертного демона-пацифиста и любящего отца. Пробудившийся могущественный вампир Маркус решает освободить братца-оборотня, давным-давно заточенного в катакомбы за свое безумие, а Селин и Майкл пытаются ему в этом помешать. Такова завязка. По крайней мере, то, что удалось понять. В первой части вампирской саги сюжет, пусть и незамысловатый, был выстроен четко. Вот вампиры, вот оборотни, вот далекий потомок таинственного Корвинуса — Майкл, за которым почему-то охотились и те, и другие. Сиквел не может похвастаться прежней ясностью повествования. Начало с двумя прологами вышло сумбурным, да и после просмотра фильма остается много вопросов. Зато зрелищность никуда не делась.

Способность снять по-настоящему захватывающее кино — несомненный конек Лэна Уайзмана. Во время просмотра сиквела сложилось впечатление, что сюжет режиссера вообще интересует мало, главное — чтобы зритель сидел с открытым ртом перед экраном, изумляясь многочисленным трюкам и брутальному действию. С этой задачей Уайзман справился превосходно. Экшн идет почти без остановок, поэтому поклонники зубодробительных мистических боевиков останутся довольны.

Стоит отметить, что фильм полностью оправдывает присвоенный ему рейтинг «R»: в жестоких схватках головы то и дело летят с плеч, кровь течет рекой, брызжет фонтаном, а количество убитых персонажей не поддается исчислению.

Степан КАЙМАНОВ

ДУША МОНСТРА

Образ чудовища Франкенштейна, наряду с образами графа Дракулы и Фредди Крюгера, давно стал одной из визитных карточек кинематографа ужасов. Он глубоко проник в современную визуальную культуру Запада и укоренился там, превратившись в излюбленную тему для пародий, материал для рекламных роликов и топливо для все новых и новых кинолент, пытающихся отщипнуть кусочек от славы оригинала.

Литературной основой для многочисленных экранизаций стал написанный в 1818 году роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Новый Прометей», который отразил как бытовавшее в ту эпоху представление о всемогуществе науки, так и безотчетный, глубокий, почти религиозный ужас перед подобным могуществом. Читателей XIX века весьма впечатлило повествование о молодом немецком ученом, создавшем из трупов разумного монстра, который превратил жизнь своего творца в ад и в конечном итоге убил его. История доктора Франкенштейна чем-то напоминает легенду о Фаусте: так же, как и его коллега, герой бросил вызов божественному промыслу, вторгся в те сферы, что неподвластны человеческому разуму — и был уничто-

жен силами, которые выпустил в мир.

Эта идея в дальнейшем часто обыгрывалась в произведениях классиков литературы ужасов — Эдгара По, Говарда Лавкрафта, Амброза Бирса, Роберта Говарда. Образ главного героя также постоянно привлекал писателей — от Брайана Олдисса («Прометей освободившийся») и Дина Кунца («Франкенштейн: Блудный сын») до вашего покорного слуги («Франк Штейн»). Подобно герою Мэри Шелли, собирает из трупов нового человека и профессор Керн в романе А. Беляева «Голова профессора Доуэля». Несомненным парафразом на тему «Нового Прометей», гротескным шаржем на его персонажей, основную идею и сюжет является «Собачье сердце» Михаила Булгакова.

* * *

Однако настоящую популярность мифу даровал кинематограф. До первой трети XX века в Европе и Америке уже предпринимались попытки экранизировать роман, но особого успеха эти немые ленты не снискали. Электрическим разрядом, даровавшим образу рукотворного чудовища новую жизнь и мировую славу, стал снятый в 1931 году «Франкенштейн» Джеймса Уэйла, два года спустя упрочившего свою репутацию незаурядного фантаста постановкой классической ленты «Человек-невидимка», которую Герберт Уэллс считал лучшей экранизацией своих произведений.

Кино было основано на театральной постановке П.Уэблинг. Из романа, охватывающего довольно большой промежуток времени и массив событий, создатели фильма выделили лишь основную сюжетную линию и некоторые наиболее яркие эпизоды. Именно эта сценическая адаптация, лишь отдаленно напоминая фабулу книги, и стала известна всему миру как история доктора Франкенштейна.

Итак, баронет Генри (в романе — Виктор) Франкенштейн одержим манией оживить мертвую материю и тем самым встать вровень с Богом. В заброшенном, полуразрушенном замке он проводит эксперименты по оживлению мертвецов при помощи электри-

чества. Добывать «материал» с ближайших кладбищ и виселиц ему помогает его слуга, горбун Фриц (блестящая роль Д.Фрая). По приказу Франкенштейна Фриц забирается в анатомический театр местного университета и пытается выкрасть банку с мозгом здорового человека, однако случайно разбивает сосуд и в попытках похищает мозг дегенерата, маньяка-убийцы. Генри оживляет существо при помощи сложного оборудования и разряда молнии, однако вместо ожидаемого человека новой формации получает зловещее, уродливое чудовище с абсолютно чистым сознанием и набором простейших рефлексов. После того как существо в припадке ярости убивает истязавшего его Фрица, доктор решает уничтожить творение рук своих, однако не тут-то было: монстр вырывается на свободу, сея вокруг смерть и разрушение. Обнаружив убитую девочку, жители поселка Франкенштейн приходят в неистовство и устраивают облаву на убийцу. Тот успевает посетить дом баронета и до смерти напугать его невесту (малообоснованный в фильме эпизод имеет корни в литературном первоисточнике — мстительный монстр обещает Франкенштейну, что будет с ним в его брачную ночь), однако в итоге оказывается загнан вооруженной факелами толпой на заброшенную мельницу и за-

живо сожжен. Но до этого успевает предварительно схватиться в финальном поединке со своим создателем и выкинуть того с большой высоты из окошка мельницы.

Фильм вышел крайне мрачным и впечатляющим. Создатели картины даже сочли необходимым вставить перед началом небольшое «Дружеское предупреждение», в котором сообщалось, что история, которая будет показана далее, чересчур ужасна и способна повергнуть зрителя в шок, поэтому людям со слабыми нервами лучше сразу покинуть зал. Пожалуй, такое предисловие было необходимо, учитывая опыт вышедшего незадолго до этого «Дракулы», на сеансах которого случались массовые дамские обмороки; впрочем, оно наверняка лишь подогревало ажиотаж среди публики. Кроме того, из фильма был вырезан эпизод убийства маленькой девочки, который прокатчики сочли излишне натуралистичным и совершенно невыносимым. Много позже эта сцена была в ленте восстановлена.

Картина снята в готическом духе — полуразрушенные замки, блещущие среди жестокого ливня молнии, гробы и могильные кресты, романтический одержимый персонаж (Колин Клайв прекрасно сыграл безумного доктора, в глазах которого — одновременно и болезненный огонек, и глубокая

уверенность в собственной правоте). В изобразительном плане она стала наследницей работ немецких экспрессионистов 20-х годов — Р.Вине, Ф.Мурнау, Ф.Ланга, П. Вегенера, — которые были еще свежи в памяти кинорежиссеров тридцатых. Например, каморка, в которой Генри Франкенштейн держит монстра — чудовищно искаженное пространство с причудливо изогнутыми кирпичными стенами и единственным зарешеченным, выходящим в никуда окном в центре, притягивающим взгляд, гипнотизирующим, формирующим вокруг себя нереальную территорию, которая символизирует сумбур и безумие в голове кошмарного создания. Эти кадры сразу вызывают в памяти изломанные, естественно искривленные, болезненные декорации классических фильмов Р.Вине «Кабинет доктора Каллигари» и «Раскольников» («Преступление и наказание»), где аналогичные конструкции также были призваны отразить особенности восприятия больного сознания главных героев. Позже подобным приемом весьма успешно воспользовался Альфред Хичкок, когда в «Завороженном» продемонстрировал причудливый сон психически больного человека. В фильме Дж.Уэйла вообще много визуальных находок — например, драматическая сцена, когда доктор и его создание, разделенные неким вращающимся мельничным

механизмом, пристально смотрят сквозь него друг на друга, и их лица меняются, словно высвеченные вспышками стробоскопа. И удивительно выразительный, незабываемый кадр в самом финале — неестественно огромная мельница, которая, словно бредовое видение Сальвадора Дали, стремительно машет пылающими крыльями на фоне сумеречного, покрытого тучами неба...

Однако главной причиной грандиозного зрительского успеха стал монстр — его необычайный грим и оригинальная трактовка образа.

Первоначально на роль чудовища Франкенштейна предполагался Лон Чейни, «человек с тысячью лиц», незаурядный актер и великий мастер грима, прославившийся тем, что для каждого фильма сам разрабатывал новую эффектную маску. Казалось бы, эта роль просто предназначена для него. Однако незадолго до начала переговоров об участии в фильме Чейни умер от рака горла.

Следующим претендентом стал Бела Лугоши, сыгравший Дракулу в одноименном фильме. Были даже сделаны кинопробы, однако актеру категорически не понравились ни роль, ни идея подолгу носить тяжелый грим.

Не сумев заполучить мэтров хоррора, Уэйл уселся в столовой киностудии «Юниверсал» и начал делать карандашные наброски обе-

дающих актеров, чтобы прикинуть, на ком из них будет наиболее выразительно смотреться грим монстра. Так судьба внезапно улыбнулась Борису Карлоффу (псевдоним Уильяма Генри Пратта), старательному и небесталанному британскому актеру, которому многолетняя работа в кино и театре, увы, принесла к тому времени лишь весьма скромный успех.

Визуальный образ монстра частично был позаимствован из короткометражки Д.Доули «Франкенштейн» (1910): высокая фигура, массивный торс, необыкновенно длинные пальцы, цилиндрическая голова со следами аутопсии, кривящиеся в произвольных гримасах губы. Однако гримеры под руководством художника Джека Пирса значительно переработали и обогатили образ. Команда гримеров каждое утро работала по несколько часов, придавая лицу Карлоффа анатомически достоверные черты трупа. Крышка черепа существа после пересадки мозга была наскоро прихвачена массивными железными скобами, надбровные дуги стали далеко выдаваться вперед, а из шеи торчали концы электродов, при помощи которых доктор Франкенштейн влил в свое создание живительное электричество. Промежутки между пальцами актера были замазаны черной краской, чтобы визуально удлинить фаланги, а пиджак существу подобрали на пару

размеров меньше, чем надо — для того, чтобы внушить зрителю впечатление неимоверной длины рук зловещего создания. Дополнительные оттенки образу монстра придавали бесформенные ботинки на высокой подошве и вшитые в штаны металлические вставки, почти не позволявшие актеру сгибать ноги. Из щупленького Карлоффа вышел массивный, угловатый, мощный персонаж с каменным лицом, рычащий вместо членораздельной речи и передвигающийся неловкими рывками.

В книге монстр представлял таким байроническим героем, одержимым местью своему создателю, коварным, ловким и умным интриганом. Однако существо в фильме — не умеющий говорить новорожденный ребенок, волей случая попавший в мощное взрослое тело и оттого способный причинить вред себе и другим. Он тянется к цветам и детям, но первое, что получает в своей новой жизни — кнут Фрица и возгласы отвращения своего «родителя», а его плохая «наследственность» в виде мозга преступника способствует бурным и неконтролируемым вспышкам ярости. Создание Франкенштейна не хочет ничего плохого — но, неуклюже попытавшись поиграть с девочкой, случайно топил ее в пруду... Трагедия монстра, в глазах которого застыло искреннее страдание, вышла в фильме на

первый план, заслонив собой даже трагедии убитых им людей.

* * *

«Франкенштейн» снискал потрясающий успех, а Карлофф в самом прямом смысле проснулся знаменитым и наравне с Белой Лугоши стал крупнейшей звездой голливудских фильмов ужасов. Образ монстра стал настолько популярен, что во втором фильме киносериала, «Невеста Франкенштейна», Карлофф в начальных титрах был поставлен во главе списка исполнителей. Любопытно, что в первом фильме он был обозначен весьма лаконично: «?».

Второй фильм, также поставленный Дж.Уэйлом, в чем-то вышел даже удачнее первого. Монстр, который, разумеется, не погиб в пылающей мельнице, а провалился в наполненный водой подвал, несколько очеловечился, теперь Борис Карлофф не только зверски рычал и неуклюже размахивал руками, но и получил возможность подключить свое актерское мастерство. Его неповторимая улыбка, зловещая, но в то же время по-детски доверчивая, пробирает до костей. Отшельник, на хижину которого монстр наткнулся во время скитаний по лесу, научил его говорить — старик был слеп и оттого не испугался отталкивающей внешности гостя... Впрочем, реальность вновь нарушает душевное равновесие

обретшего было дом существа: его узнают охотники из поселка, и ему вновь приходится бежать. В конце концов монстр приходит к доктору Франкенштейну, также чудом выжившему после падения с мельницы, с требованием создать ему подругу. Идею поддерживает доктор Преториус (великолепно сыгранный Э.Тезигером), по степени безумия весьма успешно соперничающий с Генри и также занимающийся опытами по оживлению мертвой материи. Их совместный эксперимент завершается успехом, однако оживленная ими женщина истерически визжит при виде монстра, не скрывая своего испуга и отвращения — и тот в ярости уничтожает лабораторию вместе с доктором Преториусом и своей недавно ставшей супругой.

Бела Лугоши, который всю жизнь не мог себе простить, что отказался от роли монстра, в итоге все-таки появился в киносериале: в третьем фильме под названием «Сын Франкенштейна» он сыграл Игоря, зловещего, похожего на Распутина старика со сломанной шеей, ставшего товарищем и злым гением монстра Франкенштейна. Это была далеко не первая и не последняя встреча на экране Карлоффа и Лугоши. Режиссеры хорроров охотно сталкивали в своих фильмах двух актеров, сыгравших великих киномонстров тридцатых —

в основном в образах противоборствующих безумных ученых («Черный кот», «Ворон», «Невидимый луч»).

Третий фильм делал другой режиссер — Роланд Ли. Уэйл явно устал от сериала, уже во второй части он начал исподтишка высмеивать первую, вставляя откровенно комические эпизоды. Устал и Карлофф, возраст которого перевалил за полвека и которому уже нелегко было целыми днями таскать на себе тяжелые грим и костюм. На протяжении почти всей третьей серии он пребывает в состоянии комы на ложе, функции же главного злодея, убийцы и чудовища исполняет демонический Игорь.

Увы, неизгладимая печать всеобщей усталости лежит на всем фильме: он статичен, затянут, плохо состыкован сюжетно. Поскольку К.Клайв умер в 1937 году, сериал был продолжен без участия Генри Франкенштейна: главным персонажем фильма стал взрослый сын доктора в исполнении Б.Рэтбоуна. Вольф Франкенштейн приезжает из Англии в родовое поместье, чтобы примириться с жителями поселка и попытаться снять проклятие со своей фамилии, но проклятие оказывается сильнее. Обнаружив находящегося в коме монстра, он загорается идеей реанимировать его и довести до конца дело своего отца, сделав монстра полезным членом

общества. Стоит ли говорить, что эта идея в очередной раз приводит к многочисленным смертям и катастрофам?

Погибшие в третьем фильме монстр и Игорь были без всяких вынужденных объяснений оживлены в фильме «Призрак Франкенштейна» Эрла Кентона. В дальнейшем подобная история неоднократно повторялась в различных сериалах ужасов — с каждым новым фильмом Фредди Крюгера, Джейсона Вурхиса и Кожаное Лицо уничтожали все более изощренными и надежными способами, однако великие маньяки как ни в чем не бывало оживали в продолжениях. Коварный Игорь разыскивает другого сына барона Франкенштейна, Людвига, и обманом заставляет его пересадить монстру собственный мозг, собираясь в результате этой операции завоевать мир — не совсем ясно, правда, каким образом.

Лону Чейни все же довелось сыграть чудовище Франкенштейна. Однако это был Лон Чейни-младший — сын знаменитого актера. В четвертом фильме он заменил окончательно выбившегося из сил Бориса Карлоффа.

Сериал к этому времени уже совершенно явно скисал. Для того чтобы идея не умерла окончательно, требовалась свежая кровь. В итоге к работе над фильмом был привлечен новый сценарист — известный американский фантаст

Курт Сиодмак, который предложил скрестить два весьма успешных сериала студии «Юниверсал» — «Франкенштейн» и «Человек-волк» (с тем же Лоном Чейни-младшим в главной роли).

Следует отметить, что франкенштейниада с самого начала отличалась необъяснимой актерской чехардой. Отца маленькой девочки, убитой монстром в первой части, во втором фильме играет совсем другой человек. Между тем актер из первой части тоже присутствует во второй, но исполняет при этом другую роль. Обоих персонажей убивают, однако актер из первой части вновь восстает в четвертой. Лайонел Этвилл в четырех сериях ухитрился сыграть четырех абсолютно разных героев. Из фильма в фильм в разных обличьях кочуют и другие актеры...

Однако это мелочи, которые нелегко пережить. Настоящий кошмар кастинга начинается ближе к концу сериала. Ведущие актеры перетасовываются, словно игральные карты. Монстра в пятой части, «Франкенштейн против Человека-волка», играет... Бела Лугоши! Неожиданно оставшийся не у дел Лон Чейни-младший весьма удачно исполнил в этом фильме свою фирменную роль оборотня. А в шестом, словно тень отца Гамлета, вновь появляется ушедший было на покой Борис Карлофф, который исполняет роль безумного ученого, собирающего боевую

команду из Человека-волка, графа Дракулы и монстра Франкенштейна, дабы отомстить своим обидчикам, засадившим его в тюрьму! Сериал понемногу выражался в глуповатую комедию-буфф, чему в «Призраке Франкенштейна» очень способствовала внешность г-на Чейни — упитанного здоровяка со смешными пухлыми губами, толстыми щеками и трагическим выражением лица, который явно был ниже ростом, чем Карлофф — это отчетливо видно в тех сценах, где он, как Карлофф в «Сыне Франкенштейна», оказывается рядом с Игорем. У Лугоши, который еще ниже, получился и вовсе карикатурный монстр со старческим лицом и клоунской мимикой. Что касается грима и игры Гленна Стрэнджа, сыгравшего существо в последующих картинах, то это была уже совершенно откровенная клоунада. Увы, маститым актерам не удалось не то что повторить успех неподражаемого Бориса Карлоффа, но даже приблизиться к нему.

Насколько плох был Чейни в роли монстра, настолько же хорош он оказался в роли оборотня — несчастного, страдающего, жаждущего смерти бессмертного создания, которое разыскивает доктора Франкенштейна в надежде, что тот сумеет даровать покой. Чейни перетягивает последние фильмы сериала на себя, начисто затмевая нелепых кукол в испол-

нении Лугоши и Стрэнджа. Неожиданно пятый фильм оказался любопытнее двух предыдущих, анемичных и сухих: наконец в сериале снова появился харизматичный злодей, которому можно было сопереживать. Однако все напрасно; сериал неотвратно умирает. Последний фильм «Дом Франкенштейна» того же Кентона, лоскутный, нелогичный, сюжетно немотивированный, с совершенно излишним графом Дракулой, непонятно зачем мелькнувшим в первой части фильма, с нелепым монстром, с постаревшим Карлоффом — это мучительная агония. Почти одновременным дуплетом Кентон приканчивает и конкурирующий киносериал — через год он снимает «Дом Дракулы» с теми же персонажами и актерами (минус Карлофф), который также становится заключительным в данной классической серии.

Последний гвоздь в гроб франкенштейниады с треском вколотил американский комический дуэт Бада Эббота и Лу Костелло, которые сняли фильм «Эббот и Костелло встречают Франкенштейна». В этой чрезвычайно едкой пародии вновь появляются герои «Дома Дракулы», сыгранные теми же актерами, однако на сей раз они не вызывают ничего, кроме жалости и насмешек. Всерьез продолжать после этого сериалы о Франкенштейне и Дракуле было просто немыслимо.

Франкенштейниаду традицион-но относят к разряду ужасов, хотя и книга, и вся серия фильмов (за исключением поздних поделок, где монстр Франкенштейна сталкивается с вампиром и оборотнем) являются чистейшей научной фантастикой — труп человека оживлен при помощи гальваники, весьма актуальной и малоисследованной к тому времени области науки. Никакие потусторонние силы тут ни при чем. И если относить «Франкенштейна» к ужасам только потому, что монстр вызывает страх и убивает людей, то тогда рядом с ним на ту же полку смело можно поставить весь киносериал «Чужие», «Кинг Конга» и «Нечто» Джона Карпентера.

Дань уважения знаменитому шедевру отдали многие режиссеры, которые в детстве были потрясены персонажем Карлоффа. Даже в тех кинореверансах, где сам монстр не появлялся, ощущалось его незримое присутствие. Наиболее ярко это проявилось в сериале «Реаниматор», где персонаж Джеффри Комза, ученый, и внешне, и повадками напоминает доктора Франкенштейна и также одержим идеей оживления трупов. Несмотря на то, что первый фильм поставлен по рассказу Г.Лавкрафта «Герберт Уэст — воскреситель мертвых», параллели с «Франкенштейном» очевидны. А во втором фильме, «Невеста Реа-

ниматора», режиссер Брайан Юзна прибегает к прямой цитате: герой, подобно доктору Генри в фильме «Невеста Франкенштейна», собирает из трупов и оживляет чудовищную женщину.

Образ Франкенштейна быстро стал знаковым в западной поп-культуре. В фильме К.Ниби «Нечто из другого мира» чудовище, уничтожающее людей на полярной станции, практически скопировано с героя Бориса Карлоффа. Монстр Франкенштейна или пародийные намеки на него постоянно появляются в американских мультфильмах — от «Тома и Джерри» и «Вуди Вудпикера» до «Кошмара перед Рождеством» и «Футурамы», а мультипликационный Джон Леннон в культовом анимационном проекте «Желтая подводная лодка» на музыку «The Beatles» появляется в первый раз именно в этом бессмертном образе. Чудовищем Франкенштейна предстает в финале гротескового фильма «Листомания» К.Рассела композитор Вагнер. Выходят пародии наподобие «Франкеншлюхи» Ф.Хененлоттера или «Франкенвинни» Тима Бартона (в последнем электрическим монстром стала собака). Известный насмешник Мэл Брукс снял комедию «Молодой Франкенштейн», в которой сплясал на костях киносериала студии «Юниверсал».

Начиная с пятидесятих годов многие пытались повторить успех знаменитого фильма Дж.Уэйла.

Вдохновленный успехом цветного римейка «Дракулы», режиссер Теренс Фишер попытался переосмыслить легендарную историю в картинах «Проклятие Франкенштейна» (1957) и «Мечь Франкенштейна» (1958) с участием Питера Кашинга и Кристофера Ли — звезд «Дракулы» и будущих «антизвезд» сериала «Звездные войны». Грозный Дарт Вейдер (Дэвид Прюз) сыграл чудовище в «Ужасе Франкенштейна». Один за другим появлялись откровенно вторичные и неудачные «Зло Франкенштейна», «Франкенштейн — 1970», «Франкенштейн должен быть уничтожен».

Веяния времени и национальный колорит разных стран регулярно превносили в старый миф новые, порой довольно причудливые мотивы. В начале семидесятых в США был снят «Блэкенштейн», один из ряда экспериментальных фильмов, в которых классические сюжеты переснимались исключительно для афроамериканской аудитории с участием черных актеров («Блекула», «Эбби», «Шафт»). В Европе появились контркультурные «Франкенштейн Энди Уорхола» и «Плоть для Франкенштейна», насквозь пропитанные ЛСД и дымом марихуаны. Итальянский фильм «Леди Франкенштейн» М.Уэллса стал типичной постхипповой лентой шестидесятых, наполненной обнаженными женскими телами и до-

вольно откровенными сексуальными сценами с участием дочери Генри Франкенштейна.

Во французском комедийном фильме «Франкенштейн — 1990» монстр довольно быстро обучается жизни в современном человеческом социуме. Он постоянно попадает в разные передраги, но с честью выходит из них, а поскольку его роль играет популярный рок-певец Эдди Митчелл, невеста доктора в конце концов предпочитает своему субтильному истеричному жениху импозантного, доброго и обаятельного монстра, сильного и надежного мужчину.

Картина знаменитого британского киобунтаря Кена Рассела «Готика» повествует о той самой ночи, полной наркотического безумия и группового секса, во время которой на вилле лорда Байрона на берегу Женевского озера, согласно легенде, был зачат литературный монстр — у Мэри Шелли возникла идея романа. Правда, сам монстр появляется на экране только в последних кадрах — в виде лежащего в водах озера чудовищного младенца с лоботомированной головой.

В великолепном испано-английском фильме «Грести под ветром» («Шелли и Байрон») Г.Суареса в тугой узел связываются судьбы Мэри Шелли и порожденного ее воображением монстра, который проламывает грань между дейст-

вительной и выдуманной реальностями и вторгается в жизнь своей создательницы, уничтожая всех близких ей людей. Фильм сочетает биографическую линию с потусторонними мотивами.

«Франкенштейн Мэри Шелли», снятый на волне успеха вышедшего несколькими годами ранее «Дракулы Брэма Стокера» (великие монстры снова, уже в который раз, вступили между собой в художественное и коммерческое состязание), оказался наиболее близок к оригиналу — как по букве, так и по духу. Роль монстра блестяще сыграл Роберт де Ниро. Фильм получился довольно мощным и мрачным, словно органная fuga, однако суховатым и скучноватым, и на сей раз не сумел соревноваться в популярности со своим главным конкурентом.

Из числа наиболее неожиданных появлений доктора Франкенштейна на экране можно назвать эпизоды с его участием в чехословацком детском телесериале «Арабелла», где он вместе с Фантомасом симболизирует Царство взрослых сказок и при активном участии знаменитого французского злодея, используя свои фантастические изобретения, помогает главным героям победить злого колдуна. Сам монстр, правда, на экране так и не появился, чтобы не травмировать зря детскую психику.

В фильме «Ван Хельсинг» с лучшей стороны проявляет себя уже

монстр, который также помогает главному герою. Чем-то этот фильм напоминает заключительные ленты из многосерийной саги о похождениях доктора Франкенштейна — в нем вновь собраны величайшие кинозлодеи, образы которых будоражили воображение зрителей в тридцатые годы: граф Дракула, мистер Хайд, Человек-волк.

В последний раз на сегодняшний день монстр появился в фильме «Франкенштейн» (2004), созданном на основе сценария Дина Кунца. Многолетняя история франкенштейниады подсказывает, что это появление — далеко не финал.

Фирма «DVD Classic» недавно выпустила прекрасную подборку переведенных на русский язык классических американских фильмов ужасов тридцатых—сороковых годов «Horror's classic», в которую, кроме киносериалов «Дракула» и «Мумия», вошли шесть первых канонических фильмов о докторе Франкенштейне и его монстре, а также примыкающий к ним «Дом Дракулы». Теперь у отечественных любителей фантастики появилась возможность самим познакомиться с одной из самых знаковых картин американского фантастического кино, серьезно повлиявшей на дальнейшее развитие кинематографа.

Василий МИДЯНИН

М А Д Л Е Н Р О Б И Н С

ПОДАРОК

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Купить памперсы в Эльфланде положительно невозможно! Миа обошла все магазинчики по соседству, потом двинулась дальше — в супермаркет «Дуэйн Рид» на Второй авеню, в «Патмарк» на Девятой улице, в «Рикис дискаунт», но тщетно: памперсы либо уже закончились, либо их давно не привозили. И это было вполне объяснимо. Когда первые эльфы пришли в город из Катскиллских гор, жители Нью-Йорка сразу окрестили Алфавитвилль* Эльфландом, и не без оснований. Очень скоро район превратился в самую настоящую страну эльфов; во всяком случае, привычный детский ассортимент почти повсеместно оказался вытеснен товарами, которые пользовались спросом именно среди эльфов: блеском для волос, гримом для лиц, травяными сборами и прочим. В конце концов Миа все-таки нашла памперсы в винном погребе на Десятой улице — хорошей фирмы и подходящего размера, но цена!.. Не меньше трех минут она рылась в сумочке, кошельке и карманах, выгребая мятые купюры и мелочь, пока набрала нужные пятнадцать долларов. Нечего и говорить, что чувствовала она себя крайне неловко, к тому же парень за прилавком постоянно торопил ее, приговаривая «*Más rápida, chika!*»**. Два эльфа, стоявшие в очереди позади нее, наклонились друг к другу и хихикали как идиоты, а голодная Габи, лежа в своей коляске в промокшем насквозь памперсе, жалобно верещала на весь магазин.

— Я знаю, знаю, мамі***. Потерпи секундочку... — С этими словами Миа швырнула на прилавок последнюю банкноту, и продавец нетерпеливым движением придвинул к ней упаковку памперсов. Не успела Миа взять ее под мышку, как эльфы — в отделанных бахромой бриджах и майках, почти нарочито забрызганных красками — бухнули на прилавок упаковку пива «Корона экстра». Их лица показались Миа знакомыми. Не иначе, решила она, это те самые трехнутые художники, которые занимали в ее доме квартиру в полуподвальном этаже. При мысли об этом она испытала приступ иррациональной ярости, но справилась с собой и покатила коляску с Габи к выходу.

* Катскиллские горы — горный хребет в Аппалачах, в юго-восточной части штата Нью-Йорк, место летнего и зимнего отдыха жителей. В этих горах спал знаменитый Рип Ван Винкль. Алфавитвилль — распространенное название нескольких кварталов района Ист-Виллидж в Нью-Йорке. Здесь находятся высотные жилые дома попеременно с пришедшими в упадок строениями. (Здесь и далее прим. перев.)

** Побейстрее, детка! (исп.)

*** Малышка, крошка. (ит.)

Вернувшись домой, Миа быстро переоделась: пора на работу. Габи в свежем памперсе сидела на полу, жевала рогалик и играла с пластмассовыми кубиками, которые Миа купила у «Гудвилла» в прошлом месяце, когда чаевые были достаточно большими. Поставив три кубика друг на друга, Габи радостно загукала:

— Миа! Ма-ма. Миа!..

— Я вижу. Молодец.

И Миа стала красить губы. Губная помада почти закончилась — край пластикового футлярчика царапнул ей губу, и Миа поморщилась. Быть может, если сегодня чаевые будут хорошими, завтра она сможет купить другую помаду. Этот цвет ей нравился — благодаря ему она выглядела немного солиднее своих двадцати лет. Потом Миа вспомнила, как в старших классах средней школы они с Клео таскали косметику в седонском «Уолмарте». Жирная, черная тушь на ресницах и румяна с блестками на щеках в сочетании с ядовито-розовой прядой в волосах, какую она тогда сделала, производили поистине ужасное впечатление. Помнится, мать, когда увидела ее в таком виде, вскрикнула так громко, что из соседней комнаты вприпрыжку прибежал отец. Впрочем, это было в другой жизни, в другом мире...

Вздохнув, Миа стала укладывать в рюкзачок вещи Габи. Она собиралась отвести дочь к миссис Прошке — пожилой женщине, которая жила в конце коридора и за небольшую плату сидела с девочкой, пока Миа ходила на работу. Когда рюкзачок раздулся до предела, Миа бросила взгляд на часы.

— Ого!.. О'кей, дорогая, собирайся скорее. Пора к бабушке... — Миа натянула куртку, перекинула через плечо сумочку, повесила на ту же руку рюкзачок с детскими вещами и наклонилась, чтобы поднять дочь. Но Габи, как всегда, раскапризничалась в самый неподходящий момент.

— Не чу к бабе! — завывала она. — Чу нижку! Мама итать, итать!..

— Я знаю, миленькая, знаю... — С трудом удерживая извивающуюся и воющую девочку левой рукой, Миа с грехом пополам заперла квартиру и быстро пошла по коридору. Габи поплакала еще немного, но когда они свернули за угол и подошли к дверям квартиры миссис Прошки, замолчала. В дверь они постучали вместе.

Дверь слегка приоткрылась, и в щели показалось широкое, морщинистое лицо миссис Прошки. При виде Габи настороженность на лице старушки сменилась радушной улыбкой. Она сразу взяла девочку на руки и, держа перед собой, словно выигранный на состязаниях

кубок, двинулась в глубь квартиры. Обернувшись на ходу, хозяйка посмотрела на большие часы на стене.

— Тебе пора бежать, Амелия, не то опоздаешь, — пробормотала она, слегка задохнувшись от усилий. — Попрошайся с мамой, Габи!..

Габи, удобно устроившись на руках миссис Прошки, послушно наклонилась вперед, вытянула губы и влажно чмокнула мать в щеку. Миа тоже поцеловала дочь, бросила рюкзачок с вещами на древний старушкин диван и повернулась, чтобы уйти. Ей действительно нужно было торопиться.

— До свидания, мамі, смотри, ве́ди себя хорошо.

Когда Миа добежала до станции надземки, поезд уже стоял у платформы, словно дожидаясь ее, но магнитный билет, как назло, никак не хотел срабатывать. В конце концов хмурый клерк пропустил Миа через служебный вход, и в последнюю секунду она все-таки успела вскочить в поезд. Увидев свободное сиденье, Миа с размаху опустилась на него и с облегчением вздохнула.

— Они-то прошли через турникеты с помощью колдовства! — пробормотала сидевшая рядом с ней женщина и, гневно вздернув подбородок, покосилась в конец вагона, где расположилась небольшая группа эльфов, одетых в шелка, кружево и кожу. — Именно поэтому у обычных людей перестали работать их магнитные билеты. Они, наверное, думают, что это отменная шутка... — Женщина слегка повысила голос: — А между тем большинству из нас приходится зарабатывать на жизнь своим горбом!

Эльфы посмотрели на женщину, засмеялись и... отвернулись.

— Пусть убираются назад в свои горы! — сказала женщина еще громче. — Они здесь не нужны. Мы их не звали!

Женщина начинала привлекать внимание, и Миа постаралась отодвинуться от нее подальше. Кто знает, на что способны эльфы? Некоторые, правда, считали, что они выглядят очень артистично, эффектно и даже изящно, и в целом Миа не могла ничего против этого возразить. С другой стороны, она успела устать от эльфов, которые оставались божественно прекрасными, даже когда специально старались выглядеть слегка помятыми и оборванными, как и подобает представителям богемы. Она устала от эльфийской музыки, от эльфийского искусства, которым были забиты все художественные галереи к югу от ее дома, но больше всего она устала от клиентов-эльфов, которые частенько заходили в ресторан, где она работала. Однако высказывать свои мысли вслух Миа не собиралась. Сейчас у нее было только одно желание: спокойно добраться до ресторана и немного пе-

ревести дух перед началом рабочей смены. Да, некоторым действительно приходится трудиться, чтобы заработать себе на жизнь... Подумав об этом, Миа прикрыла глаза и откинулась на спинку сиденья, ожидая, когда объявят ее остановку.

Ресторан на Пятидесятой улице был почти полон. Сегодня, впрочем, здесь были в основном люди, однако в самом начале ее смены один из столиков заняла смешанная компания. По опыту Миа знала: эти не станут жалеть денег, но потребуют обслуживания по высшему разряду. И она буквально сбилась с ног, стараясь сделать все, как следует. Эльфы очень любили, когда обслуживающий персонал держался почтительно, словно все они были английскими лордами, пэрами или кем-то в этом роде. Впрочем, эта компания ни к какой аристократии не принадлежала. Как поняла Миа из обрывков разговоров, которые она волей-неволей слышала, пока клиенты пили, ели и заказывали дорогие блюда, эти эльфы (и люди) имели какое-то отношение к музыкальному бизнесу. В ресторан они пришли, чтобы обсудить подробности концертных туров эльфийских оркестров и посплетничать о конкурентах. Компания занимала стол почти три часа, так что даже Карло — старший менеджер, для которого главной заботой была выручка — начал нервничать и раздражаться. Когда в конце концов один из людей знаком потребовал счет, Миа чувствовала себя так, словно пробежала марафон. Увы, она смогла бросить в общий котел лишь тридцать долларов чаевых, хотя сам счет составил три с половиной сотни.

Впрочем, думать об этом и расстраиваться было некогда. Миа обслуживала еще четыре столика, и все они были заняты клиентами.

Незадолго до закрытия в ресторане появилась еще одна, на сей раз чисто эльфийская компания. А эльфийские компании Миа ненавидела всем сердцем. Они всегда разговаривали с ней так, словно Миа была бесплотным духом или даже чем-то неодушевленным. «Я бы вам показала, кто из нас лишен души!» — думала Миа, но заказы принимала спокойно, с улыбкой подавала перемены, вежливо уточняла подробности и даже ухитрилась без скандала заменить одно блюдо, которое закончилось час назад, однако все еще значилось в меню. Ресторан пустел на глазах, но Миа, не обращая внимания на вздувшуюся на ноге водяную мозоль, принесла эльфам «Аквивит», «Фрамбуаз» и крепкий черный кофе в крошечных чашечках.

Квитанцию она сунула в карман, даже не посмотрев на сумму чаевых. Не то чтобы это ее не интересовало, но другое привлекло внимание Миа. На столике под одной из салфеток лежал золотой брас-

лет. Он был очень красив: массивные золотые звенья соединялись небольшими цветами, вырезанными из хрусталя, которые переливались, искрились и разбрасывали маленькие радуги в колеблющемся свете догорающих в подсвечниках свечей.

— Эй, постойте! Вы кое-что забыли! — воскликнула Миа, но, обернувшись, увидела только, как мелькнул за стеклянной дверью плащ последнего эльфа. Бросившись следом, она выбежала на улицу и увидела, что вся компания уже идет вверх по Пятьдесят первой улице.

— Извините!.. Подождите минутку!.. — снова крикнула Миа и сделала шаг вдогонку, но тут у нее на ноге лопнула мозоль. Ощущение было таким, словно к пятке приложили раскаленный уголек.

К счастью, один из эльфов обернулся. Увидев, что Миа, прихрамывая, бежит следом, он остановился и слегка наклонил голову назад, словно увидел что-то любопытное и даже забавное.

— Вы забыли!.. — повторила Миа, протягивая ему браслет.

Тут уже все эльфы остановились и, обернувшись, стали смотреть на нее. Некоторые начали смеяться мелким, жеманным смешком, словно им было лень даже набрать в грудь побольше воздуха, чтобы расхохотаться по-настоящему. Первый эльф тоже улыбнулся, но словно через силу.

— Вы ошибаться, — неторопливо проговорил он. — Это есть... вознаграждение. Для вас. Устранить ваша нужда.

Миа с трудом понимала его. Несколько секунд она стояла, сообщая, что хотел сказать эльф (вернее — эльфийка, теперь Миа видела это ясно), потом покачала головой.

— Я не могу, — ответила она. — Это слишком... Наш ресторан не...

Эльфийка, казалось, на глазах стала выше ростом, но магия была здесь ни при чем. Все дело в величественной осанке и манере держаться.

— Ты отказываться принять свободный и добровольный дар? — спросила эльфийка. Она все еще улыбалась, но Миа внезапно почувствовала страх и попятилась.

— Конечно, нет... Если это подарок... — Она кивнула. — Я просто хотела удостовериться. Спасибо, вы очень любезны.

— Тогда ты идти назад... — Эльфийка отвернулась, и вся группа двинулась дальше.

Миа еще раз взглянула на браслет, потом засунула в карман и вернулась в ресторан, чтобы помочь девочкам закрыться на ночь. Браслет она положила в общий котел, но другие официантки только головами покачали. «Как мы будем его делить?» — спрашивали они, так

что в конце концов Миа пришлось взять браслет себе. Сидя в пустом вагоне, она почти надеялась, что по дороге ее ограбят и отберут проклятую вещицу. Ведь это было эльфийское золото... Каждому известно, что утром оно непременно должно превратиться в черепки и золу, а то и во что-нибудь похуже.

Но ничего не случилось, и до дома она добралась благополучно. Забрав у миссис Прошки крепко спящую Габи, Миа шепотом поблагодарила старушку, расплатилась с ней за сегодняшний вечер и отправилась к себе.

На следующий день Миа решила прогуляться с Габи в парке. По дороге она показала браслет в нескольких ломбардах на Четырнадцатой улице, но оказалось, что даже за мизерную цену его никто не хочет брать. В последнем ломбарде оценщик объяснил Миа, что рынок буквально наводнен всяким «эльфийским барахлом», как он выразился, так что обратить браслет в деньги не стоит и пытаться. Что ж, нет — так нет... Вернувшись с прогулки, Миа бросила безделушку в шкапулку, где хранились ее украшения, и надолго забыла о ней.

Несколько дней спустя, возвращаясь из ресторана после утренней смены, Миа увидела перед домом небольшую толпу, состоявшую из эльфов и людей. Они на что-то глазели и взволнованно переговаривались. Неподалеку стояла машина «скорой помощи». От страха у Миа подкосились ноги, но она справилась с собой и, прыгая через ступеньки, бросилась вверх. Она была абсолютно уверена, что с Габи что-то случилось.

В коридоре было полно полицейских и парамедиков в белых халатах, вывозивших кого-то на каталке, над которой раскачивались пластиковые мешки капельниц. Увидев каталку, Миа резко выдохнула: под простыней лежал взрослый человек. В следующее мгновение она увидела, что это миссис Прошка. Кожа у нее была совсем серой, глаза — полузакрыты. Сотрудник медицинской службы прижимал к ее лицу кислородную маску, и Миа поняла, что миссис Прошка, к счастью, жива.

— А где Габи?.. Где моя дочь?! — Миа попыталась заглянуть в квартиру миссис Прошки через плечо рослого полицейского, стоявшего в дверях. — Эта женщина ухаживала за моей дочерью! Где она? Где Габи?!

— Здесь есть какой-то ребенок, мэм. Не беспокойтесь.

Но Миа, стыдясь собственной грубости, уже оттолкнула его и протиснулась в прихожую. Здесь она увидела второго парамедика, кото-

рый укладывал в объемистые баулы какое-то медицинское оборудование. Габи сидела на полу, а рядом стояли двое эльфов.

— Эй, ну-ка отойдите от нее!.. — резко скомандовала Миа. — Габи, девочка моя, иди к маме!

Она потянулась к дочери, и эльфы отступили в сторону. Только сейчас Миа разглядела, что это были не совсем эльфы. И даже совсем не эльфы. Невысокие, коренастые, они больше напоминали гномов или домовых-брауни.

— Иди ко мне, мам! — повторила Миа.

Один из гномов — тот, что стоял ближе к Габи — поклонился. Он действительно был очень невысок — его голова едва доставала Миа до пояса. На гноме красовались желтые штаны и красная майка с рекламой «Семейной пиццы». Ноги у него были такими кривыми, а живот таким круглым, что издавлек гном походил на красный кегельный шар, насаженный на пару спелых бананов. На самой макушке рос пучок седых, жестких волос, из-за чего его голова напоминала луковичу, которая залежалась в холодильнике и успела выбросить стрелки. Длинный нос гнома крючком загибался вниз, кончики хрящеватых ушей были повернуты вперед под углом почти девяносто градусов. Кожа гнома имела бледно-коричневый оттенок, и пахло от нее... Чем? Ну, вроде свежескопанной садовой земли...

Чувствуя себя в безопасности на руках матери, Габи засмеялась и потянулась к гному, но Миа поспешно отступила назад.

— Старая женщина бойна. Мы присмотреть за ребенок, — сказал гном. У него был густой, низкий, чуть хрипловатый голос. — Я и моя жена присмотреть...

Миа судорожно слотнула.

— Б-большое спасибо, но... — Габи снова была с ней, и Миа почти успокоилась. — А что случилось с миссис Прощкой?

Гном пожал плечами.

— Мы не знать. Она не умирать — это все, что нам известно. Теперь вам нужно кто-то, кто сидей бы с ребенок, пока вы работать.

— Гм-м, пожалуй...

«Он что, набивается в няньки, — подумала Миа. — Ну уж дудки!..»

— Ничего, как-нибудь справлюсь, — быстро добавила она. — Большое спасибо.

— Но как вы быть, есси старая йеди не вернуться? — спросил гном. Несмотря на свою внешность и ворчливый голос, говорил и держался он достаточно вежливо. — А мы очень йюбить дети. — Он улыбнулся, продемонстрировав полный рот острых, загнутых зубов,

которых было гораздо больше, чем у человека. — Мы могьи бы посидеть с ним.

— С ней. Это девочка, — машинально поправила Миа. Все-таки гном набивался в няньки. Только что он довольно недвусмысленно повторил свое предложение, и она почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Столько всего случилось сразу! Сначала она испугалась, увидев «скорую» у своего дома, потом расстроилась из-за того, что миссис Прошка заболела, а двое из Волшебного Народца сидели с ее дочерью, а теперь еще и это!..

— Нет-нет, спасибо, — пробормотала Миа, стараясь, чтобы ее голос звучал не слишком испуганно. — Я уверена, что миссис Прошка скоро поправится.

Гном кивнул с таким видом, словно ожидал подобного ответа.

— Вы навести справка. У нас быть очень хорошие... — он запнулся, подбирая правильное слово, — рекомендации. Мы жить в квартире 46.

Гном взял свою жену за руку и слегка потянул — она встала рядом с ним. Гномша оказалась заметно ниже супруга. На ней была лиловая рубашка-«поло» и юбка с рисунком, имитирующим тигровую шкуру. Юбка была такой короткой, что Миа хорошо видела вздувшиеся вены на коричневых, выгнутых колесом ляжках. Хохолок на макушке у гномши был ярко-оранжевым, крючковатый нос выглядел короче, чем у супруга, зато уши, украшенные по краям мелкими бриллиантовыми сережками-«гвоздиками», загибались вперед не менее лихо.

— Моя супруга, — сказал гном и снова поклонился.

Гномша попыталась сделать книксен, но в короткой и тесной юбке это оказалось нелегко.

— Нам очень понравиться ребенок, — сказала она еще более густым, чем у мужа, голосом. Она нисколько не заискивала, но в ее глазах Миа разглядела огонек надежды.

— Н-нет. В самом деле, нет, — быстро сказала Миа. — Спасибо, но...

Габи забарахталась у нее под мышкой и, хихикая, снова потянулась к гномам.

— Игать!.. — потребовала она, крепко вцепляясь в коричневую руку гномши.

Та немедленно расплылась в зубастой улыбке.

— Какая бойшая девочка! Какая умненькая! Какая красивенькая!

— Нет, — повторила Миа уже безнадежно.

— Поздно сейчас, — вмешался гном. — Вы уложить девочка спать. Мы займаться завтра, чтобы вы увидеть, как мы обращаться ребенок, — с этими словами он снова взял супругу за руку. Оба поклонились и покинули квартиру. Миа, у которой от переживаний последних тридцати минут уже начинала идти кругом голова, тоже отправилась к себе и уложила Габи в постель.

Утром Миа первым делом позвонила в больницу. Там ей сказали, что у миссис Прошки был инсульт и что хотя сейчас она чувствует себя удовлетворительно, в ближайшее время вряд ли вернется домой. Миа попросила передать соседке пожелания скорейшего выздоровления и стала обзванивать знакомых, пытаясь найти кого-то, кто мог бы посидеть с Габи. К сожалению, знакомых — тех, кто жил поблизости — у нее не было, а услуги профессиональной няни из фирмы стоили намного больше, чем Миа могла себе позволить. Все ее усилия кончились ничем, и Миа была близка к истерике. После обеда, когда они с девочкой по обыкновению пошли гулять в парк, Миа записала еще несколько телефонов, вывешенных на доске объявлений, а вернувшись домой, снова стала звонить. И снова безрезультатно. Потерять заработок даже за один вечер для Миа стало бы катастрофой, но к четырем часам она была уже почти готова позвонить в ресторан и попросить кого-нибудь подменить ее на сегодня. И тут в дверь постучали.

Это были гномы.

— Вот наши... рекомендации, — сказал муж, протягивая Миа лист бумаги с напечатанным на нем текстом. — Позвоните эти йюди, они вам сказать.

— Но я...

Услышав голоса гномов, Габи выбежала из комнаты в прихожую и восторженно приветствовала гостей. Увидев девочку, гном помахал короткопалой ручкой.

— Как ее звать? — спросил он.

— Габи! — с гордостью объявила дочь.

— Умница!.. — вступила гномша и, обойдя Миа с другой стороны, опустилась на половик рядом с Габи. Она улыбнулась, и Миа — как и вчера — невольно вздрогнула, увидев эти ужасные, заостренные зубы так близко от нежных щечек дочери.

— Меня зовут Старая Ойха, — сказала гномша. — А моего мужа — Дубомох.

Обращалась она не к Миа, а к Габи, и та сразу же повторила странные имена — правда, на свой манер. У нее получилось Стаха

Оха и Думох, и гномы переглянулись с таким радостным видом, словно получили бесценный подарок. Дубомох снова посмотрел на Миа, растерянно приплясывавшую у входной двери.

— Позвонить, пожайуста. Вы нуждаться помощь, а мы быть хорошие помогайники.

— Я не сомневаюсь, — ответила Миа. — Я не сомневаюсь, что вы оба просто отличные помогайники, но...

— Тогда звонить! — твердо сказал гном.

Рекомендации у гномов оказались блестящими, хотя и несколько странными.

— ...Я звоню насчет гномов, которых зовут Дубомох и Ольха Браун... — так обычно начинала Миа свои переговоры с прежними нанимателями странной четы (полные имена гномов были напечатаны в верхней части листа с рекомендациями). Обычно, стоило ей произнести эти слова, как люди на другом конце телефонной линии начинали рассыпаться в похвалах гномьему трудолюбию, аккуратности, ответственности и любви к детям. «Это мечта, настоящая мечта!..» — буквально так сказала одна из женщин. Однако объяснить, почему гномы ушли или уволились, ее собеседницы не могли. «Я думаю, так уж они устроены», — после долгих колебаний заявила Миа первая дама, которой она позвонила. Другая и вовсе чуть не расплакалась и только повторяла: «Это была моя вина. Они были чудесными, чудесными работниками!».

Закончив телефонные переговоры, Миа обнаружила, что Дубомох читает Габи сказку своим густым, чуть ворчливым баском. Девочка сидела, прижавшись к нему всем тельцем, и забавлялась смешным хохолком у гнома на макушке. Миссис Браун хлопотала в кухне. Она с такой скоростью сновала между плитой, столом и буфетом, что Миа никак не могла понять, что же она делает. Но прежде чем Миа успела спросить ее об этом, Старая Ольха вошла в гостиную с подносом, на котором стояло несколько тарелок, два стакана с компотом и даже цветок (Господи, а он-то откуда взялся?), торчавший из чайной чашки. Овощное рагу распространяло поистине божественный аромат. Пожалуй, это было лучше всего, что когда-либо готовила для Миа ее мать, и, уж конечно, вкуснее разогретых в духовке полуфабрикатов, которыми обычно питалась сама Миа.

Поставив поднос на журнальный столик (в гостиной это была единственная горизонтальная поверхность), миссис Браун снова уда-

лилась на кухню. Габи, которую обычно удавалось заставить есть только после долгих уговоров и лести, тут же оказалась возле столтика и даже позволила Дубомоуху повязать себе слюнявчик.

— Вы говорить с те йюди? — спросил гном, когда Миа присела к столу и пододвинула к себе тарелку.

Миа кивнула.

— Все отзывались о вас очень хорошо, — сказала она. Миа все еще чувствовала себя довольно неуютно при мысли о том, что такие странные существа будут присматривать за ее дочерью, но разве она могла сказать такое гному, с которым сидела за одним столом и ела рагу, приготовленное его женой.

— Но ведь вас двое, — добавила она. — Не знаю, могу ли я себе позволить...

— Тойко бйюдечко мойока, — сказал гном. — Вы можете ставить его здесь, когда мы приходить. И еще одно: пожайуста, никогда не говорить «Спасибо!». Вы не дожны... Мы не... — он наклонил голову и его коричневая макушка слегка покраснела, — мы будем стесняться.

Миа покачала головой.

— Я должна оставлять вам в качестве платы только блюдечко молока? — повторила она. — И никогда не говорить «Спасибо»? Но ведь это... Это очень мало! Я не могу!

Мистер Браун решительно кивнул.

— Можете и дожны. А сейчас вы спокойно идти на работа. Мы позаботиться о майенький ребенок Габи.

— Сейчас?! — переспросила Миа, которая даже слегка задохнулась от неожиданности. — Вы хотите сказать, я могу пойти на работу сегодня? — Предложение гнома застало ее врасплох, но пропустить день...

— О'кей, — сказала наконец Миа. — Я пойду.

До того, как с миссис Прошкой случился удар, Миа казалось, что ее жизнь организована вполне сносно, однако внезапная болезнь пожилой женщины, а также появление четы Браунов ясно показали, насколько непрочным и шатким было ее положение. В конце концов она все-таки согласилась на предложение гномов — у нее просто не осталось другого выхода, однако это не означало, что первый вечер дался ей легко. За смену Миа звонила гномам три раза, когда же ресторан наконец закрылся, она помчалась домой со всей возможной скоростью, отчаянно попрекая себя за ужасную ошибку. Но ее стра-

хи оказались напрасными. Когда Миа ворвалась в квартиру, Габи мирно спала и даже улыбалась во сне.

Постепенно Миа привыкла к новому порядку. Мистер и миссис Браун появлялись каждый вечер ровно в пять часов. Ольга прибиралась и готовила, Дубомох играл с Габи, и Миа уходила на работу с растущим чувством уверенности. Она знала, что, когда вернется, ее встретит тщательно убранная квартира, крепко спящая Габи и горячий ужин. Каждый день после обеда Миа оставляла на столе два блюдечка с молоком для гномов (на полу у двери было бы правильнее, сказал ей Дубомох, но в городском доме, где есть тараканы, приходится отступать от традиций). Это, впрочем, было довольно просто, хотя в первое время она чувствовала себя довольно странно. Гораздо труднее было не говорить «Спасибо!». Миа просто не могла не благодарить гномов, поэтому иногда она говорила миссис Браун: «Все, что вы готовите, невероятно вкусно», или сообщала Дубомоху, что Габи было очень интересно с ним играть. Но каждый раз, когда кому-то из гномов казалось, что Миа собирается произнести слово «Спасибо», они подносили к губам палец, давая ей знак молчать.

Пожалуй, впервые с тех пор, как родилась Габи, финансовое положение Миа немного укрепилось. Ей ведь не нужно было платить миссис Прошке за то, что та сидела с ее дочерью, и у нее появились свободные деньги. Теперь Миа могла покупать памперсы (когда ей удавалось их найти), не обшаривая предварительно комнату и не переворачивая диван в поисках завалившейся монетки. Она даже начала откладывать небольшие суммы на случай каких-нибудь непредвиденных обстоятельств — или на Рождество. Тяжкий груз (и не один) свалился с ее плеч, и Миа снова начала чувствовать себя молодой привлекательной женщиной, чего не бывало с того самого дня, когда она поняла, что беременна.

Однажды Дубомох спросил Миа, где отец Габи.

— Куда он подевался? Разве он не хочет видеть дочь и играть с ней?

В ответ Миа только пожала плечами.

— Возможно, хотел бы, но я ничего об этом не знаю. Он исчез в тот самый день, когда я сказала, что у нас будет ребенок.

Старая Ольга, игравшая с Габи, подняла голову.

— И ваша семья сносить такое бесчестье?

Миа натужно рассмеялась.

— Мои родители живут в двух тысячах миль отсюда, но они счи-

тают, что это я опозорила их своим поведением. Когда я сказала маме, что беременна, она назвала меня... — Миа не договорила. Ей не хотелось повторять то слово при Габи. — А папа заявил, что я должна сделать аборт, но мама возразила: мол, тогда я стану еще и убийцей... Словом, не думаю, чтобы они сильно переживали из-за того, что мое имя тоже оказалось опозорено.

Дубомох легко подбросил Габи, и Миа подумала, что он, должно быть, очень сильный. Ведь Габи с ним почти одного роста.

— Они много потеряют, — сказал гном и пощекотал живот девочки своим длинным крючковатым носом. Габи довольно захихикала.

— Да, пожалуй, — согласилась Миа. Как ни странно, эта простенькая мысль ни разу не приходила ей в голову.

Эльфы, снимавшие квартиру в цокольном этаже, съехали. Миа сама видела, как из подвала выносили множество забрызганных краской холстов на подрамниках и массивную викторианскую мебель. Эльфы, впрочем, заглянули к ней, чтобы попрощаться с Миа и Габи. Поклонившись обеим, они пожелали всего хорошего своими призрачными голосами и исчезли. Прошла примерно неделя, прежде чем Миа увидела нового жильца: тоже эльф — прямой и тонкий, как нож, он был облачен в строгий деловой костюм. Держался постоялец холодно, едва ли не враждебно, и Миа почти пожалела, что эльфы-художники перебрались куда-то в другое место.

Когда Миа вкатила коляску в подъезд, новый жилец как раз стоял у двери своей новой квартиры возле почтовых ящиков и смотрел на нее ледяным взглядом. Он ничего не сказал, даже когда Миа сложила коляску и, держа ее в одной руке, а Габи в другой, стала подниматься по лестнице, но ей показалось, что едва она оказалась рядом, эльф плотнее прижался спиной к двери, словно опасаясь, как бы она случайно его не задела.

— Он вел себя так, словно я какое-то отвратительное, грязное животное, — пожаловалась Миа Дэвиду, когда вечером пришла на работу в ресторан.

— Все они считают нас чем-то вроде насекомых, — ответил Дэвид, протирая тарелку посудным полотенцем.

— Но этот эльф даже хуже других, — убежденно сказала Миа. — Он так на нас смотрел... Не то что прежние. Раньше я этого не понимала, но они были даже по-своему милыми... для эльфов, конечно. А этот... Знаешь, он мне не нравится!

— Он и не обязан тебе нравиться. В конце концов, мы живем не

где-нибудь, а в Нью-Йорке. — С этими словами Дэвид поставил на поднос еще две тарелки и вышел из кухни в зал.

Гномы о новом жильце ничего не говорили, но это Миа не удивляло. Насколько она успела заметить, мистер и миссис Браун держались достаточно замкнуто. Казалось, во всем мире их интересовала только Габи.

Как-то вечером, когда Миа приводила себя в порядок, а девочка сидела рядом и играла с ее «драгоценностями», надевая на руки дешевые браслетики и втыкая в волосы сережки, гномы появились в комнате.

— В войосы нужно бойше брийантов, крошка, — посоветовал Дубомох и сунул руку в ее шкатулку, чтобы достать оттуда ожерелье из фальшивых жемчужин. Внезапно гном замер, словно увидел среди бижутерии ядовитую змею.

— Где вы взяли это? — спросил он, указывая кончиком пальца на золотой эльфийский браслет.

— А-а, это... — протянула Миа, втыкая в волосы последнюю заколку. — В ресторане... Одна эльфийка оставила мне... в качестве чашечек.

— Он много стоит, — сказал Дубомох, и Ольга, робко выглядывавшая из-за спины супруга, торжественно кивнула.

— Возможно, — согласилась Миа. — Только когда я пыталась его заложить, ожерелье почему-то никто не взял.

Кустистые брови Дубомоха поползли вверх.

— Вы никогда не закладывайте браслет, Миа! Он есть очень дорогой. В нем — сила!

— Сила? — встревожилась Миа. — Какая сила?.. Габи не опасно с ним играть?

— Браслет не причинить вред ребенку, — уверил ее Дубомох. — И все равно это быть могущественный тайсман.

— Для вас — может быть, но для меня... — Миа посмотрела на расстроенное лицо гнома и покачала головой. — Не волнуйтесь, я не стану его закладывать, но и носить не собираюсь.

Гном, казалось, немного успокоился.

— Хорошо. — Он зачерпнул из шкатулки еще несколько серег и осторожно нацепил их на Габины кудряшки. — Очень, очень красивая девочка!

После этого случая Брауны несколько раз заговаривали о всяких волшебных вещах. Так Миа узнала кое-что о том, почему эльфы решили переселиться в город: насколько она поняла, в их стране под

горами Катскилл произошло что-то вроде государственного переворота, и в результате половина Волшебного Народа вынуждена была перебраться в Нью-Йорк и ближайшие пригороды. У нее, впрочем, сложилось впечатление, что какие бы внутренние разногласия ни согнали эльфов с насиженных мест, их образ мышления остался прежним.

— Есть Вейикие, — объяснял ей Дубомох. — Они не хотят с нами водиться.

— Что ж, — отвечала Миа, — многие люди предпочитают иметь дело только с людьми.

— Нет, не так. Мы сйужить, а они — нет, потому что они... Ваш язык нет подходящее сйово. Это быть что-то вроде... Позиция. Высокое пойожение. Обязательство. Честь.

— Может быть, вы имеете в виду классы? — спросила Миа. — Человеческое общество тоже делится на несколько классов, Дубомох. Высший класс, средний и так далее...

— Нет, Вейикие не так. Старые эйфы бояться быть здесь, бояться, что... — гном произнес какое-то слово, звучавшее как чихание с забитым носом. — Они бояться — оно может осяйабеть, есси они жить с йюди дойго.

— Короче говоря, этот субъект из квартиры в полуподвальном этаже считает себя лучше нас и боится набраться наших блох, так что ли? — спросила Миа, но Дубомох ее не понял, и ей пришлось долго объяснять, что такое «блохи» в фигуральном смысле. Когда она наконец закончила, пора было бежать на работу.

В тот день гномы пришли пораньше и повели Габи гулять в парк. Вернувшись домой после утренней смены, Миа на минутку остановилась в вестибюле, чтобы достать из ящика почту. Она как раз сражалась с толстым ворохом рекламных листовок и буклетов, застрявшим в узкой щели почтового ящика, когда дверь подъезда отворилась. Это были гномы и Габи, которые возвращались с прогулки. Дубомох придержал дверь, и девочка со Старой Ольхой вошли в подъезд. Габи что-то оживленно рассказывала, держа перед собой букет ярких сухих листьев. Увидев Миа, она вырвала у гномши руку и бросилась к матери.

— Мотри, мама, мотри! Истики!..

Миа опустила на колено и распахнула объятия, как вдруг...

— Прочь с дороги!.. — В этих словах прозвучало столько холодной безразличности, что Миа пробрала дрожь. Подняв голову, она увидела нового жильца, эльфа, который стоял в дверях подъезда сразу позади

гномши. Он поднял руку, словно собираясь ударить Старую Ольху, и та попятилась. Габи, успевшая преодолеть половину вестибюля, остановилась и обернулась, чтобы узнать, что происходит. Подняв голову, она посмотрела на эльфа и... засмеялась.

У эльфа сделалось такое лицо, что у Миа душа ушла в пятки. В его глазах она увидела и гнев, и раздражение — и странное удовлетворение, почти радость. И еще — голод. Эльф смотрел на ее ребенка, едва ли не облизываясь, и Миа, не на шутку испугавшись, непроизвольно потянулась к Габи, чтобы прижать ее к себе.

Эльф двинулся вперед. Но не успел он сделать и двух шагов, как Дубомох одним быстрым прыжком, на какой его коротенькие кривые ножки, казалось, вовсе не были способны, заступил ему дорогу. Подняв обе руки вверх, Дубомох встал на пути эльфа как живой барьер.

— Нет, господин, нет!.. — проговорил он нетвердо.

Эльф поднял руку еще выше, словно готовясь швырнуть гнома через весь вестибюль. К этому времени Миа успела схватить Габи и, стоя на коленях, смотрела на эльфа снизу вверх. Она не знала, какая драма разворачивается у нее на глазах, но не сомневалась, что всем им грозит беда. Один взгляд эльфа пугал ее чуть ли не до потери сознания.

— Дай мне пройти, — сказал эльф. Его голос по-прежнему звучал холодно и ровно, но Дубомох задрожал. Его руки опустились, казалось, сами собой, однако он не двинулся с места.

— Нет, мийорд, — пробормотал он. — Прошу прощения, но я не могу... — И он низко поклонился.

Эльф смерил Дубомоха мрачным взглядом и добавил несколько слов на языке, которого Миа не знала. Его голос по-прежнему звучал совершенно спокойно, но Старая Ольха, которая стояла, прижавшись к дверному косяку позади эльфа, вдруг тоненько вскрикнула — и сразу зажала рот рукой. Эльф небрежно оглянулся на нее через плечо и сказал еще что-то. Потом он снова посмотрел на Дубомоха и поднял ногу, словно собираясь пройти сквозь гнома.

Но Дубомох не пошевелился, не отступил.

Еще примерно полминуты все пятеро стояли совершенно неподвижно, словно окаменев: Миа прижимала к себе Габи, Старая Ольха скорчилась у двери, эльф сверлил взглядом гнома.

Наконец эльф произнес еще какое-то коротенькое, непонятное словцо и, круто повернувшись через плечо, пулей вылетел на улицу. При этом он прошел так близко от Старой Ольхи, что бедняжка буквально вжалась в стену. Как только эльф исчез из вида, Дубомох бро-

сился к жене, а Миа сунула почту в карман и поднялась, по-прежнему не выпуская Габи из рук.

Несколько минут спустя, когда они поднялись в квартиру, и Старая Ольга пошла купать девочку, Миа спросила у гнома, что случилось.

— Господин хотел забрать ребенок, и ему очень не понравится, когда я не दать.

— Он хотел забрать Габи?! — Перед мысленным взором Миа на мгновение возник кошмарно-смешной образ: эльф, стоя перед Габи на коленках, делает девочке «козу». — Черта с два я отдам ему свою дочь! А зачем она ему?

Дубомох пожал плечами.

— Я не знаю, что хотеть Вейикий, но... — Он немного помолчал, словно подыскивая правильное слово, но так и не нашел: — Мне показаться — этот эйф неправильный, поэтому я не мог отдать ему Габи.

— О, нет!.. — воскликнула Миа, со страхом глядя на Дубомоха. — Уж не хочешь ли ты сказать, что если бы этот эльф был *правильным*, ты не стал бы ему мешать?

— Нет, не войнуйте. Мы обязаны подчиняться Вейиким, но наше... — снова последовало уже знакомое Миа эльфийское слово, отдаленно похожее на чихание, — но наш дойг по отношению к вам и ребенку могущественнее.

— Могущественнее... — задумчиво повторила Миа. Это были типичные эльфийские штучки, которые она не совсем понимала, да и не стремилась понять — по крайней мере, пока от этого не зависели благополучие и безопасность Габи.

— Что он вам говорил, этот Великий? — снова спросила она.

Дубомох вытянул губы и наклонил голову, словно припоминая:

— Он... ругайся. Говорить, что мы запытим за неповиновение. Теперь эйфы заставят нас вернуться страна под хоймом. — Гном посмотрел на Миа. — Вам придется искать новая няня для ребенок.

— Что?! Они не имеют права! — воскликнула Миа, чувствуя, как ее охватывает новый приступ паники. Гномам грозила беда, и вместе с ними рушился весь уклад ее жизни, которая только-только перестала представлять собой ежедневную борьбу с разнообразными и сложными проблемами.

— Но что они могут сделать? — сказала она. — Наказать вас? За что? За то, что ты не позволил этому субъекту забрать мою дочь? Да за это вас обоих наградить надо!

В дверях бесшумно возникла Старая Ольха, державшая в руках только что снятый с сушки свитерок Габи.

— Йюди говорить так, — согласилась она. — Мой Дубомох быть очень храбрый.

При этих ее словах Дубомох снова опустил голову, и кожа вокруг его седого хохолка покраснела от смущения.

— Но у Вейкиих есть закон. Брауни должны подчиняться, — добавила гномша.

— У Великих есть законы, которые позволяют им красть человеческих детей?! — воскликнула Миа. — Я всегда думала, что это просто чушь из сказок. В противном случае эльфам, гномам и прочим феям не позволили бы остаться в людском мире. Я точно знаю: эльфийские старейшины поклялись, что не крадут детей и не...

— Они не красть, — подтвердил Дубомох. — Мы тоже не красть. Но даже среди йюдей быть неправыйные, — добавил он угрюмо, словно ему казалось неприличным напоминать Миа о подобных вещах.

— Так... — проговорила Миа. — Тогда скажите мне вот что: к кому из эльфов я могу обратиться и рассказать, что вы не хотели быть грубыми и просто не позволили этому неправильному эльфу забрать мою Габи? Или, может быть, где-то есть федеральный департамент по делам Волшебного Народа?

— Я знать только Высший совет, который управляет все мы, — сказал Дубомох. — Но Вейкиие не станут слушать рабы и грязекопателей.

— Рабы?.. — Миа встала. — Может быть, у себя под холмом Великие действительно не слушают слуг и рабов, но здесь им не Страна фей, а Нью-Йорк. — Она посмотрела на Дубомоха сверху вниз и испытала совершенно иррациональное желание потрепать его по седому хохолку на голове. — Итак, к кому я должна обратиться?

Но гном только покачал головой.

— Ни к кому. Когда нас позвать — мы уйти. Вот и все.

«Интересно, кто и как зовет гномов», — подумала Миа. Ей очень хотелось, чтобы это был не какой-то магический «голос», а обычное письмо или пергамент с приказом — словом, что-то такое, с чем она могла бы помочь гномам справиться. Она ждала, что Брауны расскажут что-то о том, каким именно способом их должны «позвать», но они так ничего и не прибавили.

Шло время, но ничего не происходило, и Миа начала надеяться, что инцидент с жильцом из квартиры в полуподвальном этаже останется без последствий. Гномы, как и прежде, приходили ежедневно,

убирались, стряпали, присматривали за Габи, а Миа оставляла им блюдечки с молоком и не забывала не говорить «Спасибо». «Неправильный» эльф никак себя не проявлял: какими бы ни были его цели, он больше не беспокоил ни ее, ни гномов.

А потом ей внезапно позвонили на работу. Был вечер четверга — самое оживленное время, и Миа только что отнесла клиентам за седьмым столиком три порции *osso buco** с тушеными овощами и вернулась в кухню за следующим блюдом, когда Карло махнул ей рукой и сказал, что ее зовут к телефону.

Звонила Старая Ольха.

— Вы приходите, — проговорила она взволнованно. — Нас позвать, и мы не можем ждать дойго.

Миа бросилась к Карло и сказала — ее няня внезапно заболела, поэтому она должна срочно вернуться домой. Беспокойство, которое она испытывала, так ясно читалось на ее лице, что Карло не только не стал возражать, но даже дал ей денег на такси. В машине Миа принялась взволнованно накручивать волосы на палец одной руки, другой нервно постукивая по колену. Лишь только такси затормозило на перекрестке, Миа швырнула водителю деньги и бросилась вперед.

Перед домом стояла небольшая толпа эльфов, но она без лишних слов растолкала их локтями. На верхней ступеньке крыльца сидели Дубомох и Старая Ольха, которая держала на руках Габи, одетую в пижамку. Девочка крепко спала, засунув в рот палец; ее темные кудряшки резко выделялись на фоне канареечно-желтой юбки гномаши. Перед гномами стояли два рослых, затянутых в черное эльфа с узкими, суровыми лицами. Их руки унизывали перстни и браслеты, а на шеях болтались на золотых цепях какие-то значки, и Миа решила, что это, наверное, эльфийские полицейские. В дверном проеме она увидела эльфа из квартиры в полуподвальном этаже; его глаза горели злобным торжеством. Над толпой эльфов, казалось, тоже витало какое-то странное напряжение, природу которого Миа никак не могла постичь. Ей было ясно одно: ситуация сложилась не шуточная, и опасность — вполне реальная опасность! — грозит не только гномам, но, возможно, ей и Габи тоже.

Набрав в грудь побольше воздуха, Миа громко спросила:

— В чем дело? Что здесь происходит?

Ей ответил один из затянутых в черное эльфов:

* *Итальянское блюдо из мелко нарезанной телятины, приготовленной в соусе из белого вина, оливкового масла и томатов.*

— Эта проблема касается только эльфийского народа, мисс. — В его тоне звучали властные нотки, и Миа окончательно убедилась, что перед ней полицейский. Точно так же легавые-люди обычно говорят: «Ну-ка, расходись, ребята, тут нет ничего интересного».

— Не только, раз она касается моего ребенка и тех, кто за ним присматривает, — храбро возразила Миа. Она старалась говорить вежливо, но твердо. Так она обычно разговаривала со служащими банка, прежде чем перейти к интонации «имейте-в-виду-я-не-побуюсь-устроить-грандиозный-скандал». — Так в чем же дело, офицер?

— К нам поступила жалоба, — медленно сказал эльф. — Имело место нарушение закона... — Он повернулся к коллеге и что-то спросил у него. Несколько секунд эльфы переговаривались на своем странном языке, потом первый коп снова повернулся к Миа. — В общем, нарушение закона, — закончил он. — Эти двое не подчинились подателю жалобы.

— Что-что они сделали? Не подчинились? — переспросила Миа. — Если вы имеете в виду мистера и миссис Браун, то... Короче говоря, офицер, я сама хочу пожаловаться. Вот этот субъект, — она указала пальцем на жильца полуподвального этажа, — пытался украсть мою дочь. А гномы ему помешали. Именно в этом, я уверена, и состоит то самое «нарушение закона», о котором вы говорите.

Эльф-полицейский сурово сдвинул брови.

— Это серьезное обвинение, — сказал он и, повернувшись к эльфу из полуподвального этажа, что-то спросил по-эльфийски. Толпа соплеменников, собравшаяся перед подъездом, отреагировала на его речь испуганным ропотом, который, однако, быстро стих.

Подвальный эльф усмехнулся и сказал что-то в ответ. Его речь напоминала змеиное шипение, в котором проскальзывали резкие нотки, но эльф-полицейский только покачал головой и повторил свой вопрос. Впервые Миа увидела на лице «неправильного» эльфа что-то вроде беспокойства. Его удлиненные серебристые глаза заматались, перепрыгивая с одного полицейского на другого. Выпятив подбородок, он сказал что-то вызывающим, но в то же время и просительным тоном.

Второй полицейский покачал головой и шагнул к нему мимо гномов и Габи. «Неправильный» эльф разразился какой-то быстрой тирадой, однако позволил стражу порядка взять себя за локоть и свести вниз по лестнице. На ступеньке, где сидели гномы, он ненадолго задержался и, посмотрев на них с высоты своего роста, улыбнулся внушающей ужас улыбкой. Сказав несколько слов полицейскому, «неправильный» эльф повернулся к Миа.

— Ты все равно их потеряла, — сказал он. — Ты...

Он хотел добавить еще что-то, но страж повел его дальше. Толпа раздалась перед ними, а потом снова сомкнулась. Миа не видела, куда повели «неправильного» эльфа и что с ним сделали, но ее это не особенно интересовало. Главное, его не стало...

Миа поднялась по ступенькам к гномам и Габи. Старая Ольга молча протянула ей ребенка.

— Нам вас не хватать, — сказал Дубомох. — Вы и Габи быть наша семья. — Он поднялся и повернулся к оставшемуся эльфу-полицейскому.

Миа, которая как раз пыталась устроить Габи у себя на руках так, чтобы головка девочки лежала у нее на плече, подняла голову.

— Что-что? — переспросила она и повернулась к гномше, которая тоже поднялась на ноги и стояла, не глядя на нее. — Что такое? Куда это вы собрались?..

Полицейский глубоко вздохнул.

— Они арестованы, — сказал он.

— Как это арестованы?! Но ведь я же все объяснила!

— С преступником разберутся. То, что он пытался совершить, строжайше запрещено. Даю вам слово: он будет наказан. Но эти... — Эльф жестом указал на чету Браунов. — Они исполнили обещание, которое наш народ дал вашему народу, но при этом нарушили другой, более древний закон. Мне очень жаль, мисс, но я ничего не могу поделать.

Тут Миа почувствовала, как кто-то тянет ее за рукав. Оглянувшись, она увидела Дубомоха, который глядел на нее снизу вверх. Его длинный крючковатый нос слегка подрагивал.

— Не грустить. Ведь Габи в безопасность, — сказал он.

— Я вовсе не грущу, — возразила Миа. — Напротив, я зла, как сто... нет, как целая тысяча чертей! Вы не можете забрать этих *людей*, офицер!

В собравшейся у крыльца толпе послышались смешки, но Миа пропустила их мимо ушей.

— Они преступники, — повторил эльф-полицейский.

— Они члены моей семьи, — возразила Миа. — Разве вы не слышали, что сказал гном?

И снова из толпы послышался насмешливый гомон. Полицейский покачал головой.

— Они не могут быть членами вашей семьи, мисс.

— Почему? — Миа подумала о своих родителях, об отбывшем в не-

известном направлении отце Габи и о том, что кровные узы, как ни суди, не принесли ей ничего хорошего. Потом она вспомнила о Карло, о девочках из ресторана, о миссис Прошке и о гномах, которые так своевременно пришли на помощь.

— Конечно, они мои родственники, — твердо сказала она.

— Семья — это кровное родство или, допустим, категория. Клан, понимаете? — Эльф разговаривал с ней так, словно объяснял прописные истины умственно отсталому ребенку. — Семья — это взаимные обязательства, общая история...

— Мы многим обязаны друг другу, и у нас есть история, — перебила Миа. — Что касается кровных связей, то... кому они нужны? Кровные узы — чисто формальный признак, который ничего не решает!

— Будьте осторожны в своих словах, мисс, — предостерег эльф. — Разумеется, преступника можно выкупить, но уверены ли вы, что хотите этого? Чтобы принять одного из нас — или из них — в свой клан, вы должны пожертвовать чем-то очень важным и ценным. — И эльф многозначительно посмотрел на Габи.

Миа попятилась и чуть не упала, наткнувшись на Дубомоха.

— Вы хотите, чтобы я отдала в качестве выкупа свою собственную дочь?! — выпалила она.

Эльф закрыл глаза и поднес руку ко лбу таким жестом, словно у него вдруг началась сильнейшая головная боль. В свете уличных фонарей его пальцы ярко блеснули: на каждом из них было по перстню или кольцу. Наконец он снова посмотрел на Миа.

— Вовсе нет, — сказал он. — Я имел в виду только то, что цена велика, но если вы располагаете средствами, вы можете заплатить штраф и спасти ваших, э-э-э... родственников.

— Нет, нет, нет... — негромко пробормотала Старая Оляха. — Вы не делайте...

Дубомох, державший жену за руку, тоже покачал головой.

Ситуация сложилась просто-таки кошмарная. Миа не собиралась отдавать эльфам свою дочь — ни о чем подобном не могло быть и речи. Вместе с тем она не могла допустить, чтобы эльфы отняли у нее гномов. Неужели она будет спокойно смотреть, как легавые уведут мистера и миссис Браун неведомо куда? Это невозможно! В панике Миа попыталась подсчитать, сколько она зарабатывает в год. Интересно, что скажут полицейские насчет рассрочки?.. Отдать эльфам какой-то ценный предмет Миа не могла по той простой причине, что ничего по-настоящему дорогого у нее не было. Посеребренный кув-

шинчик, который она купила в «Гудвилле», сережки с крошечными бриллиантками и маленькое золотое распятие, которое много лет назад подарила ей бабушка — вот и все, чем она располагала. Но эльфов, привыкших увешивать себя браслетами и унижать пальцы золотыми перстнями с крупными сапфирами и алмазами, подобные безделушки вряд ли могли устроить. Да они просто умрут со смеха, предложи она эти сокровища.

И вдруг... Миа даже негромко ахнула.

— Подождите, пожалуйста! — воскликнула она. — Никуда не уходите, ладно? Я сейчас, быстро...

С этими словами она вбежала в подъезд и бросилась вверх по лестнице. Она задыхалась. Габи, продолжавшая как ни в чем не бывало спать, оттягивала ей руки, но сейчас Миа не думала об усталости. Положив дочь на диван, она придвинула к себе шкатулку с украшениями и открыла крышку. На дне под путаницей стеклянных бус и дешевых серег тускло блеснул эльфийский золотой браслет. Миахватила его из шкатулки, снова взяла на руки Габи и помчалась назад.

— Вот! — воскликнула она, протягивая браслет эльфу. — Хватит этого, чтобы заплатить выкуп, штраф или как там это у вас называется?

Узкие глаза эльфа открылись так широко, что стали почти круглыми.

— Откуда это у вас, мисс?

— Свободный и добровольный дар... — припомнила Миа слова, которые сказала ей эльфийская женщина из ресторана. — Я получила браслет вместо чаевых в ресторане, где работаю. Ну как, годится? Дубомох и Старая Ольха молча повернулись к эльфу.

Не прикасаясь к браслету, эльф внимательно оглядел его.

— Это очень щедрый подарок, — сказал он. — В этом браслете заключена великая сила. Не следовало бы вам расставаться с ним просто так...

— А кто вам сказал, что я расстанусь с ним просто так? Я ведь, кажется, спросила, достаточно ли этого браслета, чтобы выкупить мистера Брауна и его супругу?

— И еще сотню таких, как они, — пробормотал эльф себе под нос. — Да, достаточно, — добавил он громко, однако брать браслет не спешил. Повернувшись к гномам, он заговорил с ними на языке, похожем на продолжительное чихание. Старая Ольха ответила ему на том же языке, который в ее устах — учитывая низкий голос гномши —

звучал еще более странно. Дубомох тоже добавил несколько слов, и все трое вопросительно повернулись к Миа.

Увидев, что все смотрят на нее, Миа кивнула.

— Я отвечаю за свои слова, — твердо сказала она. — Эти люди спасли моего ребенка от вашего приятеля... И если браслет способен спасти моих *родственников* от беды — возьмите его скорее. Ну же!..

И она покачала надетым на палец браслетом перед самым носом эльфа, который наконец-то взял его в руки. Его движения были осторожными и почтительными, словно перед ним была не обычная золотая безделушка («эльфийское барахло», которое не берут ни в одном ломбарде), а священная реликвия или английские Драгоценности Короны.

— Сделка заключена! — провозгласил полицейский и, повернувшись к толпе своих соплеменников, повторил эти слова еще раз. Потом он снова обратился к Миа.

— Забирайте ваших родственников, мисс. Они свободны.

На том все и кончилось. Бережно держа браслет перед собой, полицейский начал спускаться с крыльца. Собравшиеся перед подъездом эльфы стали расходиться, о чем-то оживленно переговариваясь. Габи тяжело вздохнула и открыла глаза.

— Здесь холодно, — сказала Миа гномам. — Давайте-ка поднимемся наверх.

Как только они оказались в квартире, миссис Браун сразу отправилась на кухню и развила там бурную деятельность. Она двигалась так стремительно, словно ее жизнь зависела от того, насколько быстро она управится с ужином. Дубомох осторожно взял Габи у Миа из рук и, слегка подбрасывая, тоже отправился на кухню, чтобы предложить девочке перекусить.

— Я могу сама ее покормить, — сказала Миа ему вслед. — Вам вовсе не нужно...

— Нет, — просто ответил Дубомох. — Я не знаю, как говорить, но... Это я могу сделать. — И прежде чем Миа успела что-то добавить, он исчез в кухне. Послышался звук открываемого холодильника, потом гном что-то сказал Габи, и девочка хихикнула. Минуты через две, оставив ребенка на попечение супруги, Дубомох вернулся в гостиную и сел на пол рядом с Миа.

— Вы не должны быти так йегко расставаться с браслетом, — сказал он.

Миа рассмеялась.

— Ты тоже думаешь, что мне это было легко, Дубомох? Вовсе нет. Стоило мне подумать, что они могут забрать Габи, как у меня...

— Они бы не сдаться это. Никогда. Мы не допустить. Мы всяма признательны, что вы говорить в наша защита, но отдать Подарок...

— А какая мне польза от этого подарка? Эльфийка, которая дала его, сказала: он пригодится в крайних обстоятельствах, в нужде... А сохранить вас было для меня важнее всего. — Миа скинула туфли и забросила ноги на кофейный столик.

Гном выглядел очень взволнованным. Его нос беспокойно подрагивал, а губы беспомощно шевелились, словно никак не могли выговорить слово, которое хотел произнести Дубомох. И Миа отлично знала, что это было за слово!

— Не надо, — мягко сказала она. — Не говори ничего. Мне тоже очень неловко, но... Знаешь, я хочу заключить с вами обоими новый договор, хорошо?.. Пусть никто из нас — ни вы и ни я — не произносит *это* слово. Ты и сам знаешь — какое... Ну а блюдечко с молоком можете мне не оставлять. Согласен?

Дубомох немного подумал и фыркнул.

— И вообще, — продолжала Миа, — я не заплатила вам ни цента за все, что вы для меня сделали, так что можете считать браслет платой, которую вы честно заработали. Даже если вам не нужно трудиться, чтобы заработать на жизнь...

— Каждый должен трудиться, — возразил Дубомох. — Просто мой народ не нуждаться зойото. Нам нужно тойко одно — сама работа. И нас притягивать чужая нужда. Ваша с Габи нужда позвать нас это место, мы найти вас. Теперь мы остаться — до тех пор, пока у вас быть дйя нас дейо.

Миа кивнула.

— Я очень рада, — сказала она. — Пожалуйста, оставайтесь. Мы будем вашей семьей, а вы будьте нашей.

Гном наклонил голову и изогнул кустистую бровь, словно подобная идея никогда не приходила ему в голову. С кухни донесся звонкий, счастливый смех Габи и ароматный запах свежеевыпеченных булочек.

Перевел с английского
Владимир ГРИШЕЧКИН

Н И К О Л А Й П О Л У Н И Н

ДОМОВИНА

Иллюстрация Евгения КАПУСТИНСКОГО

С ПРИВИДЕНИЯМИ

Ты дурак, — сказала мать, ставя на стол банку парного молока. Возможно, последнюю банку домашнего молока в его жизни.

Василь попил молока, отломил горбушку, макнул в соль. Кусок в горло не лез. Он взял собранную сумку, встал, поклонился:

— Не поминайте лихом, мама, если что.

— Ты хоть бабку свою вспомни, ты... — Мать махнула рукой, прижала кончик платка к глазам.

На дворе из хлева тяжело вздохнула Васка-корова, и в ее вздохе тоже слышалось: ты дурак.

Дядя Вас Василич возился на улице, у старенького трактора, чинил. Завидя Василя, отвернулся.

— Прощайте, дядя Вас Василич, — вежливо сказал Василь. Дядя Вас Василич не стал говорить Василю, что он дурак, зато проворчал несколько слов, которые обычно пишутся при помощи одной первой буквы и точек следом.

— Ну чего ты там не видал? Какого рожна?

— Так ведь приглашение... вот. — Василь показал бумажку.

— Приглаше-ние. Хлев просел, сараюшка валится, дом перекрывать надо, а ему — приглашение! А сенокос? На маткину пенсию все живешь? Взял бы деньгами приглашения ихние.

— Там деньгами сразу не дают, дядя Вас Василич, там деньги еще выиграть надо. Телеигра.

— Как «Поле чудес», что ль? Ну, надейся, надейся, умник.

Вас Василич снова сердито отвернулся к своему трактору, но когда Василь отошел немного, поглядел ему вслед и украдкой перекрестил.

— Дурак! Дурак! — завершали, бросаясь издали щепками и мелкими камушками оглашенные Васюковы пацаны. Из калитки вышел сам Васюк, надавал близнецам подзатыльников, цыкнул: «Геть, мальцы!». Он был одноклассником Василя, так же без штанов бегали. Протянул лопатообразную ладонь:

— Ну, давай, братан! Не подведи там. Мы тут все смотреть будем, болеть за тебя.

— Если электричество опять не отключат.

— Я им отключу, я им всем тогда бошки поотшибаю. Ты это, братан, не обижайся, что в дом на посошок не зову, у меня там Васяня, ты ее знаешь. Мы — здесь... Ща, погоди, вынесу закусить.

— Не стоит, Вась. Я решил — трезвым надо.

— Ну, гляди сам, — Васюк помялся, спросил, понизив голос: — Вась, а тебе это, того, не боишься? Я б, честно, боялся. Привидения, они... — Пошевелил пальцами с сизыми ногтями. — И бабка твоя, говорят...

— Будь, что будет. Это, брат, шанс, и надо рисковать. Ну, я пошел, а то автобус пропущу.

Потирая занывшее от Васюкова дружеского удара плечо, Василь зашпешил к остановке на краю деревни. А Васюк воровато оглянувшись на собственные окошки, добыл из травы бутылку, выдернул газетную затычу и одним махом ополовинил. От бы он ни за что не поехал, шанс не шанс, приглашение не приглашение. Дурак этот Василь, больно умным всегда себя ставил, а дурак. Всегда дураком был, всегда его били, дураком и вырос, ни кола, ни двора. Васюк окинул взглядом свою добротную усадьбу. Подумав, допил. Дурак-дурак, а приглашение-то ему прислали...

На остановке стояла Василиса.

— Все-таки едешь?

— Ага. Ты не переживай, я вернусь. С миллионом. Я выиграю, вот увидишь. И ничего со мной не сделается.

Василиса молча теребила косу.

— Что ты, Василисушка...

— И можешь не возвращаться, миллионщик! Чтоб там тебя твои привидения сожрали! Чтоб...

— Да не так там все. Послушай...

— Уезжай! Вон твой автобус!

Василь проводил взглядом Василису, раздираемый сложными чувствами. И сел в автобус. До станции было тридцать пять километров, автобус ходил лишь раз в три дня.

Мелькнул и пропал до боли родной проржавевший указатель ВАСИЛЁВО. Знакомый шофер Коля подмигнул в зеркале: едешь, значит? А в хитром глазе читалось: ну куда, куда тебе, сельскому, в телешоу, да еще в этакое, на верную смерть едешь, парень... Дурак, одним словом.

* * *

— Ты дурак! На кой какие-то колхозники? Портянками вонять? Кастинг — это вообще не твое дело, что ты лезешь! Мне звезда нужна в программу, звезд-да! Хоть задрипанная звездочка, но с именем!

Ты хочешь завалить мне третье шоу подряд! Я тебя выгоню! Вы-го-ню! Все, ты уволен!

Тот, к кому обращались, спокойно вытянул длинные ноги на середину маленькой комнаты.

— Во-первых, ты меня не уволишь. Никто больше тебе паранормальное шоу реквизитом не обеспечит. Все охотники за привидениями Европы завязаны на меня. Все черные рынки нечисти, все пушеры-торговцы контактируют со мной. Без меня ты ноль.

Кричавший, толстячок с остатками волос за ушами, слегка сбавил тон. Он был генеральным продюсером шоу «Домовина с привидениями». Вообще всего цикла паранормальных реалити-шоу на канале ТСТ-13. Генеральным-то он был генеральным, но его собеседник, он тоже... был... и есть... в своем роде...

— Ну, ты, знаешь, тоже не очень. Свет на тебе клином не сошелся.

— Свет — может быть, а тьма — наверняка. Во-вторых, дурак у нас ты. Кто уморил «Русскую Несси»? Полгода я по Тверским озерам вылавливал последний экземпляр *Faris Rombopterix*, брата-близнеца шотландского чудовища. Или сестру, неважно. Выловил. Никому не удалось — мне удалось. Ухари из «Космопоиска» локти с досады изгрызли. А ты? Вздумал на живых окунях сэкономить, приказал мороженой путассу кормить. Эндемичный зверь и издох! И шоу «Новый Иона» вместе с ним. Это я заваливаю проекты?

— Ну, ладно, ладно. Что там с претендентом.

Но говоривший продолжал, не слушая:

— А кто обеспечивает лицензию по топ-рису? Ведь еще никто не побеждал, половина клиентов в психушки угодила. Звездам своим ты дашь подписывать перед выходом «Со степенью рисков ознакомлен(а), родных и друзей в случае неблагоприятного исхода прошу претензии не предъявлять», да? И кто пойдет? И сумма-то смешная — миллион, пс-ст!

— Ты весь бюджет программы съедаешь, с охотниками твоими... Мои спонсоры на большой банк игры не согласны. Так насчет...

— А бренды твои дикие? Сколько раз говорил: выгони литературного редактора! «Домовина...» По-вашему, очень остроумно — гроб с пятиэтажный дом в павильоне построить?

Он поднялся из кресла, высокий, весь в черном, с резкими чертами лица, в черной, туго повязанной бандане. Сверкнула золотая разбойничая серьга.

— Пойдем, там начинают. А если мне именно этот парень именно из этой деревни был так нужен, что я просунул его мимо общего кастинга, — значит, есть причина.

* * *

— Дамы и господа! Уважаемые телезрители! Гости в студии! Все, кто смотрит нас! Единственное в России! Не имеющее аналогов в мире! Новейшее! Паранормал-реалити-шоу! «Домовина! С привидениями!» Начинается!!! Сегодня претендент на миллион... миллион, господа!.. Наш мужественный Василь из Василёво! Поприветствуем, дамы и господа! Продержаться двадцать четыре часа, минута в минуту, в нашей Домовине еще никому не удавалось. Рекорд — пять часов, восемь минут и пятьдесят семь секунд. Парень, которому он принадлежит, прямо скажем, особенно не блистал. Он был просто туп, как бревно, ха-ха-ха! Чего не скажешь о нашем Василе! Как у вас насчет «ай-кью», Василь? (Ведущий в сторону: «Что я несу, он же из деревни!».)

— Мой «ай-кью» — сто тридцать семь.

(Ведущий захлопывает рот: «А-а-ап».)

— Поздравляю, поздравляю, Василь! Аплодисменты, дамы и господа!

Не хотите ли передать приветы, сказать несколько слов односельчанам, которые наверняка смотрят и болеют за вас? Напоминаю, дамы и господа, паранормал-реалити-шоу на нашем канале всегда идут в режиме онлайн!

— Я продержусь.

— Вы так уверены в себе?

— Да.

— Вы идете на испытание добровольно?

— Да. Мне деньги нужны. Хлеб просел, сараюшка валится, дом перекрывать надо. Сенокос на носу. Хозяйство.

— Аплодисменты, аплодисменты нашему такому отважному и такому хозяйственному Василию! Но, Василь, вам предстоит столкнуться с самыми настоящими привидениями, фантомами потустороннего мира! Заключение в непреодолимую для них Домовину, они ой-ей как раздражены и озлоблены! Агрессивны!

— Да знаю я про привидения все. У меня вот бабка, например...

— Минутку... простите, Василь. Внимание, дамы и господа! Внимание, уважаемые телезрители! Вход в Домовину начинает открываться! Вот он, вот шлюз, за которым ждет Неведомое! Вот, где поджидает-

ют они за порогом, злобные и ужасные! Дерзайте, Василь, вперед! А мы станем наблюдать за вами, болеть за вас и, конечно же, не забудем делать ставки! Ставки на время, дамы и господа, сколько минут, а может, и часов продержится наш претендент в компании с настоящими призраками! Канал ТСТ-13 приглашает участвовать всех! А может, кто-то хочет сразу поставить на выигрыш? Ставка на выигрыш, сделанная прямо сейчас, фиксирована! Тринадцать к одному! Шоу начинается!!!

* * *

Снаружи знаменитая Домовина действительно напоминала колоссальных размеров гроб. Или старенькую «хрущевку» — дальняя родня, у кого Василь остановился в Москве, жила как раз в такой.

Под гримом Василию было жарко. Первое, что он сделал, отвернувшись от спящих софитов, за которыми терялась и огромная студия — павильон в Юном Дворце, и улюлюкающие зрители широкого амфитеатра, — это потекший грим с лица платком стер. На платке была еще бабкина вышивка.

Двери шлюза, не пропускавшие привидения в мир, сомкнулись за Василем. Он очутился в крошечной тьме.

— Привет, — сказал наугад, — где вы тут, привидения, покажитесь. Ему ответило сразу несколько голосов, и все нечеловеческие:

— А-а-вау-вау-а!..

— Порс-с-стык!..

— Фрр-р-р-ш-шит!..

Впереди замаячил неясный зеленоватый полусвет. Мелькнула фигура в белом и развевающимся, она плыла, не касаясь пола. Кто-то загремел цепями, отвратительно заскрежетал.

Из тьмы сотворилась плоская гадкая рожа и захохотала могильным хохотом. Василь легко проткнул рожу пальцем. Рожа внезапно обиделась:

— Поаккуратней нельзя?

— А ты не пугай. Мы пуганые. Куда идти-то, не видно ни зги.

— Тычут всякие. Вон туда хромай. Будет тебе там... светло.

Глаза начали привыкать. В проходе то и дело попадались ниши, несло склепом. Василь миновал несколько прикованных скелетов, которые пытались его ухватить. От одного еле вырвался.

Потом коридор превратился в запутанный лабиринт. Василя продолжали пугать всевозможные кошмарные существа. С потолка све-

шивалась противная паутина, попала в рот, Василь с отвращением выплюнул — синтетическая. Волосы искрились, вставали дыбом, кожу кололо тысячами игл. «Наведенная статика, — догадался Василь, — не испечься бы, как в микроволновке». Стало очень жарко, а потом бросило в холод. Раз из бокового прохода выскочил громадных размеров зверь, облитый фосфоресцирующим огнем.

«Сабака-Босс Кирвилей» — было написано светящимися буквами на табличке-нагруднике. Василь отмахнулся небрежно, но «Сабака-Босс» еще долго бежала по пятам, цокая когтями, взрывая ужасным рыком.

— Ты чего, по правде не боишься? — вдруг шепнуло над самым ухом. Василь ощутил на плече мягкое и пушистое. А возможно, и белое.

— Кого бояться? Вы сами всего боитесь. Держат вас, как в тюрьме...

— Чш-ш! Не вслух! Тут повсюду «жучки». И скрытые камеры на каждом углу. И вообще, весь наш Дом снаружи прозрачный, как стекло, чтоб ты знал.

— Я знаю. На вас смотрят. Зрелище модное.

— Ну, пойдем тогда. Есть тут одно местечко. Мы его еле отыскали, непросматривающееся.

Оказалось неблизко. Мягкий и пушистый (а возможно, и белый) привел Василя в самую сердцевину шоу-гроба. Нечисти по дороге не убавлялось, но вся она была какая-то вялая, насакивала без энтузиазма. «Конечно, — думал Василь, — соки из вас повыпили. Шоу-бизнес, ребята, потогонная система, не раз-два в сто лет по родовому замку прошвырнуться, впечатление оставить».

Невысокая, все в той же паутине, дверца вела в тесную комнатуху. Вокруг кривого стола расположились привидения. Сидели, пригнупившись. Они показались Василию испуганными, как потерявшиеся дети. Увидя, загалдели:

— О! Человек! Ты зачем его сюда-то, Шкалик?..

— Это наше место!..

— Нигде в Доме покоя нет, теперь и тут!..

— Ну, Шкалик, мы тебя сейчас!..

Шкалик — так Василь узнал, как зовут мягкого и пушистого — соскочил с плеча, выкатился на середину стола. Оказался вовсе не белым, а розовым и переливчатым.

— Ша! Это наш человек! Он НЕ БОИТСЯ!

По тому, как было произнесено, Василь понял, что сообщение из разряда крайне важных.

— Как это — не боится? Нас все бояться обязаны. Не одно, так другое до смертного ужаса доведет. Людишки — народец пугливый.

— Вот и не обязательно, — заявил Василь, шагая к столу, — не все пугливые. Попадают очень даже ничего. У вас, я вижу, проблемы, ребята. Излагайте, будем думать вместе. Да подвинься, призрачное племя, присесть дай!

И привидения подвинулись, место человеку за своим столом уступили.

* * *

— Куда картинка подевалась?! Шеф, у нас ЧП!

Генеральный и его спутник с серьгой пришли в аппаратную. Высокий в бандане усмехнулся краешком тонких, как шрам, губ.

— Не суетитесь, — посоветовал, — там имеется помещение, не оборудованное камерами. Я распорядился... от своего имени, извини.

— Как от своего имени? Кто тебе разрешил — от своего имени? — вскинулся толстячок генеральный. — Он седьмой час внутри! Интернет, тотализатор трещат по швам! Зрители вне себя! Знаешь, сколько проиграно ставок?!

— Что ж, хозяева должны быть довольны. Я лично еще до шоу ставил на абсолютный выигрыш. И тебе советовал, если помнишь. Поставь сейчас, еще не поздно. Хотя выплата, конечно, будет не та...

— Какая выплата? При чем здесь выплата! Мы вообще не имеем права играть, закон запрещает.

— Законы пишутся, чтобы их обходить. — Высокий тронул свою серьгу — на счастье. — Но, в конце концов, даже не в этом дело...

* * *

— Стыдно сказать, чем занимаемся. Давеча была... финалистка «Фактора страха» какого-то. Не знаю, какой фактор, но наши упыри ее за полчаса в истерику застрасали. А ведь ничего не делали. И вообще мы не такие...

— Один в прошлом месяце кричал: «Вия мне, Вия! Пусть подымет веки!». Ну, вышел к нему Вий, растолкали мы дядьку, отдыхал он. Этот смелый кнопку на своем пульте, вот, как и у тебя тоже, нажать не успел, в обморок хлопнулся. Самим за него нажимать пришлось, чтобы спасатели вытащили...

— А я...

Привидений в каморку набилось невпротык. Сидели друг на дружке, некоторые совмещались в одном объеме трое, пятеро и больше, выглядывая поочередно. Слух о том, кто НЕ БОИТСЯ, облетел Дом с быстротой мысли. Каждое из заключенных здесь привидений торопилось выговориться о наболевшем.

Маленький призрак в тирольской шляпе сокрушенно хлопал носиком:

— Меня одиннадцать раз перепродавали. Спекулянты, толкачи, пушеры черные проклятые. В сатанинских мессах заставляли участвовать. Там, на Брокен-хилл. Решил, попробую к вам, в Россию, мне один ваш домовый-эмигрант рассказывал, что у вас вроде пока еще поспокойнее. Какое там!

Шкалик, взявший на себя роль добровольного распорядителя, подкатился к Василию.

— У нас и американочка имеется. Салемская ведьма. Познакомить? Аделаида! — завопил сквозь стены и переходы. — Аде-лаида-а-а! Тут русский мужчина, который НЕ БОИТСЯ!

— Не тревожь Адьку, — посоветовал кто-то, девушка в депрессии. Ее последний раз эксклюзивом на клиента кинули, до судорог довела. Теперь совесть гложет.

— Самое главное, надежды никакой нет. Заперли на веки вечные с помощью продвинутых технологий. Подумать, лучше бы по старинке, как джинн какой-нибудь в кувшине на дне морском. Может, кто выловит хоть через тыщу лет, откупорит, распечатает...

— Я вот, например, в точности знаю, чей я Дух, — сказал печальный полупрозрачный Дух. — А толку?

— Попали вы братцы, — кивнул на горькие излияния призраков Василь, — но отчаиваться рано. Вечного ничего не бывает, а уж в шоу-бизнесе и подавно. Все меняется по сто раз. Надо, однако, вас вызволять.

— Эх, земля! — махнул мохнатенькой лапочкой то ли леший, то ли чертик из придорожных обманщиков, свой, в общем. — Эх, куда бечь-то? Кругом, етти ее, цивилизация сплошная, не приткнешься. Вон, даже нас приспособили денежку качать. По всему миру отлавливают, собирают, спецгруппы шастают, эти, как их... охотники...

— Ghostbusters, — подсказал Василь.

— О! — Привидение с отливающей сталью большой косой на плече взглянуло из-под капюшона красными угольками глаз. — О, сэр!

Чрезвычайно приятно встретить джентльмена, который разбирается...
— У привидения был сильный британский акцент.

— Подготовился, — буркнул Василь, — знал, куда шел. Вот что, создания призрачные. Имеется вблизи нашей деревни роща. Никто в нее не ходит, боятся. Зовется — Васёнихина роща, по имени бабки моей, знаменитой когда-то на всю округу колдуньи. Сослали бабку люди злые, глупые, едва матушка моя родилась, сгнула Васёниха в лагерях. Однако завет оставила — таким, как вы, помогать. Принес я бабкин платочек с вышивкой...

* * *

— Как это не в том дело? Если парень сорвет банк, программе крышка, ты это понимаешь? Чем он там сейчас занимается, ты можешь сказать?

— Программа изжила себя в ее нынешнем виде. Пора менять масштаб, и поэтому есть новый проект. Мой. А что парень там делает? Пустяки — всего лишь склоняет наших питомцев к побегу.

* * *

Василь расстелил бабкин платочек, уголки расправил. Колдовская вышивка теперь виднелась особенно четко. Пятиугольником. Помогала общая атмосфера в Домовине, насыщенная эманациями битком набитых сюда привидений со всего света.

И вспыхнули ярко и мощно линии Пятиугольника, и открылась Дверь.

— Давайте, что ли, — сказал Василь. — Я вас вынесу, с собой в деревню заберу, в Васёнихиной роще выпущу. Туда не скоро доберутся, место гиблое. Тоже как бы чертой обведено, но все попросторнее будет вам. Не в этой консервной банке.

Привидения нерешительно переглядывались.

— А того... не нажаришь? Верить вам, людям...

— Эй, ну! — закричал обиженный за нового товарища Шкалик. — Ты, скелетина! Чего тебе терять, кроме запасных цепей, и те бутофорские? Настоящие-то, поди, давным-давно в вашем Мухоморске алкаши на цветмет сдали! Прыгай, говорят!

Невзрачный перекособоченный скелет с трясущейся челюстью еще потоптался, а после махнул костями — а, хуже не будет, хуже некуда! — и ухнул в клубящийся синий туман, заполнивший пятиугольный зев.

— Давай сюда, ребя! — донеслось. — Не бойсь! Тут мягко, просто, всем места хватит!

Осмелев, привидения придвинулись...

Прыгали скелеты и упыри, Белые Дамы и Белые Мужы в плащах с капюшонами, прыгнул лохматенький черт-лесовик, а следом призрак в тирольской шляпе. Прыгнули женский скелет с пшеничной косой-короной и вытащенная из тупичка, где доходила в депрессии, салемакая ведьма Аделаида. Прыгнула «Сабака-Босс Кирвилей». Сиганул, вспыхнув переливами на прощание, Шкалик...

Василь бережно сложил платок, спрятал поглубже.

* * *

— Беспрецедентный случай, дамы и господа! Победа! Чистая победа нашего мужественного Василя из Василёво! Банк игры сорван! Миллион переходит к Василию! Победитель получает все! Вот что значит «ай-кью» сто тридцать семь, господа!.. Ну, Василь, теперь-то, с миллионом, вы захотите отпраздновать это дело? Конечно! К вашим услугам развлекательные комплексы, мыслимые и немыслимые услуги, бары, рестораны, казино! Музыкальные шоу, настоящий парижский канкан, девушки из «Мулен Руж», интим-сервис, Василь... И все это — здесь, не покидая Юного Дворца!

(Голос высокого с серьгой в наушнике-горошине в ухе ведущего: «Отстань от него, дурак!».)

— Нет, мне домой. На хозяйство. Хлев просел, сараюшка валится, дом перекрывать надо.

— Ну! Неужели вы так скоро с нами расстанетесь?!

(В наушнике, раздраженно: «Отстань, говорю, идиот!».)

Ведущий в сторону, в крохотный микрофон, прилепленный в углу рта: «Вы что, хотите, чтобы он унес все деньги с собой?!».

«Не твое дело, сволочь!»

— Меня невеста ждет. Всего вам тут. Спасибо за ласку.

* * *

Василь сошел у проржавевшего указателя. В автобусе на него поглядывали украдкой, но заговаривать почему-то не спешили. Шофер Коля прятал глаза.

Василиса стояла поодаль, теребила косу.

— Вот я и вернулся. Ну ты чего теперь-то, Вася?

— Вернулся... Миллионщик. Небось и разговаривать не захочешь.

— Отчего же не захочу. Очень даже захочу. Только у меня еще дело есть одно. Хочешь со мной? Вась... я по тебе скучал.

Василиса сей момент ухватила его под руку, прижалась тугим боком, засыпала вопросами: а как там было? а очень страшно? а привидения — они какие? а можно миллион посмотреть? а что еще за дело в деревне?..

Ждут, мать холодцу наварила, Васяна Васюкова самогону флягу нагнала, знает, что Василь с деньгами приедет, будет всех угощать...

— Какое дело-то? Куда мы идем?

— В Васёнихиной роще дело.

— Ой! Я боюсь туда!

— Ничего, это дело хорошее.

На появлявшиеся из мглы Пятиугольника привидения Василиса сперва ойкала испуганно, а потом перестала. Запечалилась, глядя.

— Неужоженные они какие-то, заморенные. Жалко их.

— Ничего, — помахал Василь вслед последнему мелькнувшему среди стволов Шкалику, — на свежем воздухе, на парном молоке — отойдут.

— Они пьют разве? Молоко-то?

— Молоко не водка, его все пьют. Но надо будет уточнить. Пусть проживут пока, стрессы залечат. После придумаю, что с ними делать.

Вдруг далеко-далеко в небе за рощей послышались гул и рокот, как бывает от приближающегося вертолета. Да не одного. На опушке зарывали моторы мощных грузовиков. Вспыхнули со всех сторон юпитеры, пробили колдовскую чашу насквозь. Ничего не видно, кроме их слепящего света. Как в Юном Дворце.

— Василь! Что это?!

— Н-не знаю...

* * *

— Дамы и господа! Уважаемые телезрители! Все, кто смотрит нас! Единственное в России! Не имеющее аналогов в мире! Суперновейшее! Паранормал-реалити-шоу! «Васёнихина! Роща! С привидениями!» Начинается!!!

Высокий, весь в черном, в черной, по-пиратски туго повязанной бандане, тронул золотую серьгу. Тонкие губы улыбались. Теперь генеральным продюсером был он.

А Л Е К С Е Й К А Л У Г И Н

«ЛИТЕРНЫЙ»

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

*Идею рассказа подарил автору Геннадий Прашкевич.
За что ему сто раз спасибо!*

Валит снег.
Валит и валит.
Нет на него никакой управы.
Да еще как валит!
Так что за снежной пеленой не видно ни сосен, морозом посеребранных до самых кончиков иголок, ни белых сугробов по сторонам от железнодорожного полотна, ни самой дороги.

Зима в России — больше чем зима. В Москве — стихийное бедствие. Ну, а ежели дело происходит не где-то там в столице, а в самой Сибири, вдали от больших городов и районных центров, тут разговор особый. Тут зима в своих правах. И никто с ней особенно не спорит. Накладно, да и смысла нет.

Слепит снег глаза. В двух шагах ничего не видно. Кажется, провалился мир в белую пустоту и не осталось в нем ничего, кроме белого снега и мороза, который и не трескучий вовсе, а онемевший. И если вслушиваться в него долго-долго, то начинаешь думать, а может, и не врал вовсе барон про замерзшие звуки?

Но вдруг — у-у-у-у! — разрывает морозное безмолвие далекий гудок локомотива. Это он заранее возвещает о своем прибытии тем, кто ждет его на затерянном в тайге полустанке.

Хотя, собственно, и полустанка никакого нет. Был когда-то, да сгинул в небытие. То ли за ненадобностью, то ли из-за отсутствия бюджетных средств, успешно разворованных по дороге из Москвы. Путь-то ведь не близкий. Так что остались от полустанка только вывеска с названием — «Дикое» — да будка обходчика с заколоченными дверью и окнами. И поезда здесь уже не останавливаются.

Кроме одного.

Жители расположенной неподалеку деревушки — меньше десяти дворов осталось — называют поезд сей не по номеру, и не по месту назначения, и даже не фирменным именем — «Амур», там, или «Байкал», — а уважительно: «Литерный». Что слово сие мудреное означает, никто в деревне не знает. Но зато как звучит — «Литерный»! Красиво и многозначительно. И никто даже слушать не желает старого диссидента деда Матвея, того, что на последних выборах агитировал односельчан за нынешнего президента не голосовать, который знай себе твердит, что поезд называется «Лидерный», от слова «лидер». «Литерный» ведь куда лучше звучит. Представительнее.

Локомотив с округлыми формами, похожий на летящую точно в цель ракету класса «земля-земля», вынырнул из-за снежной пелены, прогудел еще раз и начал тормозить.

На обычный поезд «Литерный» точно не был похож. И дело не только в локомотиве, формой и статью своей разительно отличающемся от тех, что курсируют по железным дорогам России. Прицеплены к нему семь вагонов, обшитые стальными листами, с металлическими жалюзи на окнах и круглыми, как в подводной лодке, иллюминаторами на дверях. Навроде того поезда, на котором северокорейский лидер через всю страну в Москву ездил. Только малость получше. При этом сверху все землистой краской замазано, чтобы на обычные товарные вагоны похоже было.

Проскочив чуть дальше вывески «Дикое», локомотив остановился. А из-за домика обходчика тотчас же выбежали две упакованные в тулупы, валенки и платки и из-за этого кажущиеся бесформенными фигуры. У каждой в руках огромные, туго набитые сумки, в каких вьетнамцы товар возят, да еще и на спинах баулы.

Едва поезд остановился, как в первом от локомотива вагоне дверь открылась, и вниз, прямо в снег, упала маленькая, ладная лесенка с перильцами. А в проеме дверном показался младший лейтенант в «пэша», едва не до пупа расстегнутом, — чтобы надетая под ним тельняшка видна была. Нипочем молодцу мороз! Только на руках перчатки, потому как за поручни держаться нужно. Вихры у младшего лейтенанта рыжие, лицо счастливое, как у поросенка, ведро объедков уписавшего. Глазки маленькие, в кучку, щечки кругленькие, розовые, носик тоже маленький, приплюснутый, рот большегубый до ушей. Ну прямо не парень был бы, а картинка, если бы не уши, торчащие в стороны нелепо, как локаторы.

Но едва увидав людей с сумками, посуровел младший лейтенант. Да как гаркнет:

— Петровна! Совсем очумела! Кого еще с собой приволокла?!

— Да это ж Ритка, племянница моя! — выдохнула облако пара одна из фигур.

— Да хоть мать родная, мне-то что! — всполошено замахал руками младший лейтенант. — Ты что, не в курсе, у нас объект повышенной секретности! Мы ж здесь не то что останавливаться, а даже тормозить права не имеем!

Петровна непременно замахала бы в ответ руками, да только оттянуты они были тяжеленными сумками. Поэтому она лишь голос повысила.

— Да знаю я, знаю! Полковник мне говорил!

— Ну, а раз знаешь, так чего ж племянницу с собой приперла?

— Мне ее в Лихое отправить нужно.

— И что с того?

— Думала, может, захватите?

— Совсем рехнулась, тетка! — как подстреленный влет лебедь крылами, всплеснул руками младший лейтенант.

— Мне полковник в прошлый раз обещал!

— Пьяный был, потому и обещал, — понизил голос младший лейтенант.

— А ты позови его, Вовчик, — ласково попросила Петровна. — Может, он и сегодня того... В смысле, добрый.

— Ничего не выйдет, Петровна, — решительно тряхнул кудрями младший лейтенант. — Полковник сейчас с самим, — Вовчик указал пальцем вверх, на засыпающие землю снегом небеса, — разговаривает.

— Молится, что ли? — удивилась тетка.

— Да что ты мелешь, Петровна! — в сердцах плюнул в снег младший лейтенант Вовчик. — С верховным главнокомандующим разговаривает!

— Да ну! — обомлела Петровна. — Он что ж, верховный этот, в поезде у вас сейчас?

— Отстала ты, Петровна, — усмехнувшись, качнул головой младший лейтенант. — Это мы раньше только ракеты делать умели, за что, надо сказать, нас во всем мире любили и уважали. А нынче у нас высокие технологии! — Вовчик показал тетке указательный палец. — Во как!

— А, ну, если так, — задумчиво произнесла Петровна.

— Короче, — хлопнул в ладоши младший лейтенант Вовчик. — Хорош болтать, давай чейнджем займемся.

— Не-а, — покачала головой Петровна. — Ежели Ритку мою не берете, значит никакого вам чейнджа не будет. И самогона тоже!

— Это как же так? — растерянно развел руками Вовчик.

— А вот так! — притопнула для убедительности ногой Петровна. — И я представляю, какой у тебя будет бледный вид, Вовчик, когда ты станешь докладывать об этом своему полковнику!

Младший лейтенант нервно куснул губу и посмотрел на часы. Непредусмотренная расписанием стоянка поезда особого назначения неоправданно затягивалась. Да и холодно становилось, однако.

— А если что, ты ему, полковнику-то своему, напомни, Вовчик, — уже ласково произнесла Петровна. — Про то, что он мне обещал. Может быть, вспомнит... А нет, так, может, и без того войдет в положение. Он ведь человек душевный.

— Ладно, давай! — решительно махнул рукой младший лейтенант.

— Давай! — подтолкнула племянницу Петровна.

— Сумки сначала давай! — скомандовал младший лейтенант. — Племянницу — потом!

Петровна поначалу подозрительно прищурилась, но потом мысленно махнула рукой. Нет, не станет обманывать ее Вовчик! Через месяц-другой «Литерному» снова через Дикое ехать.

Подойдя к краю лестницы, Петровна подала Вовчику сумку.

— Что тут? — спросил младший лейтенант, передавая тяжелую ношу дальше, кому-то, кто стоял у него за спиной в тамбуре.

— Да все, как обычно, — Петровна подала ему следующую сумку. — Восемь четвертей самогона. Огурчики маринованные, грибки солененькие, капусточка квашеная, брусничка моченая, черемша, чеснок, тоже маринованные...

— Тетя Матрена, — тихо произнесла стоявшая за спиной у Петровны племянница. — А не опасно с ними ехать-то?

— Не, — не оборачиваясь, ответила Петровна. — У них же объект повышенной секретности.

— Так ведь восемь четвертей самогона.

— Тю! Подумаешь! Они ж люди служивые! Им, поди, и не такое пить доводилось. И ничего, зрячие.

— Я не о том, — совсем уже тихо прошептала племянница. — Я... — девушка стыдливо опустила голову. — Ну, что если они напьются да приставать начнут?

— Не начнут, — уверенно успокоила племянницу Петровна. — У них своих девок хватает.

— А ты откуда знаешь?

— Да они, когда летом останавливаются, ребятишек выпускают по травке побегать. А откуда, спрашивается, ребятишки, ежели баб нет?

В дверях вагона снова появился Вовчик.

— Принимай, Петровна! — весело гаркнул он и принялся спускать вниз такие же туго набитые сумки, как и те, что недавно затащил в тамбур.

— Все по списку? — недоверчиво спросила Петровна, ставя первую сумку в снег.

— В копеечку! — подмигнул Рите младший лейтенант. — Икра красная, икра черная, кальмары в банках бельгийские, балык наш, отечественный, сосиски консервированные китайские, шпроты эстонские, сардины литовские, креветки норвежские, лосось наш, колбаса сырокопченая микояновская, шоколад «Красный Октябрь», сигареты «Лаки Страйк»...

— А почему пустых четвертей только семь! — возмущенно воскликнула тетка, заглянув в очередную переданную ей сумку.

— Извини, Петровна, — с сожалением развел руками Вовчик. — Одну случайно разбили.

— Ежели вы мне возвратную тару бить станете, я вам самогон в молочных бидонах приносить буду, — недовольно проворчала тетка. — Так своему полковнику и скажи!

— Все понял, Петровна! — хотя и без фуражки, козырнул тетке младший лейтенант. — С наступающим тебя!

— И тебя, Вовчик, с наступающим, — улыбнулась в ответ Петровна.

Потому что тетка она была не злопамятная и к служивым относилась со всем уважением.

— Ну, давай, что ли! — Вовчик протянул руку девушке, нерешительно переступавшей с ноги на ногу возле лесенки.

Рита протянула младшему лейтенанту сумку, такую же, как и те, в которых Петровна доставляла продукты.

— Тяжеленная-то! — удивился Вовчик, подхватив клеенчатую сумку за ручки. — Кирпичи, что ли, с собой везешь?

— Учебники, — ответила девушка.

— А, ну это хорошо, — Вовчик кинул сумку в тамбур и снова протянул девушке руку. — Залазь скорей, сейчас тронемся. А как тронемся, так уже не остановимся.

Рита быстро оглянулась на Петровну. Тетка коротко кивнула ей вслед, и, ухватившись одной рукой за поручень, а другой за руку, предложенную младшим лейтенантом, девушка запрыгнула на лестницу.

Издав короткий гудок, поезд тронулся с места.

— Позвони, как на место прибудешь! — крикнула вслед племяннице тетка.

Младший лейтенант пропустил девушку в тамбур, а сам повис на лестнице.

— Слышь, Петровна! — крикнул он медленно погружающейся в снежное марево тетке. — Мы после Нового года снова в твоих краях будем! Ты уж приготовь все, как обычно!

— Сделаю! — крикнула в ответ Петровна. — Позвони! — тетка за шнурок вытянула из кармана тулупа мобильник и замахала им. — Позвони, когда ждешь!

— Ясно! Позвоню!

Вовчик запрыгнул в тамбур и дернул за рычаг. Лесенка сложилась, дверь тамбура захлопнулась. Последние залетевшие в теплый тамбур снежинки кружились и таяли, не успев лечь на пол.

— Бр-р-р! — зябко обхватил себя руками за плечи младший лейтенант. — Ну и холодыря!

— Да нет, сегодня еще не очень холодно.

Рита стянула с головы теплый пуховый платок, и глазки Вовчика сверкнули охотничьим азартом. Девушке было лет шестнадцать. О фигурке ее, прячущейся под тулупом и несколькими кофтами, наде-тыми под ним, сказать что-либо было сложно, а вот личико у нее было круглое, доброе, миловидное. Карие глаза влажно поблескивали, щеки от мороза блестели. Густые темно-русые волосы стянуты в ту-гую косу.

— А что вы делаете, когда еще холоднее? — спросил первое, что пришло в голову, Вовчик.

— Печку топим, — ответила Рита.

И улыбнулась.

Вовчик окончательно сомлел.

— Хорошо! — он суетливо подхватил тяжелую Ритину сумку и рас-пахнул перед девушкой дверь в вагон. — Идем, я тебя пристрою.

Сразу было видно, что поезд не простой.

Проход, тянущийся вдоль забранных металлическими жалюзи окон, был примерно вдвое шире, чем в обычных поездах дальнего следования. Два человека могли в нем свободно разойтись, даже если один из них страдал избыточным весом. На противоположной стене всего три двери, каждая с кодовым замком и прорезью для магнитной карточки. Ни «титана» с кипятком, ни купе проводника, ни двери в туалет. На полу — красная ковровая дорожка. На потолке — яркие полукруглые лампы дневного света. И тишина. Никакого тебе пере-стука колес, никакого лязга межавгонных сцепов. Кажется, будто по-езд на месте стоит. Только почему-то слегка из стороны в сторону по-качивается.

Младший лейтенант Вовчик нажал кнопку возле окна, и из стены вывалилось мягкое, оббитое красным плюшем кресло. Со спинкой и подлокотниками.

— Садись.

Девушка молча выполнила команду — села и сложила руки на ко-ленках. В вагоне было жарко, но Рита не решалась спросить, можно ли ей снять или хотя бы расстегнуть тулуп.

— Лихое твое будет примерно через шесть часов, — Вовчик за-толкнул Ритину сумку под сиденье. — Минут за десять я тебя преду-прежу, что подъезжаем. А до тех пор сиди тут тихо. У нас поезд осо-бого назначения.

— Я знаю, — быстро кивнула Рита.

— Откуда? — насторожился младший лейтенант.

— Мне Матрена Петровна рассказывала, тетка моя.

— А-а, ну тогда ладно... Короче, ни к кому ни с какими вопросами не приставай. Ежели кто сам спросит, кто, мол, такая да откуда, скажешь, полковник Скурцев разрешил подсесть. Это командир нашего отряда.

— Я знаю, — снова кивнула Рита.

— Петровна сказала? — догадался Вовчик.

— Она, — подтвердила девушка.

— Ох, доболтается твоя тетка, — сурово сдвинул брови Вовчик.

Рита испуганно втянула голову в плечи.

— Ладно, не тушуйся, — подмигнул ей младший лейтенант. — Доставим тебя до места в лучшем виде.

— Спасибо, — едва слышно поблагодарила Рита.

— Ну, вроде бы я тебе все, что нужно, сказал, — младший лейтенант хлопнул в ладоши и посмотрел по сторонам. — В общем, отдыхай, а я пошел. Дела у меня.

Вовчик не пошел, а побежал вдоль вагона и скрылся за дверью тамбура.

Оставшись одна, Рита первым делом осмотрелась. Но ничего интересного для себя не открыла. Даже расписания движения поезда на стене не было.

Прошло двадцать минут. В вагон никто даже не заглянул, и Рита наконец решилась расстегнуть тулуп.

Еще через пять минут девушка сняла тулуп и положила его позади себя на спинку кресла.

Чуть погодя распахнулась дверь дальнего тамбура, и в вагон вошел человек в белом халате и белом поварском колпаке. В одной руке у него был захват с тремя большими алюминиевыми судками, в другой — сумка, очень похожая на одну из тех, что отдала младшему лейтенанту тетка Петровна.

Быстро глянув на сжавшуюся в откидном кресле девушку, повар подошел к средней двери, тихонько постучал и вошел.

Рита ждала, когда повар выйдет, но он долго не появлялся. Наклонившись, девушка сунула руку в стоявшую под креслом сумку и наугад вытащила первую попавшуюся книгу. Это оказался толстенный учебник под впечатляющим названием «Мировая экономика. Вчера, сегодня, завтра».

Рита обреченно вздохнула.

Меньше всего она хотела сейчас держать в руках именно эту книгу, которую штудировала на протяжении последних трех месяцев. Книга была написана столь замысловатым языком, мало похожим на русский, что понять, о чем в ней идет речь, было абсолютно невоз-

можно, а выучить наизусть — все равно что самой себе сделать лоботомию. Естественно, не по собственной прихоти взялась девушка за столь мудреный научный труд — завтра ей предстояло сдавать устный экзамен по этой книге.

Еще раз тяжело вздохнув, Рита открыла книгу примерно на середине. Глаза ее скользили по убогим строчкам, но мозг отказывался складывать слова в осмысленные фразы. Не об истории мировой экономики думала сейчас Рита, а о странном поезде, в котором ехала. Книга, что она держала в руках, должна была вызвать доверие у того, кто увидит сидящую в коридоре девушку, которая, в принципе, здесь не должна находиться. Хотя бы у того же повара — рано или поздно он непременно должен выйти из купе. Ссылка на полковника Скурцева почему-то не казалась Рите убедительной. Что, ежели этот самый полковник, которого тетка Петровна называет милейшим человеком, страшно разозлится, обнаружив в своем «Литерном» поезде «зайца»? Да так разойдется, что прикажет высадить девицу тут же, на месте, не доезжая до станции? Зимой среди леса — это ж верная смерть...

Повар вышел из купе.

Рита уткнулась в книгу. Она боялась даже бросить взгляд за край переплета и подняла голову, только когда хлопнула дверь тамбура.

Повара в коридоре не было. Но возле двери купе, из которого он вышел, стоял невысокого роста мужчина лет пятидесяти. На нем красовался шелковый малиновый халат с золотыми драконами, изпод которого на груди выглядывала тельняшка, а снизу — армейские брюки с лампасами. Лицо его казалось не то чтобы злым, но суровым. Мужчина стоял молча, отставив в сторону обутую в тапок ногу и убрав руки за спину, и с интересом изучал сжавшуюся в кресле девушку.

Рита захлопнула книжку, смущенно потупила взгляд и едва слышно произнесла:

— Здравсьте...

Мужчина в халате хмыкнул эдак неопределенно и не спеша, вразвалочку, направился в ее сторону. Подойдя, он, все так же ничего не говоря, взял из рук девушки книгу и посмотрел название.

— Надо же... — произнес он не то с уважением, не то с недоумением. — «Мировая экономика», — он протянул книгу Рите. Девушка быстро схватила ее и прижала к груди. — А я-то думал, молодежь нынче только Марининых да Донцовых всяких читает... Ну, или еще этих... Как их... — Он сосредоточенно наморщил лоб и пошелкал пальцами. — Порнографов новомодных... Ну?..

Мужчина смотрел на Риту, ожидая подсказки.

— Пелевин? — замирая от страха, пролепетала Рита.

— Не, не он, — махнул рукой мужчина. — Другой...

Лицо девушки залилось краской смущения.

— Я других не знаю.

— А, ну и черт с ними! — мужчина неожиданно улыбнулся. — Ты-то сама откуда здесь взялась? У нас поезд вроде бы не пассажирский.

— Меня младший лейтенант посадил, — не глядя на собеседника, ответила Рита.

— Младший лейтенант? — мужчина сдвинул брови. — Какой такой младший лейтенант?

— Вовчик, — произнесла полусшепотом Рита, уверенная в том, что это ее последнее слово.

После «младшего лейтенанта Вовчика» ее непременно ссадят с поезда. И даже, может быть, остановку ради этого делать не станут.

— Младший лейтенант Вовчик, говоришь... — мужчина усмехнулся, качнул головой и ухватился двумя пальцами за гладко выбритый подбородок. — И кем же ты, красавица, приходишься этому младшему лейтенанту Вовчику?

— Никем, — Рита приободрилась — если расспрашивать начали, значит ссаживать пока не собираются. — Я племянница Матрены Петровны Нечаевой, что с полустанка Дикое. Она с полковником Скурцевым, командиром поезда, договорилась. Он обещал подвезти меня до станции Лихое, — воодушевившись, Рита подняла голову и посмотрела мужчине в глаза. Глаза были серые и совсем по-отечески одновременно строгие и добрые. — Вы знаете полковника Скурцева?

Мужчина наклонил голову и поскреб ногтями блестящую розовую щеку. Он смотрел на девушку так, что Рита поняла: сейчас принимается решение, от которого будет зависеть вся ее дальнейшая жизнь. Да-да! Именно так! Не поездка в Лихое, а вся та жизнь, что впереди! А у молоденькой девушки, которая пока еще и о замужестве не думает, годков впереди видимо-невидимо!

— Вот что, красавица... Как, кстати, тебя зовут?

— Рита... Маргарита то есть... — девушка смущенно зарделась. — Маргарита Осиповна Нечаева.

— Нечаева... — мужчина завел глаза к потолку и снова потрогал пальцами подбородок. — Где-то я эту фамилию уже слышал...

— Так тетка моя, Петровна, тоже Нечаева, — напонила Рита.

— Нет, не то, — досадливо поморщился мужчина. — А, ладно, —

махнул он рукой и улыбнулся Рите. — В общем, так, Маргарита Осиповна, до Лихого еще несколько часов езды, айда к нам в купе!

— Это зачем же? — насторожилась Рита.

— Ну, как это — зачем? — удивленно поднял брови мужчина. — Негоже гостей в коридоре держать... Да ты не бойся, — весело подмигнул он девушке. — У нас купе не спальное, а командирское.

— Команди-и-ирское, — Рита посмотрела на дверь загадочного купе. Затем перевела взгляд на мужчину в шелковом халате. — А вы, выходит, тоже командир?

— Угадала, я командир всего этого поезда. Полковник Скурцев. Можно просто Павел Николаевич.

Сказал, подхватил со спинки кресла Ритин тулуп и пошел к своему командирскому купе.

На секунду-другую в глазах у Риты все поплыло — еще бы, сам командир «Литерного» пригласил ее в свое командирское купе! — но быстро поймав реальность за тоненький мышинный хвостик, девушка вскочила с кресла, схватила свою тяжеленную сумку с учебниками и, зажав под мышкой «Мировую экономику», кинулась следом за полковником.

Полковник Скурцев открыл дверь в купе и изобразил легкий полупоклон, пропуская даму вперед.

Купе оказалось не просто большим, а по-настоящему огромным. Все равно что горница в деревенском пятистенке. Окна забраны металлическими жалюзи — такой уж, видно, был в «Литерном» порядок, — под потолком горели яркие лампы дневного света, прикрытые плоскими матовыми плафонами. Посреди комнаты стоял большой овальный стол. На одном краю стола установлен компьютер, поверх которого навален ворох служебных документов и армейских карт, как бумажных, так и на целлулоиде. На другом — выставлено то, что доставил в купе повар. Главным украшением обеденного края стола являлись яства домашнего приготовления, не более получаса назад доставленные к «Литерному» теткой Петровной. Была там и рассыпчатая отварная картошечка, посыпанная петрушечкой да укропчиком, и склизкие соленые маслятки, и капуста белокочанная квашеная, и сальце беленькое с красными мясными прожилочками, и пучочек черемши, и огурчики, и брусничка... Ну и, понятное дело, матово опалесцирующий графинчик, в который перелили тетку самогонку.

В уголке на стульчике, закинув ногу на ногу, сидел мужчина чуть помоложе полковника, с узким, благородным лицом и глубокими залысинами на висках. На нем был желтый спортивный костюм с эмблемой в виде оскаленной пасти тигра на груди.

— Знакомьтесь, господа офицеры! — войдя в купе, полковник прикрыл за собой дверь, кинул Ритин тулуп на кресло в углу и слегка, по-родственному, приобнял девушку за плечи. — Красавицу сию зовут Маргарита Осиповна Нечаева и приходится она племянницей нашей с вами благодетельнице, — широким жестом Павел Николаевич указал на уставленный яствами край стола, — Матрене Петровне с полустанка Дикое.

— Здравсьте! — натянуто улыбнулась Рита.

— Марго! — мужчина в спортивном костюме порывисто поднялся на ноги и по-гусарски галантно поцеловал Рите ручку. — Безмерно рад нашей встрече!

— Майор Чуднов, Глеб Емельянович, — представил гусара полковник. — Наш начальник штаба... Буди замполита.

Майор Чуднов тряхнул как следует большое кожаное кресло, стоявшее широкой спинкой к столу, и из кресла вывалился небольшого роста, очень толстый человек, на котором были только форменные штаны и вылинявшая, бледно-голубая майка на узких лямочках.

— Майор Трупень, Семен Семенович, — представил толстяка полковник. — Прежде был у нас замполитом. Но теперь должность эту упразднили, и мы все никак не можем придумать, кем бы его назначить.

— Есть идея сделать майора Трупеня поездным капелланом, — с серьезным видом изрек майор Чуднов. — Но имеется одна загвоздка. Поскольку личный состав у нас многонациональный, его нужно разом крестить, обрезать, обратить в ислам и, как буддисту, побрить голову.

— И, как язычнику, вставить в нос кольцо, — добавил полковник.

— А ну вас, — мрачно буркнул невыспавшийся бывший замполит.

— Приведи себя в порядок, Семен Семеныч, — с укоризной посмотрел на майора полковник. — Не видишь разве, гости у нас.

Замполит, и правда, только сейчас обратил внимание на девушку.

— Миль пардон, мадемуазель, — изрек он хриплым спросонья голосом и скрылся за узенькой дверцей в боковой стенке купе.

— Не стесняйся, Риточка, — приободрил гостью полковник. — Чувствуй себя, как дома.

Видя, что девушка все же чувствует себя смущенно, Павел Николаевич забрал у нее сумку с учебниками, подвел Риту к столу и, положив руки на плечи, заставил сесть.

— Мы, правда, гостей не ждали, — улыбнулся девушке сидевший справа от нее Глеб Емельянович. — Но, как говорится, гость в доме — радость в доме. Угощения на всех хватит.

— А жена как? — спросил у начштаба полковник. — Не присоединится?

— Светка детей моет, — ответил Чуднов. — Пока горячая вода есть.

Из соседней комнаты появился майор Трупень. Гладко выбритый, причесанный, в парадном мундире с орденской планкой.

— Ну, вот и я! — радостно возвестил он и, подхватив свободный стул, сел за стол напротив Риты.

— Смотри, Семеныч, что молодежь нынче читает, — полковник вытянул у Риты из-под мышки толстый учебник и передал его бывшему замполиту.

А сам занял место по левую руку от гостя.

Трупень листнул учебник и с уважением посмотрел на Риту.

— Да... Это вам не Мулдашев... Экономикой интересуетесь, мадемуазель?

Рита растерянно хлопнула глазами.

— Нынче все экономикой увлекаются, — ответил бывшему замполиту Чуднов. — Если не экономист, так значит маркетолог. На худой конец — пиарщик.

— Пиарщик — это самое оно! — не согласился с начштабом полковник.

— Ну, это смотря кого пиарить, — возразил Чуднов. — А то ведь и влететь можно по самые уши.

— Вот Билл Гейтс — молодец, — Трупень с уважением посмотрел на заваленный картами компьютер. — Сам себя пиарит... И как пиарит! — бывший замполит восторженно закрыл глаза. — Господь Бог по сравнению с ним малец неразумный.

— Ты, Семеныч, на счет Бога-то не очень, — строго постучал вилок по краю тарелки Чуднов. — А то, смотри, не быть тебе с такими речами капелланом.

— Господа офицеры! — звучно хлопнул в ладоши полковник Скурцев. — Предлагаю перейти к делу!

— Точно! — начштаба взялся за графин.

Бывший замполит кинул себе в тарелку пару картофелин, положил грибков, черемши и салца.

— За вами поухаживать, мадемуазель? — посмотрел он на Риту, которая сидела, скромно сложив руки на коленях.

— Да я только что из дома, — попыталась отказаться Рита. — Поела перед дорогой...

— А мы вам, Риточка, наше фирменное предложим, — полковник взял со стола банку красной икры, дернув за кольцо, сорвал с нее

крышку и поставил перед девушкой. — Мы по салцу да капустке соскучились, а вы, Риточка, икорку кушайте. Вот еще, — он пододвинул поближе тарелку с рыбной нарезкой, — балычок, осетринка, лосось... Что еще? — Павел Николаевич хозяйским взгляд окинул стол. — Колбаса есть еще, ветчина баночная... Хотите, я велю для вас креветок отварить?

— Нет-нет, спасибо, — поспешила отказаться Рита.

— Ну, тогда приступайте, — полковник подал девушке чистую тарелку, вилку и нож. — У нас здесь все по-простому, можно сказать, по-домашнему.

— Эт-точно! — Чуднов расплескал самогон по стопкам и вопросительно посмотрел на девушку.

— Нет-нет, спасибо, — еще раз отказалась Рита.

— Ну, за гостью!

Офицеры выпили и закусили.

Рита намазала кусочек белого хлеба маслом и положила сверху икру, совсем немножко.

— Не деликатничайте, Риточка, — полковник зачерпнул большую ложку икры и вывалил ее девушке на бутерброд. — У нас этого добра...

— А что, в Москве икра с колбасой такие дешевые? — осторожно поинтересовалась Рита.

— С чего это ты взяла? — удивленно уставился на нее Чуднов.

— Ну, как же... — Рита положила королевский бутерброд на край тарелки. — Вы же, вон, — она кивнула на стол, — икру на капусту квашеную да грибы меняете.

После секундной паузы все три офицера дружно захохотали.

Рита поняла, что сморозила глупость, опустила взгляд и покраснела до кончиков ушей.

— Не обижайся, — погладил девушку по плечу Павел Николаевич. — Икра в Москве дороже, чем в здешних краях. Да и не были мы в Москве... Сколько? — посмотрел он на начштаба.

— Без малого восемь лет, — подсказал Чуднов.

— Семь лет и девять месяцев, — уточнил Трупень. И вздохнул скорбно. — А у меня ведь в Москве семья... Была...

— А тебе говорили, бери семью в поезд, — укоризненно глянул на бывшего замполита Скурцев. — Вон, у Глеба и жена, и дети под рукой.

— Да разве ж это жизнь, на колесах-то, — уныло опустил голову Семен Семенович.

— А что, я не жалею, — начштаба наколол на вилку грибок и отправил его в рот. — Бывало и хуже. Здесь, по крайней мере, ни о кры-

ше над головой, ни о пропитании думать не приходится. Разве что только об этом, — Чуднов шелкнул ногтем по графину с самогоном.

— Давай! — полковник пододвинул начштабу пустую рюмку.

Мужчины снова выпили и закусили.

— Ситуация, Риточка, следующая, — вернулся к прежней теме полковник. — У нас, как тебе известно, поезд особого назначения. Уровень секретности... — Скурцев провел раскрытой ладонью над головой. — Приказы я лично от президента получаю. Понимаешь? — Рита быстро кивнула. — Ну, так вот... Мы имеем право останавливаться только в особых точках, на территориях военных городков. Обычные станции мы на полной скорости пролетаем, так, чтобы никто даже номера вагонов заметить не успел. Во время остановок нам в поезд загружают все необходимое — одежду, еду и боеприпасы. Все, — полковник развел руками. — Стоянка не более получаса. И не чаще двух раз в году. Соответственно, и продукты нам загружают какие — длительного хранения. От консервов всяких, сублимированных котлет да глубоко замороженной рыбы у нас холодильники ломаются. Икра, — Павел Николаевич покосился на банку, стоявшую возле Ритиной тарелки, — оно, конечно, здорово. Но не будешь же ее каждый день есть. Порой страсть как хочется чего-нибудь простого, домашнего...

Полковник улыбнулся мечтательно и азартно шелкнул пальцами.

— Поэтому тетка твоя, Петровна, для нас все равно что ангел небесный, — закончил мысль полковника начштаба и налил по третьей.

— А спиртное, — поднял наполненную рюмку Павел Николаевич, — нам, как людям военным, да еще и находящимся при исполнении особо важного государственного задания, вообще не позволено.

— Ни под каким видом, — строго покачал пальцем Трупень.

— А порой же хочется, — сладко вздохнул Чуднов. — Мы ж, хоть и военные, а все одно, нормальные мужики.

Офицеры выпили по третьей и закусили.

— Знатный, Риточка, у твоей тетки самогон, — сказал полковник Скурцев. — При случае передай ей от меня личную благодарность.

— И от президента! — указал на полковника вилкой бывший замполит.

— Хорошо, — не стал спорить Павел Николаевич. — И от президента тоже.

Алкоголь делал свое дело. Мужчины расслабились, раскраснелись. Разговор потек более непринужденно.

— Так объясните мне, мадемуазель, — Трупень постучал тупым концом вилки по толстому Ритиному учебнику. — Что вынудило вас читать книгу сию?

— У меня завтра экзамен, — ответила Рита. — Письменные я уже отправила по почте. А экономику нужно устно сдавать.

— Так вы в институт поступаете, — догадался Трупень. — Весьма похвально!

— В колледж, — уточнила Рита.

— Все равно похвально! Образование, — бывший замполит вознес вилку к потолку, — это базис современного развитого общества, устремленного в завтрашний день!

— А колледж, выходит, в Лихом находится, — догадался полковник.

— Ага, — кивнула девушка. — У меня там подруга живет. Я у нее переночую. А завтра, с утра — на экзамен.

— А почему вступительные экзамены сдаются зимой? — поинтересовался Чуднов.

— Так после очередной реформы образования все высшие и средние учебные заведения переведены на схему весна-осень, — объяснила девушка. — Для того, чтобы учебный год совпадал с календарным.

— Надо же, — удивленно покачал головой начштаба. — До чего только люди в министерствах не додумаются.

— А мы вот сидим в своем поезде и ни о чем не знаем, — грустно произнес Трупень.

— Так, может, оно и к лучшему? — посмотрел на него Чуднов.

Бывший замполит ничего не ответил.

— Готова к экзамену? — строго спросил у Риты полковник.

— Ну-у... — девушка склонила голову к плечу — получилось смущенно и кокетливо одновременно. — Это смотря в каком смысле.

— Какие интересные мысли! — Трупень откинулся на спинку стула и переплел пальцы рук на круглом животе. — Я всегда полагал, что к экзамену можно быть готовым или нет. И никакого второго смысла.

— Я все выучила! — заверила бывшего замполита девушка. — Но колледж-то экономический, один на район. Желающих поступить — тьма-тьмушая.

— Значит, для того чтобы поступить, нужно быть лучшей из лучших, — сделал казавшийся ему закономерным вывод Трупень.

— Семен Семеныч, — с укоризной посмотрел на бывшего замполита Чуднов. — Ты в какой стране живешь?

— А что? — насторожился, почувствовав подвох, Трупень.

— А то, что у нас в стране все решают не знания, а личные связи, подкрепленные деньгами, — начштаба многозначительно потер палец о палец, — желательно в твердой иностранной валюте. Гривны и тенге не котируются. Понял, капеллан?

— А-а, — закатил глаза Трупень. — Так вот оно что!

— Именно, — уверенно подтвердил Павел Николаевич. — Власть готовит себе достойную смену.

— И как ты сама расцениваешь свои шансы на поступление? — поинтересовался Чуднов.

Майор взял графин и наполнил пустые рюмки.

— Не знаю... — смущенно потупилась Рита.

— И все же, — стоял на своем начштаба. — Исходя из того, сколько нужно дать, чтобы поступить наверняка, и сколько у тебя имеется в наличии?

— Процентов тридцать, — упавшим голосом ответила Рита.

— Да-а, — покачал головой бывший замполит. — Куда мы катимся?

— В данный момент — в Лихое, — ответил начштаба.

Офицеры выпили и закусили.

— Не расстраивайся, Риточка, прежде времени, — полковник положил на край Ритиной тарелки бутербродик с осетринкой горячего копчения. — Господь, как говорится, предполагает, а человек — располагает.

— А не наоборот? — задумчиво сдвинул брови Чуднов.

— Как я сказал, так и будет! — командир «Литерного» не сильно, но уверенно стукнул кулаком по столу. — Семен Семеныч! Соедини меня с контрольным вагоном!

— Павел Николаевич, — удивленно уставился на командира бывший замполит, — вы собираетесь задействовать спецсредства?

— Именно так! — наклонив голову, подтвердил Скурцев.

— Но для этого, — Трупень бросил быстрый взгляд на девушку, — придется нарушить режим секретности.

— Ну и черт с ним! — лихо махнул рукой полковник Скурцев.

— Точно! — поддержал командира начштаба. — Мы армия народная и служим народу! И лично я не желаю и не могу сидеть сложа руки, когда на моих глазах творятся бесчинство и несправедливость!

— Отлично сказано, Глеб! — ткнул пальцем в начштаба Павел Николаевич.

— На том стоим! — не поднимаясь со стула, майор козырнул полковнику.

— Ну, я не знаю, — развел руками Трупень.

— А раз не знаешь, так лучше помолчи! — приказал ему полковник. — Давай связь с контрольным вагоном!

Бывший замполит пожал плечами — мол, что поделаешь, приказ есть приказ, — выдвинул ящик стола, достал из него большую черную телефонную трубку и протянул ее полковнику.

Павел Николаевич подул в трубку.

Трупень шелкнул переключателем.

— Алло! Контрольный? — по-командирски уверенно рявкнул в трубку Павел Николаевич. — Это полковник Скурцев! Кто на смене? Турчинский... Ну, и как там у тебя, Турчинский?... Все в порядке? За-сечек новых нет? А старые как? Держатся... Все в том же режиме... Ага... Ясненько... Ты вот что, Турчинский, пришли-ка мне в штабной вагон самого лучшего ясновидящего. Собкин... Хорошо, давай Собкина. Хотя... Ну, да ладно. Еще прорицатель нужен... Естественно, самый лучший! Да... И бабку эту вашу пришли... Ну, ту, что на Ющенко порчу наводила... Что значит, когда — немедленно! Все, будь здоров.

Полковник вернул трубку бывшему замполиту, и тот спрятал ее в стол.

— Порядок, — весело подмигнул Рите командир «Литерного». — Ша мы все твои проблемы в момент решим...

Взгляд девушки, устремленный на Павла Николаевича, говорил так много, что поначалу Скурцев задумался об услугах переводчика. Чуть погодя он догадался: девушка просто не понимает, о чем идет речь. Мало того, что она примерно в равных пропорциях удивлена, испугана, насторожена и смущена, так она еще и лелеет в душе смутную надежду на то, что слова Павла Николаевича окажутся не пустым трепом слегка подвыпившего командира, в своем «Литерном» чувствующего себя едва ли не Аресом.

— Глеб Емельянович, — полковник со стуком поставил перед начштаба пустую рюмку. — Полагаю, тебе следует ввести нашу гостью в курс дела.

— Мне? — Чуднов наполнил рюмку полковника, а заодно свою и бывшего замполита.

— Именно тебе, — подтвердил Павел Николаевич.

— А как же режим секретности?

Скурцев оценивающе посмотрел на девушку.

— Риточка, вы умеете хранить тайну?

— Конечно, — быстро кивнула Рита.

— А государственную?

Рита кивнула молча.

Ответ девушки понравился командиру «Литерного».

— Приступайте, Глеб Емельянович, — скомандовал полковник Скурцев.

Офицеры выпили и закусили.

— Полагаю, Марго, ты слышала: в былые времена по всей необъятной территории Советского Союза курсировали специальные по-

езда, на которых были установлены ракеты дальнего радиуса действия, — начал Чуднов. — Такие и по Америке запросто могли шарануть. В годы «холодной войны» это было необходимо для того, чтобы противник не мог вычислить наши ракетные базы и нанести по ним превентивный удар. Одним из таких поездов был и наш «Литерный». После того как Союз нерушимый пошел псу под хвост, а «холодная война», соответственно, переросла в горячую дружбу между народами, США и Россия подписали договор, в соответствии с которым мы должны были снять ракеты с движущихся по рельсам платформ. Ракет не стало, но спецпоезда остались. И что с ними было делать?..

Глеб Емельянович сделал паузу, предлагая Рите ответить на заданный вопрос.

— Использовать для перевозки мирных грузов и гражданского населения, — не задумываясь, выпалила девушка.

— Хороший ответ, — наклонил голову начштаба. — Чувствуется хватка будущего экономиста. Но наше командование, Марго, как водится, пошло иным путем. Оно решило использовать спецпоезда для перевозки оружия, которое не попадает ни под один из договоров. Потому что ни наше правительство, ни правительства других стран не признаются, что у них это оружие имеется. Мы, Марго, возим в нашем поезде колдунов.

— Кого? — решив, что ее разыгрывают, Рита подалась вперед и приготовилась рассмеяться.

— Колдунов, — без тени улыбки повторил начштаба. — Ясновидящих, прорицателей, экстрасенсов, ворожей, телепатов, психокинетиков... У них там своя классификация. Мы их всех называем просто колдунами. Весь фокус в том, что когда группа колдунов начинает работать в каком-то одном месте, вражеские колдуны очень быстро их вычисляют и блокируют. А то и дезинформацию какую подкинуть могут. Бывали случаи... Колдунов же, работающих в движущемся вагоне, практически невозможно не то что блокировать, но даже обнаружить, — Глеб Емельянович улыбнулся, наколот на вилку полоску сала и положил ее на кусочек черного хлеба. — Вот так мы и колесим по стране, сея смуту и разброд в стане противника.

— А-а... — Рита перевела взгляд с начштаба на полковника.

— Все это правда, Риточка, — кивнул Павел Николаевич.

— И на что способны ваши колдуны?

Вопрос было откровенно глупый. Более того — неправомерный. То, что Рита задала его, можно объяснить лишь тем, что девушка пребывала в полнейшей растерянности.

— Э, нет, — помахал вилкой с насаженным на нее кусочком маринованного огурчика полковник Скурцев. — Ты, Риточка, и без того уже узнала слишком много.

— Ага, — кивнул невесело Трупень. — Настолько много, что нам остается только ее убить.

— Не пугай девочку, — с укоризной посмотрел на бывшего замполита полковник. — Могу сказать тебе одно, Риточка, — вновь обратился он к будущей студентке. — Многое из того, что ведущие новостей обычно приписывают непредвиденному стечению обстоятельств или воле рока, на самом деле наша работа.

Рита была ошеломлена и растеряна. Кто бы мог подумать! «Литерный», появления которого в Диком всякий раз ждали как чуда, на самом деле... На самом деле таковым и являлся! Армейский поезд, оснащенный бригадой колдунов. Расскажи кому такое... Э, нет, рассказывать было нельзя — государственная тайна!

В дверь негромко постучали.

— Заходи! — рыкнул полковник Скурцев.

Дверь откатилась в сторону.

Более странную тройцу, чем та, что вошла в штабное купе, трудно было придумать. Возглавлял ее высокий, очень худой мужчина с гладко зачесанными назад набриолиненными, иссиня-черными, явно крашеными волосами, острым носом и оттопыренными ушами. Одет он был в поношенный черный фрак, под которым вместо белой манишки красовалась рубашка в красно-синюю клетку. Вторым был совсем молодой человек, едва ли не мальчишка, с ржыми всклокоченными волосами, озорным взглядом и весь в веснушках. В костюме его не наблюдалось ничего необычного — джинсы и майка, — если не считать большого круглого значка с надписью «Ленин жив?..» на груди. Третьей вошла пожилая, очень пожилая женщина, явно косящая под цыганку. Маленького роста и полная сверх всякой меры, она, казалось, с ног до головы была закутана в огромную цветастую шаль. Волосы спрятаны под ярко-оранжевый платок, а на необъятной груди позвякивало декоративное монисто — монетки не настоящие, но зато очень много.

— Товарищ полковник! — по-военному приложив руку к ржым волосам, отпартовал самый молодой. — Группа колдунов в количестве трех человек по вашему приказанию прибыла!

— Вольно, — усмехнулся Павел Николаевич. — Знакомьтесь, Риточка, — указал он на вновь прибывших. — Того, что из себя военного изображает, зовут Вася Собкин. С виду он неказист, но способен на многое. Один из лучших наших ясновидящих.

— В мире мне нет равных! — вставил Собкин.

— Да ладно тебе, — махнул на него рукой полковник. — В мире!.. Можно подумать, ты в этом мире с кем-то силами мерялся!.. Тем не менее, Риточка, свое дело Собкин знает. При благоприятных гидрометеорологических условиях способен рассмотреть документ, который в Пентагоне у ихнего генерала на столе лежит. Одна проблема — по-английски читать не умеет. Сколько ни пытались научить, все без толку. Видимо, полнейшая неспособность к языкам компенсируется у Васи талантом ясновидящего.

— Именно так, товарищ полковник! — счастливо улыбнулся Вася.

— Господина во фраке зовут Яков Михайлович Вертель, — продолжил презентацию полковник Скурцев. — Прорицатель в третьем поколении. Деда его за неуместные пророчества чекисты расстреляли. С отцом обошлись гуманнее — отправили на Колыму золотомыть.

— Папа и это предвидел, — голос у Вертеля был очень высокий, взвизгивающий на полуистерических нотах. При этом говорил он, как чревовещатель, почти не открывая рта, и на лице его не отражалось никаких эмоций, кроме гордой самоуверенности. — В своей тетради пророчеств он написал, что найдет свою погибель среди снегов. А было ему тогда девятнадцать лет.

— Удивительно, — покачала головой Рита.

— Ага, — саркастически усмехнулся Павел Николаевич. — Только умер папа Якова Михайловича не на Колыме. Он был реабилитирован, вернулся в свой родной Ленинград и уже там, спустя восемь лет, замерз как-то ночью в сугробе. В свидетельстве о смерти сказано: гражданин Вертель находился в состоянии сильного алкогольного опьянения.

— Это гнусная ложь! — вскинул подбородок Яков Михайлович. — Папа выпивал очень редко, только для того, чтобы снять стресс после очередного пророчества.

— Редко, да, как видно, метко, — подал голос майор Трупень.

— А что именно предсказал ваш отец? — поинтересовалась Рита.

Причем не просто из деликатности — ей действительно было интересно.

— Папа предсказал приход к власти Горбачёва, перестройку, падение Берлинской стены, путч 91-го года, дефолт 98-го, отречение Ельцина...

— Хватит, хватит, — поморщившись, замахал на Вертеля обеими руками Павел Николаевич. — Все это уже было, было, было...

— Отец сделал предсказания до две тысячи триста семьдесят седь-

мого года включительно! — Вертель поднял указательный палец и еще раз внушительно повторил: — Включительно!

— А можно спросить? — по-школьному подняла руку Рита, которую уже по-настоящему начало разбирать любопытство.

— Да ради Бога! — с готовностью согласился полковник.

— Кто победит на предстоящих президентских выборах?

— Ха! — начштаба вскинул руки и азартно ударил ладонью о ладонь. — Марго! Ты его еще спроси, когда очередной дефолт будет! Чтобы успеть рубли на евро обменять!

Полковник строго глянул на Чуднова и приложил палец к губам.

Вертель же сложил руки на груди, слегка откинулся назад и надели майора презрительнейшим взглядом.

— Видите ли, Маргарита, — обратился он к девушке. — Как всякий уважающий себя прорицатель, мой отец зашифровал свои пророчества.

— А зачем? — удивилась девушка.

— На тот случай, если записи попадут в руки недостойных людей, — еще один быстрый, полный презрения взгляд в сторону начштаба. — Которые, конечно же, захотят воспользоваться ими в своих корыстных интересах. Мне отец оставил ключ к расшифровке своих пророчеств. Как раз сейчас я этим и занимаюсь. Процесс этот совсем не простой... Понимаете?

— Понимаю, — кивнула Рита, хотя на самом деле ничего не поняла.

— Пока я дошел только до прошлого года. И, должен сказать, ни в одном из своих пророчеств отец не ошибся! Он с точностью до минуты указал время, когда первый захваченный террористами самолет врезался в башню Торгового центра в Нью-Йорке. Он предвидел, что...

— Хватит, хватит, Яков Михайлович, — прервал потомственного прорицателя Скурцев. — Мы с удовольствием выслушали бы все ваши истории, но нас поджигает время.

— Историй, — презрительно фыркнул Вертель и отвернулся в сторону.

— Познакомьтесь, Риточка, с Венерой Марсовной Бабакиной, — полковник подвел девушку к закутанной в шаль толстухе. — В отличие от прочих, она истинная колдунья. Хотя по штатному расписанию проходит как экстрасенс.

— Шо такое экстрасенс! — Венера Марсовна взмахнула рукой и выбросила из кулака три пальца. Акцент у нее был откровенно одесский. — Тьфу! — Толстуха плюнула на пальцы и сложила из них кукиш. — Во шо такое ваш экстрасенс!

— Венера Марсовна утверждает, что происходит из древнего рода румынских цыган, — продолжил свой рассказ полковник. — Одним из ее дальних родственников является сам Влад Цепеш.

Бабакина выставила перед собой руку с растопыренной пятерней так, будто собралась толкнуть Павла Николаевича в грудь.

— Милейший, между прочим, был человек, Владик! А то, шо о нем болтают — бред на постном масле! На него ешо када, — Венера Марсовна махнула рукой куда-то очень далеко, — напраслину возводить стали! А все за то, шо Владик наш ешо в те тяжелые феодальные времена в подвластной ему волости демократические реформы проводить начал!

— Ага, — рассмеялся Вася. — Крестьян своих на кол сажал и жег каленым железом.

— Брехня все это! — решительно провела рукой слева направо Венера Марсовна. — Чистой воды брехня!..

— Товарищи колдуны! — полковник лишь слегка повысил голос, но этого оказалось достаточно для того, чтобы все умолкли и обратили свои взоры на него. — Пора приступать к работе.

Павел Николаевич сделал приглашающий жест в направлении стола. Точнее, того конца стола, где стоял компьютер. Сам же он тем временем подошел к начштаба, который тут же протянул ему наполненную рюмку, чокнулся с ним и Трупенем, быстро выпил и кинул в рот пару хрустящих грибочков.

— Итак, — вытирая губы, приблизился к колдунам полковник. — Задача следующая...

— Нет-нет, — Вася Собкин взмахнул рукой, откинул голову назад и крепко зажмурился. — Я сам... Сам...

Выставленной вперед рукой он принялся водить из стороны в сторону.

— Задача... касается... — Вася говорил медленно, будто вылавливал слово за словом из воздуха, ставшего вдруг вязким, как кисель. — Касается... Обороноспособности страны.

Ясновидящий тяжело выдохнул, как будто сбросил с плеч мешок цемента.

— Ну-у, если смотреть в корень... — Трупень покрутил насаженным на вилку огурчиком. — Конечно, обороноспособность страны зависит от многих факторов, в том числе и от состояния экономики... А состояние экономики, в свою очередь, зависит от подготовленности кадров...

— Стоп! — взмахнул рукой Вася. — Я сам... Сам... — он снова закрыл глаза и как слепой принялся разводить перед собой руками. —

Речь идет... О... О... — он быстро облизнул вроде как пересохшие губы. — Об экономическом потенциале... Нет! — экстрасенс болезненно поморщился и затряс кистью руки. — Об экономической составляющей... Ближайших планов...

— Не тужься, Вася, — с сочувствием посмотрела на ясновидящего Венера Марсовна. — Все равно ведь ничего не выходит.

— Бывает, — развел руками Вертель.

— Нет-нет! — протестуяще замахал руками Собкин. — Я сейчас... Речь идет об экономической зоне... Нет! О зоне экономического вхождения...

— И выхода! — не сдержавшись, хохотнул Трупень. Да еще и пальцем ясновидящему погрозил. — Не идет у тебя сегодня работа, Вася! Не идет!

— Короче, — вытянув из вороха карт ту, что была нужна, полковник расстелил ее на настольном экране с низовой подсветкой, а остальные сдвинул в сторону. — Нас интересует вот этот объект! — он ткнул пальцем в точку на карте. — Городок под названием Лихое. Расположен неподалеку, в четырех часах езды.

— И что там? — спросил Вертель.

— А это вы мне сейчас расскажете, — лукаво улыбнулся Павел Николаевич. — Риточка, у тебя есть адрес?

— Моховая, двенадцать, — ответила девушка.

Она с неподдельным любопытством наблюдала за происходящим. Ее интересовал не столько конечный результат, тем более что пока она весьма смутно представляла, в чем именно он будет заключаться, сколько сам процесс.

Полковник сдернул карту с экрана и положил на ее место другую, более крупную.

— Здесь, — указал он место на карте. — Моховая улица, дом номер двенадцать. Что вы можете мне о нем рассказать?

— Дом! — тут же выпалил Вася.

— Удивил, — криво усмехнулась Венера Марсовна. — Скажи хотя бы, какой дом? Блочный али кирпичный?

— Э-э-э... — Вася задумался, прикрыл глаза ладонью, а из-под ладони посмотрел на Риту. — Двух... — пауза. — Нет! Трехэтажный дом! С широким парадным крыльцом!

— Он? — спросил полковник у Риты.

Девушка коротко кивнула.

— А над крыльцом! — потрясая указательным пальцем, продолжал вошедший в раж ясновидящий. — Над крыльцом три круга с барельефами! — Вася зажмурился. — Горький! — сделал он отмашку рукой.

— Пушкин! — еще одна отмашка. — И... — Вася быстро-быстро зашелкал пальцами и скривился так, что Рите стало жалко его. — И...

— Маяковский! — подсказала Рита.

— Точно! — звонко хлопнул в ладоши Вася. — Маяковский! — Он, как пистолет, наставил палец на полковника, и еще раз повторил: — Маяковский!

— Замечательно, — ровным, бесстрастным голосом произнес Павел Николаевич. — Но, как вы, наверное, сами понимаете, господа колдуны, не это нас интересует...

— Рядом с парадной дверью имеется вывеска, — перебил Вася полковника. — Стандартная вывеска, как на всех госучреждениях... — Собкин прищурился и вытянул шею, как будто старался рассмотреть что-то, находящееся далеко-далеко. — Министерство... — медленно, почти по слогам произнес он.

— О, Господи, — тяжело вздохнула Венера Марсовна. — Не иначе как Министерство финансов?

— Снова предсказание темпов инфляции, — в тон ей мрачно добавил Вертель.

— Тю! Шо там инфляция! — пренебрежительно махнула на предсказателя рукой потомственная колдунья. — А заговаривать курс доллара тебе, родненький, не приходилось?

— Министерство образования! — выдал ясновидящий Собкин.

— Во как! — удивленно округлила глаза Венера Марсовна.

— Н-да, — Вертель приложил палец к подбородку и задумчиво посмотрел на полковника. — Будем заниматься воспитанием патриотизма у молодежи? Или в региональный отдел Министерства образования пробрался враг?

— Враги у нас везде, — сообщил всем присутствующим бывший замполит Трупень. — В каждой конторе. Если бы не они, мы бы давно америкосов за пояс заткнули.

— Кстати, а шо у нас насчет национальной идеи? — спросила вдруг Венера Марсовна.

— В каком смысле? — не понял полковник.

— В смысле, есть она у нас или нет?

— У нас — это у кого?

— Ай, молодца, полковник! — заулыбавшись, игриво погрозила Павлу Николаевичу колдунья. — Не купился на мякине!

— Экономический колледж! — радостно возвестил ясновидящий Вася. — Это экономический колледж!

— Ну, и зачем нам экономический колледж? — вопросительно посмотрел на полковника Вертель.

— Завтра в этом самом колледже абитуриенты сдают вступительный экзамен...

— По экономике! — вставил ясновидающий.

— Верно, — кивнул полковник. — По экономике. Вопрос к вам, Яков Михайлович, сколько будет стоить стопроцентная гарантия зачисления в колледж, при том, что студент знает предмет на «отлично»?

— Секундочку...

Вертель расставил локти в стороны и приложил собранные в щепоть пальцы к вискам. Он глубоко вздохнул раз, другой... И замер, будто манекен в витрине.

Глядя на него, Венера Марсовна перекрестилась и с сочувствием покачала головой.

— Не одобряю я эти трансы, — сообщила она полковнику. — От них только вред здоровью. Я могу узнать то же самое, шо и он, — кивок в сторону Вертеля, — только карты раскинув.

— Действуйте, Венера Марсовна, — приказал Павел Николаевич.

Колдунья расчистила место на столе, достала из-под платка новенькую колоду игральных карт с яркими, цветастыми рубашками, ловко перетасовала и принялась раскладывать что-то похожее на пасьянс.

Вертель резко выдохнул и уронил руки.

— Есть, — устало сообщил он. — Пятьсот семьдесят восемь евро... Это в идеале. Но преподаватель, принимающий экзамен, скорее всего, округлит сумму до шестисот.

Венера Марсовна положила на стол последнюю карту колоды, сделал шаг назад и, подбоченившись, как художник на законченную картину, посмотрела на то, что у нее получилось.

— У меня выходит пятьсот восемьдесят три евро, — колдунья посмотрела на полковника. — Погрешность в пределах допустимого.

— Согласен, — кивнул Павел Николаевич. — Теперь нам нужно определить, где находятся билеты, приготовленные для завтрашнего экзамена.

— А зачем нам это нужно? — поинтересовался Вертель.

— Зачем нам это нужно? — полковник Скурцев устремил на предсказателя тяжелый командирский взгляд. — Семен Семеныч, — обратился он к бывшему замполиту, — будьте добры, соедините господина Вертеля с президентом. Яков Михайлович хочет задать вопрос главе государства.

Трупень даже бровью не повел. Зато Вертель почувствовал себя неуютно, плечами передернул, с ноги на ногу переступил.

— Ну, что вы сразу, Павел Николаевич... — произнес Яков Михайлович смущенно. — Я ведь просто так спросил... В интересах дела...

— Дела — в Кремле и прокуратуре, — мрачно изрек Трупень. И с пафосом добавил: — Мы же — Отечеству служим!

— А план здания имеется? — поинтересовалась Венера Марсовна. — А то б я на нем карты раскинула...

— Нет, — покачал головой Павел Николаевич. — Плана здания у нас нет.

— Давай вместе попробуем? — предложил Вертелю ясновидящий Вася.

— Хорошая мысль, — согласился предсказатель.

Вася Собкин закрыл глаза и выставил руки перед собой.

— Я открываю дверь парадного и вхожу в здание... Передо мной холл... На стене — доска объявлений... Расписание занятий... Бюст президента... Справа — раздевалка... Сворачиваю налево... В небольшом аппендиксе несколько дверей... По всей видимости — аудитории...

Вертель опустил голову и сдвинул виски пальцами.

— Да, это учебные аудитории, — сказал он. — Искать там смысла нет.

— Поворачиваю к лестнице... Поднимаюсь на второй этаж... Перила деревянные, порезанные ножом...

— Работа студентов, закончивших колледж в прошлом году, — добавил Вертель.

— Длинный коридор... Аудитории...

— В центре коридора... Посмотри в центре коридора... Дверь, обитая черным дерматином, с английским замком...

— Да, есть такая... Замок — фигня... Вхожу... Похоже на кабинет директора... Или завуча... На стене — портрет президента... Большой... Президент сидит за столом, читает газету... Название газеты...

— Неразборчиво...

— Да, очень неразборчиво... Рядом на стене — крест и две иконы... Два стола... Фикус у окна...

— За цветком плохо ухаживают, он скоро погибнет...

— Слушайте, — шепотом обратилась к полковнику Венера Марсовна. — Сдается мне, они не туда зашли. Верующий человек не станет брать взятки.

— А с чего вы взяли, что хозяин кабинета верующий? — так же тихо спросил у колдуньи Павел Николаевич.

— Ну, как же, они ведь сказали, крест и иконы на стене.

— Подумаешь... У Семен Семеныча в купе постеры из «Хастлера» висят.

— Серьезно? — Венера Марсовна с интересом, прежде ей не свойственным, посмотрела на бывшего замполита и принялась нервно тасовать колоду карт.

Вася между тем продолжал виртуальный осмотр кабинета.

— Сейф... Здоровый сейф в углу... Папки с документами... Деньги... В иностранной валюте...

— Не стоит считать, — болезненно поморщился Вертель. — Очень много...

— Да, очень много, — согласился Вася.

— Знаешь, — наклонившись через стол, обратился начштаба к бывшему замполиту. — Когда я смотрю, как работают наши колдуны, у меня порой создается впечатление, что они нас попросту дурачат.

— А мы тогда, получается, кого дурачим? — посмотрел в глаза майору майор.

— Ну... — Чуднов развел руками.

— Вот именно, — согласился с ним Трупень.

Вася Собкин чуть приподнял руку и стал шевелить пальцами, как будто перебирая стопку бумаги.

— Вот они! — Он дернул на себя не видимые никому другому листки. — Билеты по экономике для вступительного экзамена! Сорок два билета!

— Что дальше? — спросил у полковника Вертель.

— Что дальше?.. — Павел Николаевич в задумчивости потер подбородок. — Глеб Емельянович, — обратился он к начштабу, — есть какие-нибудь идеи?

— Вася, — обратился к ясновидящему майор Чуднов. — Я полагаю, билеты написаны по-русски?

— Конечно, — подтвердил Вася Собкин.

— Значит, ты можешь их прочитать?

— Без проблем!

— Яков Михайлович, — обратился начштаба к прорицателю. — Напрягите, пожалуйста, свой дар предвидения. Тем более, что заглядывать придется не так уж далеко — в завтрашний день. Завтра вот эта милая особа, — указал он на Риту, — будет сдавать экзамен по тем самым билетам, которые обнаружил Вася. Будьте добры, Яков Михайлович, скажите нам, билет под каким номером ей достанется?

Вертель медленно развернулся на пятках и подошел к Рите. Приподняв руки, он почти коснулся ладонями ее висков.

— Как вас зовут, девушка?

— Маргарита.

Рита ровным счетом ничего не чувствовала, да и не знала, должна ли что-то почувствовать, но ей все равно стало как-то не по себе.

— Замечательно! — Яков Михайлович развел руки в стороны и сделал движение кистями, как будто стряхнул с них воду. — У вас очень хорошая аура, Маргарита.

— И что это нам дает? — спросил полковник.

— Это дает нам очень многое, — не глядя на него, ответил Вертель.

Он обошел вокруг Риты, все время вытягивая нос, будто принюхиваясь к ней.

— Так, — Вертель снова встал напротив девушки. — Скажите, какой ваш любимый фильм?

Рита растерянно хлопнула глазами.

— Не знаю.

— Сериал «Твин Пикс» видели?

— Да...

— Понравилось?

— Не знаю...

— Отлично, — Яков Михайлович хлопнул в ладоши и повернулся лицом к полковнику. — Билет номер тридцать два.

— Билет номер тридцать два... — Вася зашевелил пальчиками, перебирая невидимые листы бумаги. — Вот он!

Пока Вася зачитывал вопросы билета номер тридцать два, Венера Марсовна разложила на столе малый ведьмовской набор: три пучка пахучих трав, одну куриную лапку, одно крылышко летучей мыши, баночку с пиявками, бараний глаз и толстую темно-синюю свечу.

— Вопросы вам знакомы, Риточка? — спросил полковник.

— Да, — кивнула девушка.

— Ответить сможете?

— Конечно!

— Ну так и не волнуйтесь, — именно этот билет достанется вам завтра на экзамене.

— А я сейчас еще на него заклятие наложу, — зловеще проговорила Венера Марсовна, помахивая мышинным крылышком над пламенем свечи. — Чтобы никакая чужая рука этого билета не коснулась. А ты поди-ка сюда, — махнула она девушке куриной лапкой.

Колдунья схватила девушку за запястье, заставила раскрыть ладонь, черным маркером написала на ней число «тридцать два», обвела в кружок и дважды перечеркнула.

— Смотри, до экзамена руку не мой! — Строго-настрого приказала колдунья девушке. — И билет этой самой рукой бери! Поняла?

Рита торопливо кивнула.

Венера Марсовна казалась ей наиболее страшной из всей троицы колдунов. Кто знает, может, порчу какую найдет? Настоящие ведьмы, надо думать, только этим и промышляют. Хотя, с другой стороны, Венера Марсовна на государственной службе состоит. Так что не с руки ей вроде свою ведьмовскую суть во всей красе выставлять.

— Ну, хорошо, — подал голос бывший замполит. — Допустим, сдаст наша красавица экзамен на «отлично». То есть ответит на все вопросы. А экзаменатор, гнида, все равно с нее денег за хорошую отметку потребует. Что тогда!

— Не проблема! — уверенно, как Че Гевара, взмахнула рукой Венера Марсовна. — Держи, девонька, — и протянула Рите небольшой голубенький камешек в форме капли на черном шнурке. — Пока этот амулет при тебе, никто с тобой о деньгах не заговорит.

— Спасибо, — Рита надела амулет на шею.

Еще раз заглянув в завтрашний день, предсказатель Вертель заверил собравшихся, что после всех процедур вероятность Ритиногo поступления в экономический колледж в Лихом составляет девяносто девять и восемь десятых процента. Две десятые процента возможной неудачи Яков Михайлович связал с неустойчивостью тектонических плит.

Полковник Скурцев объявил операцию завершенной.

Колдуны, раскланявшись, покинули штабной вагон.

Офицеры выпили еще по одной и закусили.

Рита...

Рита надеялась на чудо.

Как и вся страна.

До Лихого оставалось два часа пути.

До завтра — шесть часов.

До Нового года — восемнадцать дней.

До очередного кризиса... Этого не знал даже потомственный проицатель Вертель. Но все ждали.

И так у нас всегда.

Ждем и надеемся на чудо.

«Литерный» летит вперед.

А снег все валит и валит. Будто всю землю собрался засыпать.

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА КИБОРГА

Мария ГАЛИНА

Ситуация складывается почти парадоксальная. С одной стороны, критики отмечают начавшийся спад интереса к фэнтези. С другой же, активность издателей и авторов, из года в год штампующих сотни книг в жанре меча и магии, говорит о прямо противоположном положении вещей. Так что же на самом деле происходит с жанром в современной российской словесности? Свое мнение высказывает известная писательница и критик.

Бум миновал. Несмотря на то, что в рейтинге продаж уверенно лидирует фэнтези, вектор предпочтений фэндомов, судя по голосованию на конвентах нескольких последних лет, поворачивается в сторону иных жанров — НФ, социальной фантастики, альтернативной истории.

В чем же причина того, что фэнтези в глазах «продвинутых» любителей фантастики отошла на второй план? Кстати, «отошла» фэнтези или «отошло», так до конца и не известно. Подобная неустойчивость — свидетельство того, что слово для языка новое и еще не прижилось как следует (так «фильм» раньше был «фильмой»).

И правда, для бывшего советского человека фэнтези началась с «Хранителей» Толкина — в 1982 году. Старая гвардия вспомнит еще и саймаковский «Заповедник гоблинов», вышедший десятью годами раньше, да томик в знаменитом красно-сером собрании — в котором «чистых» образцов жанра было не так уж много. Вот, пожалуй, и все.

Трудно сейчас сказать, по какой причине советская цензура не пропускала к нам Толкина, Ле Гуин, Прэтта или Теренса Уайта. Скорее всего, это направление было закрыто из-за его «эзотеричности» — государственная машина могла прохлопать публикацию замаскированной антисоветчины, но «пропаганду» Чуда замечала сразу же. Разумеется, магия, являющаяся движущей пружиной фэнтези, и Чудо — далеко не одно и то же, но для цензоров это не имело принципиального значения.

Хлынувшая на отечественный рынок в конце 80-х — начале 90-х фэнтези овладела умами именно благодаря элементам эзотерики. Почва уже была подготовлена: на фоне социальных потрясений и разочарований читательская масса разуверилась и в науке как таковой, и в позитивистском мышлении в целом. Их место тут же заняла философия более древняя, архаичная (а значит, более жизнеспособная) — некритичная, донаучная, даже дорелигиозная. Магическая. Кашпировский и Чумак — вот

два символа России конца XX столетия.

Фэнтези замечательно вписалась в эту историческую ситуацию. Тем более, что благодаря своей близости к мифу, к волшебной сказке она гораздо «архетипичнее», гораздо сильнее по эмоциональному воздействию, чем «твердая» НФ.

То, что на Западе издавалось на протяжении пятидесяти лет, мы перепечатали за пять. В первую очередь — вершины, образцы. Толкин, Ле Гуин, Желязны, Говард... А дальше на волне успеха хлынула фэнтези второго разбора: всякие подражания, тени... Впрочем, это было уже неважно. Одновременно прорвавшиеся эталонные тексты успели дать первотолчок отечественной фэнтези, которая начала стремительно развиваться. Тогда-то и получали премии Успенский, Лукин, Хаецкая, Дяченко, Олди.

Сейчас уже невозможно найти любителя фантастики, который не знал бы, что Маделайн Симмонс, Макс Фрай и Генри Лайон Олди — самые что ни на есть наши авторы. К середине 90-х отечественная фэнтези уже пользовалась большим спросом, чем импортная.

На Западе становление, расцвет и неизбежный упадок фэнтези заняли несколько десятилетий. У нас этот процесс оказался спрессован в 10 — 15 лет. А кризис литературы меча и магии был неизбежен, и вот почему. Фэнтези, в чистом своем виде возникавшая не

так давно даже в англоязычной литературе, — принципиально иной род литературы, чем твердая фантастика. Она напрямую восходит к мифу и волшебной сказке. От мифа «классическая» фэнтези унаследовала фигуру героя, трактовку сюжетных коллизий как борьбы высших сил, склонность к сериальности, вариациям и некоторую размытость авторства. Любое маломальски яркое явление здесь открыто к «дописыванию», чужим интерпретациям.

Кстати, благодаря этой своей открытости, негерметичности фэнтези активно плодит то, что принято называть «фанфиками» — любительские, внутрикорпоративные интерпретации, сиквелы и приквелы. Мало кто из «обычных» фантастов удостоился такой чести — разве что Стругацкие, и то в гораздо более скромных масштабах. А поскольку подобная литература живет в основном в Сети, то можно сказать, что самое крупное технологическое новшество, вошедшее в наш быт, быстрее всего освоил самый древний, архаичный жанр.

От волшебной же сказки фэнтези позаимствовала набор «проповедских» структурных элементов: герой, волшебный помощник, обретение, потеря, поиск волшебного артефакта и т.д. Разумеется, составляющие этого набора можно тасовать как угодно, но сам он довольно ограничен. Вдобавок фэнтези — это не только герой, но и мир. А значит — география и этнография, психологические и биоло-

гические особенности «нечеловеческих» рас, природа, даже языки... Можно, конечно, обратиться и к реальным временам и народам, но и тогда бэкграунд должен быть солиднее, чем научное обоснование гиперпространственного скачка в любой космической одиссее. Не удивительно, что однажды выдумав оригинальный мир, даже талантливые авторы предпочитали раз за разом возвращаться в него, а не измышлять новый. Хотя далеко не всегда такое возвращение оказывается удачным (например, Урсула Ле Гуин с ее Земноморьем или Андре Нортон с «Колдовским миром»).

В итоге все сюжетные схемы классической фэнтези оказались вычерпаны довольно быстро. Относительная новизна достигалась за счет вариаций — не герой, а героиня; не просто героиня, а лесбиянка; герой не хороший, а плохой; не волшебный мир, а другая планета, где действует магия и живут драконы... Появляются разновидности фэнтези, достаточно далеко ушедшие от прототипа. «Мир Роканнона» Урсулы Ле Гуин, на первый взгляд, чистая НФ, но по каким-то косвенным признакам — мотивам предсказания, «зацикленности времени», обретения и потери, волшебных существ и Полых холмов — это несомненная фэнтези. «Чародей поневоле» Кристофера Шашеффа и «Драконы Перна» Энн Маккэфри тоже принадлежат к такому промежуточному варианту.

Еще один несомненный признак вырождения жанра — пародия. Это Роберт Асприн, Глен Кук, блистательный Терри Пратчетт, чей Плоский мир относится к фэнтези примерно так же, как «Дон-Кихот» — к рыцарскому роману.

У нас подобный процесс прошел стремительно. Даже не успев поделиться в чистый жанр, фэнтези тут же начала распадаться на юмористическую постмодернистскую фэнтези Михаила Успенского, «ретро-социальную фэнтези» Евгения Лукина, теологическую Елены Хаецкой. Упомянем еще парадоксального «Многорукого бога далайна» Святослава Логинова, мифоэпосы Олди, городскую этнофэнтези Марины и Сергея Дяченко, криптоисторию Андрея Валентинова и Александра Зорича, криптосовременность Сергея Лукьяненко и Андрея Панова, технофэнтези Ильи Новака или Александра Борянско-го...

Иными словами, мы получили ЛИТЕРАТУРУ — разнообразную, яркую и вполне конкурентоспособную, недаром «Дозоры» заинтересовали американцев. То есть вот она, славянская фэнтези — но все не там, где ее искали, скажем, издатели сериала «Княжеский пир».

А вот традиционной фэнтези не повезло. Ни сериал Макса Фрая, ни романы Веры Камши, ни цикл Ника Перумова про мага Фесса, ни даже знаменитый «Волкодав» не завоевали НИ ОДНОЙ ПЕРВОЙ премии фэндомов (Мария Семёнова, прав-

да, получила в 2005 году «Аэлиту» — премию по совокупности заслуг перед отечественной фантастикой). Поправьте меня, если я ошибаюсь.

В чем тут дело — сказать трудно. Возможно, причина в том, что конкурировать на одном поле чистая фэнтези с НФ не может, уж очень разные это жанры. Быть может, в том, что к моменту зарождения у нас классической литературы о магических мирах в фэндоме (во всяком случае, в самой активной его части) еще преобладали те, кто воспитан на «твердой» НФ.

Значит ли это, что для фэнтези действительно нужно выгородить специальный загончик — как это делает «Если», составляя тематические номера? Или учредить отдельные крупные премии — только для фэнтези (такие премии — «Лунный меч», «Меч в камне» — были, но по престижности они не могли конкурировать с «Росконом», «Интерпрессконом» или «Бронзовой улиткой»), чтобы вывести ее из вынужденной и вполне бессмысленной конкуренции с твердой фантастикой? Возможно. Боюсь, впрочем, что эти меры несколько запоздали.

Потому что с НФ тоже происходят странные вещи; она все чаще стала допускать на свои страницы Чудо. Это может быть подано в корректной форме — согласно знаменитому закону Кларка, который гласит, что любая продвинутая технология, наблюдаемая представителями общества, стоящего

на более низкой ступени развития, будет восприниматься как чудо.

А сейчас нередко это просто Чудо, спонтанное и необъяснимое. Ни зарождение Пандема, всемогущего и вездесущего суперразума, ни планету, на которой можно «выспать» разные полезные вещи, ни появление оборотня в отдельно взятом русском городе не объяснить в логике строгих научных фактов.

Похоже, мы наблюдаем то, что в биологии называется конвергенцией — появление сходных признаков у разных групп животных. Дельфин похож на акулу потому, что оба живут в одной среде и подчиняются одному и тому же постоянному и непрерывному давлению обстоятельств. Так и с фантастикой-фэнтези. Фантастику на изменение подвигло примерно то же, что и фэнтези — разочарование социума в науку, истощенность первоначального позитивистского посыла, кризис идей, давление рынка, издательские предпочтения. А еще — появление на нашем рынке прежде запретных образцов западной фантастики, в том числе субъективно-идеалистической (киберпанк, психodelики)... И влияние той же фэнтези с ее идеей мессианства, спасения мира посредством высших сил, магических ритуалов и странных артефактов. Не удивительно, что фантастика и фэнтези стали так похожи.

Скоро их уже невозможно будет отличить друг от друга.

Рецензии

Джеймс БЛЭЙЛОК

ПОДЗЕМНЫЙ ЛЕВИАФАН

Москва: АСТ —

Транзиткнига,

2006. — 362 с.

Пер. с англ.

О. Колесникова.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

5000 экз.

Сразу по выходе на Западе (1984) роман вызвал у критиков цепь ассоциаций с творчеством известных классиков англоязычной литературы — от Л.Стерна до Ч.Диккенса. И действительно, группа нелепых чудачков, возглавляемых профессором Лазарелом и полусумасшедшим-полугением Уильямом Гастингсом, очень напоминает компании эксцентричных джентльменов из романов классической английской литературы XIX века. Хотя события романа точно датированы (1964), по духу описание случившегося ближе к текстам викторианской эпохи. В то же время писатель в «Подземном левиафане» творчески переосмыслил некоторые НФ-концепции, сложившиеся в англо-американской НФ и по сей день сильно влияющие на ее развитие.

В центре повествования у Блэйлока — юноша Гил Пич, обладающий не то гениальными способностями к изобретательству, не то вообще сверхъестественной возможностью изменять окружающую реальность. Гил и его друг Джеймс узнают о существовании таинственного подземного мира, куда можно попасть прямо из канализации Лос-Анджелеса. Блэйлок лихо смешивает мотивы из произведений Э.Р.Берроуза (подземный мир, который иногда напрямую называется Пеллюсидаром), Г.Ф.Лавкрафта (люди-рыбы, якобы живущие в этом мире), С.Ромера (ученый-злодей Фростикос, преследующий Гила) и многих других, включая Р.Брэдбери и Т.Пауэрса.

В финале герои строят подводно-подземный корабль для исследования мира, потаенного в недрах Земли, а читатель закрывает последнюю страницу книги со странным ощущением — все было вроде бы хорошо и интересно... Но лишь для человека, знакомого с литературным бэкграундом романа. «Подземный левиафан» служит прежде всего хорошим уроком писателям — не надо заигрывать. Да, можно создавать постмодернистские тексты, однако при этом необходимо заботиться о том, чтобы они могли быть прочитаны на нескольких уровнях сразу, а не выглядели кроссвордом для знатоков.

Глеб Елисеев

Алексей СМЕРНОВ

ЦЕНТР РОСТА
роман, повести

М.: Корпорация

«Сомбра»,

2006. — 320 с.

(Серия

«Фантастика»).

7000 экз.

Новый сборник А.Смирнова продолжает ту линию в его творчестве, которую издатель назвал «альтернативной фантастикой», то есть фантастикой экспериментальной. Для автора на первом месте не антураж и не гладкость текста — напротив, главное внимание уделяется локальным стилистическим завихрениям, которые возникают благодаря фантастическому использованию традиционных литературных приемов.

Повесть «Исполнение чисел» напоминает о Смирнове как о мастере необычных фабульных решений. Вообразите мир светлого будущего, в котором человеческий срок полностью исчислен и каждому вручается карточка—«даймер» с его порядковым номером в очереди смертей. Зная соседей по очереди, все человечество может выстроиться в единую сеть заботы и взаимного уважения. Утопии, однако, препятствует человеческая природа — эгоизм, бесшабашная глупость и стремление некоторых играть поперек всех правил.

«Дуративное время» — вполне серьезная повесть о пришельцах и летающих тарелках. НЛО похищают с Земли дураков и пьяниц — иррациональные ключевые элементы человеческого общежития, находящиеся под опекой высших сил, — чтобы вывести планету из-под божественного влияния. Но в рассказе о борьбе спецслужб с этой угрозой частные, точно подмеченные художественные образы для автора оказываются важнее плавного развития сюжета.

Заглавное произведение сборника на сто процентов является лабораторно—экспериментальным. Риторические приемы тут сталкиваются в постмодернистском угаре, эллипсис надругается над гиперболой, метафоры овеществляются, устойчивые речевые обороты подталкивают ход сюжета. События на далеком острове в центре корпоративного роста и лидерского развития происходят преимущественно в пространстве языка: из заметок и наблюдений, которые обычно составляют «записную книжку писателя», Смирнов попытался сформировать законченный текст. Получившийся результат интересен, но далек от массовых жанров.

Сергей Некрасов

Андрей
НИКОЛАЕВ

**ТОЧКА
ОТСЧЕТА**

*СПб.: Лениздат,
2005. — 320 с.
(Серия «Боевая
фантастика»).*
8150 экз.

Не очень отдаленное будущее. Человечество вышло в космос и... разделилось. Колонии подступают к метрополии с разнообразными требованиями, время от времени образуется «горячая точка», локальная война разыгрывается на задворках цивилизации... И главный герой, бывший боец одного из элитных подразделений, а ныне особый курьер, почтовой сумкой которого стало собственное тело, попадает в гущу тайных операций, как кур в ошип. Нормальные и даже тривиальные декорации для романа из серии «Боевая фантастика». Книга не стоила бы особого внимания, если бы не была умнее простой стрельбы в космическом антураже.

Николаев обращается к старой фантастической дискуссии: до какой степени человек может изменять собственную психофизиологическую сущность, оставаясь при этом человеком? Но автора интересует особый аспект проблемы: а каковы глубинные корни самого желания измениться? Или, словами главного героя, прожить «не свою жизнь». Зачем самим людям оснащать свои тела множеством имплантов и даже искать какой-то особенный внутренний «разгонник», способный породить очередное издание люденов? Автор аккуратно подводит к мысли о фатальной болячке не состояться, оказаться на излете жизни никем, самым простым человеком. Вот и наполняются извилины проектами, ведущими не столько к прогрессу, сколько к самоуничтожению... Между тем существует нехитрая, но, возможно, самая правильная формула счастья: «Делай свою работу, люби свою семью, отдыхай в выходные и праздники — вот и весь рецепт».

Роман созвучен книге М.Тырина «Отраженная угроза». У обоих авторов ветераны спецподразделений коротают век в неудобном мире, а главные герои, набивая шишки, с горечью понимают: чтобы остаться честным человеком в условиях современной цивилизации, нужна большая смелость, а чтобы уметь эту смелость проявить в нужный момент, следует быть предельно честным с самим собой.

Дмитрий Володихин

Андрей КУРКОВ

ПИКНИК НА ЛЬДУ

СПб.: Амфора,
2005. — 302 с.
(Серия «Андрей
Курков»).
5000 экз.

Андрей Курков — сегодня самый издаваемый в Европе русскоязычный писатель. Кроме как «русскоязычный» его и не назвать. С одной стороны, он гражданин Украины, но и на родине, и в России известен меньше, чем во Франции или в Германии. А с другой — он упорно не желает писать по-украински, и тамошняя писательская общественность его в упор не замечает — несмотря на то, что книги Куркова изданы на 22 языках общим тиражом четыре миллиона экземпляров и по его сценариям поставлено два десятка фильмов...

Дебютной книгой писателя был сугубо фантастический роман «Бикфордов мир» (1993), однако европейскую славу принесла Куркову социальная фантасмагория «Пикник на льдине», написанная еще в конце 90-х, но в России изданная только сейчас.

Нетрудно догадаться, что так привлекло в романе европейского читателя. Реалии киевской жизни после распада СССР гиперболизированы почти до абсурда, но поданы так, что трудно понять: это социальная фантастика или они и правда так жили? В киевском зоопарке раздают зверей, потому что их нечем кормить. Писателю-неудачнику заказывают некрологи на всех знаменитых людей — впрок. Бандиты платят за то, чтобы на похоронах их друзей присутствовал человек с пингином — потому что эта птица выглядит траурно. Больных не лечат, зато собирают деньги для антарктической станции, которую Великобритания подарила Украине. Абсурдистская пелена подернула само бытие людей, они трудно живут, но легко умирают — существование весьма дорого, зато сама жизнь не стоит и гроша; смерть утратила трагизм, превратившись в обыденность — и VIP-персоны, и простые граждане гибнут, как мухи...

Из благополучной Европы весь этот кафкианский кошмар воспринимается как щекочушая нервы экзотика. Но роман и в самом деле хорош. Для описания этого реально-нереального мира Курков нашел удивительную тональность, в которой истинный трагизм невероятным образом сочетается с иронией.

Андрей Щербак-Жуков

Ник САГАН

ЛАБИРИНТЫ РАЯ

Москва — СПб.:

ЭКМО —

Домино,

2005. — 320 с.

Пер. с англ.

Н. Свидерской.

(Серия

«Фантастический

бестселлер»).

5000 экз.

Имя Сагана знакомо каждому любителю фантастики. Выдающийся ученый—астроном, популяризатор науки и автор одного из самых знаменитых НФ-романов XX века — «Контакт». Однако все вышесказанное относится к старшему из Саганов — Карлу. Автор «Лабиринтов рая» — сын известного ученого. Славы своего отца он пока не снискал ни в науке, ни в литературе, хотя уже успел выпустить несколько НФ-книг.

Действие романа начинается с момента возвращения к главному герою сознания, не отягощенного, однако, воспоминаниями о днях минувших. Постепенно он понимает, что очнулся в искусственно созданном мире и ныне является одним из его всемогущих властелинов. Настойчиво бросается в глаза сходство с «Хрониками Амбера» Желязны и «Многоярусным миром» Фармера, в которых тема сказочно могущественных персонажей и их непростых взаимоотношений раскрыта исчерпывающе. Впрочем, герой Сагана вскоре обнаруживает под масками властелинов мира обыкновенных студентов, помещенных для лучшей успеваемости в виртуальную частную школу.

Вялотекущее действие, то и дело прерываемое рассуждениями о проблемах пубертатного возраста и научно-познавательными отступлениями, — все это очень напоминает манеру повествования Сагана-старшего. Собственно же сюжет романа с легкостью вмещается в формат рассказа.

Во времена оны «Лабиринты рая» наверняка бы снабдили грифом «для детей младшего и среднего школьного возраста». Да и сегодня не повредила бы роману такая этикетка, поскольку явную вторичность книги было бы проще списать за счет ее «подростковости». В этом случае и постоянные отсылки к культовым сериалам вполне сошли бы за намеренную адаптацию, а не подражательство, и самолюбование автора собственной эрудицией предстало бы благородной попыткой просветить подрастающее поколение.

Сергей Шикарев

ЧТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?

Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 701 с.
(Серия «Звездный
лабиринт»).
15 000 экз.

Времена, когда за идею выпуска сборника произведений малой и средней формы приходилось бороться, остались позади. И во многом этому достижению поспособствовал успех регулярных альманахов «Фантастика». Вышла десятая, юбилейная, вариация серии.

Характерной особенностью данного выпуска является то, что большую часть объема составили произведения авторов молодых, не раскрученных. Роль же хэйдлайнеров здесь исполнили С. Лукьяненко, Е. Лукин и О. Дивов. Первый представил на суд читателей своего рода послание к ролевикам, суть которого можно выразить максимой: «Этот мир ничуть не хуже любого другого, а порой и лучше какого-нибудь вымышленного». Лукин представлен новой, как всегда остроумно написанной городской сказкой из цикла о баклуженских кудесниках, а Дивов выдумал новый жанр — «альтернативную дискографию», поведав историю взлетов и падений несуществующей рок-группы.

Особняком стоят в ежегоднике крупные тексты — все три повести написаны в жанрах, не столь массово представленных на отечественном книжном рынке. Ю. Манов попытался соединить «геймерский роман» и армейскую прозу; А. Тюрин в рамках любимого им киберпанка стремится к радикальной авангардности в области языковых экспериментов; П. Амнуэль в повести, давшей название сборнику, и вовсе написал мистический ретродетектив, где в качестве главного действующего лица вывел создателя Шерлока Холмса.

Из рассказов стоит отметить психологическую задачку Д. Володихина об одиночестве в современном мире, остроумные зарисовки В. Рогача и А. Корепанова, посвященные контактам с потусторонним миром, а также размышления о природе удачи и роли случайностей в жизни человека от тандема Н. Турчаниновой и Е. Бычковой.

Особый интерес вызовет критико-публицистический раздел, куда вошли мемуары А. Кубатиева, полемические статьи об исторической фэнтези и текущем литературном моменте, а также библиография произведений жанра за 2004 год.

Константин Бобов

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА- 2006

*Москва: ЭКСМО,
2005. — 544 с.
(Серия «Русская
фантастика»).*
15 100 экз.

Два издательства, лидирующих в области фантастической литературы, конкурируют и в нише ежегодных НФ-сборников — АСТ и ЭКСМО. Обе стороны работали примерно одинаковую технологию создания подобных коллекций. Во-первых, туда включаются бестселлеристы, связанные узами давнего сотрудничества с издательством; во-вторых, крепкие «сюжетники»; и в-третьих, начинающие перспективные авторы. В АСТ этой работой занимается Николай Науменко, в ЭКСМО — Василий Мельник. Но если Науменко ценит прежде всего оригинальную фантастическую идею, новизну, то для Мельника важнее чисто литературные параметры текста. Это не значит, что первый равнодушен к художественному уровню рассказов, а второй — к их оригинальной фантастической начинке. Разница — в процентном отношении.

В «Русской фантастике-2006» проколов нет. Ни одного заведомо провального рассказа: составителю удалось выдержать уровень. Зато есть несколько «звездочек». Сергей Герасимов показал в своем рассказе, что для подготовки инопланетного вторжения на Землю несколько тысяч лет — не срок, а Евгений Бенилов предложил оригинальный способ экстремального тренинга для сохранения доброй семьи. С КЛФовского конкурса пришел в сборник рассказ А.Бударова — что-то вроде рождественской сказки, только пронзительной и жутковатой. А Василий Мидянин дарит читателям утонченное, стильное издевательство над современной массовой культурой: зрители становятся рабами телевидения в самом буквальном смысле. Ярko выделяются в сборнике рассказы Евгения Прошкина, Александра Громова и Кирилла Бенедиктова, но они уже известны по публикациям в «Если».

Частной слабостью сборника является пренебрежение к жанру повести. Ее представляет один «Подкидыш ада» Геннадия Прашкевича, мастеровито сделанный... но, к сожалению, давно знакомый любителям фантастики по многочисленным публикациям, начиная опять-таки с журнала «Если».

Дмитрий Володихин

Марина и Сергей
ДЯЧЕНКО

КЛЮЧ ОТ КОРОЛЕВСТВА

Москва: ЭКСМО,
2006. — 416 с.
6100 экз.

Что делать человеку, если наступает «тяжелый, серый день — один из многих, и так до самой смерти»? Особенно если этот человек — девочка. Да еще пигалица, которую дразнят и третируют в школе, да еще из неблагополучной семьи, да еще не дающая спуску обидчикам. В общем, типичный трудный подросток. В этой ситуации можно озлобиться и всех возненавидеть — многие так и делают. А можно найти Свое Королевство и стать магом, Хранителем Дороги. Конечно, еще вопрос, что лучше — тяжелое взросление или эскапизм, но такой вопрос не для героев детских книжек; их вымысел превращается в реальность. По крайней мере, на страницах романа.

Гарри Поттер, живущий в каморке под лестницей у злых родственников, обнаружил в себе волшебника, которого ждет таинственный, опасный и прекрасный Хогвартс. Лена Лапина, героиня супругов Дяченко, получила целый Мир — с садами, казематами, королем Обероном и, главное, с миссией — то есть с ощущением, что ты кому-то нужна. Ощущением, без которого ребенок жить и вырасти не может.

Подростковая литература у нас уже довольно давно пребывает в коме. Но вот вышли первые две части трилогии Сергея Садова «Рыцарь Ордена», где в удивительный мир попадает современный мальчишка. Выходят книжки про девочку Улю Ляпину — забавные, ни на что не похожие. Впрочем, как говорят в своем интервью Марина и Сергей: «Главное не в том, куда попадает герой-подросток, а в том, как он там вырастет». Книжки о подвигах, приключениях, путешествиях, королях и принцессах последние полтора десятилетия и были детской литературой, так что пусть взрослые фантасты не ободряются — они тоже пишут «детские книжки». Разве что предназначенные для детей, так и не захотевших вырасти.

Дяченко не подыгрывают читателю, говорят с ним на равных «о благородстве, чести, любви, ответственности, предательстве». Подобную книгу с удовольствием прочтет любой взрослый, который еще помнит, каково это — быть подростком.

Мария Галина

СУВОРОВЕЦ В ХОГВАРТС ПРИНЕС ПУЛЕМЕТ...

На волне успеха книг Джоан Роулинг о малолетнем волшебнике прилавки книжных магазинов буквально заполонили десятки клонов — подражаний-переписок, пародий разной степени остроумия, приквелов, сиквелов и т.д. Естественно, подобную постпоттеровскую продукцию редакция игнорировала. И уж тем более мы не думали посвящать «несамостоятельной» книге отдельную заметку. Но в данном случае мы решились сделать двойное исключение — уж слишком ярко и выпукло в произведении, о котором взялся поговорить с читателем московский писатель и критик, отразились неприятные тенденции, захватившие жанровую беллетристику последнего времени.

Агрессивной рекламе я не доверяю. Даже если это реклама книжной продукции. Вот и сейчас центр Москвы увешан кричащими стендами, призывающими граждан немедленно купить «лучший подростковый боевик последнего десятилетия» некоего Никоса Зерваса. Называется «Дети против волшебников», выпущен издательством «Лубянская площадь» просто фантастическим для нового автора тиражом в 50 000 экземпляров. Впрочем, если верить рекламному тексту, автор, якобы грек по национальности — уже завоевал всю Европу.

Признаюсь: стало любопытно. После знакомства с аннотацией любопытство возросло.

«Вам нравится, когда волшебной палкой тычут в лицо? Еще гаже, когда самовлюбленный очкарик со шрамом на лбу влезает в твои мозги. Секрет необычайной популярности книг Зерваса в Европе прост: их читают тысячи тех, кто давно мечтал разбить юному Кашею очки. Потому что не гордые волшебники, не сушеные обезьяньи головы и не протухшие заклинания спасут мир».

В общем, не удержался и купил «наш ответ Гарри Поттеру».

Вы спросите, о чем роман?

О Всемирной лиге колдунов, которая стремится к мировому господству и почти добилась успеха! Лишь одна кость в горле — Россия. Невосприимчивы русские к воздей-

ствию колдовства, потому что уже более тысячи лет у них имеется загадочная «русская защита». Но волшебники работают над проблемой. И в Шотландии создана Академия Мерлина, где подростков со всего мира учат магии, а также ищут ключик к загадочной русской душе. Весьма успешно ищут: пятеро российских детдомовцев, отправленных учиться колдовству, отказываются возвращаться на родину, публично поливая оную грязью. Мудрый генерал ФСБ решает заслать туда агентов-подростков. Пусть, мол, прикинутся учащимися и разберутся, что там да как.

Подходящие ребята нашлись в Суворовском училище. С немалыми приключениями суворовцы попадают в Академию Мерлина и обнаруживают, что весь этот Хог... то есть Мерлин есть рассадник всяческих пороков, детей целенаправленно растлевают духовно и телесно, сатана там правит бал, злые духи злобствуют, не поддающихся магии детей приносят в жертву... Страшно до жути.

Но дети-агенты героически боются, преодолевают ужасные духовные искушения. В итоге все «наши» спасены, обитель зла развалилась до основания, а магов-преподов мужественный подполковник ВДВ, обеспечивавший силовое прикрытие операции, покрошил из автомата.

Должен сказать, в литературном плане это не столь ужасно. Не

фонтан, но и не графомания. Детям «от 12 лет», коим и адресована книга, может понравиться. Сюжет острый, динамичный, напряжение к финалу нарастает, а предсказать ходы заранее может только квалифицированный читатель. Стиль, правда, шершавый, но проглотить можно.

И не стоила бы эта книга столь долгого разговора, кабы не ее начинка. И мне прежде всего придется обозначить свою позицию.

Я православный христианин, а посему не в восторге от «Гарри Поттера», и отношусь к оккультизму ничуть не лучше, чем автор обсуждаемой книги. И тем не менее считаю, что «Дети против волшебников» — литература вредная, в том числе и с точки зрения православия.

Читатель, малознакомый с православной традицией, впечатлившись «речами» Зерваса, отождествит ее с ксенофобией, с беспринципностью, грубостью, пошлостью и постоянным подвиранием. Автор намеренно создает ощущение, что плохи все — кроме православных русских и греков. Отвратительны дети самых разных национальностей, собравшиеся в Академии Мерлина. Французы, японцы, американцы, африканцы изображены в таком ракурсе, чтобы вызвать у читателя исключительно отрицательные эмоции. Все они жестокие, похотливые и самовлюбленные. Ни капли любви и жалости к ним не

предполагается. Это постоянно подчеркивается: сюжетными ходами, речевыми характеристиками, стилистикой авторских описаний. Хватает в тексте и антисемитских намеков — в самом деле, как же без этого? Жанр требует!

А ведь православному вероучению вовсе не свойственна ксенофобия. Увы, далекие от церковной действительности подростки-читатели этого не знают! И в сознание внедряются связки: «Православие = ксенофобия», «Православие = изоляционизм», «Православие = антисемитизм». На протяжении всего романа то и дело подчеркивается, что весь мир против России, все хотят ее уничтожить, все нерусские ненавидят русских. Неудивительно: всюду ведь правят масоны. Как говорит главный положительный герой книги, греческий старец: «А вот наверху, в кабинетах — там совсем не наши. Одна погань масонская. Ну ничего, придет час, возьмет Господь метлу и выметет всю эту нечисть. Скоро, скоро... И даст нам хороших правителей».

Да, такие настроения существуют в нынешнем обществе, затронули они и церковную среду. Мечтают люди, что скоро придет грозный царь и всем покажет то, что обещал еще Никита Сергеевич. Само по себе это нормально. Христиане могут иметь разные политические взгляды, лишь бы это не мешало им любить Бога и людей

и бороться со своими грехами. Но когда православие искусственно загоняется внутрь идеологической доктрины, когда людям отказывают в праве быть православными, если они не сторонники монархии, если они не верят в масонский заговор или не считают, что Россия должна развернуться задом ко всему остальному миру, — вот тут становится жутковато.

Увы, именно такая идеология просвечивает чуть ли не на каждой странице «Детей против волшебников». Любви к православию в читательских массах книга не добавит, а вот злобы по отношению к Церкви — вполне. Собственно, это уже и происходит, достаточно посмотреть обсуждение книги Зерваса на интернетовских форумах.

Конечно, «Дети против волшебников» далеко не единственный пример подобного рода в современной российской литературе. Изоляционизм, презрение ко всему «не нашему» и тоска по тем временам, когда Россию боялся весь мир, входят в моду. Однако впервые *такое* адресовано юному читателю. И вот это настораживает и пугает.

Кстати, о детях и методах их «воспитания» посредством литературного слова. Первое, что бросается в глаза, — приторная назидательность. Автору не терпится как можно быстрее скормить юной аудитории увесистую порцию ра-

зумного—доброго—вечного, привить им правильные взгляды и вкусы. Но в результате получается пресно, скучно и плоско. Детей можно и нужно учить — но нельзя их поучать. Книга—то адресована не пятилетним малышам, а подросткам, которым присущ возрастной негативизм. Тут очень нелегко найти верную интонацию (говорю это со знанием дела — как давний руководитель литстудии для подростков). Но при чтении мне порой казалось, что об этих сложностях автор и не задумывался — равно как вообще о подростковой психологии.

Владислав Крапивин как-то сказал, что внутренний мир ребенка подобен бесконечной вселенной. Не только ребенка, добавлю, но вообще любого человека. Здесь же просто отсутствуют характеры. Положительные дети ну прямо светятся от своей положительности, а если и попадают на крючок греха, то лишь с учебно-демонстрационной целью. Отрицательные, напротив, мазаны исключительно черной краской. Ходячие плакаты, анекдотические тинейджеры с полутора извилинами. Похоже, автор видит детей сквозь идеологическую призму, преобразующую все многоцветье мира в монохромную картинку.

Не могу умолчать и о том, что вряд ли в детской книжке уместны экзерсисы вроде «певица Блядонна». Равно как и садистские сцены

с мучительством котят, смакованием вспоротых кишок и прочее.

А теперь перейдем к главному — к тому, ради чего все и затевалось: к сеансу разоблачения магии. Согласен — разоблачать надо. Вопрос, как всегда, упирается в средства. С точки зрения Зерваса, тут главное — как можно более гадко изобразить персонажей романов Роулинг. Мол, дети, фанатеющие от Гарри Поттера, обнаружат, «какие там все козлы» — и побросают вредные книжонки в топку.

Действительно, в романе нарисована злобная карикатура на героев «Гарри Поттера». Учащиеся — уроды, преподаватели — садисты—маньяки, сам Гарри — гнусная личность, на поверку оказывающаяся, во—первых, клоном Мерлина, а во—вторых, девчонкой. Надо полагать, детишки проникнутся...

Неслучайно в Библии сатана назван «отцом лжи». Причем лжи тонкой, изощренной, многоуровневой. Этим—то и страшны оккультные соблазны: увлекаясь ими, человек довольно долго не понимает, во что втянулся, ему кажется, это прекрасно совмещается с тем, что ему близко и дорого, что он считает высшими ценностями. Но учебная программа Академии Мерлина с первых же дней предполагает отречение от своих родных, своей родины и своей веры. С самого начала детей заставляют врать, красть и развратничать.

Против чего, собственно, борется автор? Против им же самим выдуманного «детско-литературного» оккультизма? Или против реальных магических соблазнов, льющихся на нас с телеэкрана, из книг, из компьютерных игр, из рекламы? Но даже самая тупая реклама «белой магии» скроена не в пример тоньше, чем методы мерлинской академии. Подросток, прочитавший «Детей против волшебников», будет столь же защищен от реальных искушений, как и любой мальчишка, знакомый с рукопашным боем по компьютерным игрушкам, от нападения уличных хулиганов.

А просто врать не надо. Даже борясь с «отцом лжи». Если всерьез ставить целью предостеречь современных подростков от оккультной романтики, то не над Гарри Поттером нужно изгаляться, а писать о реальных вещах. Есть *реальные* тоталитарные секты, *реальные* «курсы эстрасенсорики», «академии эзотерического знания» и т.п. Нужно предупреждать о настоящих, а не о выдуманных искушениях, показывать, насколько нелегка с ними борьба, насколько все это неромантично и небезопасно.

А еще лучше не забывать, что главное в жизни христианина — это не «бесогония», а любовь ко Христу. Именно эта любовь делает человека невосприимчивым ко всяческим темным искушениям,

как потусторонним, так и вполне земным. И если уж ты, автор, рискнул говорить на религиозные темы с далекими от веры людьми, то, наверное, лучше о Христе говорить, о Благой Вести, а не о бесовских кознях. Козни есть, кто бы возражал. Но противостоять им сможет лишь тот, кому дорог Христос, кто боится потерять Его.

Похоже, автор «Детей...» слишком уж старался выполнить «соцзаказ», оправдать возложенное доверие. Но каждый пишет, как он дышит, и дыхания своего не обманешь. И когда пишут кровью сердца, когда пишут жаром любви — получается не так. Совсем не так.

Ну и под конец... Рискну предположить, что никакого греческого писателя Никоса Зерваса в природе не существует. Из текста все очевидно: писал отечественный автор (или авторский коллектив). Слишком уж он наш, здешний. И если бы роман Зерваса был досадным исключением, белой вороной в густо населенном мегаполисе российской литературы! В том-то и беда, что перед нами не штучный товар. И все чаще, при знакомстве с книжной продукцией последних лет, возникает устойчивое ощущение, что ксенофобия из порока общественного вдруг превратилась в очередную литературную моду.

К сожалению, ксенофобия в современном обществе (причем, отнюдь не только в российском) стала обычным явлением. Причем эта зараза все заметнее поражает фантастику, всегда считавшуюся самой интернациональной из всех форм искусства...

Андрей ВАЛЕНТИНОВ:

Проще всего упомянутую ксенофобию осудить и заставить провинившихся отчислять часть гонорара в очередной международный фонд. А если не захотят — ввести бронетехнику. Разобраться сложнее.

То, что литература (вместе с авторами, критиками и читателями) — часть общества, понятно всем. Менее очевидно для нас, все еще пытающихся взывать к традициям чуть ли не Добролюбова, что мы за последние годы изменились, причем кардинально и безвозвратно.

Озверение и децивилизация общества (скинхеды, дегенераты и подонки в парламенте, тинейджеры, из которых даже мыла не сварить) заметны невооруженным глазом. Гибель страны будет чувствоваться еще минимум несколько поколений, отсюда растерянность, потеря идеалов и целей, неадекватная оценка «своих» и «чужих».

Шовинисты омерзительны, «либерасты» — тем более.

Но все это лишь следствие основного. Основное же — болезненная, нервная реакция населения многих стран планеты на экспансию пресловутого глобализма, то есть победившей в третьей мировой космополитической верхушки США (от которой, что вовсе не тайна, страдает, в первую очередь, американский народ). По сути, строится всемирная колониальная империя, где всем, включая большинство американцев, отводится роль «папуасов».

Пресловутая политкорректность есть одно из средств укрепления глобализма. Они будут решать, что и как не только делать, но и даже говорить нам.

Отсюда и реакция, в том числе ксенофобия. Для тех же глобалистов это очень удобно, ибо позволяет записать всех, кто против, в фашисты, антисемиты, террористы и так далее.

Можно, конечно, спросить: а вдруг так лучше? Может, это и есть тот самый Финиш Истории, а значит, проще не спорить с судьбой? Научимся американскому суржику, привыкнем жевать безвкусные булки в «Макдональдсе». Тем паче «папуасов» обещают так-сяк, но кормить и снабжать бесплатной порнографией... На этот вопрос и предстоит ответить, в том числе писателям-фантастам.

Вывод: надо оставаться людьми, не превращаясь в «папуасов». Ксенофобию таки осудить и ей не поддаваться, ибо такая реакция и нужна

врагу. Вместе с тем следует руководствоваться прежде всего национальными, а не космополитическими ценностями, иначе лучше сразу выкидывать белый флаг и взбираться на пальму.

Этот выбор и отражает фантастика. Кое-кто уже на пальмах — среди эльфов с цвельфами, кое-кто в Союзе Михаила Архангела...

Леонид КУДРЯВЦЕВ:

Ксенофобия начинается, когда слово «иной» становится синонимом слова «плохой». Ксенофобия — болезнь, причем заразная и очень опасная. Как правило, она поражает инфантильные организмы, под влиянием каких-то внешних факторов озлобившиеся, утратившие надежду на будущее.

Ксенофобия в нашей стране? Вполне естественная реакция на то, что за последние пятнадцать лет в ней происходило. Есть определенные законы. Как сказано в «Алисе в Стране Чудес»: «Если разом осушить пузырек с пометкой «Яд!», рано или поздно почти наверняка почувствуешь недомогание». Осушили, да не один. Вот налицо и недомогание.

Ксенофобия в нашей фантастике?

Да, есть и явно прогрессирует. Фантастика является частью литературы, а она — зеркало, отражающее происходящее в стране. Положение осложняет еще и тот факт, что в последнее время, когда условия выживания усложнились неимоверно, выкинут лозунг «продаться любой ценой». А в стране, где большей части населения живется ой как несладко, всегда найдутся желающие потреблять литературу о том, что соседи — иные, то есть злобные негодяи, построившие свое благополучие на наших несчастьях.

Что дальше?

Остается надежда, что вдруг произойдет чудо, жизнь в стране наконец-то улучшится и появятся новые, заманчивые горизонты. Тогда Россия получит шанс, забыв о детской привычке баловаться спичками, двинуться дальше, к взрослой, серьезной жизни. Если нет... Ну что ж, значит, будет как в некоей другой стране, которая вот уже много десятков лет пытается отмыться от огромного черного пятна в своей истории и никак не может, ибо все помнят, к чему привело то, что поначалу казалось всего-навсего чем-то, не требующим серьезного внимания.

Владимир МИХАЙЛОВ:

Мне не раз уже приходилось говорить и писать о том, что из всех материальных проявлений духовной жизни человека оперативнее других откликаются на происходящие процессы поэзия и фантастика. Тому есть свои причины, но сейчас речь не о них. Куда важнее то, что фантастика, еще в недавнем прошлом признававшая равенство и общность всех народов и наций, сегодня намеренно или подсознательно откликнулась на

рост в обществе противоположных настроений и убеждений. И происходит это, несмотря на то, что сама жизнь в рамках существующей цивилизации развивается, казалось бы, в противоположном направлении: не изоляционизма, а глобализма. Иначе говоря, настроения и убеждения круто расходятся с практикой жизни. Явление явно нелогичное и несовременное; прошлое стремится догнать нынешнее и даже обогнать его, прорываясь в будущее.

Почему? Это, я думаю, не что иное, как ремиссия. То есть процесс, когда в состоянии тяжело больного вдруг наступает улучшение — заметное, такое, что дает надежду на выздоровление. На самом же деле за ним следует агония.

В нашем случае речь идет об агонии пришедших из диких времен представлений: «все чужое — вредное, враждебное и неприемлемое» и «всякий чужак — враг, уничтожаемый или изгоняемый и, уж во всяком случае, никак не равный нам».

Забавным кажется, что сторонники таких воззрений, а их у нас нынче немало, почему-то не выступают, скажем, за отказ от ввоза автомобилей, электроники, одежды, фильмов и мало ли чего еще. То есть в своей личной практике каждый из них давно уже стал глобалистом. Но вот в личной теории никак не отойдет от нацизма (а подобные взгляды и есть нацизм).

Мы переживаем ремиссию таких воззрений; они, как всякий умирающий организм, мобилизуют последние силы в надежде выжить.

Есть, наверное, обстоятельства, в какой-то мере стимулирующие такой всплеск. Мне представляется, что одним из них является заметный рост активности ислама. В этом нет ничего удивительного. Ставшая ныне всеобщей цивилизация определилась и развилась как христианская. И мир ислама признавался второстепенным не создателем, а потребителем. Но он перестал мириться с таким позиционированием. Возраст ислама как вероучения сейчас соответствует (примерно) возрасту христианства времен крестовых походов, то есть пику активности. Он заметно давит. Но всякое давление вызывает противодействие. И одной из форм такого противодействия становится та же ксенофобия.

Сколько еще она сможет просуществовать? Сколько отведено ей на ремиссию? Во всяком случае, не год и не десять — гораздо больше. Но этот срок во многом зависит от нашего отношения к подобным взглядам и тем более действиям. Всегда ли автор помнит о мере своей ответственности за то, что он пишет?

Впрочем, может быть, и ремиссия закончилась, и агония была, и взгляды эти на самом деле уже мертвы. Может быть. Но разлагающийся труп опаснее всего. Он может заразить. Недаром у всех народов принято хоронить мертвецов.

«БАНК ИДЕЙ»

Здравствуйте, уважаемые конкурсанты и читатели этой рубрики!

Давайте сразу к делу. Вспомним условия задачи, предложенной в десятом номере «Если» за прошлый год. Лучше всего было бы сейчас взять этот номер в руки и прочесть пролог рассказа, но для самых ленивых мы даем краткое описание ситуации.

В провинциальном американском городке не столь уж далекого будущего живет малоизвестная поэтесса, желающая стать «звездой». И вот однажды она оповещает город/страну/планету о том, что готова создать поэму, используя в качестве «литературного материала» падающие снежинки. Не важно, что это произведение, состоящее из 1003 слов, прочтет всего сотня специалистов, а поймут пять (заметим попутно, что прекрасный русский поэт Велимир Хлебников утверждал, будто его понимают всего три человека, причем одним из троих называл себя).

Однако, давая «ключи» читателям, мы обратились не к нему, а намекнули на Серебряный век русской литературы: поэтесса, на наш взгляд, вполне вписывается в его парадигму — декаданс плюс немалая (хотя и поверхностная) техническая подкованность. В этой логике мы и предложили конкурсантам решать задачу, которая основывается не на привычной НФ-идее, а на ХАРАКТЕРЕ героини.

Вопросов было два: дежурный — ЧТО ПРЕДПРИНЯЛА ГЕРОИНЯ? — и сущностный — КАК ОТРЕАГИРОВАЛИ ЖИТЕЛИ ГОРОДА?

На первый вопрос наши конкурсанты, владеющие самыми перспективными технологиями, ответили дружно: получив немалые деньги за свои интервью и отыскав спонсоров, «поэтесса с математическим уклоном» заказала/изобрела установку, создавшую в городе микроклимат. Экран, сфера, наноботы — результат один: на улицах царит российская зима, морозная и снежная. Последствия, в отличие от России, каждый год переживающей подобное, куда более катастрофичны: все живое гибнет, жители бегут, по пути взрывает секретное климатическое устройство, федеральная власть десантирует спецназ с обогревателями и тепловыми пушками... В искреннее желание поэтессы написать поэму большинство участников конкурса не верит. Поэтому вариантов, где она все же занимается созданием «произведения», всего два.

Используя НАНОТЕХНОЛОГИЮ, героиня заставит каждую из 1003 выбранных ею снежинок поведать собственную историю: рождение, путешествие «туда» и «обратно»; таким образом возникает поэма, написанная самой природой «обо всем мире и для всего мира» (О.Гон-

чарова, Тула). Или с помощью тех же технологий поэтесса заставит снежинки во время снегопада кристаллизаться в нужных ей формах: при этом свет, проходя сквозь них, и будет формировать своего рода голографические символы (упомянутый героиней алфавит), «вызывающие к архетипам Юнга» (О.Костенко, Санкт-Петербург).

Подключив к климатической установке прибор ЗОМБИРОВАНИЯ, героиня заставит всех жителей города принять участие в своем хэппенинге, предложив им, наподобие Снежной Королевы, выкладывать из кусков льда (модифицированные снежинки) строки своего жуткого произведения (С.Владиков, Псков). Или же превратит горожан в замерзшие фигуры, которые будут изображать буквы в ее апокалиптической поэме (Д.Носков, Архангельск).

Ну а что же со вторым вопросом — «как отреагировали жители города?». Отчасти мы об этом уже упомянули: бежали, взорвали, воззвали к властям. А теперь обратимся к эксклюзивным вариантам.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ. Жители города принялись лепить снеговиков и играть в снежки, демонстрируя героине свое полнейшее равнодушие и к суровым погодным условиям, и к зачинщице этого безобразия (М.Иванова, г. Глазов, Удмуртская Республика). Ну а можно поступить иначе — найти среди своих умельца или вундеркинда и «поставить прибор на реверс», то есть воссоздать в городе если не земной рай, то хотя бы Калифорнию (В.Лоськов, Москва).

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ. Что греха таить, жители просто линчуют взбалмошную бабу! (О.Костенко, Санкт-Петербург; Д.Дворкин, Тюмень) А может, сами заморозят ее в назидание потомкам (Е.Ухлин, Казань). Или уготовят ей еще более мучительный конец — «выкладывать из снежинок Конституцию Соединенных Штатов» (К.Волков, Новосибирск).

Предложения, нацеленные на разнообразное изничтожение поэтессы, по счастью, не были столь уж массовыми, однако не менее трети читателей рекомендовали заняться чем-то подобным. А теперь посмотрим, что об этой истории думает известный американский писатель, хорошо знакомый читателям «Если».

Р О Б Е Р Т Р И Д

ПОЭТИЧЕСКИЙ СНЕГ

В течение многих лет она была их соседкой. И только. Она подпала именно под эту категорию: одинокая женщина, питающая страсть к долгим прогулкам, приводившим ее в самые отдаленные уголки их маленького городка. Должно быть, за это время каждый житель успел узнать ее — по крайней мере, в лицо. Сначала она выглядела лет на тридцать, потом на сорок: миниатюрное костлявое создание с длинными черными, отливающими фиолетовым волосами, умными серыми глазами и римским носом. Лицо достаточно приятное, чтобы кое-кто из мужчин обратил на нее внимание, но не настолько привлекательное, чтобы местные женушки посчитали ее угрозой своему семейному счастью. В холодную погоду она носила мешковатые пальто и высокие сапоги, тем более, что в этих северных широтах зима частенько задерживается. Этот городок был одним из новых поселений, рожденных во время очень теплого века — община, возникшая посреди того, что было когда-то раскидистым хвойным лесом и торфяными болотами. Сто тысяч человек мигрировали с душного, перенаселенного юга, гонимые слухами о дешевизне земли и ностальгией по настоящим зимам. Теперь на месте леса вырос современный город — чистенький, живописный, выдержанный в едином стиле и, несмотря на некоторое архитектурное однообразие, на удивление красивый.

Семьи у женщины не было. Жила она в крошечном домике рядом с самым большим городским парком. И все же ее двор занимал несколько гектаров каменистой почвы, но, в отличие от остальных владельцев, она сохранила здесь островок хвойного леса. Одно это выделяло ее среди остальных обитателей. Даже если люди не узнавали ее, достаточно было упомянуть «Дом рождественских елей», и все понимали, о чем идет речь. Темные, голубовато-зеленые деревья, окруженные простым палисадником, не позволяли увидеть дом и его хозяйку даже с самого хитрого наблюдательного пункта.

И все-таки ближайшие соседи знали о ней намного больше остальных горожан, что казалось вполне естественным. Они, по крайней мере, видели женщину довольно часто и в определенное время, а кроме того, за все эти годы им не раз удавалось поговорить с ней. Впрочем, обычно она была неизменно любезна, улыбалась, болтала о пустяках и даже соглашалась отвечать на самые назойливые вопросы. Было из-

вестно, что зовут ее Бренда Лайлз и она человек искусства. Какого именно, оставалось тайной. Постепенно люди остановились на «поэтессе». Сама мисс Лайлз употребляла именно это слово, и никогда не разубеждала человека, воспользовавшегося им в ее присутствии. Но, в отличие от немногих местных поэтов, она не преподавала в городском колледже. Никто не знал ни названий ее произведений, ни псевдонима, под которым она печаталась. Некоторые намекали, что она просто чудачка, носящая звание поэта как своеобразный камуфляж. Но тут одна из ее ближайших соседок ухитрилась узнать нечто невероятное. Женщина действительно была поэтессой, вот только работала отнюдь не со старомодными словами. И все, что она создала с самого детства, так и не удостоилось чести появиться в печатных изданиях.

Соседка мисс Лайлз была пожилой женщиной, родом с Гаити и, прежде чем приехать сюда, жила в Орlando. Руби слыла человеком общительным, настойчивым (в некоторых случаях даже чересчур). Узнав о Бренде самую чуточку, она захотела вынюхать все. Одним летним днем под предлогом поисков сбежавшего кота — как позже выяснилось, несуществующего — старушка сумела проникнуть во двор и нашла поэтессу в необычайно разговорчивом настроении.

Женщины остановились на маленькой полянке посреди густых елей. Над ними раскинулся раздвижной экран, поглощавший большую часть солнечных лучей и использующий эту дешевую энергию, чтобы охлаждать воздух внизу, иначе ели просто сгорели бы и погибли. Бренда объясняла эту технологию в терминах, способных испугать любого поэта: абсолютно бездушные выражения, в которых упоминались фотоны, микроклимат и фотосинтез, — а потом с нежностью, граничившей с истинной любовью, призналась:

— Это мои любимые деревья. Ели всегда умирают последними, прежде чем холод убьет все живое.

Руби подумала, что еще не встречала столь оригинального создания, но тут же решила не обращать внимания на некоторую неловкость. Поэты — люди необычные, со странностями.

Стараясь не забывать об этом, она изобразила широкую улыбку и участливо осведомилась:

— Вы сейчас работаете над чем-то новым?

— Как всегда, — весело бросила поэтесса.

«Над чем именно?» — едва не спросила старушка, но все же сдержалась, вынудив себя сохранять терпеливое молчание.

И уловка сработала.

Поэтессу вдруг прорвало. Годы тяжкого, изнурительного труда вылились в несколько решительно непоэтичных фраз.

— Я использую нанотехнологические методики, чтобы написать эпическую поэму на непостоянном субстрате. Пока что моя работа существует только в компьютере, но позже я использую лед в качестве материала. Вернее, чтобы быть уже совсем точной, не лед, а снег.

— Снег? — пробормотала соседка.

Услышав это слово из уст постороннего человека, поэтесса улыбнулась. И отвечая на вопрос, задать который собеседнице в голову бы не пришло, добавила:

— Сама жизнь непостоянна — в точности как искусство. Все это временное состояние. Так почему бы с радостью не приветствовать само понятие временного?

И что, спрашивается, все это означает, черт побери?

Еще один вопрос, который мог быть задан, но не был, повис в воздухе. И никто не подумал его задать: ни пожилая сплетница с воображаемым котом, ни те, с кем Бренда говорила в последующие недели и месяцы. Ближайшие соседи откровенно веселились. Немногих одолевало любопытство. Но любопытство улеглось, и всю следующую зиму, весну и долгое северное лето Бренда Лайлз снова стала не более чем привычной фигурой, бредущей по городу. И с каждым днем ее стареющее лицо становилось все более отчужденным. Более сосредоточенным. Более страстным.

Лето заканчивалось, а вместе с ним растаяла и замкнутость Бренды. Она вдруг снова заулыбалась и, гуляя по улицам, тихо разговаривала сама с собой спокойным решительным тоном, что заставляло усомниться в ее здравом рассудке.

Осенью местная новостная монополия получила голографическую брошюру вместе с написанной от руки запиской. Записку прислал на-нопредприниматель, известный своим пристрастием к изящным искусствам.

«Она одна из ваших, — писал он мелким, неартистичным почерком. — Возможно, вы захотите сделать о ней короткую программу перед главным событием».

«Событие» оказалось темой изысканно оформленной брошюры.

Тут же было сделано несколько звонков в спонсирующий фонд. Еще больше звонков досталось на долю Бренды Лайлз. За звонками последовали э-мейлы и наконец открытка, подписанная репортерами, гением фотокамеры и доведенными до отчаяния редакторами.

«Мы хотели бы сделать программу о вас и вашей жизни, — гласила открытка. — В любое, удобное для вас время, разумеется».

Но все мольбы оставались без ответа. Идея сделать программу почти забылась. Но однажды в холодный ноябрьский денек в главной

студии появилась поэтесса, наряженная в длинное коричневое пальто, знавшее лучшие дни, и высокие грязные сапоги. Лицо осунулось, но выглядело спокойным и сдержанным.

— Теперь самое удобное время, — объявила она. — Если желаете взять интервью, сделаем это немедленно.

Назавтра поэтесса из узнаваемой, обыденной фигуры превратилась в самую знаменитую жительницу маленького городка.

— Замысел этот появился двадцать лет назад, — объяснила она. — Но сфера моей деятельности и необходимые технологии... короче говоря, было немало долгих задержек и больших технических проблем, не говоря уже о самых простых, старомодных трудностях в написании этой проклятой поэмы.

Некоторые очень удивились таким речам. Но у настоящих поэтов рот, как помойка! Это известно всем!

— Вы пишете на снегу, — упомянул журналист, заглядывая в полблескивающую на его коленях брошюру. — И то, что случится...

— Я пишу снегом, — поправила она и, схватив брошюру, стала перелистывать, пока не остановилась на последней главе. — Каждая снежинка — слово, — пояснила она. — Каждое слово написано на изобретенном мною языке.

Она заговорила сложнейшими математическими терминами и, не успев ведущий опомниться, похвасталась:

— На свете не сыщется и сотни людей, способных прочитав эту работу. А из этой сотни едва ли пятеро ее поймут.

Ведущий тупо уставился на странную особу.

«К чему тогда стараться?» — едва не сорвалось у него с языка.

Но поэтесса продолжала распространяться далее, радостно сообщая, что вся поэма будет состоять ровно из тысячи трех слов и что из-за капризов погоды и хаотического падения снежинок последние соберутся в нужном порядке и в требуемом расположении строк всего пять или шесть раз на всем холсте.

— Холсте, — повторил ведущий и, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию зрителям, уточнил: — Вы имеете в виду город?

— Да, — бросила она тоном, подразумевающим «разве это не очевидно?».

— Этот снег... это явление... должен накрыть наш город где-то в январе. Таков ваш план?

— Да, если не будет каких-то осложнений.

По мнению ведущего, все это было глупо, смехотворно, совершенно нелепо. Но история на этом не кончалась.

— Насколько я понимаю, подобная работа будет знаменательным

событием, и не только для нашего города. За нами станет следить почти весь мир искусства, — заметил ведущий, многозначительно кивая.

— Просто весь мир, — поправила Бренда. Сейчас она была «артисткой» и главной исполнительницей, поэтому накануне своего шоу дрожала от нетерпения. — Да, это будет знаменательным событием. Спектаклем. Ничего подобного не было раньше и не будет позже, а этот крошечный поселок войдет в историю.

Прогноз на январь оказался слишком оптимистичным. Прибытие основных технических средств запаздывало, а один из модераторов климата, работающий на искусственном интеллекте, оказался ленивым, неуклюжим и абсолютно некомпетентным для столь тонкой работы. Поговаривали, что снега не будет до следующей зимы: какая неприятность — и что теперь будет делать Бренда? Переживет ли такое разочарование?

Но Бренда не казалась грустной или хотя бы встревоженной: таково было общее заключение, выведенное из сотен личных встреч и десятков бесед вроде бы ни о чем. Поэтесса выглядела спокойной, даже счастливой и охотнее, чем обычно, вступала в разговоры. Она сообщила, что январь был бы идеальным месяцем для ее целей. Ведь по мере приближения весны ее снег окажется еще более недолговечен. Но это, в общем-то, правильно. Она и собиралась показать миру, насколько хрупок и недолговечен гений во всех артистических ипостасях — так было и будет всегда.

Бренда выбрала середину февраля, и эта цель оставалась неизменной, но, к сожалению, за три дня до события неожиданно выпало три сантиметра снега, безнадежно испортив ее холст.

Бренде и городу пришлось ждать, пока этот необузданный, неизвестно откуда взявшийся снег растает.

Зима почти прошла, когда было объявлено, что завтра — знаменательный день. Бренду видели в офисе новостей, где она завершала подготовку к завтрашнему спектаклю, пока местные метеорологи, как обычно, отделялись знакомыми (и малоправдоподобными) фразами, объясняя, как пройдут следующие двадцать четыре часа.

Понятно — для снега требуется холод.

И влажность.

И еще — в верхних слоях атмосферы должна произойти некая идеальная последовательность весьма тонких явлений, особенно если специально созданные снежинки должны организоваться определенным образом, прежде чем упасть с нужной скоростью и в необходимом порядке.

Всего за одну ночь над городом был возведен гигантский купол, невидимый и чрезвычайно надежный: изысканное полушарие из ионизированных частиц и наноплатформ, солнечных пылинок, съедающих свет, и недавно изобретенных охлаждающих конденсатов.

Раннее мартовское солнышко было экранировано куполом, и большая часть этой заблокированной энергии питала системы обратной связи, усиливающие постоянный холод. Под куполом было довольно влаги, чтобы обеспечить пять сантиметров снега, но этого оказалось недостаточно. Поэтесса с самого начала предложила слой мокрого снега толщиной двенадцать сантиметров — очень милое старомодное шоу, для постановки которого были задействованы все водные запасы города (что было доведено до сведения публики бесчисленными пресс-релизами). Но сначала в январе, а потом дважды в феврале Бренда под шумок увеличила цифру. На вопрос об изменениях она ответила, что двадцать четыре сантиметра эстетически приятнее и она пытается сделать все, дабы весеннее тепло не уничтожило ее работу за один день, к тому же при более густом снеге легче отыскать примеры поэзии, скрытой в гуще этого чудесного явления.

Ее соседям, однако, все это было не слишком интересно. Художественная суть проекта казалась им надуманной и глупой, словом, абсолютно бессмысленной. Зато как приятно внимание Всемирной гильдии работников искусства! Они искренне наслаждались теми мгновениями, когда слышали высказывания известных ученых и художников-модернистов: «Это великий момент для монументального искусства. С того дня, когда Адалл создал на Гавайях свои картины, написанные светящимися чернилами, мы не наблюдали столь точного и выразительного отображения мира... Правда и величие слились воедино...».

Но больше всего им нравились видеозапросы от журналистов и потенциальных поклонников творчества Бренды. Жители Земли и Луны не уставали спрашивать: что жители города будут делать, пока идет снег, как они устанавливают личный контакт с гением, коим, несомненно, является мисс Лайлз?

Купол был возведен без особых трудностей и бросал весьма убедительную тень на город, казалось, погруженный в сумерки. Холодный мартовский воздух вернул жителей в настоящую зиму. Как и обещалось, снегопад начался вечером в пятницу, густой, обильный и такой влажный, что словно бы сам собой скатывался в снежки и снеговики. Но если не считать нескольких вандалов детского возраста, жители старались не тревожить ровный белый слой. Все пред-

почитали наблюдать из окон, как растут сантиметры, делали собственные замеры и праздновали это бесшумное, прелестное и совершенно безвредное явление. Да, это было искусство в глупейшем его проявлении — но если взрослым нельзя подурачиться, то зачем тогда жить?

В середине субботнего дня поэтесса обнародовала итоговые цифры снежного покрова. Из-за скачков влажности и дополнительной эффективности охлаждающего купола вполне вероятны тридцать сантиметров, а на местности, прилегающей к ее дому, все сорок, а может, и пятьдесят.

Вряд ли стоит волноваться. Разумеется, для паники нет причин.

Но многих тревожили явления более крупного масштаба, происходившие где-то в верхних слоях атмосферы. Потоки теплого весеннего воздуха направлялись на север, готовые столкнуться с огромным фронтом зловещего ледяного воздуха, причем в воскресенье. Гигантский аппарат использовался для создания искусственных облаков в засушливых областях, где уже весной по небу разлетались дождевые катализаторы, собирая пушистые белые массы влажного воздуха над океанами, сжимая их и насыщая электрическими зарядами. Для всего этого использовалось то же самое оборудование, с помощью которого получали охлаждающие купола, чтобы подать влагу на десятки тысяч ферм: древесных, рыбных, стейк-ферм и просто ферм. Каждый год приносил свои проблемы. Бывало, что в неделю не выпадало ни одного дождя, и подобное иногда случалось по несколько раз в месяц. Но казалось невероятным совпадением, что почти одновременно не сработали сразу три дождевых катализатора, передвигавших три близко расположенных облака. Каждый отказ был очевиден, и дальнейшее расследование так и не смогло установить причины. Может, это было чистым невезением. Но что бы там ни было, каждое облако распалось, изливая содержимое в теплый весенний воздух, пробивавшийся на север с силой и упорством, не знавшими препятствий, пока теплый фронт не достиг Арктики.

До конца воскресенья было еще далеко, когда прежняя полуметровая отметка оказалась взята. Сидя взаперти в своих домах, люди узнали, что через три дня, по самым оптимистичным прогнозам, глубина снега приблизится к пяти-шести метрам... если только не сбудутся худшие предположения — и тогда на их головы свалится до десяти метров мокрого, холодного, губельного снега.

— Весь мир будет смотреть на нас, — обещала Бренда несколько месяцев назад.

Теперь эти слова вспоминались. Долго пережевывались. Обсуждались. Оспаривались. Но настал понедельник, и слой снега уже был выше роста самого высокого обитателя здешних мест, а солнце хотя и поднялось, но оставалось невидимым, поскольку охлаждающий купол отказывался рассеиваться, но в сорока тысячах домов тихие голоса повторяли одно:

— Она хотела, чтобы случилось именно так.

Люди упорно твердили себе и друг другу:

— Именно этого с самого начала и желала наша соседка.

Руби по собственной инициативе создала голокомнату, в которую допускала только тех, кто находился поблизости, после чего в понедельник вечером пригласила соседей на собрание. Явились почти все — да и что им еще оставалось? Все, кроме Бренды. Со вчерашнего дня поэтесса упорно не отвечала на звонки и мейлы, а также игнорировала все просьбы об интервью для прессы и телевидения. И носа не казала из дома. Впрочем, ничего удивительного. Самая высокая точка купола приходилась как раз над ее лесом, и главный удар бури был направлен прямо на дом.

— Все это — наглый и отвратительный произвол, — взволнованно и одновременно очень испуганно выпалила Руби. — Поэтому нам необходимо решить, что делать. С Брендой и со всем остальным.

Здесь собрались жители сотни домов. Люди, весь этот год проходившие мимо друг друга, даже не здороваясь, теперь сидели в иллюзорной комнате, негромко переговариваясь и вслушиваясь в реплики соседей. Кого здесь только не было: ученые, рантье, пенсионеры, торговцы. Почти все прекрасно выглядели, были стройны, мускулисты, ничем не болели, занимались зимними видами спорта, а подвалы и гаражи были набиты лучшим снаряжением, которое только можно купить в современных спортивных магазинах. Небольшая флотилия снегоходов стояла наготове, не говоря уже о снегоступах и одежде с подогревом, лопатах и снегоуборочных машинах, а также огромных запасах соли. Зачем беспокоиться: в каждом доме имелись отдельные генераторы, так что с электричеством проблем не будет. Но давящая, губительная масса снега пугала всех. Необходимо что-то предпринять, но что?

Жители решили создать команды. Сильные мужчины и решительные женщины одевались, как для путешествия на Северный полюс, и выходили на улицу — в снежные джунгли. Мониторы глобальной системы навигации не давали им заблудиться. Они собирали все, что могли, из оборудования и работали быстро и усердно, очищая один

дом за другим, сбрасывая непосильную тяжесть со стонущих под снегом крыш.

К утру вторника нападало еще два метра снега. Но дома были в безопасности — по крайней мере, на этот час.

Люди отдыхали до полудня: ели, как портовые грузчики, а кое-кому удалось немного поспать. Потом началась вторая часть операции. Десятки жителей собрались на перекрестках основных улиц: безликие, почти бесформенные фигуры в масках, толстых куртках, теплых брюках и высоких сапогах, в которые уже успел набиться мокрый снег. Снегоступы были обязательны, иначе человек мгновенно погрузился в снег до пояса, если не выше. Только по голосам можно было понять, кто есть кто. Один легко узнаваемый голос спрашивал, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Ну что, все здесь?

Дюжие мужчины дружно загудели:

— А вы-то зачем пришли, Руби? Пытаетесь загнать себя в могилу раньше времени?

— Прежде всего, это была моя идея, — напомнила старушка. — И во-вторых, поэтесса — моя ближайшая соседка. Разве я могу сидеть дома?

Резкий тон не допускал возражений, поэтому споры мгновенно утихли. Кроме того, нельзя было терять время. Задача предстояла нелегкая, да и нужно сберечь силы, чтобы вечером добраться до своих домов и снова сбросить снег с крыш.

— Все готово! — объявил вожак, помахивая тяжелой рукавицей. — Начинаем!

Ландшафт сделался пугающе простым, плоским, серо-белым, и все было погружено в полумрак. Под снегом скрылись характерные детали пейзажа, а новые и новые пласты приглушали звуки и не давали ничего разглядеть.

В каком-то весьма приблизительном месте группа свернула с улицы. Никто не знал, что будет дальше, и когда они перебрались через погребенный под снегом палисадник, оказалось, что тут снег образовал холмы, колонны и аккуратные небольшие пирамидки. Под каждой скрывалась ель, чьи голубовато-зеленые ветви были изуродованы и поломаны массами безжалостного снега. Над полуповаленными деревьями развевались обрывки экрана, столько лет защищавшего их от палящего солнца.

Самый низенький из мужчин шел вперед, прокладывая дорогу для остальных. Двухсотметровый путь занял почти час. Наконец лес остался позади, и на мониторе глобальной системы навигации пока-

зался домик, выглядевший сейчас маленьким, почти игрушечным иглу.

Первая лопата вошла глубоко, но наткнулась только на снег под снегом. Команда образовала неровный круг и принялась орудовать лопатами. Минут через сорок упорного труда они вырыли довольно большую яму, но до крыши не добрались. Кто-то высказал вслух общую мысль: домик уже рухнул под натиском бури. И хотя все молча согласилось, работа продолжалась. Время от времени то один, то другой со стоном тряс обмороженными руками, отходил и принимался есть дорожную смесь из коробочки, запивая водой из бутылки, до того спрятанной под одеждой. Некоторые слушали новости по спутниковому радио. Искусственный буран и выпавшие на их долю испытания стали самым важным событием. И хотя на помощь уже была отправлена целая армия солдат и гражданских спасателей, они могли и не успеть. Каждый выступавший по радио соглашался, что опасности подвергаются тысячи жизней, а ученые мужи и законники пытались перешеголять друг друга, описывая кары, которые ждут виновного в преступлении столь гигантских масштабов.

Наконец все приемники были выключены, а лопаты вновь вонзились в снег. Две минуты спустя показались сине-черные изразцы на совершенно целой крыше.

Тут же противно взвыла пара алмазных пил, вгрызаясь в черепицу.

Когда дыру достаточно расширили, худощавый молодой человек пролез на темный чердак и, с помощью включенного фонарика исследовав доски пола и балки перекрытий, выглянул наружу.

— Вот-вот все рухнет! — крикнул он.

— Никого не слышно? — спросила Руби.

— Ничего, кроме треска досок.

Дыру расширили. Пилы и другие инструменты спустили вниз, после чего за первым смельчаком последовали женщина и второй мужчина. Но они забыли веревку — нейлоновый шнур, подходящий на любой случай. Руби схватила моток и скользнула на чердак с ловкостью, поразившей всех, включая ее саму.

— Я вам понадобится, — сообщила она безликим фигурам в масках. — И помните: я единственная, кто бывал в этом доме.

Наглая ложь, которую никто не посмел оспаривать.

Они прошли по чердаку, чувствуя, как трясется и трещит дом. Под изолирующим аэрогелем оказались складная лестница и люк. Простая задвижка была легко взломана, и они спустились в темный коридор. Дома, похоже, никого не было. Они обыскали обе спальни, кухню и маленькую гостиную и наконец набрали на ведущую в подвал лестницу.

Снизу пробивался красноватый свет.

Самый отважный из группы пошел первым, сжимая пожарный топорик. Оказавшись внизу, он остановился, недоуменно моргнул и мгновение спустя, когда тишину прорезал жалобный вопль, уронил топорик, едва не поранив ногу.

Где-то в полутьме выла женщина.

Мужчина выругался, подхватил топор и, вздымая его перед собой, словно боясь нападения, двинулся вперед.

Вой оборвался сдавленным писком. Чей-то голос монотонно повторял:

— Нет, нет, нет, пожалуйста, нет.

Руби протиснулась вперед. Подвал оказался прекрасно оборудованной мастерской, забитой компьютерами и разнообразным оборудованием. Руби пересекла подвал, не выпуская из рук чудо-веревки. Кто знает, когда придется подвязать что-то или уберечь это что-то от падения. Поэтому она захватила веревку — и поэтому напрочь забыла, что держит ее в руках.

Руби уставилась на поэтессу. Удивительно, какой крошечной она кажется сейчас, когда лежит на полу, свернувшись калачиком, закрывая молочно-белыми руками искаженное ужасом и мукой лицо.

— Только не мучайте меня слишком долго, — взмолилась Бренда. — Помилосердствуйте. Убейте художника, но... не... не нужно причинять лишней боли.

Старушка от неожиданности оцепенела.

Незванные гости и понятия не имели, что на них направлено с поджожины камер. Планета наблюдала, как Руби возвышается над соседкой. Наконец до мудрой старой женщины дошло, что все это значит.

И тут она рассмеялась. Громко. Отрывисто.

И очень грустно.

А что еще оставалось делать?

Хихикнув напоследок, она всхлипнула и, хрустнув ревматически-ми суставами, опустилась на колени.

— Так это не имело ничего общего с поэзией в снегу! — воскликнула она. — Удобное прикрытие, верно? То, что вы тут вытворяете — это какой-то дурацкий... перформанс... Я права?

Соседка нервно дернулась.

— Недолговечность искусства и гения, — заключила Руби. — Именно это вы надеялись показать нам всем.

Бренда осторожно выглянула из-за широко расставленных, паучьих пальцев.

— Ах, ты бедняжка... — Руби уронила веревку и протянула ей обе руки.

— Знаешь, мне ужасно тебя жаль.

— Разве вы не хотите меня убить? — выдавила Бренда и почти извиняющимся тоном добавила: — Я подвергла опасности ваш город, ваши дома. Я богиня, обуреваемая холодной яростью... Ведьма Зимы и Отчаяния... Зачем вы пришли сюда... если не для того, чтобы меня уничтожить?

Ответом был дружный смех.

— Милочка, — промурлыкала старушка, сдергивая варежку. Серовато-черная рука коснулась белой, как мел, щеки.

— Ты очень странная, да и поэт из тебя никакой. Но даже все это, вместе взятое, еще не причина кого-то убивать!

Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА

© Robert Reed. Poet Snow. 2005. Публикуется с разрешения
журнала «Fantasy & Science Fiction».

Теперь понятно, чего желала наша декадентствующая дама — пострадать во имя искусства, «вечно преходящего и преходяще вечного» (Зинаида Гippiус). Но жители города оказались НОРМАЛЬНЫМИ людьми. Люди как люди — терпимые, не лишенные внутреннего благородства, снисходительные к чужим слабостям.

Будем снисходительны и мы; тем более что повод для этого гораздо менее драматичный. Судя по всему, читатели устали от конкурса. Можно было бы говорить о том, что тема данного этапа выбрана неудачно, если бы не отрицательная динамика последних двух лет. Какую бы задачу мы ни предлагали потенциальным конкурсантам, число участников раз от раза снижается (мы рассказали об этой проблеме во втором номере «Если» за этот год в рубрике «Фантариум»). Словом, предлагаем конкурсантам отдохнуть и набраться сил для будущих интеллектуальных битв. Если запрос на подобного рода конкурс будет достаточно массовый, мы непременно возродим «Банк идей» в новом виде.

Ну а сейчас назовем победителей последнего этапа конкурса. Ими стали О.Костенко из Санкт-Петербурга, О.Гончарова из Тулы и С.Владиков из Пскова.

Надеемся, до встречи!

Жюри конкурса

СЛОМАННАЯ ТАБАКЕРКА

Евгений ХАРИТОНОВ

Удивительная вещь: по всей Европе наблюдается всплеск интереса к подростковой фантастике, но в России, с ее богатыми литературными традициями в этой области, мы видим прямо противоположное.

«Фантастический элемент, как-жется, никогда не был так кстати в детской литературе, как именно в наше время, когда значительная часть подрастающего поколения проявляет уже вовсе не детскую практичность и сухо, холодно, с какой-то китайской формалистской относится ко всему окружающему... И тот, кто хочет влиять на ребенка, должен иметь дело с фантазией. Фантазия — доступ в мир ребенка».

Это цитата не из проблемной статьи современного критика. Слова эти были написаны более 120 лет назад писателем и педагогом П.В.Засодимским. Но сегодня, когда практически разрушены традиции детской и подростковой прозы (в том числе — фантастической), они оказываются более актуальны, чем в конце XIX века.

То, что фантастика занимает в чтении подростка значительное место, известный факт. Во многом благодаря игровому элементу, доминирующему в детской НФ-прозе, ребенок становится соучастником игры-приключения, игры-поиска, игры-познания. Вместе с героями книг подросток познает мир. И дело не только в этом. Существенное отличие детской и подростковой

литературы от «взрослой» состоит в том, что она является прямым продолжением педагогики, а значит, в ее основе лежат два базовых принципа: дидактика и воспитание. То есть вся подростковая литература во все времена опиралась на жюль-верновский завет «Развлекать — поучать». Как говорил просвещенный князь В.Ф.Одоевский, дискутируя с противниками сказки и фантастики в чтении детей: «Не-проснувшиеся более чем спят». Князь-литератор, сам автор множества сказок и фантастических повестей, справедливо считал, что именно фантастика пробуждает в ребенке многосторонний интерес к жизни, помогает «привести в движение орудие мысли».

На Западе это понимают, НФ-литература там заняла прочное место в школьных программах, к произведениям для детей и подростков относятся с особым трепетом.

А что же в России? Хорошая детская фантастическая проза — явление в современной словесности не просто редкое, а фантастически редкое. О сформировавшемся направлении или писательской школе (как, например, в той же западной традиции, да и в недавнем

нашем прошлом) говорить и вовсе не приходится. Понятие «фантастическая проза для детей и юношества» у нас связано с неприлично узким кругом имен, да и тот стремительно сокращается: нет уже в живых бесспорных классиков жанра Николая Носова, Кира Булычёва, Евгения Велтистова, Георгия Мартынова и Виталия Мелентьева; давно не работают в этой области Георгий Садовников и Анатолий Мошковский; не спешат издатели выпускать новые книги Владимира Малова; детская проза Владислава Крапивина все заметнее взрослеет, а другой талантливый уралец Павел Калмыков, мощно дебютировав в конце 80-х искрометной повестью «Школа мудрых правителей, или Истории Королятника», кажется, вообще отошел от активной литературной деятельности... Практически в гордом одиночестве пытаются противостоять энтропии жанра Андрей Саломатов и Тамара Крюкова, да есть еще около десятка «залетных» авторов.

В условиях почти полного вакуума в 2001 году была придумана премия «Алиса», присуждаемая за лучшее фантастическое произведение для детей. Затея благородная, но и сумасшедшая одновременно, — поддержать, с одной стороны, единицы отчаянных энтузиастов (и прежде всего, из числа молодых авторов) подростковой фантастики, а с другой — попытаться стимулировать развитие самого жанра. Но за несколько лет существования премии оказалось,

что список достойных ничтожно мал.

Абсурдность ситуации, сложившейся в российской детской литературе вообще и в фантастике в частности, особенно заметна на фоне активной работы по созданию специализированных справочников. Просто Кафка или Хармс какой-то получается: справочники есть, но вся система детского чтения, тщательно создаваемая десятилетиями, безнадежно рухнула.

И ладно бы за плечами не было традиции, истории, школы. Но в том-то и дело, что и первое, и второе, и третье существовало. Хотя порой и вопреки. Поэтому не лишним будет вспомнить опорные моменты отечественной НФ для детей и юношества.

Подростковой фантастике в нашей литературе как-то особенно не везло — все никак не получалось встроить ее в читательскую схему, выделить ей особую жердочку. И началось это отнюдь не в советские годы.

В течение почти всего XIX века педагогические и литературные журналы содрогались от бурных дискуссий о месте фантастического в подростковом чтении. В чем только не упрекали волшебную и фантастическую сказку (не одну лишь фольклорную, но и авторскую, вышедшую из-под пера Пушкина, Погорельского, Одоевского)! И в антипедагогичности, и в том, что фантастическое якобы «задерживает умственное развитие детей», «расслабляет волю

ребенка», путает его представление о реальности и т.д. и т.п. Даже Засодимский, цитатой из которого мы открыли нашу статью, в начале своей карьеры рьяно выступал за полный запрет сказки, за исключение всяческой «небывальщины» из литературы.

Активно и едва ли не в одиночестве противостоял нападкам на фантастическое в детском чтении В.Ф.Одоевский, утверждавший, что именно фантастика пробуждает в ребенке любопытство, интерес к знанию. И не просто противостоял, но создал принципиально новый жанр русской словесности — научную сказку (или научно-фантастическую, если хотите). В НФ-сказке «Городок в табакерке» (1835) писатель в увлекательной форме поведал об устройстве механизма музыкальной шкатулки, дал ребенку начальное представление о социальном порядке. И в изданном позже сборнике «Сказки дедушки Ириней» Одоевский до совершенства довел идею «Городка...» — через фантастическую грезу ввести ребенка в мир науки, возбудить его интерес к окружающему миру.*

Педагогический принцип отца русской НФ — «обучать на опыте, учить смотреть, проверять, воспитывать» — стал базовым для всей последующей отечественной фантастической прозы, адресованной детям и юношеству. Даже в эпоху, когда всю НФ рассматривали

как художественный придаток к научно-популярной литературе, «взрослые» фантасты могли отойти от установки «звать молодежь во вузы» и углубиться в экзистенциальные поиски Главного вопроса. Подростковая же фантастика была лишена такой роскоши. И в этом присутствовала своя логика (которую разделяет и автор этой статьи): детская НФ была и должна быть формой увлекательной учебной литературы, пробуждающей интерес к знанию, к наукам (и естественным, и гуманитарным), прививающей ребенку сложные социальные навыки.

Наиболее же активно НФ для детей и юношества (и прежде всего — научно-популяризаторская ее ветвь) стала развиваться после Октябрьской революции, в 1920-е годы. Любопытно, что этому способствовал запрет (хотя и кратковременный) на сказку, поскольку она — де пропагандировала «дореволюционные ценности». И на смену волшебникам пришли ученые, а волшебную палочку заменили чудеса техники. Хотя, надо сказать, герой-подросток в качестве главного действующего лица в фантастике 20-х годов встречался нечасто, разве что в утопической дилогии Иннокентия Жукова о путешествиях пионеров в далекое прошлое и не столь отдаленное будущее, а также в лучшей детской книге 20-х — социальном романе—

** На рубеже XIX—XX вв. созданный Одоевским жанр научной сказки получил широкое распространение, большой популярностью пользовались, например, НФ-сказки Н.П.Вазнера и В.П.Авенариуса. (Здесь и далее прим. авт.)*

сказке Юрия Олеши «Три Толстяка». Тем не менее ключевые произведения тех лет (и в первую очередь, повести Александра Беляева и романы Владимира Обручева) были ориентированы на юношескую аудиторию. К сожалению, это сыграло одновременно и недобрую службу самой НФ. Всю фантастику скопом стали записывать в раздел детской литературы, в результате чего произошло размывание возрастных границ, исчезла адресная направленность книг — при том, что цели и задачи писатели ставили разные.

В 30–е годы, отрабатывая социальный заказ (формирование нового человека), фантастика выводит на первый план героя–ребенка. Подросток становится «активным строителем коммунистического будущего», наряду со взрослыми он участвует в глобальных проектах, научных экспедициях (как в романе Г.Адамова «Тайна двух океанов»). Конечно, в те годы всю литературу, и в особенности детскую, подгоняли под идеологические установки, и подросткам приходилось не только увлеченно осваивать науку, но и с не меньшим энтузиазмом разоблачать вражеских шпионов («Арктания» Г.Гребнева). Причем последнее на какое-то время стало приоритетной задачей детской литературы. А подлинная, талантливо написанная образовательная фантастика пробивалась в печать с большим трудом.

В автобиографических заметках автор одной из лучших детских НФ-книг 30–х годов «Необыкновенные

приключения Карика и Вали» (1937) Ян Ларри красноречиво описал положение детского писателя в предвоенные годы: «Вокруг детской книги лихо канканировали компрачкосы детских душ — педагоги, «марксистские ханжи» и другие разновидности душителей всего живого, когда фантастику и сказки выжигали каленым железом... Мои рукописи так редактировали, что я и сам не узнавал собственных произведений, ибо кроме редакторов книги, деятельное участие принимали в исправлении «опусов» все, у кого было свободное время, начиная от редактора издательства и кончая работниками бухгалтерии... Всё, что редакторы «улучшали», выглядело настолько убого, что теперь мне стыдно считаться автором тех книжек».

Даже в безобидной, веселой истории о том, как чудачковатый профессор–биолог Иван Гермогенович Енотов изобрел препарат, позволяющий уменьшать предметы, а затем совершил увлекательно–познавательное, полное опасностей путешествие в мир растений и насекомых в компании с непоседливыми Кариком и Валей, «компрачкосы детских душ» усмотрели надругательство над «могуществом» советского человека, а заодно сформулировали задачу перед детскими писателями «на текущий момент»: «Неправильно принижать человека до маленького насекомого. Так волюно или неволюно мы показываем человека не как властелина природы, а как

беспомощное существо... Говоря с маленькими школьниками о природе, мы должны внушать им мысль о возможном воздействии на природу в нужном нам направлении».

Но и в эти непростые годы появлялись книги, ставшие жемчужинами подростковой литературы, не утратившие своего обаяния спустя более полувека — это и научно ориентированные «Ариэль» (1941) Александра Беляева и упомянутая повесть Ларри, и сказочно-фантазийные «Старик Хоттабыч» (1938) Лазаря Лагина, «Волшебник Изумрудного города» (1939) Александра Волкова, и полупародийные «Приключения капитана Врунгеля» (1937) Андрея Некрасова.

Уже к 1950-м годам познавательная функция подростковой НФ вновь стала доминирующей (буквально чудом проскочил остро-приключенческий, откровенно боевиковый «Звездный человек» Александра Полещука*). Даже в развеселой сказочной книге «Незнайка на Луне» Николай Носов не только высмеивает пороки капиталистического общества, но и знакомит юного читателя с астрономией и, в частности, с бытовавшей в те годы теорией полой Луны. И увлекательности чтения это ничуть не вредило.

1960-е годы открыли «золотую эпоху» отечественной детской НФ, протянувшуюся до середины 1980-х.

В эти годы в детской литературе яркими звездами вспыхнули имена Кира Булычёва, Владислава Крапивина, Евгения Велтистова, Виталия Губарева, Виталия Мелентьева, Георгия Мартынова, Петрония Гая Аматуни (хотя этот автор дебютировал еще в середине 40-х), Георгия Садовникова, Анатолия Мошковского, Софьи Прокофьевой, Александра Мирера... Произведения этих писателей хорошо знакомы читателям уже не одного поколения и пользуются неизменным успехом.

Детская и юношеская фантастика этих лет поражает не только обилием прекрасных, нисколько не утративших своей привлекательности произведений, но и многообразием литературных приемов, широтой тематического диапазона, глубиной проблематики. В 1960-е происходит слияние, синтез классической фантастики-приключенческой, научно-познавательной повести с другими жанрами юношеской литературы — например, с психологической школьной повестью (Владислав Крапивин, Владимир Малов), даже с рыцарским романом («Экспедиция в преисподнюю» С.Ярославцева и «Продавец приключений» Г.Садовникова); Ярославцев, Садовников и прежде всего Кир Булычёв смело вводили в ткань научно-фантастической истории сказочные элементы, наполняли сюжет множеством реми-

* Двумя годами позже А.Полещук выпустил лучшую свою вещь — «Великое дело, или Удивительная история доктора Механикуса и его собаки Альмы» (1959), выдержанную уже в традициях НФ об увлекательных изобретениях.

нисценций и отсылками к классическим произведениям.

Однако при явном усилении гуманитарной составляющей, подростковая НФ 60—70-х годов осталась верна формуле Одоевского — пробуждать в ребенке любопытство.

Наука все еще оказывала колоссальное влияние на подростковую литературу. Детские фантасты, как и взрослая НФ, стремились охватить весь спектр актуальных научных проблем, волновавших тогда общество — будь то стремительно развивавшаяся кибернетика (знаменитая трилогия Е.Велтистова про Электроника, «Демьянко Деревянко, или Приключения электронного мальчика» В.Бережного, «Атомик и кибернетический медведь» В.Бэкмана) или достижения в области физики (повести Татьяны Гнединой, «Остров тайн» В.Акентьева и Ю.Лобачева, «Остров неопытных физиков» К.Домбровского), а перечислять сочинения о космических полетах — рамки статьи не позволят.

И все-таки в то время писателей в большей степени беспокоил душевный мир ребенка, собственно социология детства. Дети уже не просто участники тех или иных научных событий, они действующие лица стремительно меняющегося мира, они зеркальное отражение мира взрослых.

К середине 1960-х подросток-читатель уже был готов воспринять серьезный разговор о проблемах вполне взрослых — например, о проблеме этического выбора в

экстремальной ситуации, когда важнее не твои знания в области физики или химии, а твои нравственные качества. А именно такие задачи предлагали решать героям и юному читателю Александр Мирер в «Главном полдне», Владимир Крапивин в большинстве повестей, братья Стругацкие в «Повести о дружбе и недружбе».

Эти произведения задали новую тональность всей подростковой фантастике, на их почве вызрела в 70—80-е педагогическая НФ Сергея Другаля (сборник «Тигр проводит вас до гаража»), Владимира Малова (повесть «Академия Биссектриса» и многие другие вещи этого автора), Эдуарда Геворкяна (повесть «Правила игры без правил»), Ивана Зююкина (сборник «Государство Школа»). Вряд ли погрешу против истины, если скажу, что жесткая детская проза рубежа 80—90-х (прежде всего имеются в виду нашумевшие повести Алексея Иванова «Охота на «Большую Медведицу» и Сергея Лукьяненко «Рыцари Сорока островов») берет истоки в той же фантастике 60—70-х: фантасты нового поколения вступили в открытый спор с писателями-шестидесятниками, рисовавшими «благостный» образ ребенка.

В 1990-е мы получили то, чего так страстно желали — освобождение литературы от государственного контроля. Взрослая проза, поэзия смогли вдохнуть полной грудью, расправить крылья — это да. Казалось бы, вот и словесность для детей, вырвавшись из-под ди-

ктата государственных установок «как писать и о чем писать», должна бы вспениться новыми яркими книгами, новыми талантливыми именами... Но, как ни парадоксально, произошло прямо противоположное. Подростковая литература избавилась не только от надзора цензоров, но и поддержки государства, без которой, как выяснилось, она нормально развиваться не может. И вся детская проза с ее оставшимися в прошлом традициями, вдруг начала стремительно хиреть, она попросту оказалась не готова к свободному плаванию. Она и не сможет свободно плыть: воспитание подрастающего поколения — задача, простите за пафос, государственная. Государство же освободило себя от такой утомительной обязанности. А результат? Социальная незащищенность детей — это лишь одна статья. Но есть еще и незащищенность духовная. А, как известно, существенную роль в формировании духовного мира ребенка играет именно литература. Но о чем мы можем говорить, если одним махом разрушили саму систему детского и подросткового чтения? В конце 1990–х — начале 2000–х годов закрылись оба Центральные Дома детской книги в Москве и Петербурге, здания отдали каким-то невнятным коммерческим структурам; половину детских библиотек постигла та же судьба, единственный профессиональный журнал «Детская литература» прекратил свое существование, а это значит, что подростковая сло-

весность ко всему прочему лишилась и собственной критико-литературоведческой базы. И жирный восклицательный знак в этом «переделе» поставил новый философский словарь из серии «Человек», авторы которого посчитали необязательным включать в него такие «лишние» понятия, как «Детство» и «Ребенок»...

И чего же мы можем ждать от растерявшихся детских писателей? Взрослая литература смогла подстроиться под требования нового времени, детская — нет. Попытка Эдуарда Успенского осветить свой популярнейший цикл за счет введения атрибутов дикого капитализма (бандюки-рэкетеры, олигархи и т.п.) привела к обрушению почти утопического, уютного мирка Детства под названием «Простоквашино».

Что же произошло, почему писатели вдруг растерялись? В беспредельные 1990–е рухнула система этических координат, а следом оборвалась, казалось, прочная связь между писателем и читателем-ребенком. Русские писатели просто уже не знали, на каком языке разговаривать с новым поколением. Даже великолепная трилогия Юлия Буркина и Сергея Лукьяненко «Остров Русь», написанная в лучших, классических, традициях подростковой НФ 60–80–х, имела весьма умеренный успех, несмотря на беспроектные имена-бренды.

Впрочем, не раз я слышал высказывания (причем писательские), что—де нынешняя фантастика настолько универсальна, а зна-

чит, вполне подходит и для детского–подросткового чтения. На мой взгляд, такая универсальность скорее говорит о недостатке сегодняшней фантастики, ее инфантильности, а вовсе не о достоинстве. Но проблема в том, что подросткам–то все же хотелось бы получать книги о своих сверстниках, о проблемах, которые актуальны для их возраста. Такой литературы им сегодня почти не дают, а выбирать не приходится. Как говорится: на безрыбье даже Пелевин...

Надо сказать, издатели честно пытались сохранить традиции детской НФ, но ни одна из книжных серий этой направленности не продержалась более двух–трех лет. Из десятков авторов, чьи книжки выходили в «Замке чудес» (Армада), «Чародеях» (ЭКСМО) и «Секретных файлах» (ЭКСМО), в детской НФ остались немногие — Андрей Саломатов, Тамара Крюкова, Валерий Роньшин, Марина и Сергей Дяченко, стремительно «взрослеющий» Андрей Белянин да Дмитрий Емец. А вот коммерческого успеха добился только последний из них — автор сюжетно лихих, но чудовищных с литературной точки зрения, откровенно подражательных повестей–окрошек из прочитанного ранее, а также бесконечной серии–клона про Таню Гроттер.

Мне могут возразить: «Ну как же! Ведь классику детской фантастики почти всю переиздали! Вот они — книги Булычёва и Крапивина!». И долго детей держать на заплатах (пусть даже золотых) про-

шлого? А где новые Булычёвы и Крапивины?!

Конечно, время от времени вдруг появляются талантливые книги, яркие имена, но, оставшись без внимания читателей и, прежде всего, профессиональной критики, столь же стремительно исчезают.

Иллюзию существования жанровой прозы для подрастающего поколения обеспечивают разве что книжные серии безликого «детского хоррора» — «Ужасные истории» и «Страшилки». Повести, публикующиеся в этих сериях, походят одна на другую, как две песчинки на пляже, да и написаны на редкость убогим языком. Неужели это и есть то, что хочет читать современный подросток? Или им просто ничего не предлагают взамен? К сожалению, не могу ответить на этот вопрос. Как не могу быть уверенным в том, что через год учредители премии «Алиса» смогут найти достойного претендента на получение этого приза.

А ведь сегодня как никогда подросток нуждается в писателях, способных пробудить в нем любопытство. Может, что-то изменится, но только после того, как государство вспомнит, что большую многонациональную страну Россию населяют не только взрослые дяди и тети с их проблемами, но и главная из наций планеты — дети, а список глобальных национальных идей пополнится еще одной: развитие русской детской литературы.

ПОДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА

Героям Дугласа Адамса для поиска ответа на Главный вопрос пришлось создать супермощный компьютер. Писатель-фантаст Александр Громов поступил проще: он обратился за помощью к любителям фантастики, предложив им поразмышлять на тему: «Куда бы вы отправились, появившись у вас такая возможность, за ответом на Главный вопрос, интересующий человечество?». 880 человек вызвались помочь писателю Громову, а ответы распределились следующим образом.

В космос — 7%; в иное измерение либо в параллельные миры — 5%; вперед либо назад по временной шкале — 7%; главное всегда на Земле — 12%; пусть мне сначала сформулируют этот Главный вопрос, а уж тогда я подумаю — 46%; никуда, поскольку не верю, что такое знание пойдет кому-то на пользу — 10%; никуда, поскольку ответ мне известен — 10%.

Подозреваю, что любой социолог, наострившийся в составлении опросных листов, сморщится и фыркнет, увидев эту анкету. Ведь она заведомо неполна — это первых, а во-вторых, не справляется с делением респондентов на четко выраженные группы. И в-третьих, вопрос поставлен сознательно нечетко. Ну нельзя вкладывать вопрос в вопрос — это не матрешка!

Скажу, однако, сразу: я получил результат, который почти удовлетворил мое любопытство.

Что такое этот Главный вопрос? «В чем смысл жизни?» «Одиноки ли мы во Вселенной?» «Что первично — материя или сознание?» «От какого пива не толстеют?» Выбирайте сами. У меня есть свой вариант, но обнародовать его совершенно ни к чему. Я не полно-

мочный представитель Высших Сил на планете Земля, и мой вариант ничуть не лучше других.

Ясно лишь следующее: а) Главный вопрос должен быть корректен (вспоминаем Азимова: «Чтобы правильно задать вопрос, надо знать половину ответа»); б) ответ на Главный вопрос должен быть адекватно воспринят нашим несовершенным разумом ибо мало кого устроит знаменитое «сорок два» Адамса; в) этот ответ при минимальных усилиях с нашей стороны должен дать ответы на другие важнейшие вопросы.

Все это, однако, риторика. Если бы я в самом деле хотел знать, какой вопрос большинство народонаселения считает Главным для человечества, я бы не постеснялся спросить об этом прямо. Для меня важнее другое: больше половины

респондентов явно или неявно рискнули сами определить, что является важнейшим для нашей цивилизации!

А кто попал в те 46% осторожных, что предпочитают посидеть дома до «гласа свыше»? Заскорузлые обыватели? Лентяи? Осмотрительные прагматики? Люди с повышенной ответственностью за судьбу человечества? Глубокомудрые философы, уклоняющиеся в манию ничтожности?

Все они там. Не собираюсь ни ругать их скопом, ни делить на овноы и козлиц, дабы расшаркаться перед первыми и заклеить вторых. Но твердо знаю одно: если бы опрос проводился не среди любителей фантастики, а среди «населения вообще», этот процент был бы куда выше. И уж конечно, не за счет философов и ответственных.

С другой стороны — суньте под гильотину мою буйну головушку, если бы лет 40 назад данный вариант ответа набрал хотя бы 30 процентов...

Все уже поняли, куда я клоню и почему предложил тему, пригодную, скорее, для авантюрного романа с философской подкладкой? Мне интереснее вы, читатели фантастики, а равно и фантастика, оказывающая на вас — смею надеяться — какое-никакое воздействие. Своя рубаха, как водится, ближе к телу. А интереснее всего было получить ответ на вопрос: «Все ли еще фантастика учит чи-

тателя думать?». Наивно было бы ждать точного ответа, задай я этот вопрос напрямую.

И приятный мне ответ получен: все-таки учит она, подлюка, думать. Все-таки дергает читателя за какие-то ниточки. Несмотря на...

На что — сами понимаете. На откровенную безмозглость довольно значительной части обрушившегося на читателя девятого вала фантастики, на оголтелый эскапизм, на подмену интригующей проблемности голой развлекательской. Надо признать: массовый читатель 60—70-х годов прошлого века потерян нашей фантастикой бесповоротно. Космические корабли не выходят на деритринитацию, яблони на Марсе отчего-то не цветут, инопланетяне не объявились, снежный человек — и тот затаился и не высовывается. Обманула фантастика, наобещав с три короля. Вместо Великого Кольца пожевал прямо из Средневековья опоясанный шахид. Приехали.

Думать о чем-то, выходящем за рамки прокорма семьи, тоже особенно некогда. Решать выдуманные проблемы, имея тьму нерешенных реальных проблем, — не хочется. Чего же хочется усталому человеку, сохранившему привычку читать вечером на диване? Ясное дело — отдыха.

Но в таком случае чем же фантастика отличается от приключенческой и детективной литературы? Тем, что действие происходит в выдуманном мире? Тем, что реаль-

ный бандит вполне зрим — вон он на «феррари» покатил куда-то, — а для невезучих даже осязаем, в то время как узреть орка можно лишь в белой горячке?

И только-то? Маловато будет, как сказал бы герой популярного мультфильма.

Не стареет ли сама фантастика как явление? Нет ведь в мире ничего вечного. Жизненный путь и человека, и любой созданной человеком структуры, и литературного направления всегда распадается на ряд одних и тех же этапов: мучительное рождение — бестолковое детство — бурный период молодости — творческая зрелость — маразм крепчает — маразм окреп — труп закопали. Предпоследняя стадия (привет Паркинсону) может затянуться надолго.

Не в ней ли мы нынче находимся?

Похоже, что еще нет. И ответы на мой вопрос, обращенный к поклонникам жанра, укрепили меня в этом убеждении. Спасибо. Значит, еще не пора переквалифицироваться в управдомы.

Первые три варианта ответов, набравшие 7, 5 и 7 процентов соответственно, удивляют не слишком. И космос, и параллельные миры, и линейка времени — все это законные «пастбища» фантастики. Не собираюсь указывать, где лучше пастись, выбирайте по вкусу. Вариант «главное всегда на Земле», набравший целых 12%, также вполне респектабелен. Возможно,

нам просто-напросто следует пристальнее взглянуть в себя, любимых? Или, допустим, обратиться к Всевышнему, для чего нет никакой нужды отправляться к мамонтам или на Дзету Возничего.

Совершенно нормально, что каждый десятый не верит в то, что знание ответа на Главный вопрос принесет пользу. И тут можно долго спорить о том, что предпочтительнее: «Кто ты такой, чтобы рисковать всем, в том числе мною?» или «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». Лично мне кажется, что после получения ответа просто-напросто возникнет другой Главный вопрос. Свято место пусто не бывает. Хотя неприятные «переходные процессы» в человечесстве очень даже возможны.

Ну и наконец то, что вогнало меня в оторопь: каждый десятый респондент уверен, что ему известен ответ. Даже если предположить, что многие выбрали этот вариант «по приколу» или, допустим, из религиозных убеждений, все равно останется сколько-то тех, кто внутренне готов к роли мессии. А может, журнал «Если» читают прячущиеся среди людей представители высокоразвитых цивилизаций? Так вы прячьтесь лучше, не демаскируйте себя!

Но если вы человеки — не откажите, пожалуйста, в любезности сообщить мне при случае Ответ. А заодно и Вопрос. Буду признателен.

Александр ГРОМОВ

Известные

ученые, академики Сергей Капица и Владимир Фортов решили попытаться всерьез обсудить вероятность реализации футуристических прогнозов писателей-фантастов. Основой для проходившего в Москве «круглого стола» на тему «Перспективы развития цивилизации: насколько далеко можно увидеть будущее?», организованного академиками, стали знаменитые таблицы прогнозов Артура Кларка. В ходе дискуссии было отмечено, что хоть и не все предсказания британского фантаста осуществились ныне, однако многое было определено точно: в частности, появление интернета (у Кларка — всемирная библиотека) и высадка космических автоматов на планеты Солнечной системы. Радует сам факт, что теперь не только фантастика обращается к науке, но и наоборот.

Вручены премии

британской киноакадемии BAFTA. Часть премий, которые в кинемире считаются предвестниками «Оскара», получили и фантастические ленты. На церемонии 19 февраля были отмечены «Гарри Поттер и Кубок Огня» (лучший дизайн), «Кинг Конг» (лучшие спецэффекты) и «Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и платяной шкаф» (лучший грим). Специальную премию (лучший британский фильм года) получила лента Ника Парка «Уоллес и Громит: Проклятие кролика-оборотня». Возможно, эта премия подняла настроение режиссеру, ведь в октябре прошлого года пожар почти уничтожил студию Aardman Animations, где Парк снимал все свои фильмы. Пропажа сотен кукол и декораций цикла мультфильмов о неразлучной парочке, по словам режиссера, все же не заставит его отказаться от продолжения работы над очередными приключениями Уоллеса и Громита. Наоборот, считает Парк, когда начинаешь все сначала — появляется много новых идей и сценарных решений.

Создание спецэффектов

приравняли к научным достижениям. Президент США Джордж Буш вручил знаменитой студии Industrial Light & Magic, когда-то основанной Джорджем Лукасом, «Национальную медаль за технологию». Эта награда достается выдающимся ученым и компаниям, чьи научные и технические достижения вносят наибольший вклад в американскую экономику. Такими достижениями за 2005 год

правительство США посчитало спецэффекты к «Хроникам Нарнии» и «Войне миров».

Масштабный

проект по экранизации Федором Бондарчуком повести Стругацких «Обитаемый остров» обрел вторых сценаристов. Фантастика оказалась настолько специфическим жанром, что на помощь Эдуарду Володарскому пришлось призвать профессионалов жанра — Марину и Сергея Дяченко, которые и представили режиссеру окончательную версию сценария. О подробностях работы над киноверсией культовой повести — в одном из ближайших выпусков рубрики «Видеодром».

Параллельно начата работа над экранизацией романа самих Дяченко — «Ведьмин век». Руководит проектом известный продюсер Александр Роднянский. В процессе подготовки киевские авторы написали девять вариантов сценария.

Робот-андроид,

копия фантаста Филипа Дика, построенный с использованием всех последних достижений в области роботехники и искусственного интеллекта (см. подробности в «Курсоре», «Если» № 10, 2005 г.), был похищен злоумышленниками во время транспортировки уникального механизма по Америке в начале января. «Технология» похищения не разглашается в целях сохранения тайны следствия.

Создан

новый англоязычный онлайн-журнал фантастики «Механическая Муза» (MechMuse), в котором все тексты — рассказы, повести, эссе, интервью — будут представлены в аудиоформате. Полный объем материалов — от 10 до 15 часов звучания. Кроме того, издатели обеспечили легкую «заливку» журнала в компьютеры-«наладонники». Стоимость одного ежемесячного выпуска — около 5 долларов.

Полнометражный

3D-анимационный мультфильм, возможно, будет снят по дилогии Сергея Павлова «Лунная радуга». Подготовку к запуску проекта ведет студия компьютерной анимации «Пилигрим». Напомним, что первая часть дилогии уже имеет игровую экранизацию: в 1984 году режиссеры А.Ермаш и В.Карпичев сняли фильм «Лунная радуга».

Агентство F-пресс

КАЛУГИН Алексей Александрович

Коренной москвич Алексей Калугин родился в 1963 году. Отслужив в рядах Советской армии, закончил Институт инженеров пищевой промышленности, после чего в течение нескольких лет работал по специальности в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР.

Первое выступление в жанре — роман «Лабиринт» (1996), вскоре превратившийся в трилогию, за которой последовали еще два мини-сериала: «Резервация» (1997) и «Точка Статуса» (1998—1999). Перу А.Калугина принадлежат романы «Темные отражения» (1999), «Снежная слепота» (2001), «Мир без солнца» (2002), «Между центром и пустотой» (2004), «Дом на болоте» (2005), «И черт с нами» (2005), а также сборники рассказов и повестей «Специалист по выживанию» (1999), «Патруль вызывали?...» (1999), «Не сотвори себе врага» (2000) и «Время — назад!» (2005). В 2005 году писатель выступил в роли редактора-составителя, подготовив тематическую антологию «Новые марсианские хроники».

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

Писатель-фантаст и эссеист Святослав Логинов родился в 1951 году в городе Уссурийск-Приморский, но всю жизнь прожил в Ленинграде—Санкт-Петербурге. Высшее образование получил на химфаке Ленинградского государственного университета.

В 1974 году С.Логинов стал членом семинара Б.Н.Стругацкого. Годом позже состоялась и первая публикация — рассказ «По грибы». В 1983-м рассказ «Цирюльник» удостоился приза «Великое Кольцо». Книжный дебют писателя задержался до 1990 года, но тогда увидели свет сразу два авторских сборника — «Быль о сказочном звере» и «Если ты один». Широкая известность к С.Логинову пришла после выхода романа «Многорукий бог далайна» (1995), принесшего автору сразу три премии — Беляевскую, «Интерпресскон» и «Золотой Дюк», а также репутацию одного из ярких представителей отечественной фэнтези. С тех пор питерский фантаст издал десять романов — «Черная кровь» (1996; в соавт. с Н.Перумовым), «Колодезь» (1996; премия «Большой Зилант»), «Картежник» (2000), «Железный век» (2001), «Свет в окошке» (2002, роман собрал целый букет премий — «Странник», «Роскон», «Русская фантастика», «Большой Зилант»), «Имперские ведьмы» (2004) и другие.

ЛУКЬЯНЕНКО Сергей Васильевич

Самый «тиражный» российский фантаст Сергей Лукьяненко родился в 1968 году в казахском городке Каратау. Закончил Алма-Атинский государственный институт по специальности психиатр. Работал журналистом в газете, редактором журнала фантастики «Чудеса и диковины» (впоследствии «Миры»). С 1994 года он занимается только литературной работой. В 1997-м получил российское гражданство и переехал из Алма-Аты в Москву.

Дебютировал С.Лукьяненко рассказом «Нарушение» в журнале «Заря».

Наиболее известные книги автора: «Рыцари Сорока Островов» (1992), трилогия «Лорд с планеты Земля» (1995), «Осенние визиты» (1997), дилогия «Лабиринт отражений» (1997) и «Фальшивые зеркала» (1999), дилогия «Звезды — холодные игрушки» (1997) и «Звездная Тень» (1998), «Геном» (1999), «Танцы на снегу» (2001), «Спектр» (2002), «Черновик» (2005), трилогия о Дозорах (1998—2004), которая после выхода в прошлом году «Последнего Дозора» превратилась в тетralогию. Кроме того, ряд книг фантаст написал в соавторстве с коллегами: с Ником Перумовым — «Не время для драконов» (1997), с Юлием Буркиным — подростковая трилогия «Остров Русь» (1996), с Владимиром Васильевым — «Дневной Дозор» (2000).

Лукияненко в разные годы становился лауреатом почти всех жанровых премий: «Сигма-Ф», «Интерпресскон», «Странник», «Аэлита», «Золотой кадудцей», «Роскон» и других. В 2003 году на международной конференции «Еврокон», проходившей в финском городе Турку, Сергей Лукияненко был удостоен звания «Лучший писатель Европы», а в 2004-м в Пловдиве (Болгария) получил еще одну премию от Европейского конгресса фантастов — уже как сценарист фантастического кино.

МОРРИССИ Джон (MORRESSY, John)

Американский писатель и ученый-филолог Джон Моррисси родился в 1930 году и после окончания университета занимался преподаванием литературы и языка.

В 1960-е годы профессор Моррисси начал писать прозу и после публикации двух нефантастических романов дебютировал в жанре научной фантастики рассказом «Точность» (1971). Начиная Моррисси с «космических опер», главной из которых стала серия о Деле Уитби, куда вошло шесть романов — «Звездное отродье» (1972), «Пригвоздить звезды» (1973), «Под вычисленной звездой» (1975) и другие. В 80-е годы писатель переключился на фэнтези, представленную ныне двумя циклами — «Железный ангел» и «Кедригерн». Всего к настоящему времени на счету писателя-ветерана 19 романов и более полусотни рассказов в периодике и антологиях.

ОЛДИ Генри Лайон

Генри Лайон Олди — коллективный псевдоним харьковских фантастов и публицистов Дмитрия Евгеньевича Громова и Олега Семеновича Ладыженского. Оба автора родились в марте 1963 года.

Дмитрий Громов получил высшее образование в Харьковском политехническом институте по специальности «Технология неорганических веществ», после чего поступил в аспирантуру, но диссертацию защищать не стал — в то время Д.Громов уже окончательно заразился любовью к фантастике и сочинительству. В 1991 году появилась первая публикация в жанре — рассказ

«Координаты смерти» и первые совместные работы с Олегом Ладыженским (под псевдонимом Г.Л.Олди).

Олег Ладыженский родился в театральной семье, поэтому с будущей профессией определился сразу: он закончил Харьковский государственный институт культуры по специальности режиссер театра и с 1984 года работает на два фронта — пишет фантастику и ставит спектакли в театре «Пеликан».

Первое совместное произведение Громов и Ладыженский написали в 1990 году, это был рассказ «Кино до гроба и...». Уже в следующем году увидели свет книги творческого дуэта — «Витражи Патриархов» и «Страх». Известность авторам принес цикл «Бездна Голодных Глаз», состоящий из восьми романов и повестей. Среди других книг Г.Л.Олди — «Путь меча» (1995), «Пасынки восьмой заповеди» (1996), «Нам здесь жить» (1999), «Маг в законе» (2000), «Орден Святого Бестселлера» (2002). Вместе с М. и С.Дяченко и А.Валентиновым они написали романы «Рубеж» (1999) и «Пентакль» (2004). В наградном списке харьковского дуэта премии «Сигма-Ф», «Золотой кадуцей», «Роскон» и другие.

ПОЛУНИН Николай Германович

Николай Полунин родился в 1961 году в Москве. Ныне живет в Тверской области. В 1980-е был участником ВТО МПФ, в печати дебютировал в 1989 году фантастическим рассказом «Это был...», опубликованном в «Искателе».

С середины 1990-х живет исключительно за счет литературы. Перу Н.Полунина принадлежат шесть романов — трилогия «Харон», «Цербер» и «Орфей» (1999), дилогия «Бастион ЭОС» (2003) и «Галактический скунс» (2004), «Новая Василиса» (2003); повести «Дождь» (1990) и «Коридор огней меж двух зеркал» (1990), а также несколько рассказов.

РОБИНС Мадлен (ROBINS, Madeleine E.)

Американская писательница Мадлен Робинс родилась в Нью-Йорке в 1953 году. Закончив колледж в штате Коннектикут с дипломом театроведа, она начала писать — сначала любовные романы и детективы, а затем, после посещения семинара молодых писателей Clarion (не путать с семинаром молодых фантастов, который также называется Clarion), переключилась на фэнтези и научную фантастику.

Первый НФ-рассказ «Пассажир» опубликовала в 1982 году. С тех пор Робинс, освоив несколько профессий (от банковского служащего до «литературного негра»: у американцев это называется ghost writer — «писатель-призрак»), выпустила один фантастический роман «Каменная война» (1999) и более десятка фантастических рассказов. В настоящее время проживает с мужем и детьми в Сан-Франциско.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 50 рублей за номер, включая стоимость почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство. Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

В ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

В ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.

000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ПОДПИСКА

второе полугодие 2006 года

**Тем из наших подписчиков, кто предпочитает
традиционный маршрут подписной кампании,
мы готовы предложить «Если»
в любом из двух каталогов**

**Цена подписки на второе полугодие в обоих
каталогах одинакова — 318 рублей**

Индекс — 73118

**Подписка на журнал проводится
во всех отделениях связи**

ISSN 1680-645X

06004

9 771680 645003

>